

А.Н. АФАНАСЬЕВ

ЖИВАЯ ВОДА
И ВЕЩЕЕ СЛОВО

А.Н. АФАНАСЬЕВ

ЖИВАЯ ВОДА
И ВЕЩЕЕ СЛОВО

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА АТЕИСТА

Москва
«Советская Россия»
1988

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА АТЕИСТА

А.Н. АФАНАСЬЕВ

ЖИВАЯ ВОДА
И ВЕЩЕЕ СЛОВО

Москва
«Советская Россия»
1988

Составление, вступительная статья,
комментарии
кандидата филологических наук
А. И. Баландина

Художник А. В. Денисов

Ж $\frac{4702010100-104}{M-105(03)88}$ КБ—51—60—1987

ISBN 5—268—00848—х

© Издательство «Советская Россия», 1988 г.

НАУЧНЫЙ ПОДВИГ А. Н. АФАНАСЬЕВА

В конце 1871 г. А. А. Фет, в то время безвыездно живший в своем орловском имении, уведомил И. С. Тургенева, что он выходит из Литературного фонда, ибо не знает в России ни одного нуждающегося литератора. «Это происходит оттого, — ответил ему 8 января 1872 г. Тургенев, — что Вы их вообще мало знаете. Укажу Вам на один пример. Недавно А. Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться тогда, когда наши с Вами, любезный друг, давно уже пожрутсЯ мраком забвения»¹. Этот эпизод из переписки Тургенева с его знаменитым земляком вспоминается каждый раз, когда обращаешься к творческому наследию ученого.

Тургенев едва ли преувеличивал, сообщая своему корреспонденту о горестной судьбе Александра Николаевича Афанасьева. Крупнейший ученый, чьи труды еще при жизни доставили ему мировую известность, действительно умер в безысходной нужде и бедности. Москвичи узнали о его кончине лишь неделю спустя после похорон, да и то из петербургских газет.

Слова же Тургенева о научных заслугах Афанасьева оказались поистине пророческими. Специалисты и раньше знали его как блестящего исследователя народной поэзии и мифологии, русской литературы и журналистики, теоретические работы которого отличались цельностью общей концепции, богатством и глубиной анализа фактического материала. Афанасьев и сегодня остается наиболее ярким представителем отечественной филологической науки XIX в.

---

¹Цит. по: Фет А. Мои воспоминания. 1848—1889.— М., 1890.— Ч. II.— С. 246.

Его, неоднократно переиздававшийся, знаменитый сборник «Народные русские сказки» до сих пор остается одним из лучших популярных и читаемых фольклорных собраний.

Научная деятельность Афанасьева носила ярко выраженный демократический характер. Нужно было беззаветно и преданно любить свой народ, верить в его великое будущее, чтобы посвятить всю свою жизнь изучению его многовековой культуры — от ее истоков до современности. Именно таким человеком и был Афанасьев.

* * *

В 1834 г. уездный стряпчий города Боброва Воронежской губернии Николай Афанасьев обратился в духовную консисторию с просьбой выдать ему свидетельство о рождении сына Александра. В метрической книге за 1826 г. была сделана следующая запись: «Города Богучара у титулярного советника Николая Иванова сына Афанасьева от жены Варвары Михайловны родился сын Александр двенадцатого июля...»¹ Этот документ, пролежавший в архиве свыше ста пятидесяти лет, не только уточняет дату рождения Афанасьева (до сих пор считалось, что он родился 11 июля), но и сообщает точные сведения о его родителях.

В декабре 1828 г. Николай Иванович Афанасьев, служивший последние годы в Богучарском земском суде, получил новое назначение, и семья переехала в город Бобров, где и прошли детские и юношеские годы будущего ученого. Из воспоминаний Александра Ни-

---

¹ Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 418, оп. 13, ед. хр. 154, л. 79.

колаевича, написанных в середине 1850-х гг.¹, известно, что он довольно рано лишился матери и все заботы о детях (их было семеро) легли на плечи отца. Человек яркий, по-своему талантливый, Николай Иванович, хотя и был воспитан «на медные деньги», ценил образование и стремился дать его своим детям. Для этого он не жалел никаких средств.

Но, несмотря на все усилия отца, первоначальное образование Афанасьев получил менее чем скромное. И это не удивительно: денег на домашних учителей в семье не хватало. Чтению и письму его обучил преподаватель уездного училища, а потом вместе со старшим братом и другими сверстниками он поочередно занимался у двух местных попов — отцов Иванов, которые выучили его лишь бегло читать по-русски и по-латыни, познакомили с началами священной истории и арифметики.

Вскоре отец был вынужден отказаться от услуг «учителей», получавших по золотому в месяц, и мальчик стал учиться дома опять под руководством одного из педагогов уездного училища.

В «методике» преподавания мало что изменилось, за исключением, конечно, таскания за волосы и других телесных наказаний. К тому же новый педагог «за пьянством» занимался с Афанасьевым «весьма плохо». Правда, он научил будущего ученого читать и писать по-немецки.

В 1837 г. Афанасьев поступил в воронежскую губернскую гимназию. Годы пребывания в этом учебном

---

¹ Воспоминания Афанасьева впервые были опубликованы в журналах «Русский архив» (1872.— Вып. 3 и 4.— Стлб. 809—852) и «Русская старина» (1886.— Авг.— С. 354—394). Последняя перепечатка в кн.: Афанасьев А. Н. Народ — художник: Миф. Фольклор. Литература.— М., 1986.— С. 259—319. Цит. по этому изданию с указанием страниц.

заведении мало что дали, хотя он и закончил гимназический курс одним из лучших. Судя по тем же воспоминаниям Александра Николаевича, в гимназии насаждалась палочная дисциплина, в преподавании господствовала схоластика, основным методом усвоения знаний оставалась зубрежка, своеволие и невежество учителей, казалось, не знали границ. Столь низкий уровень преподавания не мог удовлетворить юношу. Поэтому он с большим усердием и настойчивостью недостатки гимназического образования восполнял самообразованием, прежде всего чтением художественной и специальной литературы. Школьные каникулы, которые Афанасьев-гимназист обычно проводил в Боброве, целиком посвящались чтению. А книг в доме по тем временам было довольно много. Хорошая библиотека осталась после деда, которую отец Александра Николаевича бережно хранил, постоянно выписывал «Библиотеку для чтения», у знакомых брал «Отечественные записки», «Москвитянина», «Пантеон», другие периодические издания.

Через семь лет, в 1844 г., Афанасьев закончил гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. По-видимому, лишь усиленные самостоятельные занятия помогли ему «пополам с грехом», как он признавался впоследствии, выдержать вступительные экзамены. Факультет был избран, вероятно, по настоянию отца, весьма ревностно относившегося к своей профессии.

О пребывании в Московском университете Александр Николаевич рассказал в уже упоминавшихся воспоминаниях. Из них мы узнаем и о том чувстве одиночества, какое испытал он в первые годы студенческой жизни, и о том, как впоследствии «с юношеским жаром привязался к университету». В мемуарных записках даются развернутые характеристики тех профессоров и преподавателей, лекции которых ему приходилось слушать.

На юридическом факультете в то время преподавали такие известные ученые, как Н. И. Крылов, П. Г. Редкин, С. И. Баршев, Ф. Л. Морошкин, С. П. Шевырев, Т. Н. Грановский. Запомнились Афанасьеву лекции по русской истории С. М. Соловьева и по истории русского законовещения К. Д. Кавелина.

К сожалению, в воспоминаниях Александр Николаевич ничего не говорит о тех трудностях, которые ему пришлось испытать в университете, — теперь хорошо известно, что студенческая жизнь его была совсем нелегкой. Главное заключалось в материальных лишениях. Отец присылал сыну деньги, но их едва хватало, в сущности, на пропитание. И приходится лишь удивляться тому, что Афанасьев выкраивал из своего скудного бюджета часть денег еще и на покупку книг.

Афанасьев и в детстве отличался сильным, волевым характером, завидной целеустремленностью. В университете эти качества проявились в полной мере. С поразительным трудолюбием овладевал он знаниями, внимательно слушал лекции, сверяя изложение материала со всеми доступными ему научными публикациями. Для молодого студента это было чрезвычайно важно, ибо предстояло, наряду с выбором специализации на факультете, определить и общее направление своих будущих занятий, о которых он уже тогда серьезно задумывался.

Судя по воспоминаниям, симпатии Афанасьева сразу же завоевал адъюнкт юридического факультета Кавелин, впоследствии крупный ученый и государственный деятель, один из основоположников так называемой историко-юридической школы. Читая студентам историю русского законовещения, Кавелин стремился раскрыть внутреннюю связь истории страны с историей народа, установить преемственность далекого прошлого с современностью. Для своих историко-юридических построений он широко привлекал фольклорно-

этнографический материал, показывая его реальную бытовую основу. На третьем курсе произошло личное знакомство Афанасьева с Кавелиным. Вскоре между ними устанавливаются дружеские отношения.

Под руководством К. Д. Кавелина Афанасьев приступает к самостоятельным научным занятиям. Об их характере мы можем судить по его первым публикациям, с которыми он выступил в печати незадолго до окончания университета. Так, в 1847 г. в «Современнике» была опубликована большая статья Афанасьева «Государственное хозяйство при Петре Великом» (№ 6 и 7), сразу же обратившая на себя внимание литературной общественности. В. Г. Белинский назвал ее в переписке с В. П. Боткиным и К. Д. Кавелиным «очень дельной», но «более ученой, нежели журнальной». Критик отметил также, что «составление ее стоило автору невероятных трудов»¹.

Трудолюбие Афанасьева, его способность к исследовательской работе были замечены и на факультете. Перед ним открывалась возможность заняться научно-педагогической деятельностью на кафедре истории русского законодательства, что отвечало, конечно, и желанию самого Афанасьева. Но случилось непредвиденное.

В связи с намечавшейся на сентябрь 1848 г. ревизией Московского университета Министерством народного просвещения на факультетах предполагалось организовать показательные лекции наиболее способных студентов, а именно тех, кого в будущем ожидала профессорская карьера. Афанасьеву было поручено выступить с лекцией «О влиянии государственного (самодержавного) начала на развитие уголовного права в XVI и XVII столетиях на Руси». Тема была тесно

---

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. XII.— С. 419—435.

связана с научными разысканиями Александра Николаевича тех лет.

Время, о котором идет речь, вошло в историю России как период наступления жесточайшей реакции, вызванной страхом правительства перед французской революцией 1848 г. Университеты не без оснований рассматривались правительством как рассадники крамольных идей. Поэтому и не удивительно, что ревизовать Московский университет прибыл сам министр народного просвещения граф С. С. Уваров.

Министр присутствовал и на показательной лекции Афанасьева. Он сделал несколько замечаний молодому лектору, с которыми тот, однако, «не догадался сейчас же согласиться»¹. В отчете о посещении гр. С. С. Уваровым Московского университета русский историк М. П. Погодин отметил, что Афанасьев явился в своей лекции «полным представителем новых воззрений на историю»². «Печатно отзывался он о моей лекции с равнодушным хладнокровием, а в непечатных отзывах — по слухам — куда недоставало этого хладнокровия»³, — сообщал Афанасьев отцу 26 октября 1848 г. Но иного отношения к его лекции не могло и быть: в ней он раскрывал значение самодержавия в установлении и развитии в России крепостного права. Это и сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе Афанасьева. С надеждами на университетскую кафедру было покончено навсегда.

---

¹ Письмо Афанасьева к отцу от 26 октября 1848 г. — Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 279, оп. 1, ед. хр. 1059, л. 2.

² Москвитянин. — 1848. — Ч. V. — № 9. — С. 7. — «Новые воззрения» на русскую историю, с которыми вели борьбу М. П. Погодин и С. П. Шевырев, принадлежали историко-юридической школе К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева.

³ ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 1059, л. 2.

История с публичной лекцией проливает, между прочим, некоторый свет и на общественные воззрения ученого тех лет, о которых мы до последнего времени знали очень и очень мало. Она вносит некоторые коррективы в установившееся мнение об Афанасьеве как «умеренном западнике и сдержанном либерале». Окончательно же развенчивает это представление сохранившийся «Дневник» Афанасьева, который лишь сейчас становится достоянием исследователей. Дневниковые записи свидетельствуют о демократических убеждениях ученого уже в университетскую пору его жизни. В разгоревшейся борьбе между западниками и славянофилами он принимает сторону Белинского, отдавая должное общему направлению его литературно-критических работ и тонкому эстетическому вкусу¹.

После окончания университета найти постоянное место работы оказалось совсем не просто. Афанасьев пытается устроиться в Московскую практическую академию коммерческих наук, Лазаревский институт восточных языков, но безуспешно. Наконец, ему удается поступить в частный пансион Эннеса, где он и начинает вести уроки истории и русской словесности.

В ноябре 1849 г. при содействии профессора Н. В. Калачова Афанасьев поступает на службу в Московский Главный архив Министерства иностранных дел, в котором остается до 1862 г. Человек редкой работоспособности, повышенного чувства долга, обязательный даже в мелочах, он уже в 1855 г. занимает должность начальника отделения архива, а затем правителя дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Для Афанасьева это было счастливое время непрерывных научных поисков, напряженного твор-

---

¹ См.: Лазутин С. Г. Дневник А. Н. Афанасьева // Подъем. — 1973. — № 4. — С. 153—160.

ческого труда. Служба в архиве, связанная с изучением и подготовкой к печати исторических документов, постоянно обогащала Афанасьева фактическими знаниями и во многом способствовала его научным разысканиям.

Большинство работ Афанасьева, опубликованных в те годы в «Современнике», «Отечественных записках», других периодических и специальных изданиях, было посвящено исследованию историко-юридических вопросов. К русской истории, древней и новой, Афанасьев проявлял живой интерес на протяжении всей своей жизни. Но особенно много и плодотворно он занимался этим в начальный период своей научной деятельности. К этому его побуждал, между прочим, и повышенный спрос на исторические сочинения крупнейших журналов того времени, о чем свидетельствуют, в частности, письма к нему Н. А. Некрасова¹. Они буквально заполнены просьбами присылать в редакцию «Современника» рецензии и критические отзывы на выходящие из печати книги исторического содержания. И Афанасьев рецензировал наиболее значительные труды по русской истории и истории права, сборники историко-юридических документов, писал годичные обзоры исторической литературы, составлял указатели статей к отдельным периодическим изданиям и т. д.

С начала 1850-х гг. Афанасьев в своих исследованиях все чаще обращается к вопросам народного поэтического творчества и мифологии. Его первая работа в этой области «Дополнения и прибавления к собранию «Русских народных пословиц и притчей», изданному И. Снегиревым» (1850) еще не выходит за пределы проблематики историко-юридической школы: значение

---

¹ Письма Н. А. Некрасова к Афанасьеву конца 40 начала 50-х годов см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем В 12 т. М., 1952.— Т. X.— С. 135—137, 167, 197.

русских пословиц и поговорок Афанасьев видит прежде всего в том, что они дают богатейший материал для построения истории родового быта. В последующих трудах Афанасьева — «Дедушка домовый» (1850), «Ведун и ведьма» (1851), «Религиозно-языческое значение избы славянина» (1851), «Зооморфные божества у славян» (1852) и др., наряду с концепциями школы К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, довольно отчетливо выступают и основные положения мифологической теории, о которой мы будем еще говорить.

Значительное место в научной деятельности Афанасьева тех лет занимает издание памятников устного народного творчества. Едва ли не в самом начале 1850-х гг. у него возникает замысел о публикации свода русских народных сказок, которым отечественная наука еще не располагала. С этим предложением он обращается к издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому. Тот согласился, однако вскоре Александр Николаевич отказался от своего намерения, решив выпускать сказки отдельными книгами. В 1855—1863 гг. вышло восемь выпусков «Народных русских сказок», сразу же получивших всеобщее признание.

Приступив к изданию сказок, Афанасьев располагал, в сущности, лишь небольшим количеством собственных записей, сделанных в Бобровском уезде Воронежской губернии во время летних каникул и отпусков, да немногими текстами из рукописных и малодоступных источников. Поэтому вопрос о пополнении этого собрания приобретал для него первостепенное значение. Основу его будущего сборника составили записи, полученные им в 1854 г. из Русского географического общества, проводившего в то время большую работу по собиранию различных фольклорно-этнографических материалов. После выхода в свет первого выпуска многие энтузиасты-собираатели откликнулись

на призыв Афанасьева присылать ему свои записи. Среди них — его воронежские друзья Н. И. Второв и К. О. Александров-Дольник. Особенно крупным был вклад В. И. Даля, который доставил Афанасьеву свыше тысячи текстов. Всего в сборнике «Народные русские сказки» было опубликовано свыше 550 номеров сказок, анекдотов, присловий и пр. из более чем тридцати губерний. Сборник явился, таким образом, результатом собирательской деятельности всей образованной России.

Одной из самых значительных научных заслуг Афанасьева как издателя фольклора является его бережное отношение к тексту. Этому правилу он неукоснительно следовал. Сохранившиеся материалы показывают, что вмешательство его в текст было минимальным и ограничивалось лишь правкой языка и стиля.

Сборник «Народных русских сказок» принадлежит к числу наиболее фундаментальных фольклорных собраний не только прошлого, но и настоящего времени. Его научно-художественная ценность состоит прежде всего в том, что это был первый в России свод подлинно народных сказок, записанных в самых различных районах страны с сохранением всех особенностей народной речи. Материалы, содержащиеся в нем, являются важнейшим источником для изучения духовной культуры русского народа, его мировоззрения и социальных устремлений.

Велико культурное значение сборника. До сих пор он продолжает оставаться народной книгой, воспитавшей не одно поколение любознательных читателей. После смерти Афанасьева его сборник в полном объеме переиздавался шесть раз (последнее издание, подготовленное Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым, вышло в академической серии «Литературные памятники» в

1984- 1985 гг.). Неоднократно издавались его избранные сказки.

Публикация работ Афанасьева довольно часто сопровождалась преследованиями цензурных властей. Не избежали цензурного вмешательства и «Народные русские сказки». Материалы, отличающиеся острой социальной направленностью, как это теперь установлено, безжалостно изымались или уродовались цензорами. Но особенно показательна в этом отношении судьба другого фольклорного издания Афанасьева — сборника «Народные русские легенды», вышедшего в Москве в начале 1859 г. (на обложке указан 1860 г.). Интерес к нему был настолько велик, что тираж его (1200 экз.) разошелся буквально за три недели. Афанасьев подготовил второе издание, которое 4 апреля 1860 г. Московским цензурным комитетом было разрешено к печати. Однако 20 апреля того же года Главное управление цензуры запретило новое издание. Отпечатанные листы были конфискованы и впоследствии уничтожены. Столь суровая расправа со сборником Афанасьева объясняется не только усилением цензурных гонений в стране в годы революционной ситуации — материал сборника непосредственно затрагивал интересы духовенства, что и решило его судьбу.

Сборник содержал 33 народные легенды, записи которых в основном восходят к собранию В. И. Даля. Это были устные рассказы о Христе, Егории Храбром, Илье Пророке, Николе, Касьяне и других святых, проникнутые антицерковным духом. Книга поэтому сразу же вызвала гневные протесты духовных властей. Петербургский митрополит Григорий, например, резко выступил против нее в печати, назвав составителя «человеком, забывшим действие совести», а издателя — «раскольников, не ведающим бога» (издатель К. Т. Солдатенков действительно был старообрядцем). Сходной

была реакция и московского митрополита Филарета: он направил в святейший синод специальное донесение, в котором сборник Афанасьева охарактеризовал как «полный кощунства и безнравственности». Получив донесение, обер-прокурор синода граф А. П. Толстой обратился к министру народного просвещения Е. Н. Ковалевскому с письмом, в котором повторил доводы московского митрополита о необходимости охранить религию и нравственность от «печатного кощунства и поругания»¹. Последовавшее вскоре запрещение сборника сохраняло свою силу до 1914 г., когда «Народные русские легенды» были переизданы дважды — в Москве и Казани.

Современники неоднократно высказывали Афанасьеву пожелание подготовить специальное издание русских народных сказок для детей. После завершения своего основного сборника Афанасьев действительно подготовил сборник «Русские детские сказки», издание которого ему удалось осуществить лишь в 1871 г., незадолго до своей смерти.

В 1872 г., уже после смерти Афанасьева, в Швейцарии анонимно вышло еще одно его фольклорное издание — сборник «Русские заветные сказки». История печатания его до сих пор не выяснена.

Издавать произведения устного народного творчества, изучать его в условиях цензурного произвола Афанасьеву, как видим, было совсем не легко. И во второй половине 1850-х гг. он переключается на другие занятия — историко-литературные, чтобы «нравственно отдохнуть», как признавался он в одном из писем к своему воронежскому знакомому М. Ф. Де-Пуле. Его вни-

---

¹ Грузинский А. Е. А. Н. Афанасьев (биографический очерк) // Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. — М., 1897. — Т. I. — С. XXII—XXIII.

мание привлекает русская журналистика XVIII в., тот ее период, когда в России один за другим начинают выходить журналы обличительного, сатирического направления. Исследованию журнальной полемики по ключевым вопросам общественной жизни тех лет, прежде всего по вопросам бедственного положения крестьян в условиях крепостной зависимости, он посвящает статьи «Русские журналы 1769—1774 годов» (1855), «Два слова о журнальной сатире прошлого столетия» (1856) и «Сатирические издания девяностых годов» (1856). Эти и другие работы в конце 1850-х гг. Афанасьев перерабатывает в книгу «Русские сатирические журналы. Эпизод из истории русской литературы прошлого столетия», которую и издает в 1859 г. Исследование Афанасьева было высоко оценено передовой критикой того времени. Оно послужило, как известно, поводом к написанию знаменитой статьи Н. А. Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины».

В дальнейшем статьи ученого по вопросам русской литературы и журналистики в основном печатались в журнале «Библиографические записки», который был основан им в 1858 г. Афанасьеву удалось сплотить вокруг журнала немало энергичных и талантливых ученых — литературоведов, историков и библиографов. Среди них в первую очередь нужно назвать одного из самых ближайших помощников Афанасьева Н. М. Щепкина — сына великого артиста М. С. Щепкина. Активными сотрудниками журнала были Е. И. Якушкин — сын декабриста И. Д. Якушкина, историк русской литературы П. А. Ефремов, библиограф Н. В. Гербель, историк М. И. Семевский и другие.

Важной задачей журнала Афанасьев считал публикацию тех произведений русской литературы, которые из-за цензурных гонений не находили доступа к широким читателям. И действительно, на страницах «Биб-

лиографических записок» вскоре появляются неизданные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, декабристов, материалы, относящиеся к литературной деятельности А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина и других русских писателей. Под многими публикациями стояла скромная подпись «И. М — к». Это был псевдоним Афанасьева. Нередко свои статьи и заметки он, как, впрочем, и другие сотрудники журнала, вообще печатал без подписи.

По принципиальным установкам на публикацию «потаенной» литературы «Библиографические записки» довольно близко стояли к лондонским изданиям А. И. Герцена, который в то время прямо обращался к русскому читателю с просьбой присылать ему запрещенные в России художественные, мемуарные, исторические и другие сочинения. Издания Герцена оставались вне досягаемости цензурных властей, а вот журналу Афанасьева иметь дело с ними приходилось постоянно. Цензурная история «Библиографических записок» лишь в последнее время становится достоянием исследователей, но и то, что уже известно, свидетельствует: «Публикация неизданных материалов сопровождалась не только цензурными гонениями, но и злобными нападками периодических изданий правого толка»¹. Ценнейшие документы по истории русского освободительного движения и русской литературы нередко приходилось публиковать в урезанном виде, а вместо подробного комментария давать глухие указания на рукописные источники, разночтения в списках и т. д. В этих условиях Афанасьев и его ближайшие сотрудники по изданию «Библиографических записок» устанавливают прямые связи с заграничным революционным цент-

---

¹ Порудоминский В. И. «Я полюбил Пушкина еще больше...» // Прометей. — М., 1974. — Т. 10. — С. 206—217.

ром. Этот смелый шаг они предпринимают прежде всего, конечно, по идейным соображениям: в развернувшейся освободительной борьбе они считали себя союзниками А. И. Герцена. Не последнюю роль сыграли и соображения тактического порядка: с усилением цензурного гнета становилось все труднее публиковать в России тот материал, которым располагала редакция «Библиографических записок».

В 1860 г. Афанасьев во время своей заграничной поездки встречался с Герценом. О встрече знал, например, литературовед, первый биограф Афанасьева А. Е. Грузинский, который, правда, не решался обнародовать этот факт, а сообщил о нем лишь в частном письме к литератору А. Н. Пыпину. Было известно также, что Герцена посещали и другие сотрудники «Библиографических записок», например Щепкин, выезжавший за границу еще в 1857 г. Однако до последнего времени о самом характере и конкретном содержании зарубежных связей всего этого круга лиц мы, в сущности, ничего не знали. После архивных разысканий советского историка Н. Я. Эйдельмана эта важная страница в биографии ученого-демократа прояснилась. Исследователю удалось документально установить, что Афанасьев и его московские друзья были тайными корреспондентами Герцена, что именно они доставляли для его лондонских изданий наиболее значительные произведения русской потаенной литературы¹.

Связи Афанасьева с Герценом — тема новая и, как это видно из публикаций Эйдельмана, еще до конца не изученная. Но важно отметить, что уже сам факт установления этих связей характеризует Афанасьева

---

¹ См.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». — М., 1966; Герцен против самодержавия. — М., 1973.

как человека стойких демократических убеждений. Об этом же свидетельствует и его «Дневник». Сочувствие угнетенному и бесправному народу, глубокая ненависть к помещикам-крепостникам, духовенству — вот наиболее характерные мотивы дневниковых записей Афанасьева тех лет.

О заграничных связях Афанасьева узнала царская охранка. Осенью 1862 г. у него на квартире был произведен полицейский обыск. Формальным предлогом для него явилась встреча Афанасьева с эмигрантом В. И. Кельсиевым, нелегально прибывшим в Россию для установления связей с раскольниками и привлечения их к революционной деятельности. Кельсиев посетил Афанасьева как знатока старого быта, и в частности старообрядческого фольклора.

После обыска Афанасьев был вызван в Петербург, где давал показания следственной комиссии, специально созданной для выявления лиц, имевших сношения с революционной эмиграцией. Комиссия приняла решение Афанасьева к суду не привлекать. Поэтому, нужно думать, и родилась легенда об этой акции политической полиции как о каком-то недоразумении. Впервые публикуемый документ — письмо председателя комиссии кн. А. Ф. Голицына министру иностранных дел кн. А. М. Горчакову, в чьем ведении находился Московский архив, опровергает эту легенду. У Афанасьева были обнаружены компрометирующие его «вещественные доказательства»:

«Секретно

Его сиятельству князю А. М. Горчакову

Милостивый государь

князь Александр Михайлович.

К производящемуся в высочайше учрежденной, под моим председательством, Следственной комиссии

делу оказался прикосновенным служащий в Московском архиве Министерства иностранных дел надворный советник Афанасьев, в бумагах которого, при обыске, найдена копия с секретного доклада о раскольниках.

Имея в виду, что Афанасьев обвиняется в сношениях с приезжавшим тайно из Лондона в Россию, под видом турецкого подданного Яни, Василием Кельсиевым, и принимая во внимание, что чиновник этот, по месту служения своего, может содействовать неблагонамеренным людям к приобретению из Архива таких документов, которые без разрешения правительства открыты быть не могут, я представлял это обстоятельство на высочайшее государя императора благоусмотрение и полагал: обратить на оное внимание непосредственного начальника над Архивом.

Его величеству на всеподданнейшем докладе благоугодно было написать «необходимо».

О таком высочайшем повелении долгом считаю сообщить Вашему сиятельству к исполнению.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Александр Голицын.

№ 432

11 декабря 1862 г.»¹.

Уволенный из архива без права поступления на государственную службу, Афанасьев сразу же лишился самого необходимого — средств к существованию. Для него начались мучительные поиски случайных заработков, унижительные переезды из одной квартиры в

---

¹ Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР, ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел. Секретные дела, оп. 481, ед. хр. 2, л. 1 и об.

другую. Богатейшую библиотеку, содержавшую редчайшие издания по фольклору и этнографии, истории русской литературы и журналистики, пришлось сложить в деревянном сарае, а потом распродавать по частям. О продолжении «Библиографических записок» сейчас нечего было и думать. Отпечатанными листами последних номеров журнала Афанасьев, спасаясь от сквозняков, покрыл пол своей ветхой квартиры.

Прошло года три или четыре, пока Афанасьев наконец не устроился техническим секретарем в городскую думу, потом перешел в мировой съезд, где жалование было немного больше. Всемирно известный ученый с утра до вечера переписывал судебные документы. За год до смерти он перешел в коммерческий банк, но и там его ждала не менее нудная и техническая работа, правда, более высокооплачиваемая.

И невероятно, но факт, что все эти годы Афанасьев не только не прекращает свои научные занятия, но трудится с еще большим подъемом и воодушевлением. Свои прежние работы по мифологии, народному творчеству и этнографии он перерабатывает в фундаментальный трехтомный труд «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869), в котором, наряду с решением специальных вопросов о происхождении древнейших народных мифов, пересматривает весь состав русского фольклора и дает ему мифологическую интерпретацию. По богатству фактического материала и тщательности анализа сложнейших явлений духовной жизни славянских народов этот труд не имеет себе равных ни в отечественной, ни в европейской науке.

Материальные лишения, изнурительный труд очень скоро сказались на здоровье Афанасьева. Он заболевает чахоткой и в ночь на 23 сентября 1871 г. умирает в своей квартире за Сухаревой башней. Афанасьев был похоронен на Пятницком кладбище рядом с могилой Т. Н. Грановского.

Обращение А. Н. Афанасьева к исследованию народного поэтического творчества и мифологии по времени совпало с формированием в русской филологической науке особого научного направления — так называемой мифологической школы. На рубеже 40—50-х гг. XIX в. она заявила о себе рядом историко-литературных и фольклорно-этнографических работ, в которых была применена совершенно новая методика научных исследований. В ее основе лежал сравнительно-исторический метод, открывающий возможность для изучения национальных памятников народной словесности на протяжении всей их исторической жизни, а главное — в тесной связи с аналогичными памятниками других индоевропейских народов.

Сравнительно-исторический метод позволил по-новому подойти к оценке народной мифологии, выявить ее роль в зарождении и историческом развитии народного поэтического творчества. Ученым удалось установить, что в доисторические времена мифология находилась в неразрывном единстве с языком и что это единство являлось достоянием всей индоевропейской семьи народов. С мифологией органически была связана и народная поэзия. Она представляла собой единое эпическое сказание, мифологическое в своей основе. Ученые показали, что из этого общего эпического сказания на определенных этапах исторического развития выделились все жанры народного творчества — от героического эпоса до пословицы и загадки. Мифология, как и язык, как и народная поэзия, создавалась бессознательно и была обязана своим происхождением не личному авторству, а творчеству целых народов.

Итак, сравнительно-исторический метод исследо-

вания, признание органической связи мифологии, языка и народной поэзии, установление коллективной природы творчества — вот те основные методологические принципы, которые были введены в науку о народной словесности учеными-мифологами. Значение этих принципов для развития русской фольклористики поистине огромно. Многие современники справедливо расценили первые работы мифологов как начало нового этапа в движении научной мысли.

Мифологическая теория для своего времени была явлением глубоко прогрессивным. Исследуя мифологическую основу произведений народной словесности, ученые в то же время раскрывали национальное своеобразие этих произведений, определяли их место в общей сокровищнице народной культуры.

Ряд проблем, выдвинутых мифологами в процессе освоения фактического материала, сохраняет свое научное значение и до сих пор. Например, положение о мифологической основе некоторых былинных сюжетов и образов, суждения о роли пространства и времени в русском эпосе впервые были высказаны учеными мифологической школы. Богатейший фактический материал, собранный и систематизированный русскими мифологами, и сегодня широко используется советскими фольклористами и этнографами при изучении народной поэтической культуры и народного быта.

Возникновение русской мифологической школы связано с именем крупнейшего русского ученого-филолога прошлого века Ф. И. Буслаева. Ему принадлежит выдающаяся роль в научном изучении литературы и народной поэзии, древнерусского и византийского искусства, языкознания и археографии. Позиции мифологической школы разделяли ученые, принадлежавшие к самым различным идейным течениям и группировкам — от западников (в широком смысле этого

слова) до поздних славянофилов. На мифологическую теорию опирались в своих исследованиях некоторые ученые революционно-демократического лагеря — И. А. Худяков, И. Г. Прыжов, П. Н. Рыбников и другие.

Как особое научное направление в ней выделяется так называемая школа младших мифологов, или школа сравнительной мифологии. Крупнейшим ее представителем и был А. Н. Афанасьев.

Для уяснения теоретических взглядов Афанасьева особенно важна открывающая его «Поэтические воззрения славян на природу» глава «Происхождение мифа, метод и средства его изучения».

Проблема происхождения мифологии не являлась новой для русских ученых. Много внимания ей уделял Буслаев, однако он ставил ее в общем плане. Так, в его статье «Областные видоизменения русской народности» читаем: «...основной закон языка, проявляющийся в наименовании предметов по впечатлению, им произведенному на человека, лежит в основе как грамматического построения, так и мифических преданий, зарождающихся сообща с языком»¹. Буслаев не касается самого процесса мифотворчества, между тем именно это становится предметом научных разысканий Афанасьева.

Возникновение мифов Афанасьев теснейшим образом связывает с историческим развитием языка. «Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений,— читаем уже на первых страницах книги,— есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями. Чтоб показать, как необходимо и естественно

---

¹ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности.— Т. I. Русская народная поэзия.— Спб., 1861.— С. 159.

создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка»¹.

В истории любого языка, говорит Афанасьев, различаются два периода: первый — доисторический период образования, постепенного сложения (развития форм) и второй — период упадка и расчленения (превращений).

Язык начинается с образования корней или тех основных звуков, которыми первобытный человек обозначал свои впечатления от окружающих его предметов или явлений природы. Различные предметы, имевшие сходные признаки и качества, получали при этом одинаковые названия или названия, производные от одного корня. В то же время каждый предмет обладал специфическими, лишь ему присущими признаками и качествами и получал, следовательно, не одно, а несколько названий. Так возникали в языке синонимы, а затем и различные метафорические выражения, послужившие поводом к созданию целого ряда мифических сказаний.

С появлением метафорических образований в языке кончается первый период его жизни и начинается второй, когда «прежняя стройность языка нарушается, обнаруживается постепенное падение его форм и замена их другими, звуки мешаются, перекрещиваются; этому времени по преимуществу соответствует забвение коренного значения слов» (I; 6). Вследствие таких вековых затрат языка, превращения звуков и подновления понятий исходный смысл древних речений становится все загадочнее, и начинается неизбежный процесс

---

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. — М., 1865. — Т. I. — С. 5. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы.

«мифических обольщений». «Стоило только забыться, затеряться первоначальной связи понятий, чтобы метафорическое уподобление получило для народа все значение действительного факта и послужило поводом к созданию целого ряда баснословных сказаний» (I; 9—10). Так, небесные светила уже не только в переносном, поэтическом смысле стали называться «очами неба», но и в самом деле представляться первобытному человеку в этом живом образе. Именно отсюда, объясняет ученый, возникают мифы о тысячеглазом, неусыпном ночном страже Аргусе и одноглазом божестве солнца; небесная молния предстает огненным змеем, быстролетные ветры наделяются крыльями и т. д. «Вначале, — говорит Афанасьев, — народ еще удерживал сознание о тождестве созданных им поэтических образов с явлениями природы, но с течением времени это сознание более и более ослабевало и наконец совершенно терялось; мифические представления отделялись от своих стихийных основ и принимались как нечто особое, независимо от них существующее» (I; 10).

В своем историческом развитии мифы подвергались значительной переработке. Этот процесс представлялся Афанасьеву в следующем виде.

Сначала идет раздробление мифических сказаний, вызванное географическими и бытовыми условиями.

Следующий момент — низведение мифов на землю и «прикрепление» их к известной местности и историческим событиям. «Боги, — пишет Афанасьев, — мало-помалу унизились до человеческих нужд, забот и увлечений и с высоты воздушных пространств стали низводиться на землю, на это широкое поприще народных подвигов и занятий» (I; 13). Низведенные на землю, воинственные боги утрачивают свою недоступность, смешиваются с давно умершими историческими личностями. Миф и история в народном сознании сливаются.

Последний этап в историческом развитии мифов — их «нравственное мотивирование». С возникновением государственных центров происходит канонизация преданий, причем уже не в народной среде, а в кругу избранных жрецов, ученых и поэтов, которые приводят предания в хронологическую последовательность и связывают их в стройное учение о происхождении мира, его кончине и судьбах богов.

Большая часть мифических представлений индоевропейских народов восходит, по Афанасьеву, к отдаленному времени ариев. Выделяясь из общей массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе со словом, уносили с собой и самые воззрения и верования. Поэтому, например, суеверные сказания, содержащиеся в «Стихе о Голубиной книге»¹, составляют общее достояние всех индоевропейских народов, «находят свое оправдание в истории языка и совершенно совпадают с древнейшими мифами индусов и показаниями «Эдды»² (I; 51). Отсюда необходимость их сравнительного изучения, которое открывает нам мир доисторический, дает надежное средство разгадать древнейшие нравы, обычаи и верования, и «свидетельства ее тем драгоценнее, что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу» (I; 17). Только путем сравнительного изучения, подчеркивает Афанасьев, можно докопаться до действительных корней слов и определить круг понятий и самый быт арийского народа, ибо в слове заключена внутренняя исто-

---

¹ «Голубиная книга» — памятник устного народного творчества, в котором содержатся сведения о происхождении мира, природы, человека и т. п.

² «Эдда» — произведение Снорри Стурлусона, исландского поэта и прозаика, написанное в 1222—1225 гг. По содержанию похоже на учебник поэзии.

рия человека, его взгляд на самого себя и природу. Сравнительный метод «дает средства восстановить первоначальную форму преданий, а потому сообщает выводам ученого особенную прочность и служит для них необходимою проверкою» (I; 18).

Таковы, по Афанасьеву, процесс образования мифов и метод их научного изучения. Основные положения его теории были разработаны уже в первых фольклорно-этнографических статьях и заметках ученого. Позднее Афанасьев познакомился с трудами западноевропейских ученых М. Мюллера, А. Куна, В. Маннгардта, В. Шварца и других и, как он сам заявил об этом в послесловии к «Поэтическим воззрениям славян на природу», многое уточнил в своих построениях, приняв основные выводы названных исследователей.

Наряду с проблемой происхождения мифов Афанасьев ставит и другую важную проблему, а именно о сущности древних мифологических представлений. К тому времени в европейской науке широкое распространение получает так называемая «метеорологическая» теория немецких ученых А. Куна и В. Шварца. Согласно ей, в основе большинства мифов лежит обожествление стихийных сил природы — грозы, грома, молнии, ветра, туч и т. д. Наиболее полно и последовательно «метеорологическая», или «грозовая», теория была разработана в трудах В. Шварца, ученика и последователя А. Куна. В своей книге «Происхождение мифологии по материалам греческих и немецких сказаний» (1860) Шварц, например, утверждал, что такие стихийные явления, как грозы, всегда оказывались важнейшим объектом содержания мифов, при этом многие из них восходят к теме борьбы мрака и света.

В русле этой теории идет и Афанасьев, анализируя поэтические воззрения человека на природу.

В главах «Свет и тьма», «Стихия света в ее поэти-

ческих представлениях», «Солнце и богиня весенних гроз» и др., включенных в наш сборник, Афанасьев обосновывает и доказывает, что все многообразие древнейших мифологических представлений обязано происхождением олицетворению неба, земли, солнца, света, тьмы и других природных явлений.

Вот лишь один из примеров. Своими яркими красками радуга, говорит Афанасьев, должна была особенно сильно поражать поэтическую фантазию первобытных народов. Основываясь на действительном сходстве форм и признаков, человек сближал ее прежде всего с луком. Так у древних индийцев возникло представление, что радуга есть боевой лук Индры, из которого этот бог-громовержец поражает стрелами своих врагов — демонов тьмы, то есть тучи. Это представление сохранилось и у славянских народов: наши предания наделяют бога-громовника Перуна молниеносными стрелами и огненным луком.

Итак, и язык, и тесно связанный с ним образ мышления, и самая свежесть первоначальных впечатлений «влекли» мысль человека к олицетворениям, сыгравшим значительную роль в образовании мифов. Олицетворение же именно небесных сил природы легло в основу самых разнообразных мифов, связанных не только с представлениями об огне и воде, но и с представлениями, сохранившимися в славянской демонологии. Значение этих древних мифов в истории народной культуры было весьма велико. И суеверные представления, и вообще все поэтическое творчество индоевропейских народов, полагал Афанасьев, развилось именно из них. Мифические сказания, утверждал ученый, лежат в основе эпических богатырских песен-былин. Народные эпические герои, прежде чем явились на историческую арену, были олицетворениями стихийных сил природы; этим объясняются те громад-

ные размеры и та сверхъестественная сила, которыми они наделяются в былинах. Христианство повлияло только на имена героев, но не на содержание былин.

К мифологическим представлениям древних ариев, подчеркивает Афанасьев, восходят многие сказочные мотивы и сюжеты. Уже в ту доисторическую эпоху были выработаны основные типы сказочного эпоса и потом разнесены на места новых поселений народов.

Древнюю мифологическую основу обнаруживает Афанасьев и в других жанрах фольклора. Обрядовые песни, например, представляют интерес любопытными указаниями на старинные верования и давно отживший быт. Отголоски первобытного метафорического языка сохранили для нас народные загадки, пословицы, поговорки, присловья, прибаутки: по самой своей форме они наименее подвержены искажению, до сих пор остаются памятниками издавна сложившихся воззрений человека на жизнь.

Мотивы древних мифов обнаруживаются в заговорах, приметах. При этом следует различать приметы, выведенные из действительных наблюдений, и приметы, в основе которых лежит не опыт, а мифическое представление. Пример последних: рыжая корова, идущая вечером впереди стада, предвещает ясную погоду на следующий день, а черная — ненастье.

Наконец, отмечает Афанасьев. «полезные указания для разъяснения мифов могут дать духовные стихи: христианские мотивы в них, как правило, сливаются с языческими». Духовные стихи сложились под влиянием апокрифической литературы¹, но это не умаляет значение их для науки, так как сами апокрифы явились результатом народного стремления «согласить» пре-

---

¹ А п о к р и ф ы — произведения раннехристианской литературы, не признанные церковью.

дания предков с теми сказаниями, какие возникали под влиянием христианства.

При исследовании всего этого разнообразного поэтического материала, как и при исследовании древних мифических сказаний, необходим сравнительно-исторический метод. «Изучение эпических песен, так называемых былин,— подчеркивает Афанасьев,— тогда только приведет к прочным выводам, когда путем обстоятельного сличения различных вариантов былин с родственными памятниками и преданиями других народов они определяют позднейшие отмены, симут исторические наросты и восстановят древнейший текст сказания» (I; 47).

Таковы основные положения мифологической теории Афанасьева. Важно отметить, что они были сформулированы ученым самостоятельно, задолго до появления аналогичных теорий в западноевропейской науке.

Афанасьев для доказательства своих положений привлек такой громадный фактический материал, что книга сразу же стала значительным явлением не только в русской, но и в мировой науке. Эту сторону труда Александра Николаевича отмечали еще его современники. «В отношении материала он <труд Афанасьева> представляет такой систематический свод фактов по славянской и преимущественно русской мифологической древности, какого не имела еще наша наука»¹, — писал, например, русский филолог А. А. Котляревский. «Чем больше я углубляюсь в Ваш последний труд <...>, тем более я изумляюсь размером Ваших изучений»², — признавался в одном из писем к Афанасьеву В. Маннгардт.

---

¹ Котляревский А. А. Соч.— Спб., 1889.— Т. II.— С. 310.

² Письмо В. Маннгардта к Афанасьеву от 2 июня 1867 г. из Данцига//Этнографическое обозрение.— 1897.— № 2.— С. 150.

На многие проблемы, так или иначе связанные с воззрениями древнего человека на природу, Афанасьев смотрел глубже, чем его современники, прежде всего западноевропейские ученые. «Он понимал, например, что в основе того олицетворения небесных явлений, к которому мифологи любили сводить всякую религию, лежали все же явления земной материальной действительности. Основу эту Афанасьев видел в пастушеском быте древних ариев»¹, — писал советский этнограф С. А. Токарев и приводил следующие слова Афанасьева, действительно свидетельствующие о материалистической позиции ученого в вопросе о происхождении древних религиозных представлений: «Олицетворяя грозные тучи быками, коровами, овцами и козами, первобытное племя ариев усматривало на небе, в царстве бессмертных богов, черты своего собственного пастушеского быта: ясное солнце и могучий громовник, как боги, приводящие весну с ее дождевыми облаками, представлялись пастырями мифических стад» (I; 690).

Выводы Афанасьева о «земной» основе древних верований и суеверных обрядов представляют значительный интерес и для современного читателя. Они подрывают еще кое-где бытующую веру в сверхъестественную природу этих явлений, способствуют материалистическому пониманию сложных явлений народной культуры.

Велико и общественное значение книги Афанасьева, о чем с полным основанием писал тот же А. А. Котляревский. «Есть еще и иная добрая сторона в труде Афанасьева, которую нельзя оставить без внимания. Я разумею нравственное значение книги: приведя мас-

---

¹ Токарев С. А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку//Советская этнография.— 1948.— № 2.— С. 204.

су суеверий, опутывающих народную жизнь, к их источникам и простым причинам, показывая, как возникли и сложились они, лишая их обаяния таинственности, автор в корне подрывает и их обольщения в силу, которую они владычествуют не над одними не искушенными наукой умами»¹.

Общественное значение «Поэтических воззрений славян на природу» сознавал и сам Афанасьев: «Часто из одного метафорического выражения, как из зерна, — писал он, — возникает целый ряд примет, поверий и образов, опутывающих жизнь человеческую тяжелыми цепями, и много-много нужно было усилий, смелости, энергии, чтобы разорвать эту невидимую сеть предрасудков и взглянуть на божий мир светлыми очами» (III; 775). Этот реалистический взгляд ученого на происхождение и сущность древнего народного суеверия ничего общего не имел с той идеализацией старины, которая была свойственна многим представителям славянофильского направления в науке.

В исследовании Афанасьева мифологическая теория предстала как бы в своем завершенном виде со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Автора мало интересовала историческая жизнь художественного произведения. Подгоняя под готовые схемы все многообразие народных верований и поэтических произведений, он учитывал лишь внешние исторические наслоения и тем самым как бы принижал творческую роль создателей и носителей фольклора. Он слишком увлекался общими теоретическими построениями, что сказалось прежде всего на интерпретации конкретных произведений народной поэзии. Прежние ошибки мифологов, как русских, так и западноевропейских, в книге Афанасьева были не только повторены, но и доведены до край-

---

¹ Котляревский А. А. Соч. — Т. II. — С. 311.

ности. Вот, например, как анализировал он былины об Илье Муромце: «В народных сказаниях богатырь, собирающийся на битву с змеем — демоническим представителем зимних облаков и туманов, должен трижды испить живой (или сильной) воды, и только тогда получает силу поднять меч-кладенец. Пиво, которое пьет Илья Муромец,— старинная метафора дождя... Окованный зимнею стужей, богатырь-громовик сидит сиднем, без движения (не заявляя себя в грозе), пока не напьется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьет ледяных оков и не претворит снежные тучи в дождевые; только тогда зарождается в нем сила поднять молниеносный меч и направить его против темных демонов» (I; 304—305). И дальше: «...в образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной, грозовой тучи. Имя Соловья дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы... Эпитет «разбойника» объясняется разрушительными свойствами бури и тем стародавним воззрением, которое с олицетворениями туч соединяло разбойничий, воровской характер. Закрытие тучами и зимними туманами небесных светил называлось на старинном поэтическом языке похищением золота: в подвалах Соловья-разбойника лежит несчетная золотая казна...» (I; 307—309). И т. д.

Подобная интерпретация произведений и персонажей народной словесности вызывала возражение даже у некоторых мифологов — последователей Афанасьева. А. А. Котляревский, например, отмечал как недостаток исследования именно стремление автора возвести к мифическому источнику и объяснить как природную метафору все даже мельчайшие частные черты былин. В рецензии на книгу Афанасьева он писал: «Не удаляясь от приведенного нами примера <А. А. Котляревский приводил примеры анализа Афанасьевым былин

об Илье Муромце>, остановимся в нем на объяснении стрел Ильи Муромца и золотой казны Соловья-разбойника. Не станем спорить, что стрелы и золото в данном случае могли быть уцелевшими остатками мифических метафор или представлений молнии и светил; но чем опровергнет нас автор, если мы в стрелах увидим обыкновенное орудие доогнестрельного периода, а в золотой казне Соловья-разбойника — поэтическую прибавку фантазии к понятию о разбойнике, жившем грабежом и разбоем?»¹

Можно отметить и другие просчеты в теоретических построениях Афанасьева: например, недостаточное внимание к национальной специфике мифологических представлений, весьма субъективные лингвистические и мифологические сближения и т. д. И все же, несмотря на все недостатки, громадный фактический материал до сих пор сохраняет свою научную ценность, оказывая существенное воздействие не только на развитие фольклорно-этнографических изучений, но и на развитие художественной литературы. «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева, как это уже не раз отмечалось исследователями, повлияли на творческую практику А. Н. Островского, П. И. Мельникова-Печерского, С. А. Есенина, других художников слова.

Исследования Афанасьева по фольклору и мифологии стоят в одном ряду с работами самых выдающихся ученых прошлого столетия. Они открывают малоизученные страницы истории русского народа, его многовековой культуры.

Необходимость переиздания основных работ А. Н. Афанасьева по фольклору и мифологии ощущается давно. Еще одно свидетельство все возрастающего чи-

---

¹ Котляревский А. А. Соч. — Т. II. — С. 295—296.

тательского интереса к трудам ученого — появившиеся в последнее время публикации из его творческого наследия. Среди них монография «Древо жизни», в которой в сокращенном виде воспроизведен текст «Поэтических воззрений славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов». Подготовка текста и комментарии Ю. М. Медведева, вступит. статья Б. П. Кирдана.— М.: Современник, 1982.— (Б-ка «Любителям российской словесности»). Глава «Происхождение мифа, метод и средства его изучения» опубликована, кроме того, в кн.: Афанасьев А. Н. Народ — художник: Миф. Фольклор. Литература/ Сост., подготовка текста, вступит. статья и примечания А. Л. Налепина.— М.: Сов. Россия, 1985.— (Б-ка русской критики).

В настоящем издании представлены наиболее значительные в теоретическом отношении и ценные с точки зрения фактического материала главы из вышеназванной работы А. Н. Афанасьева: «Происхождение мифа, метод и средства его изучения», «Свет и тьма», «Небо и земля», «Стихия света в ее поэтических представлениях», «Солнце и богиня весенних гроз», «Гроза, ветры и радуга», «Живая вода и вещее слово», «Вода», «Народные праздники». Они не только раскрывают взгляды ученого на происхождение мифологии, но и наглядно показывают, какую важную роль сыграли древние мифы в становлении и развитии многовековой народной культуры.

А. И. Баландин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА, МЕТОД И СРЕДСТВА ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

огатый и можно сказать — единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями. Чтобы показать, как необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка. Изучение языков в разные эпохи их развития, по уцелевшим литературным памятникам, привело филологов к тому справедливому заключению, что материальное совершенство языка, более или менее возделанного, находится в об-

ратном отношении к его историческим судьбам: чем древнее изучаемая эпоха языка, тем богаче его материал и формы и благоустроеннее его организм; чем более станешь удаляться в эпохи позднейшие, тем заметнее становятся те потери и увечья, которые претерпевает речь человеческая в своем строении. Поэтому в жизни языка, относительно его организма, наука различает два различные периода: период его образования, постепенного сложения (*развития форм*) и период упадка и расчленения (*превращений*). Первый период бывает продолжителен; он задолго предшествует так называемой исторической жизни народа, и единственным памятником от этой глубочайшей старины остается *слово*, запечатлевающее в своих первоначальных выражениях весь внутренний мир человека. Во второй период, следующий непосредственно за первым, прежняя стройность языка нарушается, обнаруживается постепенное падение его форм и замена их другими, звуки мешаются, переkreщиваются; этому времени по преимуществу соответствует забвение коренного значения слов. Оба периода оказывают весьма значительное влияние на создание баснословных представлений.

Всякий язык начинается с образования корней или тех основных звуков, в которых первобытный человек обозначал свои впечатления, производимые на него предметами и явлениями природы; такие корни, представляющие собою безразличное начало и для имени и для глагола, выражали не более как *признаки, качества*, общие для многих предметов и потому удобно прилагаемые для обозначения каждого из них. Возникавшее понятие пластически обрисовывалось

словом, как верным и метким *эпитетом*. Такое прямое, непосредственное отношение к звукам языка и после долго живет в массе простого, необразованного населения. Еще до сих пор в наших областных наречиях и в памятниках устной народной словесности слышится та образность выражений, которая показывает, что слово для простолюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но что в то же время оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления. Приведем примеры: *зыбун* — неокрепый грунт земли на болоте, *пробежь* — проточная вода, *леи* (от глагола *лить*) — проливные дожди, *сеногой* — мелкий, но продолжительный дождь, *листодер* — осенний ветер, *поползуха* — метель, которая стелется низко по земле, *одран* — тощая лошадь, *лизун* — коровий язык, *куроцап* — ястреб, *каркун* — ворон, *холодянка* — лягушка, *полоз* — змей, *изъедуха* — злобный человек и проч.; особенно богаты подобными речениями народные загадки: *мигай* — глаз, *сморкало*, *сопай* и *нюх* — нос, *лепетайло* — язык, *зевало* и *ядало* — рот, *грабилки* и *махалы* — руки, *понура* — свинья, *лепета* — собака, *живулечка* — дитя и многие другие, в которых находим прямое, для всех очевидное указание на источник представления*. Так как различные предметы и явления легко могут быть сходны некоторыми своими признаками и в этом отношении производят на чувства одинаковое впечатление,

---

* «*Виса* висит, *хода* ходит, *виса* впала, *хода* съела», — говорит народная загадка про древесный плод (яблоко, грушу, желудь) и свинью.

то есть естественно, что человек стал сближать их в своих представлениях и придавать им одно и то же название, или по крайней мере названия, производные от одного корня. С другой стороны, каждый предмет и каждое явление, смотря по различию своих свойств и действий, могли вызвать и в самом деле вызывали в душе человеческой не одно, а многие и разнородные впечатления. От того, по разнообразию признаков, одному и тому же предмету или явлению придавалось по несколько различных названий. Предмет обрисовывался с разных сторон и только во множестве *синонимических* выражений получал свое полное определение. Но должно заметить, что каждый из этих синонимов, обозначая известное качество одного предмета, в то же самое время мог служить и для обозначения подобного же качества многих других предметов и таким образом связывать их между собою. Здесь-то именно кроется тот богатый родник *метафорических* выражений, чувствительных к самым тонким оттенкам физических явлений, который поражает нас своею силою и обилием в языках древнейшего образования и который впоследствии, под влиянием дальнейшего развития племен, постепенно иссякает. В обыкновенных санскритских словарях находится 5 названий для руки, 11 для света, 15 для облака, 20 для месяца, 26 для змеи, 35 для огня, 37 для солнца и т. д. В незапамятной древности значение корней было осязательно, присуще сознанию народа, который с звуками родного языка связывал не отвлеченные мысли, а те живые впечатления, какие производили на его чувства видимые предметы и явления. Теперь представим, какое смешение понятий, какая

путаница представлений должны были произойти при забвении коренного значения слов; а такое забвение рано или поздно, но непременно постигает народ. То сочувственное созерцание природы, которое сопровождало человека в период создания языка, впоследствии, когда уже перестала чувствоваться потребность в новом творчестве, постепенно ослабевало. Более и более удаляясь от первоначальных впечатлений и стараясь удовлетворить вновь возникающим умственным потребностям, народ обнаруживает стремление обратить созданный им язык в твердо установившееся и послушное орудие для передачи собственных мыслей. А это становится возможным только тогда, когда самый слух утрачивает свою излишнюю чуткость к произносимым звукам, когда силою долговременного употребления, силою привычки слово теряет наконец свой исконный живописующий характер и с высоты поэтического, картинного изображения нисходит на степень абстрактного наименования — делается не чем более, как фонетическим знаком для указания на известный предмет или явление, в его полном объеме, без исключительного отношения к тому или другому признаку. Забвение корня в сознании народном отнимает у всех образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с этим связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступною. Большая часть названий, данных народом под наитием художественного творчества, основывалась на весьма смелых метафорах. Но как скоро были порваны те исходные нити, к кото-

рым они были прикреплены изначала, метафоры эти потеряли свой поэтический смысл и стали приниматься за простые, непереносные выражения и в таком виде переходили от одного поколения к другому. Понятные для отцов, повторяемые по привычке детьми, они явились совершенно неразгаданными для внуков. Сверх того, переживая века, дробясь по местностям, подвергаясь различным географическим и историческим влияниям, народ и не в состоянии был уберечь язык свой во всей неприкосновенности и полноте его начального богатства; старели и вымирали прежде употребительные выражения, отживали век грамматические формы, одни звуки заменялись другими, родственными, старым словам придавалось новое значение. Вследствие таких вековых утрат языка, превращения звуков и подновления понятий, лежавших в словах, исходный смысл древних речений становился все темнее и загадочнее, и начинался неизбежный процесс мифических обобщений, которые тем крепче опутывали ум человека, что действовали на него неотразимыми убеждениями родного слова. Стоило только забыть, затеряться первоначальной связи понятий, чтобы метафорическое уподобление получило для народа все значение действительного факта и послужило поводом к созданию целого ряда баснословных сказаний. Светила небесные уже не только в переносном, поэтическом смысле именуются «очами неба», но в самом деле представляются народному уму под этим живым образом, и отсюда возникают мифы о тысячеглазом, неусыпном ночном страже — Аргусе¹ и одноглазом божестве солнца; извивистая молния является огненным змеем,

быстролетные ветры наделяются крыльями, владыка летних гроз — огненными стрелами. Вначале народ еще удерживал сознание о тождестве созданных им поэтических образов с явлениями природы, но с течением времени это сознание более и более ослабевало и наконец совершенно терялось; мифические представления отделялись от своих стихийных основ и принимались как нечто особое, независимо от них существующее. Смотря на громоносную тучу, народ уже не усматривал в ней Перуновой колесницы², хотя и продолжал рассказывать о воздушных поездах бога-громовника и верил, что у него действительно есть чудесная колесница. Там, где для одного естественного явления существовали два, три и более названий, — каждое из этих имен давало обыкновенно повод к созданию особенного, отдельного мифического лица, и обо всех этих лицах повторялись совершенно тождественные истории; так, например, у греков рядом с Фебом³ находим Гелиоса⁴. Нередко случалось, что постоянные эпитеты, соединяемые с каким-нибудь словом, вместе с ним прилагались и к тому предмету, для которого означенное слово служило метафорой: солнце, будучи раз названо *львом*, получало и его когти, и гриву и удерживало эти особенности даже тогда, когда позабывалось самое животненное уподобление. Под таким чарующим воздействием звуков языка слагались и религиозные, и нравственные убеждения человека. «Человек (сказал Бэкон⁵) думает, что ум управляет его словами, но случается также, что слова имеют взаимное и возвратное влияние на наш разум. Слова, подобно татарскому луку, действуют обратно на самый мудрый разум, силь-

но путают и извращают мышление». Высказывая эту мысль, знаменитый философ, конечно, не предчувствовал, какое блистательное оправдание найдет она в истории верований и культуры языческих народов. Если переложить простые, общепринятые нами выражения о различных проявлениях сил природы на язык глубочайшей древности, то мы увидим себя отовсюду окруженными мифами, исполненными ярких противоречий и несообразностей: одна и та же стихийная сила представлялась существом и бессмертным и умирающим, и в мужском и в женском поле, и супругом известной богини и ее сыном, и так далее, смотря по тому, с какой точки зрения посмотрел на нее человек и какие поэтические краски придавал таинственной игре природы. Ничто так не мешает правильному объяснению мифов, как стремление систематизировать, желание подвести разнородные предания и поверья под отвлеченную философскую мерку, чем по преимуществу страдали прежние, ныне отжившие методы мифотолкования. Не имея прочных опор, руководясь только собственной, ничем не сдержанной догадкой, ученые, под влиянием присущей человеку потребности уловить в бессвязных и загадочных фактах сокровенный смысл и порядок, объясняли мифы каждый по своему личному разумению: одна система сменяла другую, каждое новое философское учение рождало и новое толкование старинных сказаний, и все эти системы, все эти толкования так же быстро падали, как и возникали⁶. Миф есть древнейшая поэзия, и как свободны и разнообразны могут быть поэтические воззрения народа на мир, так же свободны и разнообразны и создания его фан-

тазии, живописующей жизнь природы в ее ежедневных и годовичных превращениях. Живой дух поэзии нелегко поддается сухому формализму ума, желающему все строго разграничить, всему дать точное определение и согласить всевозможные противоречия; самые любопытные подробности преданий остались для него неразгаданными или объяснены с помощью таких хитрых отвлеченностей, которые нисколько не вяжутся со степенью умственного и нравственного развития младенческих народов. Новый метод мифотолкования потому именно и заслуживает доверия, что приступает к делу без наперед составленных выводов и всякое свое положение основывает на прямых свидетельствах языка: правильно понятые, свидетельства эти стоят крепко, как правдивый и неопровержимый памятник старины.

Следя за происхождением мифов, за их исходным, первоначальным значением, исследователь постоянно должен иметь в виду и их дальнейшую судьбу. В историческом развитии своем мифы подвергаются значительной переработке. Особенно важны здесь следующие обстоятельства:

а) *Раздробление мифических сказаний.* Каждое явление природы, при богатстве старинных метафорических обозначений, могло изображаться в чрезвычайно разнообразных формах; формы эти не везде одинаково удерживались в народной памяти: в разных ветвях населения выказывалось преимущественное сочувствие к тому или другому сказанию, которое и хранилось как святыня, тогда как другие сказания забывались и вымирали. Что было забываемо одною отраслью племени, то могло уцелеть у другой, и наоборот, что продолжало жить там, то могло утратиться

здесь. Такое разъединение тем сильнее заявляло себя, чем более помогали ему географические и бытовые условия, мешавшие близости и постоянству людских сношений.

б) *Низведение мифов на землю и прикрепление их к известной местности и историческим событиям.* Те поэтические образы, в каких рисовала народная фантазия могучие стихии и их влияние на природу, почти исключительно были заимствуемы из того, что окружало человека, что по тому самому было для него и ближе и доступнее; из собственной житейской обстановки брал он свои наглядные уподобления и заставлял божественные существа творить то же на небе, что делал сам на земле. Но как скоро утрачено было настоящее значение метафорического языка, старинные мифы стали пониматься буквально, и боги мало-помалу унизились до человеческих нужд, забот и увлечений и с высоты воздушных пространств стали низводиться на землю, на это широкое поприще народных подвигов и занятий. Шумные битвы их во время грозы сменились участием в людских войнах; ковка молниеносных стрел, весенний выгон дождевых облаков, уподобляемых дойным коровам, борозды, проводимые в тучах громами и вихрями, и рассыпание плодоносного семени-дождя заставили видеть в них кузнецов, пастухов и пахарей; облачные сады и горы и дождевые потоки, вблизи которых обитали небесные боги и творили свои славные деяния, были приняты за обыкновенные земные леса, скалы и источники, и к этим последним прикрепляются народом его древние мифические сказания. Каждая отдельная часть племени привязывает мифы к своим ближайшим урочищам и чрез то налагает

на них местный отпечаток. Низведенные на землю, поставленные в условия человеческого быта, воинственные боги утрачивают свою недоступность, нисходят на степень героев и смешиваются с давно усопшими историческими личностями. Миф и история сливаются в народном сознании; события, о которых повествует последняя, вставляются в рамки, созданные первым; поэтическое предание получает историческую окраску, и мифический узел затягивается еще крепче.

в) *Нравственное (этическое). мотивирование мифических сказаний.* С развитием народной жизни, когда в отдельных ветвях населения обнаруживается стремление сплотиться воедино, необходимо возникают государственные центры, которые вместе с тем делаются и средоточиями духовной жизни; сюда-то приносится все разнообразие мифических сказаний, выработанных в различных местностях; несходства и противоречия их бросаются в глаза, и рождается естественное желание примирить все замеченные несогласия. Такое желание, конечно, чувствуется не в массах простого народа, а в среде людей, способных критически относиться к предметам верования, в среде ученых, поэтов и жрецов. Принимая указания мифов за свидетельства о действительной жизни богов и их творческой деятельности и стараясь по возможности устранить все сомнительное, они из многих однородных редакций выбирают одну, которая наиболее соответствует требованиям современной нравственности и логики; избранные предания они приводят в хронологическую последовательность и связывают их в стройное учение о происхождении мира, его кончине и судьбах богов. Так воз-

никает канон, устрояющий царство бессмертных и определяющий узаконенную форму верований. Между богами устанавливается иерархический порядок; они делятся на высших и низших; самое общество их организуется по образцу человеческого, государственного союза, и во главе его становится верховный владыка с полною царственною властью. Степень народной культуры оказывает несомненное влияние на эту работу. Новые идеи, вызываемые историческим движением жизни и образованием, овладевают старым мифическим материалом и мало-помалу одухотворяют его: от стихийного, материального значения представление божества возвышается до идеала духовного, нравственно-разумного. Так, могучий Один⁷ из властителя бурь и гроз переходит в представителя народного германского духа; облачные девы (норны⁸ и музы⁹) получают характер мудрых вещательниц судеб, наделяющих смертных дарами предвиденья и поэтического вдохновения.

Итак, зерно, из которого вырастает мифическое сказание, кроется в первозданном слове; там, следовательно, и ключ к разгадке басни, но чтобы воспользоваться им, необходимо пособие *сравнительной филологии*. Наука о языке сделала в последнее время огромные успехи; в широкой, разнообразной и изменчивой области человеческого слова, где еще недавно видели или необъяснимое чудо, сверхъестественный дар, или искусственное изобретение, она указала строгие, органические законы; в прихотливых разливах языков и наречий, на которых выражается человечество, определила группы более или менее родственных потоков, изшедших из одного русла,

и вместе с этим начертила верную картину расселения племен и их кровной близости. Так называемые индоевропейские языки, к отделу которых принадлежат и наречия славянские, суть только разнообразные видоизменения одного древнейшего языка, который был для них тем же, чем позднее для наречий романских был язык латинский,— с тою, однако ж, разницей, что в такую раннюю эпоху не было литературы, чтобы сохранить там какие-нибудь остатки этого праязыка. Племя, которое говорило на этом древнейшем языке, называло себя ариями, и от него-то, как многоплодные отрасли от родоначального ствола, произошли народы, населяющие почти всю Европу и значительную часть Азии. Каждый из новообразовавшихся языков, развиваясь исторически, многое терял из своих первичных богатств, но многое и удерживал, как залог своего родства с прочими арийскими языками, как живое свидетельство их бывшего единства. Только путем сравнительного изучения можно доискаться действительных корней слов и с значительною точностью определить ту сумму речений, которая принадлежала еще отдаленному времени ариев, а с тем вместе определить круг их понятий и самый быт; ибо в слове заключена внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и природу. Принято те представления, какие у всех или большинства индоевропейских народов обозначаются родственными звуками, относить к той давней эпохе, когда означенные народы существовали, так сказать, в возможности, когда они сливались еще в одно прародительское племя. После того, как племя это раздробилось на отдельные ветви и разошлось в разные

стороны, каждая ветвь, согласно с вновь возникавшими потребностями, продолжала создавать для себя новые выражения, но уже налагала на них свою особенную, национальную печать. Один и тот же предмет, с которым познакомились народы после своего разобщения, они начинают называть разными именами, смотря по тому, какое применение давалось ему здесь и там в житейских нуждах, или по тому, какие из его признаков наиболее поражали народное воображение. Первые страницы истории человечества навсегда бы остались белыми, если бы не явилась на помощь сравнительная филология, которая, по справедливому замечанию Макса Мюллера¹⁰, дала ученым в руки такой телескоп. что там, где прежде могли мы видеть одни туманные пятна, теперь открываем определенные образы. Анализируя слова, возводя их к начальным корням и восстанавливая забытый смысл этих последних, она открыла нам мир доисторический, дала средства разгадать тогдашние нравы, обычаи, верования, и свидетельства ее тем драгоценнее, что старина выражается и перед нами теми же самыми звуками, в каких некогда выражалась она первобытному народу. Хотя наука и далека еще от тех окончательных выводов, на которые имеет несомненное право, тем не менее сделано много. Замечательная попытка восстановить, по указаниям, сбереженным в архиве языка, стародавний быт ариев принадлежит Пикте¹¹. Тщательный разбор слов, происхождение которых относится к арийскому периоду, свидетельствует, что племя, гением которого они созданы, обладало языком вполне образовавшимся и чрезвычайно богатым, что оно вело жизнь наполовину пастушескую,

кочевую, наполовину земледельческую, оседлую, что у него были прочные семейные и общественные связи и известная степень культуры: оно умело строить села, города, пролагать дороги, делать лодки, готовить хлеб и опьяняющие напитки, знало употребление металлов и оружия, знакомо было с некоторыми ремеслами; из зверей — бык, корова, лошадь, овца, свинья и собака, из птиц — гусь, петух и курица уже были одомашнены. Большая часть мифических представлений индоевропейских народов восходит к отдаленному времени ариев; выделяясь из общей массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе с богато выработанным словом, уносили с собой и самые воззрения и верования. Отсюда понятно, почему народные предания, суеверия и другие обломки старины необходимо изучать сравнительно. Как отдельные выражения, так и целые сказания и самые обряды не везде испытывают одну судьбу: искаженные у одного народа, они иногда во всей свежести сберегаются у другого; разрозненные их части, уцелевшие в разных местах, будучи сведены вместе, очень часто поясняют друг друга и без всякого насилия сливаются в одно целое. Сравнительный метод дает средства восстановить первоначальную форму преданий, а потому сообщает выводам ученого особенную прочность и служит для них необходимою проверкою. При таком изучении мифа весьма важная роль выпадает на долю санскрита¹² и Вед¹³. Вот что об этом говорит Макс Мюллер: «К сожалению, в семье арийских языков ни один не имеет такого значения, какое для романских языков имеет язык латинский, с помощью которого мы можем

определить, в какой степени первообразна форма каждого слова в языках: французском, итальянском и испанском. Санскрит нельзя назвать отцом латинского и греческого (равно как и других родственных) языков, как латинский можно назвать отцом всех романских наречий. Но хотя санскрит только брат между братьями, тем не менее брат старший, потому что его грамматические формы дошли до нас в древнейшем, более первобытном виде; вот почему, как скоро удастся проследить видоизменения какого-нибудь греческого или латинского слова до соответствующей ему формы в санскрите, это уже почти всегда даст нам возможность объяснить его построение и определить его первоначальное значение. Это имеет особенную силу в применении к именам мифологическим. Для того, чтобы какое-нибудь слово получило мифологический смысл, необходимо, чтобы в языке утратилось или затемнилось сознание первоначального, собственного значения этого слова. Таким образом, слово, которое в одном языке является с мифологическим значением, очень часто в другом имеет совершенно простой и общепонятный смысл, или по крайней мере легко может быть объяснено при помощи уцелевших в нем речений, производных от того же корня. Так называемая индусская мифология имеет мало или вовсе не имеет значения для сравнительных исследований. Все сказания о Шиве, Вишну, Магадеве¹⁴ и пр. позднего происхождения: они возникли уже на индийской почве (т. е. уже после выделения индусов из общеарийской семьи). Но между тем, как позднейшая мифология Пуран¹⁵ и эпических поэм не представляет почти никакого материала для занимающегося срав-

нительной мифологией, в Ведах сохранился целый мир первобытной, естественной и удобопонятной мифологии. Мифология Вед для сравнительной мифологии имеет то же самое значение, какое санскрит — для сравнительной грамматики. К счастью, в Ведах мифология не успела еще сложиться в определенную систему. Одни и те же речения употребляются в одном гимне как нарицательные, в другом — как имена богов; одно и то же божество занимает разные места, становится то выше, то ниже остальных богов, то уравнивается с ними. Все существо ведийских богов, так сказать, еще прозрачно; первоначальные представления, из которых возникли эти божественные типы, еще совершенно ясны. Родословные и брачные связи богов еще не установились: отец иногда оказывается сыном, брат — мужем; богиня, которая в одном мифе является матерью, в другом играет роль жены. Менялись представления поэтов — менялись свойства и роли богов. Нигде так резко не чувствуется огромное расстояние, отделяющее древние поэтические сказания Индии от самых ранних начатков греческой литературы, как при сравнении еще не успевших установиться, находящихся еще в процессе развития ведийских мифов с достигшими полного, окончательного развития и уже разлагающимися мифами, на которых основана поэзия Гомера. Настоящая теогония¹⁶ арийских племен — Веда, между тем как «Теогония» Гезиода¹⁷ не более, как искаженная карикатура первоначального образа. Чтобы убедиться, в какой степени дух человеческий неизбежно подчиняется неотразимому влиянию языка во всем, что касается сверхъестественных и отвлеченных

представлений, следует читать Веды. Если хотите объяснить индусу, что боги, которым он поклоняется, не более, как названия явлений природы, названия, которые мало-помалу утратили собственный, первоначальный смысл, олицетворились, наконец были обоготворены, заставьте его читать Веды». Свидетельства, сохраненные гимнами Вед, осветили запутанный лабиринт мифических представлений и дали путеводные нити, с помощью которых удалось проникнуть в его таинственные переходы; лучшие из современных ученых постоянно пользуются этим богатым источником при своих исследованиях, и пользуются небесплодно: значительная часть добытых ими результатов стоит уже вне всяких сомнений.

Постепенность, с которою разветвлялись индоевропейские племена, не должна быть оставляема без внимания; указывая на большую или меньшую близость родства между различными народами и их языками, она в то же время может до известной степени руководить при решении вопроса об относительной давности народных сказаний: сформировались ли они на почве арийской, или в какой-нибудь главной племенной ветви, до разделения ее на новые отрасли, или наконец образовались в одной из этих последних? В первом случае сказание повсюду удерживает более или менее тождественные черты не только в основе, но и в самой обстановке; во втором случае — тождественность эта будет замечаться только у народов, происшедших от главной ветви, а в последнем — у народов, составляющих побеги одной из вторичных отраслей родословного древа. Чем позднее редакция ска-

зания, тем теснее границы ее распространения и тем явственнее отражаются на ней национальные краски. Славяне, о которых нам придется говорить преимущественно пред всеми другими народами,— славяне прежде, нежели явились в истории как самобытное, обособившееся племя, жили единою, нераздельною жизнью с литовцами; славяно-литовское племя выделилось из общего потока германо-славяно-литовской народности, а эта последняя составляет особо отделившуюся ветвь ариев. Итак, хотя славяне и состоят в родстве со всеми индоевропейскими народами, но ближайшие кровные узы соединяют их с племенами немецким и еще более — литовским.

Изо всего сказанного очевидно, что главнейший источник для объяснения мифических представлений заключается в языке. Воспользоваться его указаниями — задача широкая и нелегкая; к допросу должны быть призваны и литературные памятники прежних веков, и современное слово, во всем разнообразии его местных, областных отличий. Старина открывается исследователю не только в произведениях древней письменности; она и доньше звучит в потоках свободной, устной речи. *Областные словари* сохраняют множество стародавних форм и выражений, которые столько же важны для исторической грамматики, как и для бытовой археологии; положительно можно сказать, что без тщательного изучения провинциальных особенностей языка многое в истории народных верований и обычаев останется темным и неразгаданным. Сверх того, как часто выражение обиходное, общеупотребительное, по-видимому, ничтожное для науки, при

более внимательном разборе его дает любопытное свидетельство о давно позабытом, отжившем представлении. Просвещение, подвинутое христианством, могло одухотворить материальный смысл тех или других слов, поднять их до высоты отвлеченной мысли, но не могло изменить их внешнего состава; звуки остались те же, и с помощью ученого анализа позднейшая мысль, наложенная на слово, может быть снята и первоначальное его значение восстановлено¹⁸. Особенною силою и свежестью дышит язык эпических сказаний и других памятников устной словесности; памятники эти крепкими узами связаны с умственными и нравственными интересами народа, в них запечатлены результаты его духовного развития и заблуждений, а потому, вместе с живущими в народе преданиями, поверьями и обрядами, они составляют самый обильный материал для мифологических исследований. Летописные свидетельства о дохристианском быте славян слишком незначительны, и, ограничиваясь ими, мы никогда не узнали бы родной старины, тогда как указанные источники дают возможность начертить довольно полную и верную ее картину. Поэтому считаем небесполезным предпослать несколько кратких заметок о памятниках народной литературы, свидетельствами которых придется нам постоянно пользоваться.

1. *Загадка*. Народные загадки сохранили для нас обломки старинного метафорического языка. Вся трудность и вся сущность загадки именно в том и заключается, что один предмет она старается изобразить чрез посредство другого, какой-нибудь стороною аналогического с первым. Кажущееся бессмыслие многих загадок удивляет

нас только потому, что мы не постигаем, что могли бы найти народ сходного между различными предметами, по-видимому, столь непохожими друг на друга; но как скоро поймем это уловленное народом сходство, то не будет ни странности, ни бессмыслия. Приведем несколько примеров: «Черненька собачка, свернувшись, лежит; не лает, не кусает, а в дом не пускает» (замок); «Лежит баран — не столько шерсти на нем, сколько ран» (колода, на которой дрова рубят); «В хлеву у быка копна на рогах, а хвост на дворе у бабы в руках» (ухват с горшком); «Сивая кобыла по полю ходила, к нам пришла — по рукам пошла» (сито); «Сквозь лошадь и корову свиньи лен волокут» (тачать сапоги). С первого взгляда кажется нелепостью назвать замок — собакою, колоду — бараном, ухват — быком, сито — кобылою; но если взглянем пристальнее, то увидим, что собака послужила метафорой для замка, потому что она так же сторожит хозяйское добро, как и запертый замок; крепкий удар бараньего лба заставил уподобить этому животному деревянные орудия, употреблявшиеся в старину для разбития стен и оград, а потому и всякая свая, колода могла назваться бараном; ухват своими распорками (вилами) напоминает рога быка, почему в некоторых областных наречиях он называется *рогач*; сито готовится из конского волоса, и в приведенной загадке *целое* поставлено вместо *части*; то же и в загадке, означающей «тачать сапоги»: сквозь лошадь и корову, т. е. сквозь конскую и коровью кожи (подошву и юфть), свиньи, т. е. щетина на конце нити, лен волокут. Загадка: «Царь Костянтин гонит кони через тын» (гребешок) покажется более нежели

странную, если не обратим внимания на ее малорусские варианты: «Зубчатый костян через гору свини гнав», или: «Маленьке-костяненко хочь з якого лесу густого скот выжене», т. е. гребешок вычесывает из волос вшей; назван он царем Константином по созвучию этого имени с словом «костяной». Подобно тому веник получил в загадках название *Митя*, по созвучию этого слова с глаголом *мести*, *мету*: «Туда Митя, сюда Митя (первоначальная форма, конечно, была: туда *метѣ*, сюда *метѣ*) и под лавку ушел».

В то время, когда корни слов затемняются для народного сознания, богатый метафорический язык древнейшей эпохи, сроднивший между собой разнообразные предметы и явления, делается для большинства малодоступным, *загадочным*, хотя и надолго удерживается в народе силою привычки и сочувствием к старинному выражению. Только избранные, *вещие* люди могут объяснить его смысл; но с течением времени и они мало-помалу теряют исходную нить и забывают те мотивы, которыми руководствовалась фантазия при создании тех или других метафорических названий. Связь между известным предметом или явлением и его образным представлением память народная удерживает целые столетия, но истинный смысл этой связи — как и почему она возникла? — утрачивается, и уловить его без пособия науки невозможно. Стройный эпический склад народных загадок, необыкновенная смелость сближений, допускаемых ими, и та наивность представлений, которая составляет их наиболее характеристическое свойство, убедительно свидетельствуют за их глубокую древность. Хотя и в позднейшее

время сочинялись, по образцу старинных загадок, новые, но в них нетрудно уже заметить большее или меньшее отсутствие художественного такта и творческой силы. Так как происхождение загадок тесно связано с образованием метафорического языка, то понятно, какой важный материал представляют они для исследований мифологических, и особенно те из них, которые наименее доступны непосредственному пониманию, а требуют для своего разъяснения ученого анализа. В них запечатлел народ свои старинные воззрения на мир божий: смелые вопросы, заданные пытливым умом человека о могучих силах природы, выразились именно в такой форме. Такое близкое отношение загадки к мифу придало ей значение таинственного ведения, священной мудрости, доступной преимущественно существам божественным. У греков задает загадки чудовищный сфинкс; в скандинавской Эдде боги и великаны состязаются в мудрости, задавая друг другу загадки мифического содержания, и побежденный должен платить своею головою. Славянские предания загадывание загадок приписывают Бабе-Яге, русалкам и вилам¹⁹; как лужицкая полудница наказывает смертью того, кто не сумеет отвечать на ее мудреные вопросы, так и наши русалки готовы защекотать всякого, кто не разрешит заданной ими загадки. Ответы древних оракулов, поучения кельтских друидов²⁰, предсказания вещих людей обыкновенно облекались в этот таинственный язык и в кратких изречениях ходили в народе, как выражения высшего разума и правдивого взгляда на жизнь и природу. Ученая разработка загадок доставит исследователю много драгоценных указаний на языческую ста-

рину, которыми рано или поздно наука непременно воспользуется; но само собою разумеется, что, трудясь над раскрытием истинного смысла загадочных выражений, должно постоянно иметь в виду связь их со всеми другими преданиями и поверьями, и с устной народною речью. Все это может показаться сомнительным только тому, кто привык видеть в загадке одну пустую забаву, в которую обратилась она в позднейшее время. Но ведь и в другие остатки язычества из религиозного обряда и мифического сказания выродились в праздную забаву и досужую игру, подобно тому, как некогда обоготворенные прекрасные истуканы Аполлона и Афродиты в наше время не более, как изящные произведения, назначенные украшать сады и залы. Впрочем, наш простолюдин не всегда забавляется загадками: бывает в году пора, когда он считает обрядовым долгом задавать загадки и разрешать их,— это праздник Коляды²¹. Хитрое препирание загадками составляет любимый эпический прием у всех младенческих народов; на нем основаны многие произведения старинной книжной литературы, народные сказки, песни и знаменитый стих о Голубиной книге²², исполненный любопытных космогонических преданий.

2. *Пословицы, поговорки, присловья, прибаутки* мало представляют осязательных намеков на языческие верования; но они важны, как выразительные, меткие, по самой форме своей наименее подверженные искажению образцы устной народной речи и как памятники издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия. Разработке этих любопытных материалов была посвящена г. Буслаевым подробная статья (во 2-й кни-

ге Архива историко-юридических сведений о России), в которой он, опираясь на свидетельства пословиц и поговорок, сумел выяснить многие черты старинного быта пастушеского и земледельческого²³. А потому, не повторяя уже высказанного прежде нас, мы заметим только, что пословицы и поговорки сливаются со всеми другими краткими изречениями народной опытности или суеверия, как-то: *клятвами, приметами, истолкованиями сновидений и врачебными наставлениями*. Эти отрывочные, нередко утратившие всякий смысл изречения примыкают к общей сумме стародавних преданий и в связи с ними служат необходимым пособием при объяснении различных мифов.

Примета всегда указывает на какое-нибудь соотношение, большею частью уже непонятное для народа, между двумя явлениями мира физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени. Главным образом приметы распадутся на два разряда:

а) во-первых — приметы, выведенные из действительных наблюдений. По самому характеру первоначального быта пастушеско-земледельческого человек всецело отдавался матери-природе, от которой зависело все его благосостояние, все средства его жизни. Понятно, с каким усиленным вниманием должен был он следить за ее разнообразными явлениями, с какою неустанною заботливостью должен был всматриваться в движение небесных светил, их блеск и потухание, в цвет зари и облаков, прислушиваться к ударам грома и дуновению ветров, замечать вскры-

тие рек, распускание и цветение деревьев, прилет и отлет птиц и проч. и проч. Живое воображение на лету схватывало впечатления, посылаемые окружающим миром, старалось уловить между ними взаимную связь и отношения и искало в них знамений грядущей перемены погоды, приближения весны, лета, осени и зимы, наступления жаров или холода, засухи или дождевых ливней, урожая или бесплодия. Не зная естественных законов, народ не мог понять, почему известные причины вызывают всегда известные последствия; он видел только, что между различными явлениями и предметами существует какая-то таинственная близость, и результаты своих наблюдений, своей впечатлительности выразил в тех кратких изречениях, которые так незаметно переходят в пословицы и так легко удерживаются памятью. Приметы эти более или менее верны, смотря по степени верности самих наблюдений, и многие из них превосходно обрисовывают быт поселянина. Приведем несколько примеров: если в то время, когда пашут землю, подымется пыль и садится на плечи пахаря, то надо ожидать урожайного года, т. е. земля рыхла и зерну будет привольно в мягком ложе. Частые северные сияния предвещают морозы; луна бледна — к дождю, светла — к хорошей погоде, красновата — к ветру; огонь в печи красен — к морозу, бледен — к оттепели; если дым стелется по земле, то зимою будет оттепель, летом — дождь, а если подымется вверх столбом — это знак ясной погоды летом и мороза зимою; большая или меньшая яркость северных сияний, цвет луны и огня и направление дыма определяются степенью сухости и влажности воздуха,

от чего зависит также и ясная погода или ненастье, морозы или оттепель. На том же основании падение туманов на землю сулит непогоду, а туманы, подымающиеся кверху, предвещают вёдро. Если зажженная лучина трещит и мечет искры — ожидай ненастья, т. е. воздух влажен и дерево отсырело.

б) Но, сверх того, есть множество примет суеверных, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление, так как в глазах язычника, под влиянием старинных метафорических выражений, все получало свой особенный, сокровенный смысл. Между этими приметами, на которые наталкивали человека его верования и самый язык, и приметами, порожденными знакомством с природою, таится самая тесная связь. Древнейшее язычество состояло в обожании природы, и первые познания об ней человека были вместе и его религией; поэтому действительные наблюдения часто до того сливаются в народных приметах с мифическими воззрениями, что довольно трудно определить, что именно следует признать здесь за первоначальный источник. Многие приметы, например, вызваны, по видимому, наблюдением над нравами, привычками и свойствами домашних и других животных. Нельзя совершенно отрицать в животных того тонкого инстинкта, которым они заранее предчувствуют атмосферные перемены; предчувствие свое они заявляют различно: перед грозой и бурей рогатый скот глухо мычит, лягушки начинают квакать, воробьи купаются в пыли, галки с криком носятся стаями, ласточки низко ширяют в воздухе и т. д. Еще теперь поселяне довольно верно угадывают изменения погоды по

хрюканью свиней, вою собак, мычанью коров и блеянию овец. Народы пастушеские и звероловные, обращаясь постоянно с миром животных, не могли не обратить внимания на эти признаки и должны были составить из них для себя практические приметы. Но, с другой стороны, если взять в соображение ту важную роль, какую играют в мифологии зооморфические олицетворения светил, бури, ветров и громовых туч, то сам собою возникает вопрос: не явились ли означенные приметы плодом этих баснословных представлений? О некоторых приметах, соединяемых с птицами и зверями, положительно можно сказать, что они нимало не соответствуют настоящим привычкам и свойствам животных, а между тем легко объясняются из мифических сближений, порожденных старинным метафорическим языком; так, например, рыжая корова, идущая вечером впереди стада, предвещает ясную погоду на следующий день, а черная — ненастье.

Древность народных примет подтверждается и их несомненным сродством с языческими верованиями, и свидетельством старинных памятников, которые причисляют их к учению «богоотметному», еретическому. «Се бо не погански ли живем, — говорит Нестор, — аще усрести (в стрелу) верующе? аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается ли единец, ли свинью (или конь лыс); то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволу наученью кобь сию держать, друзии же и захыханью веруют, еже бывает на здравье главе. Но сими дьявол лстит и другими нравы, всячьскими лестьми превабля ны от бога». Летописи часто упоминают о приметах по светилам и другим явлениям природы, прибавляя, что знамения

эти «овы бывают на добро, а овы на зло». В слове Кирилла Туровского²⁴ о мытарствах сказано: «15-е мытарство — всякая ересь, иже веруют в стречю, и в чох, и в полаз, и во птичей грай, и в ворожбу». В славянском дополнении к древнему переводу слова Григория Богослова²⁵ читаем: «Ов присягы костьми чловечами творить*, ов кобени пѣтичь смотрить, ов съретения сумньиться». Подобные указания продолжаются в памятниках разных веков до позднейшего времени; но самое полное исчисление суеверных примет встречаем в статье, известной под названием «О книгах истинных и ложных». Большинство списков этого индекса относится к XVI и XVII столетиям; здесь осуждаются: «сонник, волховник — волхвующе птицами и зверьми, еже есть се: стенотреск (вар.— храм трещит), ухозвон, врано-грай, куроклик (т. е. крик воронов и пение петухов), окомиг, огонь бучит, пес выет, мышеписк, мышь порты изгрызет, жаба вокоче (вар. — воркочет, квогчет), мышца подрожат, сон страшен, слепца стряцет (встретит), изгорит нечто, огонь пищит, искра из огня (прянет), кошка мявкает, падет человек, свеща угаснет, конь ржет, вол на вол (вскочет), птичник (вар. — поточник различных птиц; течение — полет), пчела поет, рыба вострепещет, трава шумит, древо о древо скрипит, лист шумит, сорока пощекочет, дятел, жолна, волк выет, гость приидет, стенощелк, полатничик (вар. — латочник), путник-книга, в ней же есть писано о стречах и коби всяческая еретическая о часех о злых и о добрых...»**.

* Вероятно: клянется костями предков.

** Сличи в сборнике XVIII столетия: «И пса слушают, и кошки мявкают, или гусь кокочет, или утица

Когда метафорический язык утратил свою общедоступную ясность, то для большинства понадобилась помощь вещей людей. Жрецы, поэты и чародеи явились истолкователями разнообразных знамений природы, глашатаями воли богов, *отгадчиками* и *предвещателями*. Они не только следили за теми приметами, которые посылала обожествленная природа независимо от желаний человека, но и сами допрашивали ее. В важных случаях жизни, когда народ или отдельные лица приступали к религиозным обрядам: возжигали огонь, творили молитвы и возлияния, приносили жертву и по ее внутренностям, по виду и голосу жертвенного животного, по пламени огня и по направлению дыма заключали о будущем; или выводили посвященных богам животных, и делали заключения по их поступу, ржанию или мычанию; точно так же полет нарочно выпущен-

---

крякнет, и петел стоя поет, и курица поет — худо будет, конь ржет, вол ревет, и мыш порты грызет, и хорь порты портит, и тараканов много — богату быти, и сверьщков — такожде, и мыш в жниве высоко гнездо совнет — и снег велик будет и погода будет, кости болят и подколенки свербят — путь будет, и длани свербят — пенязи имать, очи свербят — плакати будут, и встреча добрая и злая — и скотьская, и птичия, и звериная, и человеческая; изба хре(у)стит, огонь бучит, и искра прянет, и дым высоко в избе ходит — к погодию, и берег подымается, и море дичится, и ветры сухие или мокрые тянут, и облака дождевые и снежные и ветренныя, и гром гремит, и буря веет, и лес шумит, и древо о древо скрыпает, и волки воют, и белки скачут — мор будет и война встанет, и вода пребудет, и плодов в лете в коем не будет или умножится, и зори смотрят, небо дряхлует (?) — ведро будет, и пчолы шумят — рой будет, и у яблони хвостики колотят, да яблоки будут велики... Сие творяще да будут прокляти».

ных священных птиц, их крики, принятие и непринятие корма служили предвестиями успеха или неудачи, счастья или беды. Совершалось и множество других обрядов, с целью вызвать таинственные знамения грядущих событий. Подобно тому, как старинное метафорическое выражение обратилось в *загадку*, так эти религиозные обряды перешли в народные *гадания* и *ворожбу*. Сюда же относим мы и *сновидения*: это та же примета, только усмотренная не наяву, а во сне; метафорический язык загадок, примет и сновидений один и тот же. Сон был олицетворяем язычниками, как существо божественное, и все виденное во сне почиталось внушением самих богов, намеком на что-то неведомое, чему суждено сбыться. Поэтому сны нужно разгадывать, т. е. выражения метафорические переводить на простой, общепонятный язык. Необходимо, однако, заметить, что исследователи должны с крайнею недоверчивостью и осторожностью пользоваться так называемыми «сонниками», и даже лучше — совсем от них отказаться. Если бы издатели сонников потрудились собрать действительно живущие в народе объяснения сновидений, это был бы драгоценный материал для науки, по важному значению для нее тех метафорических сближений, на которых, собственно, и держится истолкование снов. Но, вместо того, издание сонников всегда было делом спекулянтов, рассчитывавших на людское невежество и простодушие; составляя свои объемистые книги, они не думали собирать того, чему в самом деле верил народ, а выдумывали от себя, лгали и не останавливались ни перед каким вымыслом, только бы захватить в круг своих объяснений возможно более житейских мелочей и на каждый

случай дать особенный ответ. Вера в пророческое значение сновидений и желание разгадывать их давали ход этим книгам в малообразованных классах общества, и они в свою очередь могли распространить в народе разные нелепости, неоправдываемые ни преданиями старины, ни свидетельствами языка. Потому собиратель снотолкований преимущественно и даже исключительно должен обращаться в те уединенные местности, куда не проникала еще грамотность и где старина сохраняется в большей неприкосновенности.

Чтобы нагляднее показать то важное влияние, какое имели на создание примет, гаданий, снотолкований и вообще поверий язык и наклонность народного ума во всем находить аналогию, мы приведем несколько примеров. Самые примеры выбираем такие, смысл которых ясен и без особенных ученых разысканий.

Не должно кормить ребенка *рыбою* прежде, нежели минет ему год, в противном случае он долго не станет *говорить*: так как *рыба нема*, то суеверие связало с рыбною пищей представление о долгой немоте ребенка.

Не должно есть с *ножа*, чтобы не сделаться *злым* — по связи понятий убийства, резни и кровопролития с острым ножом.

Если при весеннем разливе лед не тронется с места, а *упадет на дно* реки или озера, то год будет *тяжелый*; от *тяжести* потонувшего льда поселяне заключают о *тяжелом* влиянии грядущего лета: будет или неурожай, бескормица, или большая смертность в стадах, или другая беда. Вообще *падение* сулит несчастье, так как слово *падать*, кроме своего обыкновенного значения, употребляется еще в смысле умереть: *падеж* скота, *падаль*.

Если упадет со стены образ — это служит знаком, что кто-нибудь умрет в доме.

При рассадке капусты хозяйка хватается за *голову* и произносит: «Дай же, боже, час добрый! щоб моя капусточка принималась и в головки складалась, щоб из кореня була коренистая, а из листу головистая!» Потом приседает наземь со словами: «Щоб не росла высоко, а росла широко!» Посадив стебель, придавливает гряду коленом: «Щоб була туга, як голино!» Закончив посадку, в начальном краю гряды ставит большой горшок дном кверху, накладывает на него камень и покрывает белым платком, с приговором: «Щоб капуста была туга, як каменец, головата, як горшок, а бела, як платок!» В день, посвященный памяти *усекновения главы* Иоанна Предтечи²⁶, крестьяне *не срезавают и не рубят капусты*; по их мнению, если приняться за эту работу, то на сечке или ноже *выступит кровь*. А при посеве проса не советуют браться за *голову* и чесаться, чтобы не было между всходами *головни* (сорной травы).

На святой неделе²⁷ стелят на лавку полотенце, на которое ставятся принесенные из церкви образа; по окончании обычного молитвословия хозяйка просит священника *вскинуть это полотенце на крышу* избы, чтобы *лен родился долгой* (высокий); если полотенце не скатится с крыши, то лен уродится хороший. У литовцев на празднике, после уборки хлеба, рослая девушка становилась на скамью на одной ноге и, поднявши левую руку вверх, призывала бога Вайсганта²⁸: «Возрасти нам такой же длинный лен, как высока я теперь, чтоб мы не ходили голые!» За недобрую примету почиталось, если бы она пошатнулась при этом обряде.

Не должно *варить яиц там, где сидит наседка*; иначе зародыши в положенных под нее яйцах также *замрут, как и в тех, которые сварены*. Сходно с этим, кто *испечет луковицу* прежде, чем собран лук с гряд, у того он весь *засохнет*.

В случае пореза обмакивают белую ветошку в кровь и просушивают у печки: *как высыхает тряпица, так засохнет*, т. е. затянется, и самая рана. Сушить ветошку надо слегка, не на сильном огне, а то рана еще пуще разболится. В былое время даже врачи не советовали тотчас после кровопускания ставить кровь *на печку* или *лежанку*, думая, что от этого может усилиться в больном *внутренний жар, воспаление*.

Когда невеста моется перед свадьбою в бане и будут в печи головешки, то не следует *бить* их кочергою; не то молодой муж будет *бить* свою суженую. Для пояснения этой приметы прибавим, что пламя очага издревле принималось за эмблему домашнего быта и семейного счастья. Подруги раздевают невесту, моют и парят ее, избегая всякого *шума* и приговаривая: «Как тихо моется раба божия (такая-то), так да будет тиха ее жизнь замужняя!» В Литве думают, что вымытые детские пеленки не должно *катать на скалке*, а потихоньку перетирать в руках, чтобы не мучили ребенка *желудочные боли*.

Два человека *столкнутся* нечаянно *головами* — знак, что им жить вместе, думать заодно (Воронежская губ.). Принимая часть за целое, народные приметы соединяют с *волосами* представление о голове: не должно остриженных волос *жечь* или *кидать зря*, как попало, от этого приключается *головная боль*. Крестьяне собирают свои остриженные волосы, свертывают вместе и

затыкают под стреху или в тын. Чьи волосы унесет птица в свое гнездо, у того будет *колтун*, т. е. волосы на голове *собьются так же плотно, как в птичьем гнезде*. Вместе с тем волосы сделались эмблемою мысли, думы и самого характера человека. Именно такое значение придается им в чарах на любовь; по свидетельству малороссийской песни, цыганка ворожит девице:

Ой уризала русой косы
Да казака накурыла,
Уризала чорного чубу
И дивчыну накурыла, —

т. е. заставила казака и девицу думать друг о друге. У кого *жестки* волосы, у того, по примете, *жесткой* (крутой, сварливый) нрав, и наоборот, *мягкие* волосы говорят о *мягкости*, кротости характера. Как с волосами, так и с *шапкою*, назначенною покрывать голову, следует обращаться осторожно: кто играет своей шапкою, у того *заболит голова*.

Нога, которая приближает человека к предмету его желаний, *обувь*, которою он при этом *ступает*, и *след*, оставляемый им на дороге, играют весьма значительную роль в народной символике. Понятиями *движения*, *поступи*, *следования* определялись все нравственные действия человека; мы привыкли называть эти действия *поступками*, привыкли говорить: *войти* в сделку, *вступить* в договор, *следовать* советам старших, т. е. как бы идти по их следам; отец *ведет* за собою детей, муж — жену, которая древле даже называлась *водимой*, и смотря по тому, как они шествуют за своими вожатыми, составляется приговор о их *поведении*; нарушение уставов называем *про-ступком*, *преступлением*, потому что соединяем с ним идею совращения с настоящей дороги и

переступления законных границ: кто не следует общепринятым обычаям, тот человек *беспутный, не-путевый, заблуждающийся*; сбившись с дороги, он осужден блуждать по сторонам, идти не прямым, а окольным путем. Выражение «перейти кому дорогу» до сих пор употребляется в смысле: повредить чьему-либо успеху, заградить путь к достижению задуманной цели. Отсюда примета, что тому, кто отправляется из дому, не должно *переходить дороги*; если же это случится, то не жди добра. Может быть, здесь кроется основа поверья, по которому *перекрестки* (там, где одна дорога пересекает другую) почитаются за места опасные, за постоянные сборища нечистых духов. В тот день, когда уезжает кто-нибудь из родичей, поселяне не метут избы, чтобы не *замести ему следа*, по которому бы мог он снова воротиться под родную кровлю. Как метель и вихри, *заметая* проложенные следы и ломая поставленные вехи, заставляют плутать дорожных людей, так стали думать, что, уничтожая в дому следы отъехавшего родича, можно помешать его возврату. По стародавнему верованию колдун может творить чары «на след»; «повредить или уничтожить след» означало метафорически: отнять у человека возможность движения, сбить его с ног, заставить слечь в постель. И на Руси, и в Германии чара эта совершается одинаково: колдун снимает широким ножом след своего противника, т. е. вырезывает землю или дерн, на котором стояла его нога, и вырезанный ком *сжигает в печи* или *вешает в дымовой трубе*; как *сохнет* дерн и земля, так *высохнет-исчухнет* и тот несчастный, на чей след творится чара; лошадь, по немецкому поверью, может *охрометь*, если *воткнуть гвоздь в ее свежий*

след. Литовцы вынутый след зарывали на кладбище и верили, что человек ради этого должен умереть в скором времени, т. е. *отправиться по своему следу* в жилище усопших. Допускалось еще следующее применение: подобно тому, как охотник добирается по следам до зверя, так злой враг может добраться по свежим следам до человека и причинить ему гибель; поэтому, спасаясь от колдуна или ведьмы, должно бежать задом наперед («пятиться»), чтобы обмануть их обратным направлением ступни. В народных гаданиях и приметах нога и обувь вещают о выходе из отеческого дома: «подколенки свербят — путь будет» — сказано в старинном сборнике при исчислении различных суеверий. На святках девицы бросают свои башмаки (или лапти) и потом присматриваются: в какую сторону упал башмак *носком* — в той стороне быть замужем. Если *башмак ляжет носком к воротам*, это предзнаменует скорое замужество, *выход* в чужую семью. *Ворота* указывают на предстоящий отъезд; то же предвещание соединяют и с *дверями*. У лужичан девица, становясь посреди избы, бросает свой башмак через левое плечо к дверям, и если он *вылетит вон из комнаты* — то быть ей вскоре просватанной, а если нет — то оставаться при отце, при матери. На Руси мать завязывает дочери глаза, водит ее взад и вперед по избе и затем пускает идти, куда хочет. Если случай приведет девушку в *большой угол* или к *двери* — это служит знаком близкого замужества, а если к печке — то оставаться ей дома, под защитою родного очага. Большой угол потому предвещает свадьбу, что там стоят иконы и оттуда достается образ, которым благословляют жениха и невесту. Сваха, являясь с предложением к ро-

дителям невесты, старается усесться на лавку так, чтобы половица из-под *ее ног шла прямо к двери*; думают, что это содействует успеху дела, что родители согласятся выдать невесту*. Кто, выходя из дому *зацепится в дверях* или *споткнется на пороге*, о том думают, что его что-то задерживает, притягивает к этому дому, и потому ожидают его скорого возврата. Любопытна еще следующая примета, перед поездом к венцу невеста, желающая, чтобы сестры ее поскорее вышли замуж, должна *потянуть за скатерть*, которою покрыт стол**. Метафорический язык уподобляет дорогу разостланному холсту; еще доньше говорится: *полотно дороги*. Народная загадка: «Ширинка — всему свету не скатать» означает «дорогу»; в святочном гадании кому вынется *платок*, тому скоро в путь ехать; то же предвещает и подблюдная песня: «Золота парча развивается, кто-то в путь собирается». Когда кто-нибудь из членов семейства уезжает из дому, то остающиеся на месте махают ему платками, чтобы «путь ему лежал скатертью» — был бы и ровен, и гладок. «Потянуть скатерть» означает, следовательно: потянуть за собою в дорогу и других родичей. Подобные представления должны были заявить себя и в юридической обстановке быта. По древнегерманскому праву

---

* Девы во время святочных вечеров слушают под окнами соседей; если гадающей послышится слово *иди* — знак, что она в том же году выйдет замуж; слово *сядь* означает, что сидеть ей в девках, а слово *ляжь* — лежать во гробу (Чернигов. губ.).

** В некоторых деревнях сваха прежде, нежели отправится на переговоры с родителями невесты, берется за угол стола и сдвигает его с места с таким приговором: «Сдвину я столечницу, сдвину и сердечную» (т. е. подвину и невесту к замужеству).

слуга, переходя во власть нового господина, и невеста, вступающая в брачный союз, обязаны были наступать на башмак повелителя — в ознаменование того, что они будут шествовать одною с ним жизненною дорогою, ходить вслед за ним, т. е. покоряться его воле и с нею сообразовать свои *поступки*. Я. Гримм указывает на обряд, в силу которого кающийся в грехах *наступал на правую ногу* исповедника, изъявляя тем свою готовность идти по его праведным стопам. У нас замечают: кто из молодой четы — жених или невеста вступит во время венчания прежде на разостланный плат, тот и будет властвовать в доме; здесь как бы решается вопрос, кто из новобрачных за кем будет следовать по жизненному пути. О мужьях, послушных женам, говорится, что они «под башмаком», «под туфлею». В крестьянском быту доньше совершается на свадьбах древний обряд *разувания* жениха невестою (см. ниже).

Если чешутся *глаза* — придется плакать, если *лоб* — кланяться с приезжим, *губы* — кушать гостинец, *ладонь* — считать деньги, *ноги* — отправляться в дорогу, *нос* — слышать о новорожденном или покойнике; понятия «слуха» и «чутья» отождествляются в языке: малор. *чую* — слышу, наоборот, великоруссы говорят: «слышу запах»; у кого горят *уши* — того где-нибудь хулят или хвалят, т. е. придется ему услышать о себе худую или хорошую молву.

Кто хочет избавиться от *бородавок*, тот должен навязать на нитке столько же *узелков*, сколько у него бородавок, и закопать ее в землю: когда *сгниет* нитка, вместе с нею *пропадут* и болячки. Или, вместо этого, должен бросить на улицу такое же число *горошин*: кто их подымет и

съест, на того перейдут и болячки. Опираясь на внешнее сходство, народное воззрение сблизило бородавки с шариками узелков и горошинами; бросая последние, человек как бы сбрасывает с себя самые бородавки — и тот невольно принимает их на себя, кто решится поднять кинутые зерна. Передача болезни есть одно из самых обыкновенных средств народной медицины. Так, чтобы избыть чесотку, берут кусок холста, *утираются* им и бросают на дорогу; кто подымет холст, на того перейдет и болезнь. Больные лихорадкою делают на палочке столько нарезок, сколько было параксизмов, и потом кидают ее на дорогу или идут на перекресток в том самом платье, в каком почувствовали впервые болезнь, и, *оставляя там свое платье*, возвращаются домой нагишом; поднявший брошенную палочку или одежду подвергается лихорадке, а больной выздоравливает. Вместе с одеждою *снимается* и самая хворь, и вместе с нею передается она другому. Страдающий куриною слепотою идет на перекресток, садится наземь и притворяется, будто ищет чего-то. На вопрос прохожего: «Что ищешь?» — должно отвечать: «Что найду, то тебе отдам!» — и при этих словах *утереть глаза рукою и махнуть* на любопытного; этого достаточно, чтобы болезнь оставила одного и перешла на другого.

Большой урожай *рябины* бывает к *оспе*: примета, основанная на созвучии слов: *рябина* — известное дерево и *рябина* — знак, оставляемый на теле оспою*.

---

* «Ешь кашу дочиста, не оставляй на тарелке зерен, чтобы жених не был рябой» (или невеста — ряба); «мети избу чище, чтобы жених был хороший» — чистый лицом и душою.

На подобном же созвучии основано лечение *глазного ячменя ячменным зерном*. Берут это зерно, колют слегка больное место и причитывают: «Житина, житина! (ячменное зерно), возьми свою жичину (глазной ячмень)», — и вслед за тем отдают зерно *петуху*; эта некогда священная птица, съедая ячменное зерно, вместе с ним истребляет и ячмень глаза.

Если *мертвец* лежит с *открытыми глазами*, если гроб для покойника сделан *велик*, если *западет могила*, т. е. образуется в ней яма, — все эти приметы служат предвещением, что вскоре еще кто-нибудь умрет в семье. Об открытых глазах покойника думают, что они *высматривают*, кого бы увести с собой на тот свет, и потому на Руси и в Литве закрывают умершему веки и накладывают на них медные монеты; гроб велик — значит *есть еще место* для другого покойника, а яма в могиле — знак, что она *требует новой жертвы*; крестьяне, как только заметят, что могила запала, тотчас же засыпают ее снова и заравнивают.

Если муж бьет жену, то надо положить *под мертвеца* осколок того орудия, которым он дрался, и тогда он сделается кротким (Калужской губ.): *злоба его скончается*. Если муж распутен, то жена должна взять с какой-нибудь *могилы* щепоть земли, всыпать ее в напиток и попотчевать мужа: *распутство в нем замрет* навсегда. Кто *прикасался к мертвому*, тот не должен сеять: зерно *замрет* в его руках и не даст всходов. Мыло, которым обмывали покойника, называется у знахарей *мертвым*; этим мылом они очерчивают у человека, пораженного сибирскою язвою, больные места; натирают им шнуры, из которых делаются петли для ловли зайцев; намазывают капканы,

приготавливаемые на волков и других зверей. Смысл тот, что действием «мертвого мыла» сибирская язва *замирает* — уничтожается, а петли и капканы приобретают мертвящую силу: попавший зверь уже не вырвется!

3. *Заговоры* суть обломки древних языческих молитв и заклинаний и потому представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины. Без сомнения, они не могли дойти и не дошли до нас во всей своей свежести, полноте и неизменности; наравне с другими устными памятниками и они подверглись значительным искажениям — отчасти вследствие сокрушительного влияния времени, отчасти вследствие того разрыва, какой произвело в последовательном развитии народных убеждений принятие христианства. Несмотря на это, заговоры сохранили нам драгоценные свидетельства. В них встречаем мы много странного, загадочного, необъяснимого с первого взгляда, что близорукие любители народности привыкли принимать за бесполезный хлам, но что при более серьезной критике оказывается отголосками поэтических воззрений глубочайшей древности. Кто приступит к изучению заговоров сравнительно с ведаическими гимнами, того непременно поразит замечательное согласие в представлениях, допускаемых теми и другими. Различие только в том, что в гимнах Вед представления эти не утратили еще ни своей ясности, ни взаимной связи, а в заговорах смысл их уже окончательно затерян для народа. Такая вековая прочность заговорного слова условливалась самым значением его в народной жизни. В то время, как загадки, песни и сказки делались средством развлечения, усладою

досуга, низошли с своей эпической высоты и потому удобнее могли быть подновляемы в языке и в обстановке главного содержания,— заговоры удержали за собою тот строгий характер, который не позволяет никаких намеренных отступлений и профанации. Они непригодны для забавы и, как памятники вещего, чародейного слова, вмещают в себя страшную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды; иначе наживешь беду. Заговоры поэтому вышли из общего употребления и составили предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарок и ворожеек; к ним и обращается народ в тех случаях, когда необходимо прибегнуть к помощи старинных заклятий. Могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах; как скоро позабыты или изменены формулы — заклятие недействительно. Это убеждение заставило с особенною заботливостью оберегать самое слово заговора, хранить его как святыню. В помощь памяти стали заносить заговоры на тетрадки, и редкий народный лечебник или травник найдется без заговоров; подобные рукописи, писанные большею частью безграмотно, составляют истинный клад для науки. К сожалению, они не восходят ранее XVIII столетия; допетровская Русь сурово относилась к народному суеверию и вместе с колдунами и ведьмами жгла и их волшебные тетрадки.

4. Из отдела народных лирических *песен* для исследователя старины особенно важны *обрядовые*, названные так потому, что ими сопровождаются семейные и праздничные обряды. Это песни свадебные, похоронные заплачки и причитания, колядки, веснянки, троицкие, купальские

и т. под. Они служат необходимым прояснением различных церемоний и игрищ, совершаемых в том или другом случае, и сохраняют любопытные указания на старинные верования и давно отживший быт. Впрочем, таких указаний немного, потому что песни эти подверглись значительному подновлению; большая часть из них, очевидно, позднейшего происхождения и ничего не дает для науки. Причина такого явления заключается в подвижности, изменчивости личного чувства, которым главным образом определяется содержание лирических песен. Другое должно сказать о песнях эпических — *богатырских*, состоящих в самой тесной связи с народными преданиями и сказками. Основа их — древнее мифическое сказание, и если станем ближе в них всматриваться и сличать их вариации, живущие там и здесь у народов родственных, то необходимо убедимся, что влияние христианства и дальнейшей исторической жизни коснулось только имен и обстановки, а не самого содержания: вместо мифических героев подставлены исторические личности или святые угодники, вместо демонических сил — названия враждебных народов, да в некоторых местах прибавлены позднейшие бытовые черты. Но самый ход рассказа, его завязка и развязка, его чудесное остались неприкосновенными. Древние эпические сказания чужды личного произвола; они не были собственностью того или другого поэта, выражением его исключительных воззрений на мир, а напротив, были созданием целого народа. Вот что в течение долгих веков оберегало народный эпос от окончательного падения и давало ему необыкновенную живучесть. Действительным поэтом был народ; он творил язык и мифы и таким образом

давал все нужное для художественного произведения — и форму, и содержание; в каждом названии уже запечатлевался поэтический образ, и в каждом мифе высказывалась поэтическая мысль. Отдельные лица являлись только пересказчиками или певцами того, что создано народом: одаренные от природы способностью хорошо рассказывать или петь, они передавали в своих повестях и песнях давно всем известное и знакомое. Даже в выборе слов и оборотов они не были совершенно свободны; народный певец постоянно чувствовал неудержимо влекущую его силу предания: характеристические эпитеты, меткие уподобления, картинные описания — все это, однажды созданное творческим гением народа, тотчас же обратилось в общее достояние и стало повторяться без малейшей перемены. Множество готовых выражений и целых стихов значительно облегчали труд составления песни и делали ее, при самом ее рождении, для всех близкою, родною. Неразлучным товарищем эпической песни были у славян гусли, до сих пор составляющие необходимую принадлежность почти каждого дома в гористых местах Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногорья; у малороссиян для этого служит бандура. Старинные поэтические сказания возглашались под звуки музыкальных инструментов; размер стихов и напев постоянно оставались неизменными, а чуткость уха, любовь к мелодии заставляли дорожить каждым словом. Изучение эпических песен, так называемых *былин*, тогда только приведет к прочным выводам, когда исследователи будут держаться сравнительного метода, когда путем обстоятельного сличения различных вариантов былины с родственными памятниками и предания-

ми других народов они определяют позднейшие отмены, снимут исторические наросты и восстановят древнейший текст сказания. Тогда раскроются настоящие основы басни, а вместе с этим и самой эстетической критике будет дана та твердая опора, без которой она обращается не более как в набор фраз и мнений, оправдываемых разве одним темным сочувствием или несочувствием к народной поэзии. Толковать о художественном достоинстве тех образов и красок, смысл которых остается неведомым, — все равно, что рассуждать о меткости и живописности выражений незнакомого нам языка: смелость, которую ничем нельзя извинить в науке! Именно такую смелостью отличаются эстетические приговоры наших критиков, рассуждавших о народных былинах. В литературе высказаны ими два противоположные и равно бездоказательные мнения. Одни хотели видеть в богатырских типах идеалы доблести, великодушия и добрых нравов русского земства и, проводя этот взгляд, вынуждены были многие стороны народного эпоса или вовсе оставить без внимания, или объяснять их внешними влияниями, преимущественно татарским игом. Другие, наоборот, увидели в богатырских песнях только избыток грубой, материальной силы, возведенной до чудовищных размеров, и приписали его грубости самого народа и отсутствию в нем эстетических и нравственных элементов. Подобный же приговор был произнесен нашими критиками и над финскою поэмой Калевалою, хотя Яков Гримм, которого никак нельзя упрекнуть в отсутствии художественного понимания, признал за нею высокое поэтическое достоинство и хотя прекрасная статья его, посвященная Калевале, уже за несколько лет

до того была переведена на русский язык в одном из ученых журналов²⁹. Наслаждение народным эпосом никому не дается даром; оно бывает плодом всестороннего, чуждого предубеждений изучения, становится возможным не прежде, как будут сняты таинственные покровы с древнего сказания и объяснен действительный смысл его поэтических образов. Народные эпические герои — прежде, чем низошли до человека, его страстей, горя и радостей, прежде, чем явились в исторической обстановке, — были олицетворениями стихийных сил природы; отсюда объясняются и те громадные размеры, и та сверхъестественная сила, которые придаются им в былинах и сказках; и в этом нет ничего странного, антихудожественного: поэтический образ создавался фантазией согласно с громадностью и могуществом естественных явлений и надолго удерживал за собою их существенные признаки. Воспевая подвиги богатырей, народный эпос рассказывает, как единым взмахом мечакладенца побивают они несчетные рати и как за единый дух выпивают чару зелена вина — в полтора ведра. Видеть в этих подробностях апофеозу грубого насилия и пьянства может только тот, кто не потрудился вникнуть в мифические основы сказаний, живописующих перед нами борьбу бога-громовника с демоническими силами дожденосных туч. Как в Ведах Индра³⁰, а в Эдде Тор³¹, богатыри наши поражают враждебные рати несокрушимым мечом-молнией и не в меру упиваются дождем, который метафорически назывался медом и вином. На древние мифические основы сказаний и у славян, как у всех других народов, историческая жизнь накладывает свое клеймо. Хранимое в памяти народа, передаваемое

из поколения в поколение, эпическое предание необходимо заимствует частные, отдельные черты из действительного быта и сливает их с стародавним содержанием; вместо облачных духов фантазия заставляет своих богатырей сражаться с полчищами татар и других кочевников и самого богатыря, представителя весенних гроз, представляет каким-нибудь прославленным витязем или героем из козацкой вольницы. Тем не менее старина ярко выступает из-за этих новых представлений, которые далеко не приходится ей по мерке. Исследователь обязан отделить такие разновременные наслоения и каждой эпохе отдать свое. Как бы ни были отрывочны и случайны позднее привнесенные в народный эпос черты, они далеко не лишены значения, и историк вправе ими воспользоваться; но принимать былины, во всем их объеме, за материал, свидетельствующий о действительных событиях и действительном быте, и навязывать то характеру старинного козачества и отношениям русского населения к азиатским кочевникам, что было плодом мифического творчества,— значит поступать вопреки законов исторической критики*.

Народные духовные песни, известные на

---

* Такой недостаток замечается в XIII томе «Истории» проф. Соловьева, который в поэтических изображениях народных былин видит прямые свидетельства о нравах и быте допетровского времени; богатырь и козак, по его мнению, *названия однозначные*, «и наши древние богатырские песни в том виде, в каком они дошли до нас, суть песни козацкие, о козаках». Если бы автор отделил в этих песнях все, что принадлежит русскому народу наравне с другими индоевропейскими племенами, как их общее наследие, то увидел бы, как немного останется на долю действительного козачества!

Руси под именем *стихов*, могут дать полезные указания для разъяснения мифов, так как мотивы христианские более или менее сливаются в них с древнеязыческими. Хотя песни эти сложились под несомненным влиянием апокрифической литературы, но это не умаляет их важности для науки; потому что самые апокрифы явились как необходимый результат народного стремления согласить предания предков с теми священными сказаниями, какие водворены христианством. Откуда бы ни были принесены к нам апокрифические сочинения — из Византии или Болгарии, суеверные подробности, примешанные ими к библейским сказаниям, большею частью коренятся в глубочайшей древности — в воззрениях арийского племени, и потому должны были найти для себя родственный отголосок в преданиях нашего народа. Этим объясняется и то особенное сочувствие, какое издавна питал народ к статьям «отреченным»: они были для него доступнее, ближе, не шли вразрез с его верованиями и действовали на его воображение знакомыми ему образами. Из числа духовных песен, сбереженных русским народом, наиболее важное значение принадлежит *стиху о Голубиной книге*, в котором что ни строка — то драгоценный намек на древнее мифическое представление. Некоторые из преданий, занесенных в означенный стих, встречаются в старинных болгарских рукописях апокрифического характера, появившихся на Руси после принятия христианства; но заключать отсюда, что предания эти чужды были русским славянам и проникли к ним только через посредство литературных памятников, было бы грубою ошибкою. Суеверные сказания, передаваемые стихом о Голубиной книге, составляют общее

достояние всех индоевропейских народов, находят свое оправдание в истории языка и совершенно совпадают с древнейшими мифами индусов и с показаниями Эдды: свидетельство в высшей степени знаменательное! Происхождение их, очевидно, относится к арийскому периоду, и рукописные памятники могли только подновить в русском народе его старинные воспоминания. Самая форма, в какой передается содержание стиха, — форма вопросов или загадок, требующих разрешения, отзывается значительной давностью. Как в Эдде владыка богов Один задавал мудрые вопросы великану Вафтрудниру³², откуда создались земля и небо, месяц и солнце, ночь и день и что будет при кончине мира? — так и в нашем стихе предлагаются и разрешаются подобные же космогонические вопросы царем Давидом и Вологом Волотовичем, имя которого означает великана; позднее оно заменено именем князя Владимира³³. Поводом к такому разговору послужило чудесное явление Голубиной книги: со восточной стороны восходила туча грозная, из той тучи выпадала книга Голубиная. Народная фантазия изображает ее в таких чертах:

Приподнять книгу — не поднять будет,
На руках дёржать — не сдержать будет,
А по книге ходить — всю не выходить,
По строкам глядеть — всю не выгладеть.

Эпизод этот считаем мы за позднейшую приставку, сочиненную под влиянием книжной литературы; источником ее был греческий апокриф об «Откровении Иоанну Богослову». У церковных писателей очень обыкновенно уподобление небесного свода раскрытому свитку, на котором божественный перст начертал таинственные письме-

на о своем величии и бытии мира. Из старинных рукописей метафора эта перешла в народ, что доказывается живущею в устах его загадкою о звездном небе:

Написана грамотка
По синему бархату;
Не прочесть этой грамотки
Ни попам, ни дьякам,
Ни умным мужикам*.

Небесный свод наводил человека на вопросы: откуда солнце, луна и звезды, зори утренняя и вечерняя, облака, дождь, ветры, день и ночь? И потому с народным стихом, посвященным космогоническим преданиям, соединено сказание о гигантской книге, в которой записаны все мировые тайны и которой ни обозреть, ни вычитать невозможно. С этим представлением неба книгою слилась христианская мысль о священном писании, как о книге, писанной св. духом и открывшей смертным тайны создания и кончины мира; так как голубь служит символом св. духа, то необъятной небесной книге было присвоено название *Голубиной*:

Выпадала книга голубиная,
Божественная книга евангельская**.

Отсюда становится понятным и то глубокое уважение, которым пользуется стих о Голубиной книге между староверами и скопцами***.

---

* Та же загадка у болгар: «Господь книгу написал, а не може и сам да я прочете».

** В житии Авраамия Смоленского, сочиненном в XIII столетии, сказано, что он был обвиняем в ереси, «а инии глаголаху нань — голубинныя книги почитает»...

*** В так называемых скопческих «Страдах» читаем: «И дастся тебе книга голубина от божьего сына».

5. До последнего времени существовал несколько странный взгляд на народные *сказки*. Правда, их охотно собирали, пользовались некоторыми сообщаемыми ими подробностями, как свидетельством о древнейших верованиях, ценили живой и меткий их язык, искренность и простоту эстетического чувства; но в то же время в основе сказочных повествований и в их чудесной обстановке видели праздную игру ума и произвол фантазии, увлекающейся за пределы вероятности и действительности. Сказка — складка, песня — быль, говорила старая пословица, стараясь провести резкую границу между эпосом сказочным и эпосом историческим. Извращая действительный смысл этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имеющий единою целью занять свободный досуг небывалыми и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрения уже давно бросалась в глаза. Трудно было объяснить, каким образом народ, вымышляя фантастические лица, ставя их в известные положения и наделяя их разными волшебными диковинками, мог постоянно и до такой степени оставаться верен самому себе и на всем протяжении населенной им страны повторять одни и те же представления. Еще удивительнее, что целые массы родственных народов сохранили тождественные сказания, сходство которых, несмотря на устную передачу их в течение многих веков от поколения к поколению, несмотря на позднейшие примеси и на разнообразие местных и исторических условий, обнаруживается не только в главных основах предания, но и во всех подробностях и в самых приемах. Что творится произволом ничем не сдержанной фантазии, то не

в состоянии произвести такого полного согласия и не могло бы уцелеть в такой свежести; творчество не остановилось бы на скучном повторении одних и тех же чудес, а стало бы выдумывать новые. Доказательством служат все искусственные подделки, в которых чудесное близко граничит с нелепицей и бессмыслием. И к чему народ стал бы беречь, как драгоценное наследие старины, то, в чем сам бы видел только вздорную забаву? Сравнительное изучение сказок, живущих в устах индоевропейских народов, приводит к двум заключениям: во 1-х, что сказки создались на мотивах, лежащих в основе древнейших воззрений арийского народа на природу, и во 2-х, что, по всему вероятно, уже в эту давнюю арийскую эпоху были выработаны главные типы сказочного эпоса и потом разнесены разделившимися племенами в разные стороны — на места их новых поселений, сохранены же народною памятью — как и все поверья, обряды и мифические представления. Итак, сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира. Точно так же старинная песня не всегда была; она, как уже замечено выше, большею частью переносит сказочные предания на историческую почву, связывает их с известными событиями народной жизни и прославившимися личностями и чрез то вставляет стародавнее содержание в новую рамку и придает ему значение действительно прожитой былины. Сказка же чужда всего исторического; предметом ее повествований был не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обого-

творенной природы. Оттого она не знает ни определенного места, ни хронологии; действие совершается в *некое время* — в *тридевятом царстве, в тридесятом государстве*; герои ее лишены личных, исключительно им принадлежащих характеристических признаков и похожи один на другого, как две капли воды. Чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы; в собственном смысле оно нисколько не выходит за пределы естественности, и если поражает нас своею невероятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь с древними преданиями и их живое понимание.

Как народная песня, так и сказка не раз обращалась к христианским представлениям и отсюда почерпала материал для новой обстановки своих древних повествований. Заимствование событий и лиц из библейской истории, самый взгляд, выработавшийся под влиянием священных книг и отчасти отразившийся в народных произведениях, придали этим последним интерес более высокий, духовный; песня обратилась в *стих*, сказка в *легенду*. Разумеется, и в стихах, и в легендах заимствованный материал передается далеко не в должной чистоте. Это, во-первых, потому, что источниками, из которых брал народ данные для своих легендарных сказаний, были по преимуществу сочинения апокрифические, составлявшие его любимое чтение; а во-вторых, потому, что новые христианские черты, налагаемые на старое, давно созданное содержание, должны были подчиняться требованиям народной фантазии и согласоваться с преданьями и поверьями, уцелевшими от эпохи доисторической.

СВЕТ И ТЬМА

зыческие представления имеют свою историю; они создаются не вдруг, а постепенно — вместе с поступательным движением народной жизни, с медленным усвоением уму и памяти внешних явлений природы. Как из неприметного зародыша вырастает целый организм, так из едва уловимых зачатков мысли образуется мало-помалу разнообразная система народных верований. Первый шаг на этом пути должен был состоять в смутно зародившихся в человеке понятиях об отношении его к миру окружающему: он почувствовал, что есть

что-то могучее, постоянно влияющее на его собственное существование. Отделив себя от остального мира, человек увидел всю свою слабость и ничтожность перед тою неодолимою силою, которая заставляла его испытывать свет и мрак, жар и холод, наделяла его насущною пищею или карала голодом, посылала ему и беды, и радости. Природа являлась то нежною матерью, готовою вскормить земных обитателей своею грудью, то злою мачехой, которая вместо хлеба подает твердый камень, и в обоих случаях всецельною властительницею, требующею полного и безотчетного подчинения. Поставленный в совершенную зависимость от внешних влияний, человек признал ее за высочайшую волю, за нечто божественное и повергся перед нею со смиренным младенческим благоговением. В таинственных знамениях природы, в ее спокойно-торжественных и грозных проявлениях видел он одно великое чудо; слово «божество», вылетевшее из его уст, обняло собою все богатство многообразных естественных сил и образов. С дальнейшими приобретениями ума, какие необходимо обуславливались новостью ежедневно возникающих впечатлений и склонностью человека наблюдать и анализировать, он более и болеезнакомился с разнообразием естественных явлений; фантазия вызывалась к работе, понятие о божестве дробилось, и это возрастающее многобожие указывало на большую или меньшую развитость племени в незапамятную эпоху первоначального язычества. Следить за таким процессом создания религиозных образов и связанных с ними поверий чрезвычайно трудно и почти невозможно. Мифология не знает хронологии; хотя несомненно — сказания о богах слагались посте-

пенно и требовали немалого времени, но память о старине, доносимая нам в устных преданиях и символических обрядах, сливает все частное во-едино и разом, в нелегко раскрываемой связи, передает то, что должно было создаваться в течение многих и многих лет.

На раннем утре своего доисторического существования пранарод, от которого произошли индоевропейские племена (в том числе и славяне), был погружен в ту простую, непосредственную жизнь, какая устанавливается матерью-природою. Он любил природу и боялся ее с детским просто-душием и с напряженным вниманием следил за ее знамениями, от которых зависели и которыми определялись его житейские нужды. В ней находил он живое существо, всегда готовое отозваться и на скорбь и на веселье. Сам не сознавая того, он был поэтом; жадно вглядывался в картины обновляющегося весною мира, с трепетом ожидал восхода солнца и долго засматривался на блестящие краски утренней и вечерней зари, на небо, покрытое грозowymi тучами, на старые девственные леса, на поля, красующиеся цветами и зеленью. Нам, по замечанию Макса Мюллера, кажутся детскими встречающиеся в Ведах выражения: «Взойдет ли солнце? возвратится ли заря, наш давнишний благодетель? восторжествует ли божество света над темными силами ночи?» И когда наконец восходило солнце, изумленный зритель задавал себе вопросы: «Каким образом, едва родившись, оно является столь могучим, что, подобно Геркулесу¹, еще в колыбели одерживает победу над чудовищами ночи? как идет оно по небу? отчего нет пыли на его дороге? отчего не скатится вниз с своего небесного пути?»

Но все эти вопросы понятны и трогательны по своей искренности в устах народа, еще не знакомого с мировыми законами. Длинный ряд последовательной смены дня и ночи должен был успокоить взволнованное чувство, и взоры человека привыкли встречать восход солнца поутру и провожать его закат вечером. Но зато редко повторяющиеся затмения долгие годы, даже до позднейшего времени, пробуждали в народах смутное чувство ужаса и сомнений: может быть, благотворное светило дня погибнет навеки и никогда более не озарит своим светом земли и неба. Первые наблюдения человека, первые опыты ума принадлежали миру физическому, к которому потому тяготели и его религиозные верования и его начальные познания; и те и другие составляли одно целое и были проникнуты одним пластическим духом поэзии, или прямее: религия была поэзией и заключала в себе всю мудрость, всю массу сведений первобытного человека о природе. Оттого в наивных представлениях старины и в сказаниях, возникших из мифических основ, так много изящного, обаятельного для художника. Такое отношение к природе, как к существу живому, нисколько не зависело от произвола и прихоти ума. Всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражением его воли, то отсюда он естественно должен был заключить о бытии другой воли (подобной человеческой), кроющейся в силах природы. Иной образ мышления, который мог бы указать ему в природе те бездушные стихии, какие мы видим в ней, был невозможен, ибо требует для себя уже го-

тового отвлеченного языка, который бы не властвовал над фантазией, а был бы покорным орудием в устах человека. Но такой язык, как известно, создается медленными усилиями развития, цивилизации; в ту же отдаленную эпоху всякое слово отличалось материальным, живописующим характером. Мы и доселе выражаемся: солнце *восходит* или *садится*, буря *воет*, ветер *свистит*, гром *ударяет*, пустыня *молчит*; доселе говорим о *силах* природы как о чем-то свободно действующем и только благодаря современным научным сведениям не придаем этим старинным, освященным привычкою выражениям буквального смысла. Мы низвели эти и тысячи других метафорических речений, ежедневно повторяющихся в живой речи, до значения простых формул, обязанных указывать на то или другое явление неодушевленной природы, и произнося их, никому и в голову не приходит, чтоб солнце обладало ногами для ходьбы, чтоб оно восседало на престоле, чтобы ветер производил свист губами, гром бросал молнии рукою, а море действительно могло чувствовать гнев и так далее. Не таково было положение наших доисторических предков; на сущность их мысли язык оказывал чарующее влияние; для них достаточно было, следуя замеченному сходству явлений, сказать: «буря воет», «солнце восходит», как тотчас же возникали в мыслях и те орудия, при посредстве которых совершаются подобные действия человеком и другими животными. Следовательно, при самом начале творческого создания языка силам природы уже придавался личный характер. Такой способ выражения мы называем поэтическим и в метафорах его видим преувеличение; но для тех, которые создавали

язык, ничего не могло быть проще и естественнее. Чтобы лишить природу ее живого, одушевленного характера, чтобы в быстро несущихся облаках видеть одни туманные испарения, а в разящей молнии — электрические искры, нужно усилие ума над самим собою, необходима привычка к рефлексии, а следовательно, до известной степени искусственное образование. Потому-то и дитя и простолюдин неспособны к отвлеченному созерцанию, мыслят и выражаются в наглядных пластических образах. Ушибается ли ребенок о какую-нибудь вещь, в уме его тотчас же возникает убеждение, что она нанесла ему удар, и он готов отплатить ей тем же; катящийся с пригорка камень кажется ему убегающим; журчание ручья, шелест листьев, плеск волны — их говором. Первобытный человек, по отношению к окружающему его миру, был также дитя и испытывал те же психические обольщения. Прибавим к этому, что в древнейших языках каждое из имен существительных имеет окончание, обозначающее мужской или женский род (имена среднего рода позднейшего образования и отличаются от мужских и женских форм большею частью только в именительном падеже), а это должно было породить в уме соответственную идею о поле, так что названия, придаваемые различным явлениям природы, получали не только личный, но и половой тип. Последствием было то, что пока в языке продолжался процесс творчества, до тех пор невозможно было говорить об утре или вечере, весне или зиме и других подобных явлениях, не соединяя с этими понятиями представления о чем-то личном, живом и деятельном. Итак, и язык, и тесно связанный с ним образ мышления, и самая

свежесть первоначальных впечатлений необходимо влекли мысль человека к *олицетворениям*, играющим такую значительную роль в образовании мифов. Человек невольно переносил на божественные стихии формы своего собственного тела или знакомых ему животных, разумеется, формы более совершенные, идеальные, соответственно действительному могуществу стихий. Понятно, что в воззрениях древнейшего народа не могло быть и не было строгого различия между побуждениями и свойствами человеческими и приписанными остальной природе; в его мифах и сказаниях вся природа является исполненной разумной жизни, наделенной высшими духовными дарами: умом, чувством и словом; к ней обращается он и со своими радостями, и со своим горем и страданиями и всегда находит сочувственный отзыв. По нашим народным преданиям, сохранившимся доньше и тождественным с преданиями всех других племен, звери, птицы и растения некогда разговаривали, как люди; крестьяне верят, что накануне Нового года домашний скот получает способность разговаривать между собою по-человечески, что пчелы во всякое время могут разговаривать с маткою и друг с другом, что дятел стучит в дерево с отчаяния и т. д. В песнях и сказках цветы, деревья, насекомые, птицы, звери и разные неодушевленные предметы ведут между собою разговоры, предлагают человеку вопросы и дают ему ответы. В шепоте древесных листьев, свисте ветра, плеске волн, шуме водопада, треске распадающихся скал, жужжании насекомых, крике и пении птиц, реве и мычании животных — в каждом звуке, раздающемся в природе, крестьяне думают слышать таинственный разговор, выра-

жения страданий или угроз, смысл которых доступен только чародейному знанию вещей людей.

Противоположность *света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвления* — вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, обуславливается силою света и тепла; без нее все замирает. Подобно другим народам, наши праотцы обоготворили небо, полагая там ее вечное царство; ибо с неба падают солнечные лучи, оттуда блистают и луна и звезды и проливается плодотворящий дождь. В большей части языков слова, означающие *небо*, в то же время служат и названиями *бога*. В наших заговорах слышатся такие молитвенные обращения: «Ты, небо, слышишь! ты, небо, видишь!» Во всех религиях небо — жилище божества, его седалище, престол, а земля — подножие. Галицкая пословица говорит: «Знае (или: бачит) бог с неба, що кому треба»; а русские поговорки утверждают, что «до бога высоко» и «который бог замочит (дождем), тот и высушит (солнцем)»; в народной песне встречаем следующее выражение: «А ему як богови, що живе высоко на небе!» Народная фантазия, создавшая для разнообразных явлений, связанных с небом, различные поэтические олицетворения, представляла их в едином, нераздельном образе. Варуна, божество неба, по индийским преданиям, устраивает свет и времена, выводит в путь солнце и звезды; солнце — его глаз, а ветер, колеблющий воздух, — его дыхание. По литовскому преданию, божество это олицетворялось в женском образе королевы Каралуни. Каралуни —

богиня света, юная, прекрасная дева; голову ее венчает солнце; она носит плащ, усеянный звездами и застегнутый на правом плече месяцем; утренняя заря — ее улыбка, дождь — ее слезы, падающие на землю алмазами. По указаниям, сохранным для нас в высшей степени любопытным стихом о Голубиной книге, такое воззрение, общее всем индоевропейским народам, не чуждо и славянам: солнце красное (читаем в этом стихе) от лица божьего, млад светел месяц от грудей божьих, звезды частые от риз божьих, зори белые от очей господних, ночи темные от опашня всевышнего, ветры буйные от его дыхания, громы от его глаголов, дробен дождик и росы от его слез. По другим свидетельствам, светила суть очи небесного божества, молнии — его огненные стрелы, оружие, которым оно разит демонов; облака и тучи — его кудри или облекающая его одежда. Народ до сих пор повторяет, что «небо — нетленная риза господня». Представляя ночное небо, усыпанное блестящими звездами, божьею ризою, месяцу в этом поэтическом изображении фантазия придавала значение запонки, которою пристегивается небесная мантия на груди высочайшего владыки. Отсюда, когда возник вопрос о происхождении мира, стали верить, что небо с яркими звездами создано из божественной ризы, а месяц от грудей господних — предание глубокой древности, ибо еще у индийцев известен миф о создании месяца из грудей Брамь².

Литовское сказание о Каралуни, изображая небо — девою, очевидно, сливает все его атрибуты с прекрасным образом богини Зари и Лета; собственно же, по общеарийскому представлению, небо олицетворялось в мужском поле. Его очевид-

ное для всех влияние на земные роды (урожаи) невольно возбуждало в уме мысль о супружеском союзе отца Неба с матерью Землею. Небо действует как мужская плодотворящая сила, проливая на землю свои согревающие лучи и напоющий дождь, издревле уподобляемый плотскому семени; а земля принимает весеннюю теплоту и дождевую влагу в свое лоно и только тогда чреватее и дает плод. Согласно с этим, небо обозначалось словами мужского, а земля — женского рода, слова среднего рода (как наше небо) образовались позднее. У славян отец Небо получил название *Сварога*: он верховный владыка вселенной, родоначальник прочих светлых богов, *прабог*. Подмечая различные проявления элемента тепла и света, анализируя их, ум человеческий должен был раздробить блестящее, светлое небо и присущие ему атрибуты на отдельные божественные силы. Такое деление, вносимое познающею способностью, не противоречило поэтическому чувству, которое стремится облекать все в живые образы. Дело ума поэтически выразилось в естественной форме рождения новых богов от Сварога. В Ипатьевской летописи находим вставку из греческой хроники Малалы, где Гелиос переводится *Дажьбогом*: «И после (после Сварога) царствовал сын его именем Солнце, его же наричают Дажьбог... Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе бо муж силен». Дажьбог, упоминаемый Нестором³, «Словом о полку Игореве» и другими памятниками в числе славянских богов, есть, следовательно, солнце, сын неба, подобно тому как Аполлон почитался сыном Зевса; сербская песня называет солнце — чадом божиим... Другой сын Сварога-неба был огонь-молния (Агни-Индра),

о котором выражается неизвестный христолюбец: «И огневи молятся, зовут его Сварожичем». На новых богов, рожденных отцом Небом, переносятся его различные атрибуты и признаки; вместе с этим им присвоается и владычество над миром: Сварог, по древнему сказанию, предаётся покою, предоставляя творчество и управление вселенною своим детям.

Обожание солнца славянами засвидетельствовано многими преданиями и памятниками. Кирилл Туровский, прославляя принятие христианства, радостно замечает: «Уже бо не нарекутся богом стихиа, ни солнце, ни огонь»⁴; другие проповедники увещевали: «Не нарицайте собе в солнци, ни в луне; луце же ли поклонятися лучю мрокнущему, нежь лучю бессмертному?» Молитвы и заклания народ произносит, обращаясь на восток*. В словацкой песне солнцу присвоен эпитет *божье*: «То боже слнечко по неби си бега»; в малорусской песне оно прямо называется богом: «И к сонечку промовляе: помож, боже, чоловіку!» Чехи, хорутане и сербы клянутся солнцем, а русские простолюдины *светом Божиим*: «Чтоб мне свету божьего не взвидеть!» Такая замена солнца — богом весьма знаменательна. Исчезающее вечером, как бы одолеваемое рукою смерти, оно постоянно каждое утро снова является во всем блеске и торжественном величии, что и возбудило мысль о солнце, как о существе неувядаемом, бессмертном, божественном. Как светило вечно

---

* Арабский писатель X в. Масуди, описывая храмы славян (каких? — неизвестно), замечает, что в одном из них были сделаны в кровле отверстия для наблюдения первых лучей восходящего солнца.

чистое, ослепительное в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь, солнце почиталось божеством благим, милосердным; имя его сделалось синонимом *счастья*. Галицкая поговорка «И в мое оконце засветит солнце» («Колись и на нас сонечко гляне»), русская «Взойдет солнце и к нам на двор» (вар.— «Придет солнышко и к нашим окошечкам») имеют значение: будет и на нашей стороне счастье! Отсюда объясняется мифическая связь солнца с Судьбою, в руках которой людское счастье. Галицкая поговорка «Перед богом солнцем судице царице» и чешская сказка о златовластом *деде Всеведе*, под именем которого выводится солнце, указывают на древнейшее представление его божеством судьбы. Народ русский дает ему название *праведнышко*; на Украине клянут: «Изоб ти не диждав сонечка праведного побачити!» (на сонечко праведнее дивитись!), «Щоб над тобою свит не свитав и сонце праведне не сходило!» Солнце — творец урожаев, податель пищи и потому покровитель всех бедных и сирых. Детское причитание, обращенное к солнцу, молит:

Солнушко-вѣдрушко!
Выглянь в окошечко;
Твои детки плачут,
Есть-пить просят.

В литовской песне солнце говорит о себе, что оно оберегает детей-сирот и греет бедных пастухов. В народных сказках к солнцу, месяцу и звездам обращаются герои в трудных случаях жизни, и божество дня, сострадая несчастью, помогает им*. Вместе с этим солнце является и карателем

---

* Светила небесные, являясь в сказках живыми,

всякого зла, т. е. по первоначальному воззрению — карателем нечистой силы мрака и холода, а потом и нравственного зла — неправды и нечестия. С этой стороною мифического представления слилась мысль о вредносном влиянии жаров, производящих засуху, истребляющих жатву и влекущих за собою неурожай и моры. Губительное действие зноя приписывалось гневу раздраженного божества, наказующего смертных своими огненными стрелами — жгучими лучами. Выражение «*воспылать* гневом» указывает, что чувство это уподоблялось пламени. Сами названия солнца, указывающие на понятия *огня*, *горения*, порождали в уме мысль о его разрушительных свойствах: как в разведенном пламени видели пожирание горючих материалов всеистребляющим огнем (слова *гореть* и *жрать* филологически тождественны), так нередко и солнце в народных преданиях представляется готовым пожрать тех сказочных странников, которые приходят к нему с вопросами. Вот почему возникли клятвы, призывающие на голову виновного или супротивника карающую силу солнца... Поэтическое заклятие, обращенное Ярославною к солнцу, дышит этою древнею верою в карающее могущество дневного светила: «Светлое и тресветлое Солнце! Всем тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жажду имь лучи (луки) съпряже, тугою им тули затче?»

Из приведенных свидетельств старинных па-

действующими существами, сохраняют свои стихийные свойства: Месяц пальцем своим *освещает в щель* темную баню; Солнце ставит себе на голову сковороду и *поджаривает* олады.

мятников, называющих солнце *господином* и *Дажьбогом*, ясно, что светило это олицетворялось в мужском поле; но рядом с этим встречаем не менее яркие указания, из которых видно, что оно было олицетворяемо и в образе богини. Чрезвычайно важен для мифологии вопрос об образовании мужского и женского рода в языках. Ясный и общепонятный в применении к живым существам, имеющим тот или иной пол, вопрос этот представляет большие трудности для решения относительно предметов неодушевленных, бесполов. Что мужской или женский род известного представления должен был оказать несомненное влияние на его мифическое олицетворение — об этом не может быть спора; но каким путем возникает идея о том или другом роде в применении к предметам неодушевленным — это далеко еще не разъяснено. Тем не менее в основании такого полового различия, выражаемого грамматическими формами, необходимо должна была лежать определенная мысль, вытекавшая из самого воззрения на предмет; по различию этого воззрения, одно и то же понятие может принимать и форму мужского рода и форму женского. Обращаясь к солнцу, мы замечаем колебание между тем и другим родом. Наше *солнце* в первоначальной форме своей было женского рода; в Остромировом евангелии оно пишется *слъньце* и *сълъньце*; *це* есть окончание существительных ласкательных и уменьшительных; отбрасывая его, получаем первообразные женские формы *слънь* и *сълънь*, или по современному выговору *слонь* и *солонь* (сличи: *долонь*, *длань*), удержавшиеся доселе в выражениях: *посолонь* (по солнцу), *солоноворот* (поворот солнца) и чешск. *слунь*. С этим сви-

детельством языка вполне согласно народное предание, общее славянам с немцами и литовцами, которое изображает солнце в виде прекрасной богини. Соединяя с понятием солнца плодородящую силу, древний человек или сливал идею творчества с самым актом рождения и потому давал верховному небесному светилу женский пол, или смотрел на него, как на божество, которое не само рождает, но воздействием лучей своих оплодотворяет мать сырую землю, и та уже производит из своих недр, следовательно, олицетворял солнце в мужском поле. Народная загадка, означающая солнце, представляет его красною (т. е. блестящею) *девою*: «Красная девушка в окошко глядит».

Ночные светила: месяц и звезды, как обитатели небесного свода и представители священной для язычника светоносной стихии, были почитаемы в особенных божественных образах. Галицкая пословица выражается: «Месяц наш божок, а кто ж нам буде ьоговати, як его не стане?» Увидевши молодой месяц, простолюдины наши до сих пор крестятся и сопровождают этот обряд различными причитаниями на счастье и здоровье; у германцев же было в обычае преклонять колена и обнажать головы перед новорожденным месяцем. Наравне с солнцем в заговорах находим частые обращения и к звездам, и к месяцу: «Месяц ты красный! звезды вы ясные! солнышко ты привольное! сойдите и уймите раба божьего»; «Месяц ты, месяц! сними мою зубную скорбь» и проч. Обоготовление светил и ожидание от них даров плодородия, ниспосылаемого небом, влекли простодушных пахарей и пастухов древнейшей эпохи к усиленным наблюдениям за ними. По справедливому замечанию Якова Гримма⁵, изменения

или фазы месяца уже в глубочайшей древности должны были обратить на себя особенное внимание, и так как по ним гораздо легче, сподручнее было считать время, чем по солнцу, то естественно, что первоначальный год был лунный, состоящий из тринадцати месяцев; недели и месяцы определялись лунными фазами; самое слово это убедительно доказывает, что луна служила издревле для измерения времени, была (по выражению М. Мюллера) золотой стрелкою на темном циферблате неба. Русские поселяне узнают время ночи по течению звезд, преимущественно по Большой Медведице, и создали себе много разных замечаний о погоде и урожаях по сиянию звезд и месяца: яркий свет их сулит плодородие*. У германцев был обычай: отходя вечером ко сну, посылать прощальный привет звездам.

И у нас, и у немцев простолюдины, завидев падающую звезду, творят молитву, будучи убеждены, что всякое желание, высказанное в то короткое время, пока звезда катится, непременно исполнится. Кометы причислялись также к звездам и назывались *хвостатыми звездами* или *зирками с метлою*; литовские песни упоминают о кометах, как о старцах с *длинными бородами*, появление которых предвещает что-нибудь чрезвычайное. Таким образом, на основании различных уподоблений световой полосы, отбрасываемой ядром кометы, язык придает ей *хвост*, *метлу* или

---

* Подобно тому, как в разные дни года выходят крестьяне смотреть на игру восходящего солнца, 5 июля они наблюдают за игрою месяца, у которого тогда бывает свой праздник: то скрываясь за облака, то выходя из-за них, он меняет свой цвет, и это служит предвестием хорошего урожая.

бороду. Редкое явление комет заставило непри-
вычный к ним народ соединять с этими хвоста-
тыми звездами мысль о божественном предвеще-
нии грядущих бед за людские грехи и о призыве
смертных к покаянию. Любопытен отзыв, сде-
ланный патриархом Никоном⁶ при отъезде в
1664 году в Воскресенский монастырь. Садясь
ночью в сани, он начал отрясать прах от своих
ног, припоминая известные евангельские слова:
«Иде же аще не приемлют вас, исходя из града
того — и прах, прилипший к ногам вашим, отря-
сите во свидетельство на ня». Стрелецкий пол-
ковник, наряженный провожать Никона, сказал:
«Мы этот прах подметим». — Да разметет господь
бог вас оною *божественною метлою*, иже является
на дни многи! — возразил ему Никон, указывая на
горевшую на небе комету. Гумбольд⁷ в своем
«Космосе» указывает на те поэтические пред-
ставления, которые в давние времена соединялись
с кометами: в них видели *косматые звезды* и *горя-
щие мечи*.

Солнце и Месяц были представляемы в род-
ственной связи — или как сестра и брат, или как
супруги*. Германское сказание представляет их
женою и мужем; но Месяц был холодным любов-
ником, что раздражало его пылкую супругу;
богиня Солнце побилась однажды об заклад с сво-
им мужем: кто из них раньше проснется, тому
достанется право светить днем, а ленивому должна
принадлежать ночь. Рано утром Солнце зажгло
свет миру и разбудило сонного мужа. С той поры
они разлучились и светят порознь: Солнце днем.

---

* Воззрение это встречаем даже у египтян, мек-
сиканцев, гренландцев и других народов.

а Месяц ночью; оба сожалеют о своей разлуке и стараются опять сблизиться. Но сходясь во время солнечного затмения, они шлют друг другу упрёки; ни тот, ни другая не соглашаются на уступки и снова расстаются. Преисполненный печали, Месяц иссыхает от тоски — умалется в своем объеме до тех пор, пока не оживит его надежда на будущее примирение; тогда он начинает вырастать и потом с новым припадком тоски опять умалется. По литовскому преданию, Солнце — «божья дочка» — представляется женою Месяца; звезды — их дети. Когда неверный супруг начал ухаживать за румяной Денницею (*Аушрине* — утренница, планета Венера), богиня Солнце (по другой вариации это сделал сам громоносец Перкун) выхватила меч и *рассекла лик Месяца пополам*. Так поет об этом литовская песня: «Месяц женился на Солнце. Тогда была первая весна — Солнце встало очень рано, а Месяц, устыдясь, сокрылся. Он влюбился в Денницу и блуждал один по небу; и разгневался Перкун, разрубил его мечом: зачем ты оставил Солнце? зачем влюбился в Денницу? зачем таскаешься один по ночам?» Предание в высшей степени поэтическое! Художественная фантазия передала в нем поразившие ее естественные явления природы: когда восходит поутру солнце — месяц исчезает в его ярком свете; а когда удаляется оно вечером — месяц выступает на небо, и перед самым утренним рассветом он действительно один блуждает по небу с прекрасною денницею. Бледно-матовый свет месяца постоянно возбуждает в поэтах грустные ощущения, и потому с именем луны неразлучен эпитет *печальный* («печальная луна»). Форма полумесяца невольно наводила фантазию на думу о рас-

сеченном его лике; в наших областных наречиях умяляющийся после полнолуния месяц называется *перекрой* (от *кроить* — резать). Беспрестанные *изменения*, замечаемые в объеме месяца, породили мысль об его изменчивом характере, о непостоянстве и неверности в любви этого обоготворенного светила, так как и нарушение супружеских обетов выражается словом *измена*. В ярко-багряном диске восходящего солнца видели пламенеющий гневом лик небесной царицы; чистота солнечного блеска возбуждала представление о девственной чистоте богини, выступающей на небо в пурпуровой одежде зари и в сияющем венце лучей как богато убранная невеста. В славянских преданиях мы находим черты, вполне соответствующие литовскому сказанию. Олицетворяя солнце в женском образе, русское поверье говорит, что в декабре месяце, при повороте на лето, оно наряжается в праздничный сарафан и кокошник и едет в теплые страны, а на Иванов день (24 июня) Солнце выезжает из своего чертога навстречу к своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу огненные лучи: этот день полного развития творческих сил летней природы представляется как бы днем брачного союза между Солнцем и Месяцем*. В Черниговской губ. сохранилась песня, намекающая на любовные отношения светил дня и ночи:

Ой, там за лисом, за бором,
За синеньким езёром,
Там Солнычко играло,
С Мисяцом размовляло:

---

* Хорваты уверяют, что в этот день солнце пирует в небесных чертогах и разбрасывает свои лучи стрелами (играет).

— Пытаю тебе, Мисяцу!
Чи рано зходишь, чи поздно заходишь?
— Ясное мое Солнычко!
А что тобі до того —
До заходу мово?
Я зыйду (взойду) свистаючи,
А зайду змеркаючи.

Далее следует сравнительный разговор парубка с дивчиной, которая допытывается: есть ли у него кони, и зачем ее не навещает? По народному поверью, Солнце и Месяц с первых морозных дней (с началом зимы, убивающей земное плодородие и, так сказать, расторгающей брачный союз Солнца) расходятся в разные стороны и с той поры не встречаются друг с другом до самой весны; Солнце не знает, где живет и что делает Месяц, а он ничего не ведает про Солнце. Весною же они встречаются и долго рассказывают друг другу о своем житье-бытье, где были, что видели и что делали. При этой встрече случается, что у них доходит до ссоры, которая всегда оканчивается землетрясением; наши поселяне называют Месяц гордым, задорным и обвиняют его, как зачинщика ссоры. Встречи между Солнцем и Месяцем бывают поэтому и добрые, и худые; первые обозначаются ясными, светлыми днями, а последние — туманными и пасмурными. Заметим, что в весенних грозах, сопровождающих возврат Солнца из дальних странствований в царстве зимы, воображению древнейших народов рисовалось: с одной стороны, брачное торжество природы, поливаемой семенем дождя, а с другой — ссоры и битвы враждующих богов; в громовых раскатах, потрясающих землю, слышались то клики свадебного веселья, то воинственные призывы и брань. Брак Солнца

и Месяца, по указанию литовской песни, совершается первую весною, при ударах громовника Перкуна, следовательно, в грозовой обстановке. Затмение солнца при встрече с месяцем и их взаимной перебранке, о чем говорит немецкое предание, первоначально означало потемнение дневного светила грозною тучею. Любовь Месяца к Деннице также не позабыта в наших народных сказаниях. Вот свидетельство белорусской песни:

Перебор — Мисячек, перебор!
Всех зирочек* перебрал,
Одну себе зирочку сподобал:
Хочь она и маленька,
Да ясенька,
Меж всех зирочек значенька**.

В сербской песне Месяц укоряет Денницу: «Где ты была, звезда Денница? где была, где дни губила?»

Как по литовскому, так и по славянским преданиям, от божественной четы Солнца и Месяца родились звезды. Малорусские колядки, изображая небесный свод великим чертогом или храмом, называют видимые на нем светила: месяц — домовладыкою, солнце — его женою, а звезды — их детками.

Ясне сонце — то господыня,
Ясен мисяць — то господар.
Ясни зирки — то ёго дитки.

Следующая песня, изображающая тоже родственное отношение звезд к солнцу, особенно

---

* Зирка — звезда.

** Сличи с малорусскою песнею, в которой сказано, что месяц перебирает все звезды, а полюбит навеки одну «зироньку вечернюю» (Венеру).

любопытна потому, что окрашивает древнее предание христианскими красками и тем самым указывает на существовавшее некогда обожание небесных светил:

Стоял костёл новый, незрубленный,
А в том костёли три оконечки:
У першом океньцы ясное сонце,
А в другом океньцы ясен мисяц,
А у третём океньцы ясныя зироньки.
Не есть воно ясное сонце,
Але есть вон сам господь бог;
Не есть вон ясный мисяц,
Але есть вон сын божий;
Не есть воны ясныя зироньки,
Али есть воны божие дети.

В Липецком уезде Тамбовской губ. уцелела замечательная песня о том, как девица просила перевозчика переправить ее на другую сторону:

Перовщик, добрый молодец!
Перевези меня на свою сторону.
— Я перевезу тебя — за себя возьму.

В ответ ему говорит красная девица:

Ты спросил бы меня,
Чьего я роду, чьего племени?
Я роду ни большого, ни малого:
Мне матушка — красна Солнушка,
А батюшка — светёл Месяц,
Братцы у меня — часты Звездushки,
А сестрицы — белы Зорюшки.

По одной литовской песне, сама Денница является уже не соперницею Солнца, а его дочерью.

Эти родственные отношения не были твердо установлены; они менялись вместе с теми поэтическими воззрениями, под влиянием которых возникали в уме человека и которые в эпоху созидания

мифических представлений были так богато разнообразны и легко подвижны, изменчивы. Названия, придаваемые месяцу и звездам, так же колебались между мужским и женским родом, как и названия солнца...

Как месяц представляется мужем богини солнца, так луна, согласно с женскою формою этого слова, есть солнцева супруга — жена Дажьбога. «Солнце — князь, луна — княгиня» — такова народная поговорка, усвояющая солнцу тот же эпитет князя, который у нас употребляется для обозначения молодого, новобрачного супруга, а в польском языке перешел в нарицательное имя месяца. Еще у скифов луна была почитаема сестрою и супругою бога солнца и называлась тем же именем, какое придавалось и солнцу, только с женским окончанием. Этим названием скифский бог солнца роднится с греческим сребролуким Аполлоном⁸, а богиня луны с его сестрою — Артемидою (Дианою)⁹.

Солнце постоянно совершает свои обороты: озаряя землю днем, оставляет ее ночью во мраке; согревая весною и летом, покидает ее во власть холоду в осенние и зимние месяцы. «Где же бывает оно ночью? — спрашивал себя древний человек. — Куда скрываются его животворные лучи в зимнюю половину года?» Фантазия творит для него священное жилище, где божество это успокаивается после дневных трудов и где скрывает свою благодатную силу зимою. По общеславянским преданиям, сходным с литовскими и немецкими, благотворное светило дня, красное солнце, обитает на востоке — в стране вечного лета и плодородия, откуда разносятся весною семена по всей земле; там высится его золотой дворец, откуда вы-

езжает оно поутру на своей светозарной колеснице, запряженной белыми огнедышащими лошадьми, и совершает свой обычный путь по небесному своду. Подобно грекам, сербы представляют Солнце молодым и красивым юнаком; по их сказаниям, царь-Солнце живет в солнечном царстве, восседает на златотканом, пурпуровом престоле, а подле него стоят две девы — Заря Утренняя и Заря Вечерняя, семь судей (планеты) и семь вестников, летающих по свету в образе «хвостатых звезд»; тут же и лысый дядя его — старый Месяц. В наших сказках царь-Солнце владеет двенадцатью царствами (указание на двенадцать месяцев в году или на двенадцать знаков зодиака); сам он живет в солнце, а *сыновья* его в звездах; всем им прислуживают *солнцевы девы*, *умывают их, убирают и поют им песни*. Словаки говорят, что Солнцу как владыке неба и земли прислуживают двенадцать *дев — вечно юные и прекрасные*. Упоминаемые сербскими песнями *солнцевы сестры*, конечно, тождественны с этими девами... С теми же мифическими девами встречаемся и в литовских песнях: «Под кленом течет студенец; сюда приходят божьи сынки плясать при ¹лунном свете с божьими дочками. Пришла я (девица) к источнику умыться, как вымыла лицо белое — упало мое колечко в воду. И пришли божьи сынки, и выудили мое колечко из глубины вод; приехал добрый молодец на вороном коне с золотыми подковами: поди сюда, девица! поди сюда, молодая! скажем друг другу словечко, подумаем думочку — где речка поглубже, где любовь любовнее?» Выражение «*божьи дочери*» имеет при себе вариант: «*солнцевы дочери*». «Куда девались божьи кони? —

спрашивает песня и отвечает: — Божьи сыны на них поехали. Куда поехали божьи сыны? Искать дочерей Солнца». Литовская поговорка так выражает об излишней разборчивости: «Ему и солнцева дочь не угодит!» Кто эти солнцевы девы — сестры и дочери? Хотя предание и считает звезды детьми Солнца, тем не менее мифическая обстановка, в которой являются солнцевы девы, не позволяет считать их за олицетворение этих светил; напротив, все говорит за тождество их с водными нимфами (эльфами, вилами, русалками), в образе которых языческая древность воплотила быстролетучие грозные облака. Они показываются при студенцах (старинная метафора дождевых туч), низводят с неба молнию, поют песни, танцуют с божьими сынами и вступают с ними в любовные связи. Заметим, что в свисте ветров и вое бури простодушному язычнику слышались песни духов, а в прихотливом полете облаков и в крутящихся вихрях виделись их пляски и свадебное веселье. Солнцевы девы умывают солнце и расчесывают его золотые кудри (лучи), т. е. разгоняя тучи и проливая дождь, они очищают лик дневного светила, дают ему ясность. Тот же смысл заключается и в предании, что они *метут* двор Месяца, т. е. разметаю вихрем потемняющие его облака. Обладая бессмертным напитком (живою водою дождя), солнцевы девы сами представляются вечно прекрасными и никогда не стареющими.

Заря олицетворялась у славян в образе богини и называлась сестрою Солнца, как это видно из песенного к ней обращения:

Заря ль, моя Зоринька,
Заря, солнцева сестрица!

В заговорах, которые обыкновенно произносятся на восток — при восходе солнца, ее называют *красною девицею*: «Заря-Зоряница, красная девица, полунощница» (т. е. рано пробуждающаяся, предшествующая дневному рассвету). Подобно богине-Солнцу, она восседает на золотом стуле, расстилает по небу свою нетленную розовую фату или ризу*, и в заговорах доселе сохраняются обращенные к ней мольбы, чтобы она покрыла своею фатою от волшебных чар и враждебных покушений. Как утренние солнечные лучи прогоняют нечистую силу мрака, ночи, так верили, что богиня Заря может прогнать всякое зло, и наделяли ее тем же победоносным оружием (огненными стрелами), с какими выступает на небо светило дня; вместе с этим ей приписывается и та творческая, плодородящая сила, какая разливается на природу восходящим солнцем. Крестьяне выставляют семена (хлеб, назначенный для посева) на три утренние зори, чтоб они дали хороший урожай. Согласно с наглядным, ежедневно повторяющимся указанием природы, миф знает двух божественных сестер — Зарю Утреннюю и Зарю Вечернюю; одна предшествует восходу солнца, другая провожает его вечером на покой, и обе таким образом постоянно находятся при светлом божестве дня и прислуживают ему. Утренняя Заря выводит на небесный свод его белых коней, а Вечерняя принимает их, когда оно, совершивши свой дневной поезд, скрывается на западе. В Каринтии¹⁰ утреннюю зарю называют *дъжница* — слово, тождественное с именем звезды *денницы* или

---

* У греков Заря также восседала на золотом троне и облакалась в багряную, золотистую одежду (Гомер).

утренницы и родственное с древним названием солнца *Дажьбогом*. В сербских песнях звезда Денница слывет сестрою Солнца, как у нас Заря; в областных наречиях деннице дают название *зарница* (в малорос. *заря* означает вообще звезду), а у литовцев она носит имя *Аушрине* (прилагательное «утренняя», заставляющее предполагать при себе существительное «звезда»). Итак, названия *зари* образовались от тех же корней, от которых произошли слова, означающие *день* и *утро*. Соответственно метафорическому представлению солнца горящим светильником, Аушрине разводила ранним утром богине-Солнцу огонь, а Вакарине (вечерняя звезда — другое название Венеры) гасила его и стлала для утомленной богини постель — поэтическая картина, совпадающая по содержанию с славянским преданием о выводе солнцевых коней Утренней Зарею и увode их Вечерней Зарею. У эстонцев возжжением и погашением солнцева светильника заведывают Зори. Верховный бог-прадед, по сотворении мира, поручил своей дочери принимать заходящее Солнце, отводить его на покой и хранить его светильник в продолжение ночи, а сыну своему — снова возжигать этот светильник при наступлении утра и отпускать Солнце в дневное его странствование. Весною, когда на севере дни бывают самые долгие и утро почти сливается с вечером, сестра, принимая светильник Солнца, должна тотчас же передавать его из рук в руки своему брату. При одной из этих встреч они пристально взглянули друг другу в очи, пожали взаимно руки и коснулись устами. «Будьте счастливыми супругами!» — сказал им отец, но дети просили не нарушать радости стыдливой любви и оставить их

вечно женихом и невестою. С тех пор, когда они встречаются весною и сливают свои уста в сладком поцелуе — *румянец покрывает щеки невесты и отражается по небу розовым блеском, пока жених не зажжет дневного светильника*. Время этой встречи празднует вся природа: земля убирается в зелень и роскошные цветы, а рощи оглашаются песнями соловьев. Итак, миф отождествляет зарю с звездой, денницею, по сходству издревле присвоенных им названий, или правильнее — переносит на планету Венеру представления, созданные поэтической фантазией о заре.

В гимнах Вед и в мифических сказаниях греков Заря изображается то матерью, то сестрою, то супругою или возлюбленною Солнца, выводит его вслед за собою и таким образом как бы рождает его каждое утро. По исследованиям Макса Мюллера, простое, естественное явление, что при восходе солнца заря гаснет, скрывается, — на метафорическом языке ариев превращалось в поэтическое сказание: прекрасная дева Заря бежит от восходящего Солнца и умирает от лучезарных объятий и жаркого дыхания этого пламенного любовника. Так юная Дафна¹¹ убегает от влюбленного Аполлона и умирает в его объятиях, т. е. лучах, ибо в числе других 'уподоблений' лучи солнечные назывались также *золотыми руками*. Тот же смысл заключается и в следующих метафорических выражениях: «Солнце опрокинуло колесницу зари», «Стыдливая Заря скрывает свое лицо при виде обнаженного супруга — Солнца». Яркое сияющее солнце казалось обнаженным, в противоположность другой метафоре, которая о солнце, *закрытом темными облаками*, говорила как о бо-
жестве, накинувшем на себя одежды (*облачение*,

покрывало). Покинутое Утренней Зарейю, одинокое Солнце совершало свое шествие по небу, напрасно отыскивая свою подругу, и только приближаясь к пределам своей дневной жизни, готовое погаснуть (умереть) на западе, оно снова, на краткие мгновения, обретало Зарю, блиставшую дивной красотой в вечернем сумраке.

Приведённые свидетельства наглядно говорят, что в то древнее время, когда над всем строем жизни владычествовали патриархальные, кровные связи, человек находил знакомые ему отношения и во всех естественных явлениях; боги становились добрыми семьянинами, были отцы, супруги, дети, родичи. Олицетворяя божественные силы природы в человеческих образах, он перенес на них и свои бытовые формы. Но такие родственные связи богов были плодом не сухой, отвлеченной рефлексии, а живого, поэтического воззрения на природу, и смотря по тому, как менялось это воззрение — менялись и взаимные отношения обоготворенных светил и стихий: одно и то же божество могло быть то отцом, то сыном другого, быть рожденным от двух и более матерей и т. д. Вот почему даже там, где под влиянием успехов народной культуры вызвана была деятельность ума к соглашению различных мифических представлений (напр., у греков), даже там поражает нас запутанность и противоречие мифов. Очевидно, что у народов, стоявших на значительно низшей ступени развития, еще явственнее должны выступать черты, указывающие на неопределенность и неустановившееся брожение мысли. Уже отсутствие у славянских племен таких названий для месяца, утренней и вечерней зари и звезд, которые бы из нарицательных, с тече-

нием времени, обратились в собственные, нелегко распознаваемые в своем первоначальном коренном значении, свидетельствует, что мы имеем дело с эпохой самых широких и свободных поэтических представлений, присутствуем, так сказать, при самом зарождении мифических сказаний.

Та же творческая, плодородящая сила, какую созерцал язычник в ярких лучах летнего солнца, виделась ему и в летних грозах, проливающих благодатный дождь на жаждущую землю, освежающих воздух от удушливого зноя и дающих нивам урожай. Множество разнообразных поверий, преданий и обрядов, несомненно, свидетельствует о древнейшем поклонении славян небесным громам и молниям. Торжественно-могучее явление грозы, несущейся в воздушных пространствах, олицетворялось ими в божественном образе Перуна-Сварожича, сына прабога Неба; молнии были его оружие — меч и стрелы; радуга — его лук; тучи — одежда или борода и кудри; гром — далеко звучащее слово, глагол божий, раздающийся свыше; ветры и бури — дыхание; дожди — оплодотворяющее семя. Как творец небесного пламени, рождаемого в громах, Перун признается и богом земного огня, принесенного им с небес в дар смертным; как владыка дождевых облаков, издревле уподоблявшихся водным источникам, получает название бога морей и рек, а как верховный распорядитель вихрей и бурь, сопровождающих грозу, — название бога ветров. Эти различные названия придавались ему первоначально как его характеристические эпитеты, но с течением времени обратились в имена собственные; с затемнением древнейших воззрений, они распались в

сознании народном на отдельные божеские лица, и единый владыка грозы раздробился на богов грома и молний (Перун), огня (Сварожич), воды (Морской царь) и ветров (Стрибог). Вместе с низведением мифических представлений и сказаний о небесном пламени молний на земной огонь, о дождевых потоках на земные источники само собой возникло обожание домашнего очага, рек, озер и студенцов¹².

В таких образах поклонялся славянин все-создающим силам природы, которые для живого существа суть благо, добро и красота. Человеку естественно чувствовать привязанность к жизни и страх к смерти. Обоготворив, как благое, все связанное с плодородием, развитием, он должен был инстинктивно с тревожною боязнью отступить от всего, что казалось ему противным творческому делу жизни. С закатом дневного светила на западе как бы приостанавливается вечная деятельность природы, молчаливая ночь охватывает мир, облекая его в свои темные покровы, и все погружается в крепкий сон — знамение навсегда усыпляющей смерти; с помрачением ярких лучей солнца зимними туманами и облаками начинаются стужи и морозы, небо перестает блистать молниями и посылать дожди, земная жизнь замирает, и человек осуждается на тяжелые труды: он должен строить жилище, селиться у домашнего очага, заготавливать пищу и теплую одежду. У первобытных племен сложилось убеждение, что *мрак* и *холод*, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою — *нечистою*, злою и разрушительною. Так возник дуализм в религиозных верованиях; вначале он истекал не из нравственных требований духа человеческого, а из чисто

физических условий и их различного воздействия на живые организмы; человек не имел другой меры, кроме самого себя, своих собственных выгод и невыгод. Нравственные основы вырабатываются позднее и прикрепляются уже к готовым положениям дуализма, порожденного древнейшим воззрением на природу*. Таким образом отдаленные предки наши, круг понимания которых необходимо ограничивался внешнею, материальною стороною, все разнообразие естественных явлений разделили на две противоположные силы. У западных славян это двойственное воззрение на мир выразилось в поклонении *Белбогу* и *Чернобогу*, представителям света и тьмы, добра и зла (...) Уцелевшие географические названия и народные предания свидетельствуют, что верование в Белбога и Чернобога было некогда общим у всех славянских племен, в том числе и русских... О древнем Белбоге доселе сохраняется живая память в белорусском предании о *Белуне*. Белун представляется старцем с длинною белою бородою, в белой одежде и с посохом в руках; он является только днем и путников, заблудившихся в дремучем лесу, выводит на настоящую дорогу; есть поговорка: «Цёмна у лесе без Белуна». Его почитают подателем богатства и плодородия. Во время жатвы Белун присутствует на нивах и помогает жнецам в их работе. Чаще всего он показывается в колосистой ржи с сумою денег на носу, манит какого-ни-

---

* Это, между прочим, доказывается существованием подобных верований у народов, стоящих на весьма низкой ступени развития, каковы племена финские и татарские.

будь бедняка рукою и просит утереть себе нос; когда тот исполнит его просьбу, то из сумы посыплются деньги, а Белун исчезает. Поговорка «Муsiць посябрывся (должно быть, подружился) з'Белуном» — употребляется в смысле: его посетило счастье. Это рассыпание Белуном богатств основывается на древнейшем представлении солнечного света золотом.

Филология превосходно подтверждает такой дуалистический взгляд славянских племен на явления природы. Слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили и для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья, богатства и плодородия; напротив, слова, означающие мрак и холод, объемлют собою понятия зла, несчастья, безобразия, болезни, нищеты и неурожая.

а) Прилагательное *белый* (*Бел-бог*) собственно значит: светлый, ясный. При возведении живописующего признака, выразившегося в определенных звуках, до общего понятия о предмете первоначальная изобразительность слова делается нечувствительною для слуха и потому подновляется обыкновенно эпитетом, который и остается за ним как «постоянный». Такой эпитет находим мы в выражениях: *белый свет* и *белый день*; из них первое получило смысл вселенной, т. е. всего видимого, озаренного небесным светом. Выражение, встречаемое в галицкой песне: *белый месяц*, соответствует обыкновенной эпической форме: *светёл* или *ясный* месяц; в заговорах упоминается *бел-горюч* камень алатырь; колесницу Солнца возили *белые* кони. Согласно с этим древним значением, с корнем *бел* — *бил* соединяется идея плодородия, *изо-билия*: у Не-

стора волхвы обвиняют жен «яко си жито или обилье держат». Опираясь на приведенные указания языка, приходим к заключению, что Белбог должен быть тождествен с Све(я)товитом, богом дневного и весеннего (ясного) неба; без сомнения, первоначально это были только фонетически различные, но существенно равносильные прозвания одного и того же божества. В дальнейшем ходе развития за Световитом удержано древнейшее представление владыки неба, который не только блистает солнечным светом, но и творит весенние грозы, сражаясь с темными тучами; а с именем Белбога, кажется, по преимуществу сочеталось понятие дневного света — солнца... Под влиянием воззрений, заставлявших в стихии света видеть высочайшее благо и красоту, выражения «мой свет, светик» и «красное солнышко» стали ласкательными приветствиями.

б) Слова *свет* (*светить*) и *свят* (*святить*) филологически тождественны; по древнейшему убеждению, *святой* есть светлый, белый; ибо самая стихия света есть божество, не терпящее ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле — греховное. Понятия светлого, благого божества и святости неразлучны, и последнее — прямой вывод из первого...

в) *Красный* первоначально означало: светлый, яркий, блестящий, огненный; прилагательное это стоит в родстве с словами: *крес* — огонь, *кресины* — время летнего поворота солнца, *кресник* — июнь месяц, когда этот поворот совершается. Как постоянный эпитет, подновляющий коренной смысл слов, принятых за названия небесных светил и солнечного сияния, прилагательное это употребляется в следующих эпических

выражениях: красное солнце, красная заря, красный день (ясный, солнечный день называется также *украшливым*, хорошая погода — *украшливая*), красный месяц, красная весна, красное лето, Красная горка — весенний праздник, в поучении Мономаха¹³ «красный свет»; светлая, с большими окнами изба называется *красною* (*светлицею*) и окно со стеклами, в отличие от волокового, слывет *красным*. В Ярославской губ. *красить* употребляется в смысле: светить, сиять: «Погляди-тко ты в восточную сторонushку, не красит ли красное солнышко?» От понятия о свете слово «красный» перешло к означению яркой *краски*, точно так, как прилагательное *жаркий* употребляется в областном языке в смысле: оранжевый, а в Пермской губ. ягода клюква ради ее красного цвета называется *жаравихой*. Восходящее солнце, озаряя своими лучами мир, дает возможность созерцать все его великолепие; теплые дни, приводимые весенним солнцем, согревают землю и наряжают ее, словно невесту, роскошными цветами и зеленью. Естественно, что с представлениями света и солнца должна была сочетаться идея *красоты*: *пре-красный*, *красовитый*, *красовитушко* — приветствие милому, любимому человеку; сравни: *сугрево* — тихая, теплая погода и *сугревушка* — ласкательное название, даваемое женщине; о проясняющейся погоде в Архангельской губ. выражаются глаголом *прохорашивать*... Следующие выражения указывают, что с стихией света соединялось понятие о счастье и веселье: *красоваться* — жить в довольстве, весело; *красная жизнь* — счастливая; *краситься* — играть, гулять; «*быть на кресу*» — торжествовать, получить желаемое.

г) Слово *чистый* однозначительно с «светлым» и также совмещает в себе понятия небесного сияния и святости: небо *чистое*, небо *прочищается*, област. *чист* — то же, что *ясень* (вёдро): «На небе такая чисть»; *очищение* было религиозным обрядом, состоящим в прыгании через зажженные костры, в окуривании и омовении ключевой водою: огонь — символ небесной молнии, вода — символ дождя. Как весенняя гроза выводит из-за туч и туманов яркое солнце, прочищает небо, так действием огня и воды прогоняются от человека темные, враждебные, демонические силы; позднее обряд этот получил значение нравственного очищения от грехов (*чистилище*, *очистительная* молитва и присяга, *чистота* душевная). С отрицанием *не* — *нечистый* есть название дьявола; *нечистая сила* — сила мрака, холода и всего враждебного человеку; подобно тому и слово *черный*, противоположность которого «белому» так резко запечатлелась в предании о Чернобоге и Белобоге, употребляется как эпитет злых духов. В заговорах упоминаются «черные духи, нелюдимые» и творятся заклятия «от черных божих людей»... Народная загадка, означающая *дым*, уподобляет его *черту*: «Черт голенаст, выгибаться горазд»; во многих преданиях рассказывается, как черти, превращаясь в тонкий дым, мгновенно исчезают: «Бес же изыде аки тьма из сосуда». За темнотою до сих пор удерживается в простонародье представление чего-то таинственно-страшного; обычная заметка «Не к ночи будь сказано» есть род заклятия, чтобы неосторожно сказанное вечером слово не вызвало какой беды; темною комнатою старые няни пугают детей; нечистые духи разгуливают по ночам и во мраке творят людям и животным зло, солнечных же лу-

чей они боятся и тотчас разбегаются при утреннем рассвете. Темное царство демонов (ад) представлялось на западе — там, где заходит солнце, где потухают его светлые лучи. Так как мрак скрывает все под своей непроницаемой пеленою, то злему духу приписываются свойства и названия укрывателя, таителя, хищника.

Со светлыми, белыми божествами славянин чувствовал свое родство, ибо от них ниспосылаются дары плодородия, которыми поддерживается существование всего живого на земле; наше *жито* — одного корня со словами: *живот* (жизнь) и *Жива* — богиня весны. «Слово о полку Игореве» говорит о славянах как о внуках солнца — Дажьбога. Представители творчества и жизни, боги света были олицетворяемы фантазией в прекрасных и большею частью в юных образах; с ними связывались идеи о высшей справедливости и благе. Напротив, с темною силою природы, с черными божествами было соединяемо все старое, безобразное, лукавое и злое; они враждебны жизни и ее нравственным основам. *Черная душа* означает человека бесчестного, криводушного; *мрась* — негодяй, *черный день* — день бедствия, несчастья. Главным олицетворением нечистой силы была *Мо(а)рена* или *Мо(а)рана* (от санскр. *mṛī* — умираю) — богиня смерти, зимы и ночи, имя, родственное со словами: *мрак* (*морок*, *мор* — повальная болезнь, *мора* — тьма, *марать*, *мары* — носилки для покойников, *мара* — призрак, нечистый дух, *мерек* или *мерет* — черт, *мерещиться* — темнеть, *смеркаться*, *мерковать* — ночевать, *меркоть* — ночь, потемки, *мерекать* — мало знать, собственно: не распознавать за темнотою; сравни: «темный человек»; *помора* — отравы, *помор-*

щина — большая смертность, *смад*, *смердеть*, малор. *хмара* с постоянным эпитетом «черная» — туча, великор. *хмара* — густой туман, *хмор*, *хморра* — туманное дождливое время, и рус. *смурый* — темный, пасмурный) и *мороз* (*мраз*). Краледворская рукопись¹⁴ сравнивает смерть с *ночью* и *зимою*. Здесь кроется, между прочим, основание той тесной связи, в какую поставила народная фантазия болезни, особенно поварные, с нечистой силою, почему она олицетворяет их в безобразных уродливых формах и почему простолудины до сих пор почитают недуги испорченностью, насланною при содействии злых духов, а животных, родившихся с каким-нибудь физическим недостатком, — порождением той же демонической силы. Между народными клятвами известны: «Побий тебе морока!», «Щоб на тебе пришла черна (вар. — лиха) година!» Все чары, при совершении которых призываются злые духи, и соби́рание волшебных зелий на погубу людей и животных совершаются в *полночь*. Ненавистница жизни, исконный враг праведных светлых богов, нечистая сила, по русскому поверью, не знает семейных уз, этих единственных форм, которые у племен патриархальных поддерживали и воспитывали нравственные отношения; она блуждает по свету, не имея мирного пристанища. Понятно, почему Чернобог, по свидетельству Гельмольда¹⁵, отождествлялся с дьяволом; с именем его народные верования славян должны были сочетать представления ночи, зимы и потемняющих небо туч, с которыми сражается молниеносный Перун.

Между богами света и тьмы, тепла и холода происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром. *День* и *Ночь* представлялись

первобытным народам высшими, бессмертными существами; как День — первоначально верховное божество света — солнце, с которым слово это тождественно и по названию, так Ночь — божество мрака. Эдда повествует, что День родился от Ночи, что согласно с древнегреческим мифом о рождении восходящего Солнца из темных недр Ночи и с русским преданием, что впервые Солнце явилось *из пазухи божьей* — представление, прямо снятое с природы*. Показываясь ранним утром на краю неба, одетого ночью пеленою, солнце казалось как бы рождающимся из тьмы; наоборот, захождение его вечером уподоблялось смерти: скрываясь на западе, оно отдавалось во власть Морены, богини ночи и смерти... По другим сказаниям, распространенным почти у всех арийских народов, Солнце объезжает небесный свод, меняя лошадей: на светлых или белых гуляет оно днем, на черных или вороных — ночью. Утренняя и Вечерняя Зори или День и Ночь запрягают ему тех и других коней в колесницу. Я. Гримм приводит народную загадку, изображающую годовое время под символическим образом колесницы, которую возят семь белых коней и семь черных (т. е. дни и ночи недели). У славян День и Ночь, согласно мужскому роду одного слова и женскому другого, олицетворялись как брат и сестра. Народная загадка, означающая «год», произносится так: «Я стар,

---

* Болгарская загадка говорит о Ночи как матери Дня: «На майка-та око-то — и гледа, и не гледа, а на сина — т си сякуга види», т. е. у матери Ночи око-месяц глядит и не глядит, а у сына Дня глаз-солнце всякого видит.

от меня родилось двенадцать сыновей (месяцы), у каждого из них по тридцати сыновей красных, по тридцати дочерей черных (дни и ночи)»; другая загадка, означающая «ночь и день», выражает мысль свою в этой форме: «Сестра к брату в гости идет, а брат от сестры пятится» (или: «в лес прячется»). В гимнах Ригведы¹⁶ Ночь — сестра Зари. Несмотря на родство, в которое ставит фантазия День и Ночь, они в преданиях, как и в самой природе, друг другу враждебны; народная загадка называет их *раздорниками* (т. е. ссорящимися): «Двое стоячих (небо и земля), двое ходячих (солнце и месяц), да два здорника (день и ночь)». Еще прямее выражено это в следующей загадке, занесенной в одну старинную рукопись: «Кои два супостата препираются? — День и Ночь». И по немецким преданиям, День и Ночь стоят во взаимной борьбе; они постоянно сражаются, и то один, то другая побеждает. Вечерняя Звезда выступает в небе, как герольд Ночи, несущий ее знамя, а Звезда Утренняя почиталась вестником Дня. Одолевая в вечернюю пору своего противника, Ночь налагает на него оковы; День лежит связанным пленником и не прежде может явиться очам смертных поутру, как *разорвавши наложенные на него узы*. Венгерская сказка повествует о борьбе Утренней Зари и Ночи, которая не хотела дозволить своей сопернице взойти на небесный свод, и упоминает о том, как сказочный герой *связал* Зарю, чтобы продлить время ночи. Тот же мотив повторяет и новогреческая сказка... В самой природе рассвет дня сопровождается свежим веянием утреннего ветра, прохладным колебанием воздуха, и это обыкновенное явление принималось поэтически настроенною фантазиею древнего народа за шум

при разрыве наложенных ночной богиней уз и за шелест шагов бога дня, шествующего по воздушным пространствам. Сбросив с себя путы, День *разрывал* темный покров Ночи и гнал ее с неба. Гримм приводит старинные выражения, которые уподобляют дневной рассвет, поборающий ночную тьму,— хищной птице, терзающей свою добычу, или хищному зверю, гонящему трепетную лань. Но поздним вечером снова побеждает Ночь. Судя по некоторым выражениям, она является быстро, *ниспадает* на землю...

У словаков рассказывается такое знаменательное предание: когда Солнце готово выйти из своих чертогов, чтобы совершить свою дневную прогулку по белому свету, то нечистая сила собирается и выжидает его появления, надеясь захватить божество дня и умертвить его. Но при одном приближении Солнца она разбегается, чувствуя свое бессилие. В этой поэтической форме рассказано, как первые солнечные лучи, прорезавшие темный горизонт, прогоняют мрак ночи; будто испуганный, бежит он и прячется в расщелины скал, подземные пещеры и глубокие бездны. Каждый день повторяется борьба, и каждый раз побеждает царь Солнце, почему скандинавские поэты дают ему эпитеты «радость народов и страх тьме». По общему германскому и славянскому поверью, собирать лечебные травы, черпать целебную воду и произносить заклятия против чар и болезней лучше всего на восходе ясного солнца, на ранней утренней заре, ибо с первыми солнечными лучами уничтожается влияние злых духов и рушится всякое колдовство; известно, что крик петуха, предвещающий утро, так страшен нечистой силе, что она тотчас же исчезает, как только его слышит.

Подобно тому, как дневной свет и жар, ночная тьма и прохлада определялись суточным движением солнца*, так летняя ясность и теплота, зимние туманы, помрачающие небо, и все мертвящие морозы — годовым его движением. Как с утром соединялось представление о пробуждающемся солнце, о благотворной росе, падающей на нивы, поля и дубравы, о воскресающей повсюду деятельности, так с весной связывалась мысль о воскресении согревающей силы солнца, о появлении грозowych туч, проливающих на землю дождь, о восстании природы от зимнего сна: земля наряжается в зелень и цветы, из далеких стран прилетают птицы, мир насекомых наполняет воздух, и животные, подверженные спячке, встают из своих нор. С другой стороны, и во время ясного летнего дня собирающиеся на небо тучи вдруг помрачают солнечный свет и как бы превращают день в ночь и, пока не будут разбиты могучим оружием гневного Перуна, задерживают в своих затворах золотые лучи солнца и драгоценную влагу дождевых ливней. Эти аналогические признаки, запечатленные в языке родственными названиями (сличи *сумерки*, мрак ночной и *морок* — облако, туман, *тьма* ночная, *темень* — тучи, туман и мн. др.), послужили к сближению и даже отождествлению в мифических представлениях всех означенных явлений. Весеннее просветление солнца и явление его из-за мрачных туч стали уподобляться утреннему рассвету, весна и богиня летних гроз — утренней заре или восходящей деве солнца, а зима и тучи — темной

---

* Выражаемся так, следуя народному убеждению, что не земля, а солнце движется.

ночи; та же борьба, какую созерцал человек в ежедневной смене дня и ночи, виделась ему и в смене лета и зимы, и в громозвучных ударах Перуна, умолкающих на зиму и снова раздающихся с приходом весны. По чешскому поверью, Солнце ведет постоянную войну с злою стрigoю (ведьмою, представительницею ночного мрака, темных туч и зимы), побеждает ее, но и само терпит от ран, наносимых ею. «Зиме и лету союзу нету», — говорит народ пословицею и в пластических обрядах изображает их взаимную борьбу. В июне месяце, в пору самого полного развития творческой деятельности природы, Солнце, следуя неумолимому закону судеб, поворачивает на зимний путь, дни постепенно умалются, а ночи увеличиваются; власть царственного светила мало-помалу ослабевает и уступает Зиме. В ноябре Зима уже «встает на ноги», нечистая сила выходит из пропастей ада и своим появлением производит холода, метели и вьюги: земля застывает, воды оковываются льдами, и жизнь замирает. Но в декабре, когда, по-видимому, Зима совсем победила, Солнце «поворачивает на лето», и с этого времени сила его снова нарождается, дни начинают прибывать, а ночи умалаться. Как бы чувствуя возрастающее могущество врага, Зима истощает все свои губительные средства на борьбу с приближающимся летом: наступают трескучие морозы, страшные для садов и озимых посевов, умножаются простудные болезни и падежи скота. Вот почему накануне крещения простолюдины на всех окнах и дверях выжигают огнем (или чертят мелом) кресты, чтобы нечистые духи не имели доступа к их дворам; в некоторых местах носят при этом два пирога, что, может быть, наме-

кает на древнейшее жертвоприношение. Перед рождеством крестьяне до сих пор потчуют Мороз киселем с просьбою не касаться их засеянных полей. Тщетно Зима напрягает усилия; в свое время является весна, воды сбрасывают ледяные оковы, воздух наполняется живительной теплотою, согретая солнечными лучами земля получает дар производительности, и возрожденная природа предстает в чудном великолепии летних урожаев, пока новый поворот солнца не отдаст ее снова во власть злой Зимы. Возврат весны сопровождается грозами; в их торжественных знамениях всего ярче представлялись фантазии на небесные битвы, в какие вступало божество весны, дарующее ясные дни, плодородие и новую жизнь, с демонами стужи и мрака. В черных тучах признавали нечистую силу, затемняющую ясный лик солнца и задерживающую дожди; подобно ночи, туча в поэтических сказаниях народа есть эмблема печали, горя и вражды. В Томской губ., ожидая несчастья, говорят: «Господи! пронеси тучу мороком»; когда кого-нибудь постигают бедствия, белорусы выражаются в такой эпической форме: «Собрались тучки в кучки!», а на Украине: «Як хмара на нас спала!»* В раскатах грома слышались древнему человеку удары, наносимые Перуном демонам-тучам, в молниях виделся блеск его несокру-

---

* В думе о Наливайке¹⁷ военная гроза, собирающаяся над Украиною, сравнивается с тучею; в других песнях встречаем такие сопоставления: «За тучами громовими сонечко не сходить, за вражими ворогами мий милий не ходить»; «Туманно красное солнышко, туманно, что красного солнышка не видно; кручина красная девица, печальна, никто ее кручинушки не знает».

шимой палицы и летучих стрел, в шуме бури — воинственные клики сражающихся. По русскому поверью, черти *бьются на кулачки в полночь*, т. е. нечистая сила выступает на борьбу во мраке туч, подобных черной ночи. Бог-громовник разит ее своими огненными стрелами и, торжествуя победу, возжигает светильник солнца, погашенный лукавыми демонами (туманами и облаками). Оба явления: сияние летнего солнца и блеск молнии — возбуждали так много сходных, одинаковых впечатлений, что необходимо должны были сливаться в мифических представлениях. Солнце растит нивы, от него столько же зависят урожаи, как и от дождей, изливаемых владыкою молний; засуха, истребляющая нивы, столько же приписывалась жарким лучам солнца, как и Перуну, скрывающему дождевые облака; значение божества карающего равно прилагается и к дневному светилу, которое своими лучами, словно стрелами, прогоняет ночь и туманы, и к громовнику, поражающему мрачные тучи; поэтические выражения об утреннем рассвете, как о треске разрываемых божеством дня цепей, нашли соответствующее себе представление в звуках громовых ударов, разбивающих зимние оковы. В этих воззрениях таится основание, во-первых, той неопределенности, под влиянием которой верховное владычество в мире приписывалось язычниками то солнцу, то грому и молнии, а во-вторых, той тождественности, какая замечается в культе того и другого божества; отсюда же объясняется, почему вражда с тучами присвоена народными преданиями не только Перуну, но и солнцу... Тесная связь весеннего солнца с грозой выразилась в том родстве, в какое поставил его миф в отношении к

облачным нимфам, известным у литовско-славянского племени под именем *солнцевых дочерей и сестер*.

В противоположность дневному светилу, Месяц — представитель ночи*, а так как ночь принималась за метафорическое название темных, грозовых туч, то на него были перенесены атрибуты бога-громовника. При весенней встрече своей с Солнцем он бывает зачинщиком ссоры, которая потрясает землю. Диану (Артемиду) представляли с новолунием на голове, вооруженною луком и стрелами, и почитали страстною охотницею; несущаяся по небу гроза уподоблялась дикой охоте, и потому как весеннее солнце, так и луна являлись воображению древних народов — с охотничьим характером.

Солнечные и лунные затмения были объясняемы тою же борьбою светлых богов с темными, как и небесные грозы. Эти чрезвычайные, редкие явления, к которым не так легко мог привыкнуть человек, как к ежедневному захождению солнца и к естественной смене годовых времен, постоянно возбуждали тревожное чувство страха: нечистая сила нападала на божественное светило, захватывала его в свою пасть и готовилась пожрать пред очами смущенного язычника. «Погибе, съедаемо солнце!» — вот обычное выражение, с которым старинные летописцы относились к солнечному затмению. В затмениях солнца и луны до самого позднейшего времени видели «недобрые знамения».

Такое двойственное воззрение на природу, в

---

* У некоторых народов месяц называется солнцем ночи.

царстве которой действуют и добрые и злые силы, должно было наложить свою неизгладимую печать на все религиозные представления. Поклоняясь стихийным божествам, человек одни и те же явления различал по мере участия их в создании и разрушении мировой жизни, по степени ближайшей или отдаленнейшей связи их с элементами света и тепла. Так, опустошительные бури и зимние вьюги почитались порождением нечистой силы — рыщущими по полям бесами, тогда как весенние ветры, пригоняющие дождевые облака и очищающие воздух от вредных испарений, признавались благодатными спутниками Перуна, его помощниками в битвах со злыми духами; из далекой страны вечного лета они приносили на своих крыльях семена плодородия на землю, навевали в сердца юношей и дев горячую любовь и своим дыханием восстанавливали здоровье болеющих. У болгар северный ветер называют *черным*, а южный — *белым*. Мартовскому снегу приписывается целебное свойство — только потому, что он выпадает в первый месяц весны. Согретые лучами летнего солнца облака, как вместилища плодотворной влаги дождя, представлялись прекрасными, полногрудыми женщинами, любви которых так страстно ищет бог-громовник; но те же облака, как омрачители ясного неба, приносители града и снега, рисовались воображению в образах демонических.

СТИХИЯ СВЕТА В ЕЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

олнечный свет дает возможность видеть и различать предметы окружающего нас мира, их формы и краски, а темнота уничтожает эту возможность. Подобно тому зрение позволяет человеку осматривать и распознавать внешнюю природу, а слепота погружает его в вечный мрак; без глаз так же нельзя видеть, как и без света. Оттого стихия света и глаза, как орудия зрения, в древнейшем языке обозначались тождественными названиями: *зреть*, *взор*, *зоркий*, *зёрить* — присматриваться, наблюдать, прицеливаться, *зорька* — прицел на ружье,

обзариться — промахнуться из ружья, *зырить* — зорко смотреть, *зірять* — оглядываться, *зирк* — глядь, *зирок* — зрачок, *зорный* — имеющий хорошее зрение, и *зо(а)ря*, *зирка* (малорус.), — звезда, *зирка с метлою* — комета, *зо(а)рница* (*зирныця, зарянка*) — утренняя или вечерняя звезда, планета Венера; *зарница* — отдаленная молния — малор. *блискавиця*, которой приписывают влияние на созревание нив и которую потому называют *хлебозоркою* (глагол «зреть, со-зреть» указывает на мысль, что поспевающие хлеба, окрашиваясь в *желтый, золотистый* цвет, чрез то самое уподобляются солнечному блеску; *зрелый* — собственно: светлый, блестящий); *зорить* — о молнии: сверкать и помогать вызреванию нив; *зóрить* — прочищать, прояснять, напр. «зорить масло» — дать ему отстояться, очиститься; *зazorить* — зажечь, засветить свечу, *зарный* (светозарный) — горячий, страстный, *заревó* — отражение пламени, *зорко* (вятск.) — ясно; *дозор* — при-смотр и *дозоры* (перм.) — зарница. Слово *зрак*, означающее у нас глаз, у сербов значит: солнечный луч... *Видеть* и серб. *видіело* — свет; малор. *бачыть* — смотреть; другой малор. глагол *дивитъся* — смотреть. На эту древнейшую связь понятий света и зрения в слове «дивиться» указывает народная загадка о месяце, в которой почти каждое слово есть метафора: «Лысый вил кризь забор дывитця (вар.— загляда)», т. е. месяц, в виде быка, смотрит или проще — светит сквозь забор. В следующем поверье слово *глядеть* употребляется в значении «светить»: если, замечают крестьяне, *новый месяц обглядится* до трех дней, то во все время до следующего рождения этого светила будет стоять ясная погода; а если на новый месяц

польет дождь и тучи помешают ему *оглядеться*, то в продолжение четырех недель погода будет дождливая. В заговорах находим такое обращение к звезде: «Ты заглянь, звезда ясная, на двор к рабу божьему». *Бельмы* — глаза, от слова *белый* — светлый; *зеница* ока — зрачок, *зенки*, *зеньки* — глаза и *зенка* — стекло, от глагола *зе(и)ять* — блестеть: здесь глаз сближается со стеклом на том же основании, на каком ясное небо названо было «стеклянною горою». *Луна*, *луниться* — светать, белеть и *лунить* — хлопать глазами. Постоянный эпитет, сопровождающий очи — *ясные*, *светлые*; малорусы говорят: «Свить очима», а в литературной и разговорной речи обыкновенны выражения: сверкать глазами, посыпались искры из очей и т. п.

Из такого сродства понятий света и зрения, во-первых, возникло мифическое представление светил небесных — очами, а во-вторых, родилось верование в чудесное происхождение и таинственную силу глаз. Представление светил очами равно принадлежит народам и Старого и Нового света. Во многих языках восточного архипелага названия, даваемые солнцу, означают: *око дня*. Скандинавские поэты солнце, луну и звезды называют *глазами неба* и, наоборот, глаза человека уподобляют солнцу и луне, а лоб (череп) его — небесному своду, что встречается и в наших старинных рукописях: «Яко на небеси светила солнце и луна, гром, ветер, сице и в человеке во главе очи, и глас, и дыхание, и мгновение ока, яко молния»... В Ведах солнце называется глазом Варуны (неба), самое божество дневного света именуется *златоглазым*, а в некоторых гимнах солнце и луна представляются двумя очами неба.

Верховный бог германцев Один (Водан) назывался *одноглазым*: в человеческом образе его олицетворено дышащее бурями грозное небо, с высоты которого солнце, словно громадное всемирное око, озирает землю. Подобно тому у персов оно представлялось глазом Ормузда*, у египтян — Демиурга², у греков — Зевса*. Отсюда в средние века явилось то обычное изображение божества в виде *всевидящего ока*, испускающего из себя кругом солнечные лучи, которое вошло в церковную символику и удержалось до настоящего времени; на иконах оно доныне рисуется среди облаков. Эпитет «всевидящего» придавался солнцу еще индусами, и эта характеристическая черта постоянно соединяется с ним в народных сказаниях. Первобытные племена обожали в стихиях их живую творческую силу, и как в самой природе различные явления неразрывно связаны между собою и сопутствуют друг другу, так и в мифических представлениях они нередко сливаются в одно целое. Религиозное чувство древнего человека, по преимуществу, обращалось к весеннему небу, которое являлось его воображению во всем божественном могуществе: одетое грозными тучами, оно вещало в громах, разило в молниях, изливало семена плодородия в дождь и, взирая с высоты на дольний мир ясным солнцем, пробуждало природу к новой жизни. Яркие лучи весеннего солнца возвращались миру вместе с дождями и молниями и вместе с ними похи-

---

* Греческий миф знает еще Зевса *трехглазого*: два глаза составляют естественную принадлежность человеческого олицетворения, а третий во лбу есть солнце.

щались на зиму злыми демонами; оттого и в народных поэтических сказаниях мифы солнечные и грозные взаимно переплетаются и спутываются. Таково греческое сказание об исполинских одноглазых циклопах; в образе великанов арийские народы представляли темные тучи, громоздящиеся по небесному своду; так как громовые удары уподоблялись стуку кузнечных молотов, а молнии — стрелам, то о циклопах рассказывается, что они куют Зевсу молниеносные стрелы. В этой грозной обстановке солнце представляется как глаз во лбу великана; самое имя циклопов указывает на круглый диск солнца. Собственно, древнейшее представление должно было всем циклопам вместе дать один глаз, как едино на небе солнце, и воспоминание об этом сохранила норвежская сказка. Давно когда-то, повествует сказка, заплутались двое детей в лесу, развели огонь и сели греться. Вдруг послышался страшный треск, и затем показались три великана, вышиной с дерево; у всех трех был один глаз, и они пользовались им по очереди: у каждого великана было во лбу отверстие, куда и вставлялся общий всем глаз. Ловкие дети успели одного из великанов ранить в ногу, а других напугать, так что тот, который держал глаз во лбу, уронил его наземь: мальчик тотчас же подхватил его. Глаз был так велик, что не уложить и в котел, и так прозрачен, что мальчик видел сквозь него все, будто в светлый день, хотя была темная ночь*. Предание это сов-

---

* В другой норвежской сказке говорится о старой одноокой бабе, у которой сказочный герой дважды похищает глаз и заставляет выкупать его за дорогие диковинки. Смысл приведенного предания тот, что ма-

падает с греческим сказанием о трех сестрах — старухах *Грайях*, названных так по их седым (т. е. дымчатым, облачным) волосам; они имели только один глаз — солнце и один зуб — молнию и также пользовались ими поочередно; Персей³ отнял у них то и другое и возвратил не прежде, как выпытав от них сведения, необходимые для дальнейших его подвигов. Необходимо, однако, заметить, что поэтическая фантазия первобытных народов относилась к явлениям природы с несравненно большею свободою, нежели какую вправе себе позволить современный поэт. Если, с одной стороны, она отождествляла совершенно отдельные явления по сходству некоторых их признаков, зато с другой — единое явление дробила на разные образы по различию производимых им впечатлений. Как в периодических фазах луны древний человек усматривал погибель *старого* месяца и рождение *нового*, так в закате солнца видел его смерть, а при утреннем восходе приветствовал рождение нового бога; в естественной смене годовых времен представлялась ему смена одного солнца другим: зимнее солнце уступало весеннему, весеннее — летнему, майское — июньскому и т. д. В этих воззрениях, по мнению Шварца, нашла себе опору и басня о многих циклопах, из которых каждый имеет свой глаз во лбу. Предания об одноглазых великанах составляют общее достояние всех индоевропейских народов, а потому не чужды и славянам.

Итак, дневное, озаренное солнцем небо олице-

лютки-молнии, порождая великанов — тучи, освобождают из их власти солнце; подвиг совершается ночью, т. е. в то время, когда дневной свет затемнен облаками.

творялось в образе божества, во лбу которого горит единственный глаз; напротив, ночное небо, усеянное бесчисленными звездами, греки представляли *многоглазым Аргусом*. Убитый Гермесом⁴, он был превращен Герою в павлина: миф, возникший из поэтического уподобления звездного неба великолепному, блистающему яркими звездочками хвосту павлина. По древнегерманскому сказанию, когда светлые осы убили великана Тиаси, Один взял его глаза и забросил на небо, откуда кажутся они двумя звездами; если допустить догадку Я. Гримма, то эти глаза сияют в созвездии Близнецов. Но еще чаще звезды принимались за очи небесных карликов, в образе которых древний миф воплотил обитающие в облаках молнии. Так как ночной мрак сравнивался с темными тучами, а звезды — с блестящими в них молниями, то отсюда понятен переход к представлению звезд очами карликов. В средние века место этих последних заступили ангелы; в ночные часы они кротко взирают на землю из своих небесных чертогов и охраняют мирный сон человека; в Германии запрещают детям указывать пальцем на звезды, чтобы не уколоть очей своему ангелу-хранителю...

Стих о Голубиной книге поведает, что зори утренняя и вечерняя, светел месяц и частые звезды зачались от очей божиих, или по другому варианту — что свет у нас светится от господних очей. По индийскому преданию, солнце создано из глаз Брамь. Утренняя заря предшествует восходящему солнцу, точно так, как вечерняя провожает его при закате; она есть только отблеск от сияния его божественного ока. Потому сербы «восход солнца» называют *прозором Божиим*. Слово про-

зор (болг. *прозорец, прозорче*) имеет один корень со словами *заря, зрак, про-зреть* и означает *окно*. В нашем языке *окно* (уменьш. *окошко, оконце*), как отверстие, пропускающее свет в избу, лингвистически тождественно со словом *око*; окно, следовательно, есть глаз избы. В южной Сибири словом *очко* называют маленькое окошечко в питейных домах, через которое подают водку. Народная загадка, означающая «глаз», говорит: «Стоит палата, кругом мохната, одно окно и то мокро». С восходом солнца небо, до той минуты погруженное в ночной мрак, *прозревает*; на востоке вспыхивает красная заря и вслед за нею показывается самое светило. Появляясь на краю горизонта, оно как будто *выглядывает* в небесное *окно*, открытое ему богинею Зарей. Болгарская загадка о ночном времени выражается: «У господина один прозорец, а през него той не гледа»; а русская о восходящем солнце: «Красная девушка в окошко глядит». По словам чешской сказки, Солнце к вечеру ворочается домой *западным окном*, а поутру выходит странствовать по свету *восточным окном*. Германцы верили, что бог Водан озирает землю из окна своего небесного чертога и потому знает все, что творится между людьми. У Гомера сказано, что Гелиос все видит и все ведает. Солнце, Месяц и Звезды — зоркие небесные стражи, от глаз которых ничто не укроется; к ним обращаются герои народных сказок с расспросами во всех трудных случаях жизни: «Вы, — говорят они, — светите во все щели, вам все ведомо!» ...У всех народов существует убеждение, что небесные боги взирают с высоты на землю, наблюдают за поступками смертных, судят и наказуют грешников. Из этих данных объясняются сказочные преда-

ния: а) о чудесном дворце, из окон которого видна вся вселенная, а владеет тем дворцом прекрасная царевна (Солнце), от взоров которой нельзя спрятаться ни в облаках, ни на суше, ни под водами; б) о волшебном зеркальце, которое открывает глазам все — и близкое, и далекое, и явное, и сокровенное. Там, где в русской сказке завистливая мачеха допрашивает волшебное зеркальце, в подобный же албанской сказке она обращается прямо к Солнцу. Народные загадки уподобляют глаза человеческие зеркалам и стеклам: «Стоят вилы (ноги), на вилах короб (туловище), на коробе гора (голова), на горе два стекла (или зеркала — глаза)»; сличи *глядильцо* — зрачок глаза и *гляделка, глядельник* — зеркало; то же сродство означенных понятий обнаруживается и словом *зеркало* (*зерцало, со-зерцать*). В древности зеркала были металлические; а потому мифическое представление солнца зеркалом, известное еще греческим философам, совпадало с уподоблением его золотому щиту... Раскольники уверяют, что в зеркало *по ночам* смотрится нечистая сила, т. е. во время ночи блестящий щит солнца закрывается демонами мрака. Вероятно, и примета, что *разбитое зеркало* предвещает несчастье или смерть, указывает на солнечное затмение, когда, по народному воззрению, нечистая сила нападает на это светило и стремится уничтожить его.

Не только с солнцем, но и с месяцем и звездами соединялась мысль о небесных окнах. Небо, по народному выражению, — терем божий, а *звезды — окна, из которых смотрят ангелы*. Связывая это представление с верою в зависимость судьбы человеческой от звезд, поселяне наши утверждают: как только народится человек, то господь тотчас же

велит прорубить в небе *окошечко* и посадит к нему ангела наблюдать за делами и поступками новорожденного в продолжении всей его жизни; ангел смотрит и записывает в книгу, а людям кажется, что то звезда светится. А когда человек умрет — окно запирается, и звезда исчезает — падает с неба. Малорусские колядки изображают светила дня и ночи окнами в небесном храме:

Церкву ставлять, викна будують:

Одно виконце — ясное солнце,

Другое виконце — ясный мисяц,

Трете виконце — ясны зирки.

В первый день светлой недели, встречая весну, крестьяне выходят в поле смотреть с пригорков на игру лучей восходящего солнца и, как скоро оно покажется на краю горизонта, начинают причитывать:

Солнышко-вёдрышко,

Выгляни в окошечко!

Причитание это обращают к солнцу и тогда, когда темные тучи заволокут небо и настанет ненастье; на Украине говорят: «Сонечко, Сонечко! одчини, боже, виконечко!» В народной сказке, замечательной по свежести древнемифических представлений, Иван-царевич, будучи преследуем злою ведьмою, скачет к теремам Солнцевой сестры (Зари) и просит укрыть его: «Солнце, Солнце! отвори оконце». Приготовляя к вечеру опару для поминальных блинов, крестьянки становятся против месяца и шлют к нему такое воззвание: «Месяц, ты, Месяц, золотве твои рожки! выглянь в окошко, подуй на опару». По преданию русского народа, сам бог научил человека делать окна. Долго люди не знали, как бы предохранить себя от непогоды и стужи; наконец, черт ухитрился и вы-

строил для них избу: всем бы хороша — и тепло, и уютно, да темно хоть глаз выколи! Сколько ни возился лукавый, а этому горю не помог. Но явился господь и прорубил окно; с тех пор люди стали строить избы с окнами. Это один из древнейших мифов, примененный позднее, при забвении метафорического языка, к жилью человека. В грядях зимних облаков нечистая сила созидала свои постройки, помрачающие светлое небо; но весною являлся бог-громовник, рубил молниями тучи и давал миру свет или, выражаясь метафорически, прорубал окно в небесном чертоге.

Называя солнце глазом, народ невольно должен был соединить с его закатом мысль о сне, смежающем очи, а с восходом — мысль о пробуждении. У индейцев Северной Америки встречаем следующее любопытное поверье: *когда бог Солнце закрывает свои очи, тогда наступает темная ночь*, подобно тому, как человек, зажмуривший глаза, лишается света и возможности видеть, различать предметы. У нас это представление выразилось в пословице: «Чем черт не шутит, когда бог спит», т. е. ночью, когда перестает светить солнце и всем овладевает нечистая сила мрака. Малорусы о солнце, скрывшемся на западе, говорят: «Сонце спочило», по пословице «Солнце днем работает, а ночью отдых берет». Сербы убеждены, что не следует говорить: солнце зашло или село, а «Смирило се (легло на покой) сунце». «С Успеньева дня (15 августа), — говорят великорусские крестьяне, — солнце засыпается», т. е. ночь удлиняется, а день становится меньше. Выражение «солнце садится», употребительное и в других языках, указывает на стул, седалище, на котором отдыхает божество от дневных забот.

Утомленное Солнце жаждало к вечеру успокоения и не только садилось, но и возлегалo на постель и предавалось сну... По литовскому сказанию, Вечерняя Звезда, заступающая место Зари, готовила богу дневного света мягкое ложе. Поутру Солнце *пробуждается*, и греческая Эос (утренняя заря) встает с постели Тифона⁵, своего бессмертного супруга. Наоборот, месяц и звезды бодрствуют ночью и удаляются на покой с началом дня; болгары, завидя перед утренним рассветом падающие звезды, думают, что они отправляются спать.

Как свет уподоблялся зрению, так, в свою очередь, зрение нередко получало значение света. Из древнеязыческих преданий о создании человека видно, что сродство этих понятий послужило основой весьма знаменательного мифа о происхождении человеческих глаз. По свидетельству старинных славянских и немецких памятников, восходящих до XII столетия, *очи человеческие создались от солнца*; верование это известно было и древним индусам. В средневековых сказаниях находим басню, что, когда орел состарится и потеряет зрение, он взлетает выше облаков — к самому солнцу — и тем самым исцеляет свою слепоту. Если рукописные свидетельства говорят о происхождении глаз от солнца, то следующие слова одного из записанных мною заговоров приписывают это творческое дело звездам: «Господи боже, благослови (принять) от синя моря — силу, от сырой земли — резвоты, от частых звезд — зрения, от буйна ветра — храбрости». У разных народов уцелели любопытные предания о том, что глаз человеческий не только видит, но *светит и жжет*. Народная загадка вы-

ражается о глазах: «Два вузлика все поле освятить». Интересен вариант этой загадки: «Двомя узликами все поле засию»; очи засевают своим светом (зрением) поле, т. е. сразу обнимают все видимое пространство. Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом порождали одно общее понятие о быстроте, и потому, как солнце олицетворялось в виде птицы, так и «глаза» народная загадка изображает в такой метафоре: «Сидит птица, без крыльев, без хвоста; куда ни взглянет — правду скажет» ... В смелой поэтической картине живописует русская сказка ночь, блестящую звездными очами: злая мачеха посылает падчерицу за огнем к бабе-яге. Поздним вечером приходит она к избушке ведьмы; вокруг избы — забор, на заборе торчат человеческие черепа, а в тех черепах блестят глаза и озаряют поляну; к утру глаза потухают, а с вечера снова зажигаются и светят всю ночь. Девушка сняла один череп с горящими очами, вздела его на палку и, освещая перед собою дорогу, пустилась назад. Воротившись домой, она вошла в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее родных дочерей, так и жгут огнем: куда ни прятались бедные, глаза везде находили и к утру превратили их в черный уголь. Рассказ этот живо напоминает нам прекрасный образ трубадура Бертрама дель Борна в Дантовом «Аде»: он несет за волосы свою собственную голову, отделенную от туловища, и освещает ею путь, как фонарем. Самое происхождение огня старинный апокриф возводит к очам Божиим: «Вопрос: како огонь зачася? Ответ: архангел Михаил за(з)же огонь от зеница господня и снесе на землю», т. е. земной огонь

произошел от божественного глаза-солнца.

Такое сближение понятий света и зрения проведено в народной речи до мельчайших подробностей. Так, кривого человека, лишившегося одного глаза, называют *полусветье*; ибо понятие полного света соединяется с двумя глазами. Наоборот, о солнце, когда оно начинает опускаться к западу, говорят, что оно *косится*. Кроме того, умаление дневного света, когда заходит солнце или тучи заволакивают небо, уподобляется нахмуренным, полузакрытым очам: а) *сумерки* (*су-мрак*) — время солнечного заката, то же, что *сутёмки*, *сутемёнки* (от *тьма*, *потёмки*); *морок* (*обморок*) — мгла, туман, облака, *паморок* (*паморока*, *паморка*) — пасмурная погода с мелким дождем, *морочный* и *паморочный* — пасмурный, туманный, *заморочило* — небо покрылось тучами или туманами и б) *мороком* — незаметно, невидимо; *сумериться* — нахмуриваться, надвигать брови на глаза, *сумеря* — кто смотрит нахмурясь, сердито; подобно тому *невыгляд* — угрюмый человек. Слово *мерещиться* значит и темнеть, и плохо, слабо видеть: «Тебе, видно, так померещилось!» *Мизикать* — издавать слабый свет, а *мизюкать* (*мизюрить*) — худо видеть, смотреть полуоткрытыми глазами. Не менее знаменательно свидетельство следующих речений: а) *хмора* — туман с мелким дождем, *хмара* и *хмура* — туча, облако, густой туман, *хмарно* — туманно, пасмурно, *хмарит* — делается ненастье, собираются тучи, *нахмарило* — солнце скрылось за тучами и б) *хмуриться* — опустить брови, что придает лицу суровый, «пасмурный» вид, *нахмариться* — сделаться угрюмым, «мрачным», *нахмару* — в дурном расположении духа, *хмурно* — худо,

хмара (*хмыра, хмура, нахмура, хмурый*) — угрюмый невеселый человек; *жмурить* — закрывать глаза, *жмурки* — игра с завязанными глазами. До сих пор слышится в разговорной речи выражение: *смотреть* или *нахмуриться сентябрем*, т. е. смотреть исподлобья, надвинув на глаза брови. Такой суровый взгляд уподобляется сентябрьскому солнцу, отуманенному осенними облаками. Наоборот, о ненастной погоде, предвещающей дождь, говорят: *небо хмурится*; следовательно, облака и тучи, издревле названные на метафорическом языке волосами, здесь сравниваются с *бровями* и *ресницами*, а солнце — с глазом. Сличи также: *моргать, моргай* — человек, закрывающий глаза — *жмура*, и *моргасинница* — сумрачная, осенняя погода с мелким дождем, *моргаситься* — накрапывать мелкому дождю. Слова эти указывают на поэтическое уподобление небесных светил, беспрестанно потемняемых бегущими облаками, моргающим очам. В связи с приведенными данными стоит народное поверье, что *слезы прочищают недобрые* (косые, черные и с нависшими бровями) *очи и отымают у них злую силу* — подобно тому как дождь очищает небо от темных туч. Рядом с мифическим представлением облаков бровями и ресницами слезы стали метафорическим названием дождя и росы; по свидетельству стиха о Голубиной книге, который так много дает мифических представлений, дожди дробные и роса создались от слез божиих; в росе древний человек видел слезы, роняемые богиней Зарю.

Язык не только сближает умаление света с ослаблением зрения, но и в совершенном отсутствии первого узнает слепоту: *темнесь, темь* — ночной

мрак, *темень* — тучи и *темный* — слепой, *темняк* — пасмурный, невеселый человек, *темнуха* — нелюдимая женщина, *отемнеть* — ослепнуть, *туман* и *тумата* — слепота. Утрата зрения приравнивается темным тучам и непроглядной ночи. Вместе с этим, как шумно пролившийся дождь выводит из-за туч ясное солнце, или, говоря мифическим языком, возвращает способность зрения этому всесветному глазу, и как роса, падающая на утренней заре, предвещает скорое *пробуждение* солнца, — так думали и верили, что весенний дождь и утренняя роса могут исцелять слепоту очей. Народная русская сказка сообщает нам предание о *живой воде*, возвращающей слепому царю зрение: в основе этого предания кроется древнейший миф о весеннем дожде, в ливнях которого умывается пробужденный от зимнего сна царь Солнце. В другой сказке («О Правде и Кривде») упоминается *гремячий ключ*, наделенный чудесною силою восстанавливать потерянное зрение. «Гремячими» источниками называются те, которые, по народному поверью, произошли от удара молнии: в первоначальном значении это — дождевые потоки. Немецкая сказка говорит о подобном же источнике: едва две капли воды, взятой из него, коснулись глазных впадин слепого, как он тотчас же прозрел. То же целебное свойство приписывается славянскими и немецкими преданиями *росе* и *слезам*. В духовном стихе «Сорок калик со каликою» находим следующий эпизод: когда Михайло-Потык Иванович был оклеветан в покраже княжеской чаши, то калики «ясны очушки у него повыкопали» и бросили несчастного в раздольице — чистом поле. Михайло-Потык Иванович подполз к сыру дубу;

Прилетела птица райская,
Садилась на тот на сырой дуб,
Пела она песни царские:
«Кто в эту пору-временчко
Помоется росой с этой шелковой травы,
Тот здоров будет!»

Михайло догадался, умылся росой, и в тот же миг зарастались его раны кровавые, стал он молодцем по-прежнему. Наши поселяне до сих пор на Юрьев и Иванов⁶ дни собирают *росу*, как спасительное средство от глазных болезней, и моют ею хворые очи при чтении заговора. В Оренбургской и других губ. умывают больные глаза водою, взятою из *святого колодца*; в Калужской и смежных губ. страдающий глазами идет к *роднику*, бросает в него копейку, как жертву водяному божеству, и почерпает в склянку воды, приговаривая: «Как чиста эта вода, так были бы чисты и мои очи!» Потом достает со дна источника горсть песка, с приговором: «Как здорова эта земля, так были бы здоровы и мои очи!» Песок этот прикладывают к больным глазам, а водою промывают их три раза в сутки. Обычай лечить глаза ключевой водою засвидетельствован и в житии Константина Муромского.

Не одни небесные светила, но и самая молния казалась древнему человеку *зрячею*. Часто мелькающая *зарница*, которая то озарит небо мгновенным блеском, то спрячется за темными тучами, была сближаема с мигающим глазом, который то взглянет, то закроется веками; сравни: *мигалы* — глаза, веки и *мигать* — заступать свет и, говоря о молнии: сверкать. Малорусы называют зарницу — *моргавкою* (от *моргать*) и, глядя на ее отблеск, говорят: «Моргни, моргни, моргавко!»

Сказки чехов и словаков рассказывают о великане *Быстрозорком*, от всевидящих и острых взглядов которого воспламеняется огнем все, что только может гореть, а крепчайшие скалы трескаются и рассыпаются в песок (подобно тому, как распадаются столбы от взоров потуна в одной из песен Старой Эдды⁷), и потому он вынужден носить на своих глазах повязку. Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями и необычайно длинными ресницами; брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир, для этого нужно несколько силачей, которые бы смогли поднять ему брови и ресницы железными вилами. Этот чудный старик напоминает малороссийского *вия* — мифическое существо, у которого веки опускаются до самой земли, но если поднять их вилами, то уже ничто не утаится от его взоров; слово *виц* означает: ресницы. Народное предание о вии знакомо всякому, кто только читал Гоголя; заметим, однако, что некоторые любопытные черты не вошли в его поэтический рассказ. В Подолии, например, представляют виа как страшного истребителя, который взглядом своим убивает людей и обращает в пепел города и деревни; к счастью, убийственный взгляд его закрывают густые брови и близко прильнувшие к глазам веки, и только в тех случаях, когда надо уничтожить вражеские рати или зажечь неприятельский город, поднимают ему веки вилами. В таком грандиозном образе народная фантазия рисовала себе бога-громовника (Леда Перуна); из-под облачных бровей и ресниц мечет он молниеносные взоры и посылает смерть и пожары. Зевсу стоит только кивнуть своими черными бровями,

как весь Олимп⁸ (небо) потрясается; когда Тор гневается, он нахмуливает свои брови. Человек с густыми, сросшимися бровями у южных славян называется *волчьим глазом*, точно так же, как облачному Зевсу давался эпитет лийского (т. е. волчьего): оба прозвания возникли из древнейшего олицетворения тучи волком. Иногда вместо длинных ресниц и бровей, закрывающих глаза громовника, служит ему *повязка*, т. е. облачный покров. Тожественные представления, созданные фантазией для «ночи» и «грозы», повели к слиянию этих различных явлений природы в области мифа. Как темное небо ночи блистает бесчисленными очами — звездами, так из мрака ночеподобных туч сверкают *многоочитые* молнии; и те и другие равно погасают, как скоро на просветленном небе появится торжествующее солнце. В утреннем рассвете видели ту же самую борьбу света и тьмы, что и весенней грозе, и вот почему стоглазый Аргус погиб от руки Гермеса, как гибнут демоны-тучи под ударами громовержца. С нашими преданиями о вии и тех страшных черепах, из которых глядят пожигающие очи, родственно греческое сказание о голове Медузы⁹: это была одна из трех сестер Горгон¹⁰; всякий, на кого упал ее взор, делался жертвою смерти (превращался в камень); Персей отсек Медузе голову, и голова эта явилась потом на щите Афины¹¹, воинственной богини-громовницы*.

Под влиянием метафорического языка глаза

---

* Горгоны жили на западе, у великого океана, в соседстве Ночи и Гесперид¹² (т. е. во мраке дождевых туч), изображались крылатыми и с змеями вместо волос: крылья — символ бурных полетов, а змеи — извивающихся молний.

человеческие должны были получить таинственное, сверхъестественное значение. То, что прежде говорилось о небесных очах, впоследствии, понятое буквально, перенесено человеком на самого себя. Знойный блеск солнечного ока производит засуху, неурожай и болезни; сверкающие взоры Перуна посылают смерть и пожары; та же страшная сила усвоена и человеческому зрению. Отсюда родилась вера в *призор* или *сглаз*, общая всем индоевропейским народам; у немцев против глазных очарований прибегали к предохранительному средству — носили при себе лапу *слепого* крота. «Дурной», «недобрый» глаз распространяет свое влияние на все, чего только коснется его взгляд: посмотрит ли на дерево — оно тотчас *засыхает*; глянет ли на свинью с поросятами — она наверно их съест; полюбуется ли на выведенных цыплят — и они суток в двое переколеют все до одного и т. д. Недобрый глаз влечет за собою болезни, убытки и разного рода несчастья, и такое действие его не зависит даже от воли человека. Недобрыми очами считаются: *косые, выглядывающие из-за больших, нахмуренных бровей, черные* («Бойся черного да карего глаза»; черный глаз — опасный) и *глаза, чрезмерно выкатившиеся или глубоко впавшие*. Косые глаза придают лицу неприятное выражение; старинному человеку они напоминали солнечный закат, умаление дневного света, близящееся торжество нечистой силы. Потому слову *прикос* дается значение «сглаза» (*оприкосить* — сглазить, *оприкосливый* — боящийся дурного глаза, порчи; *коситься на кого* — смотреть неприязненно); в заговорах просят защиты «от уроков и *прикосов*». Способностью зрения, по понятиям язычни-

ков, наделяли человека боги света и добра; с недостатком и еще более с отсутствием этого дара соединилась мысль о нравственном несовершенстве, лукавстве и злобе. Оттого *косой* употребляется в смысле дьявола: «Косой те возьми!» *Идти в прикос* — поступать нечестно, лукавить; *на косых быть* — не ладить; сравни: *кривой* (с одним глазом) и *кривда*, *кривость* — неправда, зло, обида; *отемнеть* — ослепнуть и *потёма* — скрытный, лукавый человек; *обморочить* — обманывать, *обомарот* — обманщик; малорус. *завязать свет* (очи) — сделать кого несчастным. Между другими зловещими приметами издревле признавалась и встреча со слепцом. Еще теперь слепота нередко принимается за верный признак связей с нечистою силою: от слепого знахаря ограждаются заклятиями; о нечуй-траве рассказывают, что ее могут находить только *слепые от рождения* — в глухую *полночь* под Васильев вечер¹³, когда *нечистые духи*, гуляя по рекам и озерам, разбрасывают эту волшебную траву. Чистый и всеми обожаемый Бальдур, по сказанию Эдды, погиб от слепого Гёдра, т. е. зимние туманы (тьма, слепота) похитили блеск солнца. Нахмуренные брови, как метафора потемняющих небо облаков, и глаза, светящиеся из-за этих бровей — из глубоких впадин, или глаза черные, навывкате, яркий блеск которых особенно живо напоминал молнию (припомним выражение «сверкающий взор», «молниеносный взгляд», «метать стрелы из глаз»), должны были получить тот же демонический характер, какой обыкновенно соединялся с тучами. У колдунов и ведьм, заправляющих грозами и бурями, по народному поверью — «недобрый» глаз. Немецкие саги человеку с густыми, сросшимися

бровями приписывают необычайное могущество: по своей воле он может высылать из себя духа (эльфа-молнию), который *вылетает из бровей* в виде бабочки и причиняет смерть сонному врагу; по сербскому преданию, в виде бабочки вылетает злой дух из ведьмы. У поляков рассказывается следующая любопытная повесть: жил-был пан, и были у него недобрые очи. Беда тому, на кого он посмотрит — непременно заболит и даже умрет; от его взглядов засыхали деревья и на воде поднималась буря. Все люди бежали от него. Пан остался один; с отчаяния он вырвал свои очи и зарыл их в землю. Когда впоследствии слуга откопал зарытые очи, они горели, как две свечи в ночном мраке, и едва свет их коснулся — слуга вздрогнул и упал бездыханный. Недобрые глаза считаются завистливыми, потому что зависть невольно обнаруживается во взорах, пристально обращенных на предмет желания; почему *зариться* означает: сильно желать, завидовать, *ззорный* — завидливый; *глаза разгорелись*, т. е. жадно смотрят; «у него черный глаз» — он полон зависти.

И сон и смерть равно смежают очи, равно лишают их дневного света. Признанные в мифических представлениях как родные братья, Сон и Смерть дали обильный материал для сравнения естественных явлений природы со спящим и умирающим человеком. Мы уже указали, что в закате солнца предки наши усматривали его сон, а в восходе — пробуждение; но рядом с этим существовало и другое воззрение, будто солнце, нарождаясь ежедневно, мужает в полдень и к вечеру умирает дряхлым стариком.

Очевидная для всех аналогия небесного света

со светом обыкновенного огня повела ко многим весьма знаменательным мифическим сближениям, которые, главным образом, и придали стихии земного огня священный характер. Солнце, луна, звезды, заря и молнии противодействуют тьме под небесным сводом — точно так же, как горящая лампада или свеча под домашнею кровлею. Язык роднит и отождествляет эти понятия: *свет, светило, светок* — утренний рассвет, и *светло* — огонь («вздуй светло!»), *свеча, светец* — ночник, *рассветить* — зажечь лучину, *светка* — пламя зажженной лучины или сухих пней; *луч* и *лучина*; *всполох (сполоха, сполохи)* — северное сияние и *сполохи* — зарница, от старинного *полох* — *поломя (пламя)*. Заходит ли солнце, закрывают ли его тучи, заслоняет ли что огонь — все это обозначается одинаково: *темень* — тучи, *темниться* — смеркаться, *темнить* — загораживать свечу. В санскрите солнце называется «всемирное или воздушное пламя», а огонь — «солнце домов»; сербское *ватра* — огонь родственно с нашим *вёдро* — ясная погода, светлое небо, а солнце обзывают сербы огненным. Вот основание, почему и солнце, и луна, и звезды в отдаленные времена язычества рассматривались как небесные светильники, налитые горючим веществом и возжигаемые для освещения всемирной. Греки, даже в позднейшую эпоху процветания наук, считали солнце и луну — телами, наполненными *огненной материей*, которая истекает из них через круглые отверстия; когда эти отверстия закрываются, тогда наступает солнечное или лунное затмение; к вечеру солнце *погашается* — и наступает ночь, поутру оно *зажигается* снова — и рождается день. О месяце и звездах говорили

наоборот, что они возжигаются вечером и гасятся утром. Между нашими поселянами существует поверье, в котором нельзя не признать отголоска глубокой древности, что каждое светило имеет своего ангела: один ангел носит по небу солнце, другие — луну и звезды; вечером всякий ангел зажигает свою звезду, как лампаду, а перед рассветом тушит ее. Звезды простой народ называет *божьими огоньками*; согласно с этим, Вергилий¹⁴ дает им эпитет огненных, а Эдда утверждает, что они образовались из искр, которые в начале мира излетели из страны туманов и облаков. Таким образом, Эдда сближает ночные звезды с блеском молний, рассыпаемых темными тучами. В русском языке до сих пор удерживаются выражения: «звезды зажглися, звезды погасли или потухли на небе». О месяце народная загадка говорит: «За морем (или: на небе) огонь добро- ясно горит», а поэты продолжают называть луну «ночной лампадой». В одной песне тоскующая девица умоляет бога засветить на небе восковую свечу, чтобы ее милый мог переправиться через Дунай-реку. Старинное поучение уверяет, что солнце, луна и звезды сотворены богом «из не- вещественного, рекше: негасимого огня». «Что без огня горит?» — спрашивает народная загад- ка и отвечает: *солнце*; а сказки повествуют, как ходил добрый молодец к Солнцевой матери за разрешением заданных ему вопросов и как вынуж- ден был спрятаться в ее теремах под золотое корыто, чтоб не сожгло его солнце, воротившееся из дневного странствования. Сербские загадки изображают солнце мировым светильником; в рас- кольничьих книгах находим такое определение: «Лицо божие — свеча горит перед образом».

а по свидетельству стиха о Голубиной книге: «Солнце красное от лица божьего», и на Украине думают, что бог «свитлость свою огнем доточив». В Беовульфе солнце названо всемирною свечою. Финны принимают это светило за золотое кольцо, в котором заключена огненная материя. Эстонцы рассказывают, что прадед богов, создавши вселенную, поручил своей дочери (Вечерней Заре) принимать по вечерам солнце и хранить его огонь в продолжение ночи, а сыну (Утру, Утренней Заре) при наступлении дня снова возжигать светильник солнца и отпускать его в обычный (дневной) путь. Литовцы возжигание восходящего солнца приписывают утренней звезде, как видно из слов песни: «Милое солнышко, божья дочка! кто тебе утром раскладывает огонь, а вечером стелет ложе? — Денница раскладывает огонь, Вечерница стелет ложе». В другой песне девица ищет свою пропавшую овечку; пошла спрашивать к Деннице — Денница сказала: я должна поутру разводить солнцу огонь; пошла к Вечерней Звезде — а та отвечала: я должна готовить вечером постель солнцу. Словацкие сказки сообщают любопытное предание о странствовании гонимой мачехою падчерицы на вершину горы (небо), на которой пылает огонь, а вокруг него сидят двенадцать Месяцев; каждый из них в свое определенное время в году занимает первое место, держа в руках правительственный жезл, и смотря по тому, какой Месяц властвует — весенний, летний, осенний или зимний, — пламя горит то ярче, то бледнее и вместе с тем то животворнее, то слабее влияет на производительность земли. Костры, возжигаемые при солнечных поворотах, служили эмблемою небесного огня Дажьбога.

Молнии также уподоблялись горящим светочам. Народная загадка изображает «грозу» в такой поэтической картине: «Гроб плывет, мертвец поет, ладан пышет и свечи горят»; гроб — туча, песнь — гром, свечи — молнии. Блеск молний, по финскому поверью, происходит оттого, что Укко¹⁵ *высекает огонь*; как удар стали (*кресала*) рождает из кремня искру, так бог-громовник высекает огонь (крес) из скалы — тучи. Финны приписывают этому богу власть над огнем и наделяют его огненную рубашкою (грозовое облако) и такими же стрелами и мечом. То же огненное оружие дают славяне своему Перуну.

Понятие теплоты, соединяемое равно и с светилами и с огнем, обозначается в языке родственными словами: *теплеть* — теплая погода, *тепло* (*тяпло, тёплышко*) — горячий уголь, огонь: «вздуй тепло!», *тепленка* — огонь, разведенный в овине; *теплить* — протапливать овин; *теплина* — теплое время и огонь, зажженная лучина; *степлиться* — о воде: согреться от лучей солнца, и об огне: гореть; о звездах говорят, что они *теплятся* — светят. Слово *печет* в Архангельской губ. употребляется вместо *светит*. Со светом и теплотой первобытные народы связывали идею жизни, а с отсутствием того и другого — идею смерти. При вечернем закате, при наплыве туч и во время затмений солнце казалось потухающим; а когда огонь гаснет — это и есть для него смерть. В областн. словаре *гасить* означает: истребить, уничтожить. Отсюда возникло, во-первых, уподобление жизни — возженному светильнику, а смерти — потухшему, и во-вторых, уподобление восходящего, утреннего солнца — новорожденному ребенку, а заходящего, вечернего — умирающему

старцу. В Ведах встающее поутру Солнце представляется прекрасным младенцем, а Утренняя Заря — богиней, которая каждый день снова нарождается; у греков Заря называлась Протогеней — *первороденная*, и Солнце рассматривалось как сын, рождаемый Небом и Зарей (или Ночью). Сербская песня заставляет молодца будить на рассвете свою любу: «Устан', срдце, родило се сунце!» В сказках словацкой и венгерской добрый молодец отправляется к Солнцу и спрашивает: зачем оно к полдню подымается все выше да выше и греет сильней и сильнее, а к вечеру спускается все ниже да ниже и греет слабей и слабее? «Эх, милый, — отвечало Солнце, — спроси у твоего господина, отчего он со дня рождения все более и более вырастал в теле и в силах и отчего в старости ослабел и пригнулся к земле? То же самое и со мной: моя мать каждое утро рождает меня прекрасным младенцем и каждый вечер хоронит хилым стариком». Русская загадка говорит о «дне»: «К вечеру умирает, к утру оживает».

Дневное движение солнца играло весьма важную роль в древнейших верованиях, отголосок которых замечаем¹ в доселе уцелевшем пристрастии раскольников к церковным выходам (с евангелием и дарами) *посолонь* и в некоторых народных обычаях и приметах. На свадьбах жених и невеста, их родичи и гости выходят из-за стола «по солнцу»; купленную скотину покупатель трижды обводит около столба «по солнцу», чтобы она пришла к нему на счастье; гадая о чем-нибудь, подымают на пальцах ржаной хлеб и смотрят: в какую сторону станет он вертеться? Если «по солнцу» — задуманное сбудется, и нет — если

«против солнца». Солнечным движением определились страны света: а) *восток* (областн. *восток, сток*) от глагола *теку* — иногда заменяется словами *всход* и *солнцевсход*, из которых последнее означает также «утро». Это сторона, где рождается солнце, откуда несет оно дневной свет и жизнь миру, и потому сторона — счастливая, благодатная. Пословица «Взойдет солнце и к нам на двор» у всех славян употребляется в смысле: будет и нам счастье! На восток обращались и продолжают обращаться с молитвами и закланиями; заговоры большею частью и начинаются этою формулою: «На заре было на утренней, на восходе красна солнышка». На востоке строят храмы; в старину покойников полагали лицом к востоку — в ожидании великого утра всеобщего воскресения мертвых, знамением которого служил ежедневный восход (пробуждение) накануне почившего солнца... С востоком соединялось представление рая, блаженного царства вечной весны, неиссякаемого света и радостей. Наоборот, б) *запад* (от глагола *за-падать*) называют *заход* и *солносяд* и связывают с ним идею смерти и ада, печального царства вечной тьмы. Где умирало солнце, туда — казалось древнему человеку — удалились и все усопшие предки, там ожидает судьба и его по смерти. В поучительном слове Кирилла Туровского читаем: «И потом сведеть ю (душу умершего) в пропасть, идеже затворены суть душа (и) грешных от века, показывает ей места, идеже имь мучитися, понеже мука далече мира есть на западе». По сказанию Иосифа Волоцкого¹⁶ о ереси жидовствующих, новгородский архиепископ¹⁷ Геннадий приказал посадить уличенных еретиков на коней — лицом к лошадиным хвостам, «яко да

зрят на запад в уготованный им огонь». В послании другого новгородского архиепископа — Василия сказано, что рай был насажден на востоке, «а муки и ныне суть на западе». Любопытна народная примета: когда корова принесет теленка, то прежде всего обращают внимание, как он лежит: если голова его обращена к востоку — теленок вырастет, а если на запад — то непременно падет.

в) Юг крестьяне называют *солнопёк* (*солнопечный* — знойный, *солнопека* и *пекунство* — место, открытое для солнечных лучей) и *полдень*: это сторона, где полуденное блесит наиболее ярким светом и оттуда веют теплые весенние ветры. Паисиевский сборник¹⁸ (в «Слове св. Григория»), указывая на требы, совершаемые огню, как эмблеме солнца («огнь творит спорыню, сушит и зреет» нивы), прибавляет: «Того ради окаянии полудень чтуть и кланяются на полъд (е)нь обратившиеся». г) *Север* же — сторона холодных ветров, зимней вьюги и ночного мрака; на областном языке она называется *полночь* и *сивер*; сравни со словами: *сиверко* — холодно, *сивер* и *сиверик* — холодный, резкий ветер, *сиверка* — ветреная, сырая погода. Как восток противопоставляется западу, так юг — северу; подобно западу, север в народных преданиях представляется жилищем злых духов; по поверью, не должно ставить ворот на полночь, не то нечистая сила выживет из дому.

С рассветом дня соединяется все благое, все предвещающее жизнь, урожай, прибыль, а с закатом солнца, с ночью — все недоброе: смерть, бесплодие, убыток, несчастье. Отсюда объясняется и поговорка, так часто повторяемая в наших сказках: *утро вечера мудренее*, т. е. при солнечном

восходе всякое дело, всякий подвиг совершаются удачнее. «Ночь меркнет, заря свет запала, мгла поля покрыла», — говорит автор «Слова о полку Игореве», желая в этой картине солнечного заката, в этом торжестве тьмы над светом указать на грядущее торжество враждебных ратей над русскими воинами. Наоборот, «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче» пользуется эпическим выражением: «Солнце ему на восток(е) сияет и путь поведает» — в смысле: все ему сулит успех, победу. Народные приметы дают обильные свидетельства: *солнышко закатилось* — не бросай на улицу сора, пробросаешься — разоришься; не починай тогда и новой ковриги, а то хлеб будет не спор, да, пожалуй, и все хозяйство расстроится. Если уже необходимо приняться за ужином за целый хлеб, то первую отрезанную горбушку не едят, а после трапезы приставляют ее к початой ковриге, чтобы она казалась нетронутой. Отдавать деньги *к ночи* — нехорошо, не будут водиться; по захождению солнца крестьяне, из боязни обеднеть, не сводят счетов, не ссужают в долг и не дают из дому никакой вещи. В одной из старинных рукописей Кирилло-Белозерского монастыря об этом замечено: «По заходу солнца не дают ничтоже от дому своего — ни огонь, ни съсуд некаков или требование нечто». Не гляди в окно *до утренней зари* — грешно; не оставляй *на ночь* на столе нож — лукавый зарежет. Если жеребенок (сосун) резвится на пастбище *вечером, при закате солнца*, то его непременно в течение года съест волк; а если играет он *поутру, при восходе солнца*, то будет хорошо расти и уцелеет от хищного зверя. Когда мать купает ребенка *на ночь*, то не должна выливать воды *до утреннего рассвета*;

несоблюдение этого правила может повредить ребенку. *На ночь* следует покрывать кадку с водою и кринки с яствами, чтобы не нагадил в них нечистый. Эдда не советует вступать в битву по заходе солнца. По глубоко вкорененному убеждению язычников, война была судом божьим, а дневное светило являлось свидетелем людской правды. Оно должно было взирать с высоты на состязание враждующих племен и склонять весы правосудия на сторону правого. У древних народов как скоро заходило солнце — суд закрывался (так предписано законами XII таблиц¹⁹), и вообще всякая юридическая сделка, заключенная в ночное время, была недействительна; заимодавец мог требовать уплаты долга только днем, пока не село солнце; судебные поединки должны были заканчиваться с наступлением сумерек.

По солнечному движению человек определил и свое собственное отношение к окружающему миру, что очевидно из совпадения понятий *левого* с *северным* и *правого* с *южным*. Древний человек обращался всегда для молитвы к востоку и, следовательно, с правой руки имел полуденный юг, а с левой — полночный север. Указанная противоположность юга и севера сочеталась в народных поверьях и со сторонами правой и левой. По убеждению простолюдина, с *правой* руки человека стоит добрый ангел, а с *левой* — злой; не плюй *направо*, чтобы не отогнать от себя ангела-хранителя; плюнешь *налево* — попадешь в черта, и потому советуют, вставая поутру с постели, плевать в *левую* сторону и растирать слюну ногою: этим средством прогонишь нечистого, и в тот день он уже не будет записывать за тобою грехи. Спать на *правом* боку починают за грех, ибо можно за-

давить ангела-хранителя. Вставать с постели должно *правою* ногою, встанешь *левою* — весь день будешь не в духе: брюзглив и невесел; обуваясь и снимая обувь, следует начинать с *правой* ноги; кто, входя в дом, ступит наперед *правою* ногою, того ждет хороший прием; при древних гаданиях славяне наблюдали, какою ногою переступит священный конь через положенные жерди — *правой* или *левой*, и в первом случае ожидали успеха, в последнем — неудачи; кто упадет на *правый* бок — тому не будет помехи в делах, а кто на *левый* — того ждет беда. Литвин, при посеве огородов, боится пересыпать семена из *правой* руки в *левую*, чтобы не повредить будущим всходам. Увидеть народившуюся луну с *правой* стороны — знак, что получишь неожиданную прибыль или в продолжение целого месяца будешь счастлив во всех предприятиях; а кто усмотрит ее *слева*, тот испытает неудачи. Крик и полет вещей птицы с *правой* руки принимался у славян, немцев, греков и у других народов за счастливую примету, и наоборот, если предвещение шло с *левой* стороны. Чешется *правый* глаз — на милого смотреть, *левый* — к плачу; чешется *правая* ладонь — получать деньги (прибыль), *левая* — отдавать (убыток); *правое* ухо горит — слышать добрые вести или похвалу, *левое* — слышать худые вести и брань; в *правом* ухе звенит — вспоминают друзья, в *левом* — корят недруги и т. д. Под влиянием этих воззрений слово *правый* получило значение всего нравственно — хорошего, справедливого, могучего (*право, правда, правило, правило, управа*; то же соотношение понятий запечатлено и в языках немецком и французском).

Поэтические представления о рождении и смерти солнца были прилагаемы и к судьбам его в течение года. Потери солнцем плодотворной теплоты и помрачение его блеска в осенние и зимние месяцы послужили основой мифа, что светило это с окончанием летнего времени утрачивает свои силы и погибает (гаснет). С поворотом на зиму (в июне) оно, видимо, стареет и начинает уступать демонам тьмы: дни сокращаются, ночи увеличиваются; одряхлевшее, оно умирает. Но при следующем повороте (в декабре) вместо старого солнца *нарождается новое*. С его рождением дни начинали прибывать, ночи умаляться. Это радостное событие встречали особенным празднеством, которое в эпоху христианскую было приурочено ко времени *рождества христового* и доныне известно между поселянами под именем Коляды. Повторяя слова старинной обрядовой песни, народ бессознательно продолжает воспевать новорожденное солнце:

Уродилась Коляда
Накануне рождества.

Рядом с указанным представлением о возрождении солнца было другое, совершенно аналогичное с первым, что при повороте на лето оно *воскресает* к новой жизни. Как слово *погаснуть* метафорически означает: умереть, так выражение «возжечь пламя» должно было получить значение: ожить, восстать от смерти, что подтверждается на самом деле, ибо *воскресать* происходит от *крес* — пламя, огонь. В одном рукописном прологе²⁰ слова *крес* и *кресины* употреблены именно в значении небесного света, возженного при повороте солнца на лето... Вновь народившееся или воскресшее светило постепенно крепнет в

своих силах; божественный младенец растет и мужает и при начале весны является прекрасным и могучим юношею. С весенним солнцем нераздельно понятие молодости; народные сказания изображают его в грозовой обстановке: оно *купается* в живой воде дождевых потоков, *очищается* в блеске молний и, просветленное, несет миру дары плодородия. Когда солнце закрывается белыми — летними — облаками, оно, по народному выражению, *замолодело*. В грозе видели его благодатное *обновление*: погашаемый демонами мрака (тучами), светильник солнца снова возжигается молниеносным Перуном, разгоняющим враждебные рати нечистых духов. Финский эпос заставляет громовника Укко зажигать в облаках искры (молнии), чтобы осветить через то вселенную *новым* солнцем и *новым* месяцем.

Не менее любопытны те мифические представления, какие соединяла фантазия с обычными изменениями луны. В первой четверти месяц называется *новым, молодым, народившимся* («новый месяц родился»); в следующие затем дни — *подполнь*; потом наступает *полнолуние*, за ним *перекрой* — первые дни после полнолуния («на перекрое») и *старый, или ветхий*, месяц. Итак, по древнейшему воззрению, закрепленному в языке, луна рождается, вырастает (полнеет), бывает молодою, стареет и умирает и затем возрождается снова. Народная загадка так живописует это светило: «Когда я молод был — светло светил, под старость стал — меркнуть стал». Следя за постепенно умалющимся ликом луны, древний человек объяснял себе это явление или губительным влиянием старости, или действием враждебной силы, которая наносила месяцу

ущерб и как бы урезывала его острым ножом: *перекрой от кроить* — резать, откуда и *край*, *краюха*, *крома*. Народная загадка уподобляет неполный месяц краюшке хлеба: «Постелю рогожку (небесный покров), посыплю горошку (звезды), положу окрайчик хлеба (месяц)» или: «Взгляну в окошко, раскину рогожку, посею горошку, положу хлеба краюшку», «У нас над двором краюха висит». На Руси и в Германии существует поверье, что *старый месяц бог крошит на звезды*. В Литве есть поэтическое предание о полумесяце: Перкун, раздраженный тем, что Месяц ухаживал по ночам за Денницею, выхватил меч и рассек ему лицо пополам.

Евреи праздновали день новолуния, возжигая на холмах огни как символическое знамение вновь народившегося светила ночи. У нас до сих пор в некоторых деревнях крестьяне выходят встречать новый месяц и обращаются к нему с мольбами о счастье, здоровье и урожае; иные уговариваются с священниками освящать у них на дому воду в первый воскресный день по новолунии в продолжение целого года (Черниговская губ.). Как с восходом солнца связывались добрые превращения, а с закатом — худые, так и месяцу придано счастливое значение в период его *возрастания* (от рождения до полнолуния) и несчастливое — в период *ущерба*. Когда увидят в первый раз молодой месяц, то нарочно хватаются за карман или вынимают оттуда деньги и «кажут их месяцу»; верят, что после этого богатство станет возрастать и деньгам перевода не будет. О ребенке, родившемся в новолуние, думают, что он долговечен. На Украине, глядя на молодой месяц, приговаривают: «Тоби на уповня (на пополнение), мени

на здоровья!» Время возрастания луны считается у наших крестьян наиболее удачным для начала работ и предприятий, а время ущерба — менее или совсем неблагоприятным, что, по свидетельству Тацита, признавали и древние германцы. Свиней стараются резать в *новолуние* — в том убеждении, что тогда туши бывают *полнее*, а во время *ущерба* *уменьшаются*. И всякую другую скотину лучше колоть в *полнолуние*; на исходе же месяца она бывает худее и в костях ее меньше мозга. При стареющем месяце, а ровно и в день лунного и солнечного затмения не начинают посевов. «Добро сеять в полном месяце»; если мужик сеет на новцу (в новолуние), то хотя хлеб растет и зреет скоро, но колос будет не богат зернами; а хлеб, посеянный в полнолуние, хотя растет тихо и стеблем короток, зато ядрен и обилен зерном. В этом поверье рост хлеба поставлен в прямое соотношение с возрастанием луны, а полнота зерна — с полнотою ее блестящего круга. То же утверждают и о посеве льна: чтобы лен уродился полный в зерне, надо сеять его в полнолуние; а чтобы уродился долгий и волокнистый — надо сеять на молодой месяц. Постройку избы не советуют начинать во время лунного *ущерба* — не будет добра; рубить строевой лес и хворост для плетня и складывать печи должно в *новолуние*: тогда червь не будет точить дерева, хата будет тепла и не станет гнить. Отдел сыновей на особое житье совершается обыкновенно во время *новолуния* — для того, чтобы имущество нового хозяина так же прибывало и увеличивалось, как увеличивается молодой месяц. В старинном поучении (XVII в.), направленном против народных суеверий, восстает проповедник и на указанные на-

ми приметы и обычаи... Подобные поверья встречаем и у немецких племен: заключать браки, начинать постройки, переходить на новоселье, собирать целебные травы и росу, стричь волосы и обрезать ногти (чтобы лучше росли) должно в новолуние; на исходе же старого месяца хорошо расторгать брачные узы, ломать дом, рубить лес и косить траву: лес и трава нужны сухие, и потому при рубке первого и косьбе второй имелось в виду, чтоб они высохли так же скоро, как усыхает (умалывается) луна; плоды, растущие над землею, лучше сеять при возрастающей луне, а которые растут под землею (морковь, редька и пр.) и, следовательно, не любят света — при лунном ущербе.

О звездах также думают, что более яркий блеск их сулит плодородие. Ясное, звездное небо 24 декабря обещает в будущее лето изобилие ягод и грибов; на Рождество, новый год и Крещение звезды ярким сиянием предвещают хорошее роенье пчел и урожайный год; особенно же сиянию звезд приписывают урожай гречихи и приплод овец. Есть даже поговорка «Ярки звезды породят белые ярки (ягнята)», на создание которой оказал несомненное влияние язык. *Яркий* блеск, звезд пророчит плодovitость (*ярость* — похоть): урожай *ярового* хлеба, счастливое роенье *ярых* пчел и умножение ягнят (*ярок*). В половине февраля овчары окликают звезды: «Ты освети, звезда ясная, негасимым огнем белоярых овец у раба (имярек). Как по поднебесью звездам нет числа, так бы у раба (имярек) уродилось овец белей того».

Тесная связь, в какую поставил язык понятия небесного света и земного огня, выразилась в мифе о родстве этих стихий. Небо имело двух

детей: Солнце и Огонь. По свидетельству Ипатьевской летописи²¹, указанному впервые Шафариком²², у Сварога (неба) был сын Дажьбог (солнце); а в слове христолюбца сказано: «Иогневи молятся, зовут его Сварожичем». Эта отечественная форма указывает, что Огонь был также принимаем за сына Сварога. В сербской песне солнце называется *чадо божье*, а в малорусском языке огонь обозначается словом *богач*, в котором г. Буслаев подозревает отечественную форму (сын бога)²³, но с этим мнением ученого профессора нельзя согласиться. Название *богач* (или *богатье*) придано огню ради мифической связи его с золотом и потом вообще с богатством. Из того же источника создано другое мифическое сказание о происхождении зеленого огня от *зенницы господней*, т. е. от всевидящего ока — солнца, почему у финнов на языке рун огонь есть «дитя солнца — матери»; древние мифы говорят о похищении огня с неба.

Мы видели, что небесные светила и сверкающие молнии уподоблялись очам. Отождествляя земной огонь с небесным светом, фантазия усвоила за ним то же самое уподобление глазу. Народная загадка: «Днем спит, ночью глядит» означает «огонь от свечи». Болотные (блуждающие) огни белорусы представляют *одноглазыми* малютками: *глазки их сверкают как огонек*. Наоборот, другие предания, уже приведенные выше, рассказывают о глазах, которые светят в ночной тьме и производят пожары.

Одинаковое впечатление, производимое на глаз, с одной стороны, сиянием небесных светил, молнии и огня, а с другой — блеском некоторых металлов, породило понятие о связи света с золотом,

серебром и медью... Эпитеты, придаваемые этим металлам, стоят в близкой связи с понятием света; так, в сербской народной поэзии говорится: *сухое* золото, *белое* серебро; у нас *красно* золото, *чисто* серебро; в белорусской песне: *рыже* золото; последний эпитет встречаем и у других славян. Сравни: *красное* солнце, *белый* свет, *нечистая* сила и проч. «Сухое золото» — этим выражением приписывается золоту иссушающая сила огня и солнечного зноя, что подтверждается и тем знаменательным заклятием, какое записано у Нестора: «Да будем золоти, яко золото», т. е. да будем желты, как золото — да иссушит нас небесное пламя; произнося это заклятие, полагали перед кумирами золото. В сербских клятвах эпитет «сухой» придается и карающей молнии...

Уподобление небесного света блеску металлов повело к созданию разнообразных мифических представлений. Всех светлых богов своих человек наделил золотыми и серебряными атрибутами, потому что боги эти обитали на небесах и олицетворяли собою блестящие светила и сверкающие молниями облака. Эпитеты «золотой» и «серебряный» остаются за ними при всех превращениях: примет ли божество образ быка — оно является туром — *золотые рога*; если обернется конем — то непременно *златогривым* и *златохвостым*, если вепрем — то с *золотою* и *серебряной щетиною*, если птицею — то с *золотыми перьями* (*жар-птица*), и т. д. Подобные представления неразлучны с преданиями всех народов индоевропейской семьи; но то же самое встречаем и у других племен, потому что одинаковые впечатления производили и одинаковые последствия. У перуанцев, например, были храмы, посвященные солнцу и

луне; в этих храмах изображение круглоликого солнца, испускающего из себя пламенные лучи, было сделано из чистого золота, а такое же изображение луны, согласно с ее бледным серебристым светом, — из чистого серебра. Финская Калевала рассказывает о том, как божественный кузнец Ильмаринен *сковал солнце и луну из золота и серебра*; по словам этой поэмы, «золото и серебро так же стары, как солнце и луна». В старинную рукопись, содержащую перевод хроники Мала-лы²⁴, занесено несколько сведений о литовских поверьях. О восходящем поутру солнце гимны Вед говорят как о «золотом сокровище», которое хотели бы утаить духи тьмы (ночи), но богиня Заря находит его и приносит обрадованному миру. В Псковской и Тверской губ. вместо «заря занимается» говорят: *золочит, золочится**, т. е. заря золотит небо. В этом отождествлении неиссякаемого богатства солнечного света, каждое утро вновь возрождающегося на востоке, с золотом кроется основание веры в «неразменный червонец», который сколько ни трать — он все цел. Аналогичное с этим поверьем предание о «неисчерпаемом кошельке (или кошельке-самотрясе)», из которого сколько ни бери — он все полон золотом, объясняется из поэтического представления тучи, закрывающей небесные светила и рассыпающей золотистые молнии, сумкою или мешком. Русские народные загадки выражаются о *солнце*: «За ле-

---

* Поговорки: «Заря деньгу родит (или кует)», «Заря озолотит», «Заря золотом осыплет», потерявши мифическое значение, стали прилагаться к крестьянским работам: кто встает с зарею и тотчас же принимается за работу, тот обогатится.

сами, за горами золота дига кисне (или: горит); о *солнечных лучах*: «Из окна в окно (из небесного окна, открываемого Зарей, в окно избы) золото бревно (или: веретено)»; о *месяце*: «Серёд двора лежит червона сковорода», «Насерёдь болота лежит кусок золота»; о *звездах*: «Рассыпался собор (или: горох) на двенадцать сторон, никому не собрать — ни попам, ни дьякам, ни серебрянникам; один бог соберет, в коробочку складет», т. е. восходящее солнце спрячет звезды; «За лисом, за пролисом золотии клубки висят».

Народные сказки, изображая блаженную страну весны, говорят о садах с *золотыми* яблоками, об источниках, текущих *серебром* и *золотом*, о дворцах *медном*, *серебряном* и *золотом*, хранящих несметные сокровища. По славянским преданиям, Солнце живет на востоке в *золотых* палатах; на праздник Купалы оно выезжает на небесный свод на трех конях: *серебряном*, *золотом* и *бриллиантовом*. Красная девица Заря, по свидетельству заговоров, восседает на *золотом стуле*, держа в руках *серебряное* блюдо (солнце), древние греки давали ей название *златотронной*. Зародыш этого поэтического образа кроется в глаголе, которым издревле обозначали солнечный закат. Трудность образования имен и глаголов с отвлеченным значением, какую испытывал человек в эпоху творчества языка, заставляла его о многих явлениях природы выражаться метафорически. Скрывающееся на западе солнце казалось ему отходящим к покою после дневного странствования; вечером оно, по выражению нашего языка, *садится* (запад — *солносяд*), а поутру *встает* и пускается в путь — *восходит*. Потому в германской мифологии солнцу действительно дается

седалище или трон, а сербы рассказывают о его *златотканом, пурпуровом престоле*, что согласуется с обычным представлением солнца могучим царем, владыкою мира.

К месяцу русские заговоры обращают такое воззвание: «Месяц, месяц — серебряные рожки, золотые твои ножки!» По выражению песни, «у младого месяца первозолоты рога». На основании внешнего сходства в оконечностях молодого, серповидного месяца фантазия признала его золотые ноги и рога, — точно так же, как в лучах, бросаемых восходящим солнцем, усматривала она простираемые из мрака руки, которыми дневное светило силится захватить небо. В Ведах одним и тем же словом означаетс*я* *рука* и *луч*, а солнцу дается название *златорукого*. Блестящий бог дневного света возносит поутру свои золотые руки над сонным миром и гонит демонов ночи. У Гомера богиня Зоря (Эос) называется розоперстая: ее розовые пальцы, отпечатываясь на небе и облаках, охватываемых предрассветными или вечерними лучами солнца, озаряют их чудным пурпуровым блеском. Та же метафора прилагалась и к молнии, которую бог-громовник, словно мощною рукою, наносит удары тучам; отсюда развился миф о *золотой руке* Индры, данной ему в замену той, которой он лишился в борьбе с своими врагами. Греческий Аполлон также имел золотые руки. Наши сказочные предания о героях, у которых *по локоть руки в золоте, по колени ноги в серебре*, находят объяснение именно в этих мифических сближениях.

Как золото и серебро служили для обозначения небесных светил и молнии, так, с другой стороны, этим металлам были придаваемы свойства, при-

надлежащие свету и огню. «Не все то золото, что сия светить», — говорит пословица, приписывая золоту способность светить. Народная загадка спрашивает: «Что горит без пламени?» — и отвечает: *золото* или *деньги*; другие загадки прибегают к той же метафоре: «Чернец-молодец по колена в золоте стоит» — горшок в *жару*; «Полна коробочка золотых воробышков» — *горячие уголья* в печке; «Сидит курочка на золотых яичках, а хвост деревянный» — сковорода на *горячих угольях* и сковородник; «Вышла тудорья из подполья, зачала золото загребать» — помело и *жар* в печи; «Колокольня нова, колокольня бела, под маковкой черно, маковка золота» или «Горенка нова, головка черна, шапочка золоченая» — *зажженная свеча*; «На улице анбар, в анбаре сундук, в сундуке синь плат, в синем плату золото» — дом, печь и *огонь*. Малорусы называют огонь *богатье* и *богач* и даже считают за грех называть его другим именем; а деньги на поэтическом языке Эдды — *пламенно-красное богатство*; мы и поныне говорим, что деньги *жгутся* (белорусская поговорка: «Деньги горячи»), но уже соединяем с этим выражением новую мысль о трудности добывать их. В народных же преданиях они в самом деле обладают этою силою. В одной из русских сказок копейка, заработанная долгою и трудною службою, *горит пламенем*, так что от нее можно зажечь свечу; в другой сказке черт дает человеку кулек *жару*, а потом в кулке оказывается чистое *золото*. Наоборот, в других народных рассказах деньги, полученные от нечистого, превращаются в *уголья*. На Украине можно услышать повесть о том, как баба-повитуха принимала ребенка у черта. Когда покончила она свое дело, нечистый сказал: «Пой-

дем в комору, я тебе за труд заплачу», — а новорожденный чертенок толкнул бабу и шепнул ей на ухо: «Не бери, бабушка, золото; бери каленные уголья!» Пришла баба до коморы; смотрит — над дверями висит шкура, и какой чертенок ни идет туда, всякий хватается лапой сперва за шкуру, а потом за свои глаза. Вот и баба то же сделала: дотронулась рукой до шкуры и ухватилась за правый глаз; вошла в комору, и что же? Диво, да и только! Что левому ее глазу представляется *светлыми дукатами*, то правому сдается *горячими угольями*, и обратно: где левый глаз видит *горячие уголья*, там правому кажутся *светлые дукаты**. Известна еще на Украине легенда, как один бедняк в Светлое воскресенье²⁵ хотел затеплить свечу перед иконами и, не найдя в печи огня, пошел в поле попросить у чумаков, которые сидели у костра и варили себе кашу. Чумаки нагребли *жару* руками и насыпали ему в полу. Воротившись домой, он затеплил свечу, а жар высыпал на припечек; смотрит и очам своим не верит: вместо огня перед ним явилась целая куча *золота*. У немцев существуют подобные же предания: портной и золотых дел мастер попали нечаянно к карликам; малютки наполнили их сумки *угольем*, которое превратилось в *золото*. Но так как золотых дел мастер обнаружил при этом жадность, то забранное им золото опять стало угольем. Другой рассказ: мужик, работая в поле, увидел в сумерки кучу *горячих угольев*,

---

* Шкура — метафора дождевого облака; в варианте этого рассказа черти промывают свои глаза чудесною водою, т. е. дождь просветливает небо и выводит из-за туч горящее золото солнечных лучей.

на верху которой сидел черт. «Ведь ты сидишь на сокровище?» — спросил крестьянин. «Да,— отвечал черт,— здесь серебра и золота больше, чем ты во всю жизнь видел». — «Это сокровище принадлежит мне, потому что лежит на моем поле». Черт соглашается отдать серебро и золото только в таком случае, если мужик уступит ему за два года половину того, что родит поле. Мужик обманывает нечистого при разделе урожая и овладевает кладом. И немцы, и славяне равно убеждены, что клады, заключающие в себе золото, серебро, деньги и разные драгоценности, испускают от себя *огненный блеск*; на том месте, где зарыт под землею клад, всегда *горит огонек* или *свеча*. Рассказывают, что многие, которым удавалось находить клад, решались брать себе *золото*, но вместо денег приносили домой одни *уголья*. Собственно, предания о кладах составляют обломки древних мифических сказаний о небесных светилах, скрывааемых нечистою силою в темных пещерах облаков и туманов; но с течением времени, когда народ утратил живое понимание метафорического языка, когда мысль уже не угадывала под золотом и серебром блестящих светил неба, а под темными пещерами — туч, предания эти были низведены на землю и получили значение действительных фактов. Так было и со множеством других верований: небесная корова заменилась простою буренкою, ведьма-туча — деревенскою бабою и т. д.

Подобно тому как в солнечном и лунном затмениях видели недобрые знамения, так то же предвещание связывали и с *серебряными* и *золотыми* вещами, оставленными любимым человеком при отъезде его в чуждадельную сторону; когда металл

тускнел, это принималось за верный знак, что дорогой странник погиб смертью или ему грозит великая опасность.

В народных представлениях адских мук, при распределении грешникам соразмерных наказаний, жадные ростовщики, загребавшие в сей жизни *серебро* и *золото*, на том свете караются по закону возмездия тем, что обязаны *загребать голыми руками жар*.

В связи с указанными данными стоят поверья о «воспалительных» болезнях: чем древнее, первоначальнее предание, тем оно живее переносит нас в глубь наивных младенческих воззрений язычника, тем полнее и ярче обнаруживается могущественное влияние слова. Болезни, рождающие в человеке сильный внутренний жар и сыпь по всему телу, народная фантазия сблизила с «огнем»; на такое сближение навело само свойство того болезненного ощущения, которому подвергается захворавший. *Красные* пятна сыпи называются у нас *огонь*, *огневики*; *горячка* (от *гореть*) уже названием своим указывает на возбуждаемый ею жар; в областных наречиях ей придаются следующие синонимические названия: *огнева* (*огневка*, *огневица*) и *палячка* (от *палить*, *палючий*); точно так же «летучая лихорадка» слывет под именем *огни*, а в заговорах упоминается «седьмая» лихорадка — *огненная*: «Та есть злая, лютая и проклятое всех»*. Сравнивая действие воспалительных болезней сжигающим огнем, народ необходимо должен был сблизить их с «золотом» и сочетать с ними эпитеты: *жел-*

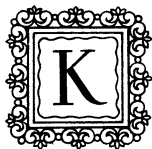
* Об изжоге простолюдин выражается: «У меня душа горит!»

тый и красный, так как понятия огня, света и золота отождествлялись и в языке и в мифе. Одна из семи сестер-лихорадок (именно: пятая) в заговорах называется *златеница* и *желтыня* (*желтуха, желтая*); болезнь золотуха известна между крестьянами еще под следующими именами: *красуха, огника, огница*. По народному поверью, смерть от оспы должно почитать за особенное счастье: кто умрет от оспы, тот будет на том свете ходить в *золотых ризах*; каждая оспинка на его теле обратится в *блестящую жемчужину*. Поэтому во многих губерниях крестьяне, особенно староверы, считают за грех прививную оспу и называют ее антихристовой печатью; не раз случилось, что отцы и матери откупались деньгами, чтобы только не видеть на своих детях привитой оспы, или тотчас после прививки смывали ее в бане. Этим взглядом на воспалительные болезни определелись и употребляемые против них врачебные средства. Когда покажется на теле сыпь, берут *кремень* и *огниво* и *высекают* над болячками огонь, с приговором: «Огонь! Огонь! возьми свой огник». Глубочайшая древность этого обряда свидетельствуется тем, что в Ведах находится подобное же заклятие против болезни *такман* воспаляющего свойства: «Ты все тело творишь желтым, мучишь палящим огнем. Агни! прогони такман». Агни — первоначально бог небесного пламени, возжигаемого в грозовых тучах, и потом бог земного огня; искры, высекаемые из кремня, были эмблемою его сверкающих молний. Метатель убийственных стрел, он карал смертных, отмечая их своими огненными знаками (*язвами*) и зажигая в их теле жгучее пламя болезни, и потому к нему обращается молитва затушить внутренний жар больного —

взять назад свой *огник*. От золотухи в Калужской губ. читают заговор, обращенный к Заре: «Заря-Заряница, красная девица! поди ко мне на помощь; помоги мне, господи, из раба (имярек) золотуху выговорить... Золотуха-красуха! поди из раба (имярек) в чистые поля, в синие моря; как чистые звезды с неба сыплутся, так бы золотуха из раба (имярек) выкатилась». Красные — *золотые* пятна болезни сближаются здесь с ясными звездами, и вся сила заклятия состоит в формуле, чтобы золотушная сыпь так же бесследно исчезла с *тела*, как исчезают поутру небесные звезды. Богиня утренней зари гасит ночные огни; она же призывается погасить и огни недуга. Согласно с поэтическими представлениями, что заря *золотит* небо, что восходящее солнце есть *золотое кольцо*, возник суеверный обычай лечить золотуху *су-сальским золотом*, которое дают больному есть, или *золотым кольцом*, которым обводят больные места. Во время *кори* и *оспы* *глаза* больного обводят также *золотым кольцом* — с тем, чтобы *недуг* не мог повредить его зрению; повод к такому лечению скрывается в уподоблении солнца всевидящему оку: оно прогоняет ночную слепоту, а потому и кольцо, как его эмблема, владеет тою же целебною силою. В Архангельской губ. *глазные недуги* лечат так: берут *кремень* и *огниво* и *высекают искры в больной глаз*, произнося эти знаменательные слова: «Огонь огнем засекаю!» — т. е. небесным пламенем молнии, которая сечет темные тучи и выводит из-за них ясное солнце, просветляю огонь глаза, отуманенного болезнью.

СОЛНЦЕ И БОГИНЯ ВЕСЕННИХ ГРОЗ

ругловидная форма солнца заставляла древнего человека видеть в нем огненное *колесо*, *кольцо* или *щит*. *Колесо*, старин. *коло*, означает: круг (*около* — вокруг); уменьшит. *кольцо* — звено цепи, металлический кружок, носимый на пальце; *коло* у нас употребляется в значении колеса (в машинах), а у других славян в значении хороводной пляски — точно так же, как слово круг означает в областных наречиях: и колесо и хоровод, почему и хороводные песни называются *круговыми*; колесо служит метафорой и для серьги: «Под лесом-лесом (волосами) колёса с повесом». Впечатлительная фантазия первобытного народа

быстро схватывала всякое сходство. Колесо, обращающееся вокруг оси, напоминало ему . движущееся по небесному своду солнце, которое в одной народной загадке названо птицею-вертеницею, а в другой — шаром вертлянским: «По заре-зарянской катится шар вертлянский; никому его не обойти и не объехать». О наступлении ночи до сих пор выражаются: «Солнце закатилось». В народных песнях встречаем следующие выражения:

Колесом-колесом
Сонычко в гору йде,
А вже же наша Галичка
Из-пид винця йде.
Сонце колесом в гору идзетьс,
А дзевухна з'винца в двир идзетьс.

Эти указания тем более заслуживают внимания, что они подтверждаются преданиями всех индоевропейских народов. Кун указал на ведаическое представление солнца колесом и справедливо заметил, что отсюда, а не обратно, возникли сказания о поездках бога Солнца на чудесной колеснице. Демонический змей, надвигающийся на небо сплошные массы облаков и рождающий в воздухе томительный зной (то, что у нас обозначается глаголом: парит) является в Ведах с именем *иссушитель*: он задерживает дождевые потоки, овладевает *колесом солнца* и распространяет на поля и леса губительный жар. В гимнах, обращенных к Индре, восхваляют этого громовержца за то, что он поражает своею молниеносною пащею змея, проливает дождь и, срывая с вершины облачного неба *солнечное колесо*, умиряет зной.

Силы природы, в их вредных влияниях, обыкновенно приписывались демоническим чудовищам, тогда как, с другой стороны, те же самые силы, ради их благодетельных влияний, принимались за действия добрых богов; между демонами и богами шли нескончаемые битвы за владычество. Так, в знойную пору песых дней Индра сражался с змеем-иссушителем, Тор — с великаном жаров. Смена годовых времен особенно резко выставляла то благодатные, то разрушительные свойства обоготворенных стихий. Божество, щедрое на дары и дружелюбное в летнюю половину года, в зимний период являлось с другим, недоброжелательным (демоническим) характером, и потому в представлениях народной фантазии оно распадалось на два отдельных, враждебных друг другу образа, которые спорили между собою и в известное время осиливали один другого*. О борьбе летнего солнца с зимним сохранила любопытное свидетельство словацкая сказка. Борьба эта совершается в шуме грозы и происходит между зимним похитителем солнца и весенним его освободителем; представления, принадлежащие солнцу и громовнику, сливаются воедино. Когда соперники положили свои мечи, весенний герой сказал: «Обернемся лучше колесами и покатымся с горы: чье колесо будет разбито, тот и побежден!» Оборотились оба колесами и покатались с горы; колесо избавителя налетело на своего противника и раздробило его; но тот, прикинувшись молодцем, заявил, что

---

* Датская сага различает летнего Одина от зимнего; во время зимы настоящий Один находится в ссылке, а на троне его восседает похититель; с приходом же весны роли их меняются.

враг размогил ему только пальцы, а не победил. С своей стороны, он предложил оборотиться в белое и красное пламя: чье пламя осилит другое, тот и победит. Похититель солнца оборотился *белым* пламенем, а соперник его — *красным*. Долго они палили друг друга, и никоторый не мог одолеть. На ту пору шел мимо старый нищий с длинною белою бородою. «Старик! — воскликнуло белое пламя, — принеси воды и залей красное пламя; я тебе подарю грош». А красное пламя перебило: «Старик! я тебе дам червонец, только залей белое пламя». Старик принял сторону последнего, за которым и осталась победа. И колесо, и пламя — символы солнца. Удаляясь на зиму, оно утрачивает свой яркий блеск, становится бледным, что и продолжается до тех пор, пока с возвратом весны не искупается оно в дождевой воде; только тогда станет солнце «красное» и заблестит на небе *золотым червонцем*.

↓ Поэтическое представление солнца огненным колесом вызвало обычай зажигать в известные годовые праздники колёса — обычай, доселе соблюдаемый между немецкими и славянскими племенами. Это бывает: а) в начале весны (на масленице или на Светлой неделе), когда возжжение колеса служит символом возрождения солнца после зимней его смерти, и б) на Иванов день, когда солнце, достигнув высшей точки своего течения, поворачивается с лета на зиму*. В разных сторонах Германии готовят тогда деревян-

---

* По некоторым местам обряд этот совершается и в другие чтимые народом дни, ближайшие к Иванову празднику.

ные *кружки* со спицами, обкладывают их соломой, обмазывают дегтем и потом зажигают. Зажженный кружок утверждается на такой подставке, что если ударить по ней с другого конца, то он взлетает высоко на воздух, описывая в ночной темноте огненную дугу. В Швабии¹ в день св. Вита² берут старое тележное *колесо*, обвертывают соломой, смазывают дегтем и, установив в землю столб в двенадцать футов³ вышины, втыкают на него приготовленное колесо ступицею и зажигают в сумерки. Взирая на яркое пламя, повторяют изречение: «Да возведутся горе и взоры и длани, и да сложатся руки для молений!» В стране, орошаемой Мозелем⁴, чествуется Иванов день следующим образом: каждая семья доставляет связку соломы на вершину ближайшей горы, куда к вечеру сходятся старики и юноши; этою соломой обвязывают *огромное колесо*, так что почти совсем не видать дерева; в середину его продевают крепкий шест, фута на три выдающийся с обеих сторон; из остатков соломы делают много небольших факелов, и по данному знаку следует возжение колеса, которое в ту же минуту, с помощью продетого сквозь него шеста, приводится в движение и *скатывается с горы в реку*. Тут подымается радостный крик, все махают по воздуху горящими факелами; часть мужчин остается наверху, а другая спешит вниз за пылающим колесом. Часто оно потухает прежде, нежели достигает Мозеля; но если упадет в воду объятые пламенем — это, по народному мнению, предвещает урожай винограда. Средневековые писатели прямо говорят, что колесо это принималось за священное изображение солнца. Подобный обряд спуска с горы огненного колеса

совершается у хорутан⁵; о том же обыкновении упоминает Сарторий⁶ в путешествии своем в Каринтию; в Галиции еще недавно (в 1844 г.) спускали зажженное колесо в Днестр. Русские поселяне, встречая во время масленицы весеннее солнце, возят сани, посредине которых утвержден столб, а на столбе надето *вертящееся колесо*. В Сибири сажают на это колесо парня, наряженного в *женское платье и кокошник*⁷, что согласно с нашими народными преданиями, олицетворяющими солнце в женском образе; в виленском повете⁸ вместо того привязывают к колесу *чучело, которое и вертится на нем*. Поезд сопровождается песнями и музыкой; в иных местах славят при этом *Коляду*, т. е. новорожденное солнце, и *палят солому*. В Воронежской губ. на троицын день⁹ крестьяне Солдатского села, меняясь венками, поют песню:

Криво колесо,
Куда катишься?
— Я катюсь-валюсь
По это село,
По это село
По Солдатское,
Закотельное.

В некоторых местностях Малороссии существует обычай, который состоит в том, что на празднике Купалы *откатывают от зажженного костра колесо*, выражая таким символическим знаком *поворот солнца на зиму*. То же выражалось и сейчас описанным скатыванием огненного колеса в реку: после поворота своего летнее солнце начинало спускаться с вершины небесной горы, и горячие лучи его точно так же погашались в дождевых потоках наступавшей осени, как пламя спущен-

ного с горы колеса умирало в волнах реки. Разводимые на Иванову ночь костры нередко возжигаются пламенем, нарочно добываемым через трение сухого дерева о старое *колесо*. Купальские или Ивановы огни слыли у германцев *огнями солнечного поворота* и *небесными*. Эдда дает солнцу название *прекрасное, блестящее колесо*. Болгары называют декабрь — *коложег*, т. е. месяц возжжения солнечного колеса — время, когда нарождается солнце. Прометей¹⁰, славный похищением небесного огня, запалил свой факел от *колеса* солнечной колесницы.

Кроме описанных нами праздничных обрядов, можно указать и на другие следы суеверного уважения к колесу как эмблеме солнца. В Ишимском уезде уцелела поговорка: «Жили в лесу, молились колесу». Во время скотского падежа немецкие крестьяне, чтобы отвратить беду, зажигают костер и перегоняют через него свои стада; этот целебный огонь добывается *вращением и трением оси, вставленной в ступицу колеса*. В Тамбовской губ. протаскивают маленьких щенков *сквозь жерло колеса*, для того чтобы они не могли впоследствии сбеситься; а в Смоленской губ. ни за что не станут жечь в печи старых изломанных *колес*, чтобы овцы не страдали *кружением, вертячкою* (известная болезнь у овец). Заболевших «куриною слепотою» заставляют *смотреть в ступицу старого колеса* и надеются, что через это восстановится утраченная сила зрения: всепросветляющий, колесу подобный глаз — солнце избавит больного от слепоты так же, как избавляет он мир от ночной слепоты, так *золотое кольцо* охраняет зрение от вредного действия оспы и кори. Оба слова: «колесо» и «кольцо»

лингвистически тождественны, и в означенном поверье золотое кольцо есть символ солнца. Финны принимают солнце за металлическое кольцо, в середине которого заключена огненная материя. Вот слова финской песни, обращенные к солнцеву сыну: «Вознеси огонь на небо в середину золотого кольца, пусть оно светит днем и покоится ночью, восходит поутру и закатывается вечером». На этой метафоре, уподобившей дневное светило золотому кольцу, основаны предания о волшебном кольце, которое обладает чудесным свойством удовлетворять все желания своего счастливого владельца; так как, сверх того, солнце представлялось драгоценным камнем, то в замену кольца народные сказки говорят иногда о волшебном *перстне*.

✧ Блестящие небесные светила: солнце, луна и звезды казались поэтической фантазии древнего человека дорогими самоцветными камнями, украшающими свод небесного чертога. Жилища богов, по мнению язычников, сияли златом, серебром и алмазами. У индийцев солнце — светлый, горящий камень дня; то же воззрение разделялось и народами классического мира: греками и римлянами, как доказывают свидетельства памятников, собранные Шварцем. О звездах и месяце встречаются подобные же выражения, как о небесных камнях. Русская народная загадка изображает *месяц и солнце двумя яхонтами*. В сказочном эпосе, столь богатом древнейшими мифическими представлениями, находим любопытный рассказ о герое, который отправляется в подводное царство (дождевые облака) и добывает оттуда драгоценный камень, превращающий своим сиянием темную, непроглядную ночь в ясный

день. Камень этот соответствует блестящему *карбункулу* немецких саг, о котором рассказывают, что в мрачных пещерах (облачных горах) карликов он озаряет все ярким дневным светом. Вместе с олицетворением божественных сил природы в человеческих образах блестящие светила стали рассматриваться как драгоценные наряды: солнце явилось чудесным перстнем на руке бога, ночное небо — великолепной мантией, усыпанной бриллиантами-звездами и застегнутой на груди запонкою — месяцем; богиня весна, срывая туманные покровы, облекающие мир в зимнюю половину года, убирается в одежды, украшенные золотом, серебром и самоцветными камнями. Так, понятия, совершенно различные, будучи сближены между собою ради сходства только некоторых признаков, взаимно переплетаются и ведут к сложным и запутанным представлениям в области народных верований.

Древние поэты любили изображать солнце блестящим небесным щитом. Глаз Одина (солнце) уподоблялся то движущемуся *колесу*, то круглому воинскому *щиту*; сравнивали со щитом и одинокий глаз циклопа. По скифскому преданию, от Солнца (блестящий диск) родились три сына, и между ними один назывался князь *Щит*. В старинной русской сказке о богатыре Еруслане введен на сцену вольный царь *Огненный Щит*, выезжающий на восьминогом коне, подобно скандинавскому Одину, у которого был превосходный конь Слейпнир о восьми ногах. Вот это замечательное предание: во время отсутствия Еруслана пришел в его родную землю враг, разорил города, взял в плен отца Ерусланова и двенадцать других богатырей, выколол им глаза и посадил в темницу.

Когда Еруслан узнал о таком несчастье, он поехал за тихие воды, за теплые моря — к вольному царю Огненному Щиту и Пламенному Копью. Царь этот, по свидетельству сказки, ни в огне не горит, ни в воде не тонет; он испускает из себя пламя и пожигает своих врагов. На картине, отпечатавшейся в лубочном издании сказки, вольный царь изображен на коне; голова его увенчана короною, в руках — круглый щит, подобно солнцу испускающий во все стороны огненные лучи, и копье, на острие которого горит пламя. На пути Еруслан достал себе славный богатырский меч, тем мечом рассек вольного царя надвое, вспорол у него могучую грудь и вынул *желчь*; совершивши подвиг, он возвращается назад, *мажет добытою желчью слепые глаза* своему отцу и его двенадцати богатырям — *и они тотчас же прозревают*. Все эти сказочные подробности не оставляют ни малейшего сомнения, что под именем вольного царя выведено здесь древнее божество грозового, облачного неба, тождественное с греческим Зевсом и немецким Одином; живет он за теплыми морями — дождевыми тучами, молния — его пламенное копье, а солнце — его огненный щит. Во время грозы, которая обыкновенно уподоблялась битве, солнце, охваченное облаками, казалось бранным снарядам в руках небесного бога. Тем же щитом вооружаются и другие мифические представители грозовых туч; так, в одной русской сказке баба-яга, преследуя своих врагов, *палит огненным щитом на все на четыре стороны*. Рядом с указанными представлениями, сказка об Еруслане воспользовалась и другими поэтическими образами, созданными фантазией под непосредственным влиянием метафорического языка, и сплотила их в одно целое.

Сияние солнца и блеск золота производят то же впечатление *желтого* цвета, как и желчь, и это послужило основанием их лингвистической и мифической связи: *желтый, желчь* — в Остромировом евангелии *злъчь, зълъчь*; слово же *золото* родственно с речениями: *заря, зреть и зрак*. Отсюда «желчь» стала метафорой для солнечного света. Когда дневное светило закрывалось тучами и погружало весь мир в слепоту (во мрак) — воображению древнего человека оно представлялось желчью, скрытою в недрах могучего царя, владыки облачного неба. Чтобы добыть этой желчи и возратить миру свет зрения, нужен был несокрушимый меч Перуна, т. е. молния, разбивающая тучи и выводящая из-за них солнце. Такой подвиг сказка приписывает святорусскому богатырю Еруслану, наделяя его сверхъестественною силою бога-громовника. С необыкновенною смелостью и художественным тактом сумела она соединить в одной поэтической картине три различные уподобления солнца — всевидящему глазу, небесному щиту и желчи — и в этом сочетании разнородных представлений особенно ярко заявила ту прихотливую игру творческой фантазии, которой мы обязаны созданием многих мифов. Из одного источника с разобранныю нами баснею возникло и народное поверье, признающее желчь за лучшее лекарство в глазных болезнях.

Круглый диск солнца уподобляли еще человеческому *лицу*. Стих о Голубиной книге говорит, что «солнце красное создалось от лица божьего»; согласно с этим, и сам *белый свет* (первоначально свет солнечных лучей, а потом уже — мир, озаряемый небесным светом — вселенная) значился от *лица божьего*, т. е. от солнца, и от лу-

ны, как сказано в одном варианте того же стиха. Это представление солнца ликом божества, созерцающего с небесной высоты землю, известно было и классическим народам, и немецким племенам. Полная луна возбуждала в уме подобную же мысль, что подтверждается литовским преданием о Перкуне, разрубившем лик месяца пополам. Календарное обозначение солнца и луны человеческими лицами коренится в преданиях глубочайшей древности. Яркие лучи, испускаемые солнцем, породили представление о *светлом нимбе*, которым окружен его прекрасный лик, или о *блестящей короне*, которая венчает голову небесного бога. Так как в солнце, с одной стороны, видели драгоценный камень, украшающий небо, а с другой — верховного властителя мировой жизни, царя вселенной, то ничего не было проще и естественнее, как дать ему золотой царский венец, украшенный дорогими, самоцветными камнями... Небесные светила: солнце, луна и звезды явились символами нравственной чистоты и духовного света; опираясь на это, средневековое христианское искусство стало изображать святых и ангелов с *сиянием* или *золотым венчиком вокруг головы*.

Смотря по различным уподоблениям солнца, менялись и поэтические представления, соединяемые с его лучами: в солнце — колесе лучи казались *блестящими спицами*, а в применении к солнцу — божьему лику — не только светлым нимбом, но и *золотыми волосами*. Почти у всех индоевропейских народов солнцу дается эпитет *златокудрого*. В сказаниях народного эпоса часто встречаются герои и героини с золотыми и серебряными волосами. Русская сказочная царевна Золо-

тая коса, непокрытая краса, поднимающаяся из волн океана, есть златокудрый Гелиос. Эпическое выражение «золотая коса, непокрытая краса» весьма знаменательно. Выше объяснено, что слово *краса* первоначально означало: свет («*красное солнце*»), и уже впоследствии получило то эстетическое значение, какое мы теперь с ним соединяем, так как для младенческого народа не было в природе ничего прекраснее дневного светила, дающего всему жизнь и краски. Потому-то сказочная царевна Солнце в преданиях всегда является ненаглядной и неописанной красавицей. «Непокрытая краса», т. е. не затемненная туманами и тучами, которые принимались за *покровы*, и потому именно блистающая своею золотою косою. Соответственно колебаниям в древнейших представлениях солнца то юношею, то девою — и в народных сказках оно является не только царевною — золотые кудри, но и златовласым добрым молодцем. Общераспространенный миф, что солнце, рожденное поутру прекрасным ребенком, ввечеру погружается в океан дряхлым старцем, выразился в русском народном эпосе созданием *Дедушки — золотой головушки, серебряной бородушки*; у чехов он известен под именем *златовласого Деда-Всеведа*. Немцы в хвосте кометы видели блестящие волосы*.

В древнейшую эпоху создания языка лучи солнечные, в которых фантазия видела роскошные

---

* Созвездие Плеяд в простонародье называют Волосожары, т. е. горящие — светлые волосы; у лужичан Косы — имя, придаваемое то Большой Медведице, то созвездию, известному под названием «Волос Вероники».

волоса, должны были уподобляться и *золотым нитям*, ибо оба понятия: и волосы, и нити — язык обозначал тождественными названиями. Сравни: *кудель* (*кужель, куделя*) — моток льна, приготовленный для пряжи, и *кудеря* — кудря, *кудло* — длинная шерсть, *кудлатый* — человек с всклокоченными волосами, *кужлявый* — курчавый; *волосень* — шерстяная пряжа, овечья шерсть; *пряди* волос — выражение доселе общеупотребительное. Смелой фантазии первобытных народов солнце, восходящее поутру из волн воздушного океана и погружающееся туда вечером, представлялось рассыпающим свои светлые кудри или *прядущим из себя золотые нити*, — такое представление отозвалось и в языке: *пряжа* и *пряжити* — поджаривать на сковороде (*пряженный, пряженец*). Древле названное вертящимся *колесом*, солнце в этой новой обстановке принято за *колесо прялки*, а лучи его — за нити, наматываемые на веретено. Народная загадка прямо уподобляет солнечный луч веретену: «Из окна в окно готово веретено». У финнов — та же метафора: «Явись ты, о божье солнце! освети, веретено творца, бедных пастушков!» В славянских сказках сохранились воспоминания о чудесной *самопрялке, прядущей чистое золото, о золотых и серебряных нитях*, спускающихся с неба. Из этих-то солнечных нитей и приготовлялась та чудная розовая ткань, застилающая небо, которую называем мы *зарей*. Одна из сербских сказок говорит о девице, *светной, как самое солнце*, которая, сидя над озером, вдевала в иглу солнечные лучи и вышивала ими по основе, сделанной из юнацких волос; а в другой упоминается про бердо с нитями из солнечных лучей и про успок — звезды да месяц. На пути

на свою родину Вейнемейнен, как рассказывает Калевала, услышал вверху над своей головою стук *колеса самопрялки*; взглянул, а на облаках, озаренных солнцем, сияла великолепная радуга; на той радуге, словно на скамейке, сидела красавица; одежда ее блистала яркими звездами, а руки работали над пряжею: быстро кружилось *золотое веретено* и, то подымаясь, то опускаясь, обматывалось тонкой *серебряной ниткою*. Это была дочь вещей Лоухи — та самая, что обещалась вставать вместе с Солнцем, во всякое утро его предупреждала; Солнце еще только выглядывает глазком из-за лесу, а она уж встала и оделась в свои дорогие уборы. В таком поэтическом образе рисовало воображение финнов утреннюю зарю, каждый день являющуюся перед самым восходом солнца. В наших заговорах на унятие *крови* находим следующие любопытные обращения к богине Заре: «На море на океане (море — небо) сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудо-желтую, зашивает раны кровавые»; «На море на океане, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень; на сем камне... стоит стол престольный, на сем столе сидит красна девица. Не девица сие есть, а мать пресвятая богородица; шьет она — вышивает золотой иглой, ниткой шелковою. Нитка оборвись, кровь запекись»; «На море на океане... мать пресвятая богородица шелковые нитки (вар.— самоцветные шелка) мотает, кровавые раны зашивает; нитка оторвалась — руда унялась!» или: «На море на океане, на острове на Буяне девица красным шелком шила; шить не стала — руда перестала». Одинаковое впечатление, производимое цветом крови и зари («Слово о полку

Игорева»: «Велми рано кровавыя зори свет поведают») сблизило эти понятия в языке: *рудый* — рыжий («рыже золото»), *руда* — кровь и металлы в подземных жилах... Эпитет *красный* равно прилагается к солнцу, заре, золоту и крови; на областн. говоре кровь называется — *краска*. Потому «кровь» стала метафорою ярко рдеющих лучей солнца. Розоперстая богиня Заря тянет «рудожелтую» нитку и своей золотою иглою вышивает по небу розовую, кровавую пелену; испрашивая у ней помощи от разных недугов и вражьих замыслов, заговоры выражаются так: «Заря-Зоряница, красная девица, полунощница! покрой мои скорбные зубы своею фатою; за твоим покровом уцелеют мои зубы»; «Покрой ты, девица, меня своею фатою от силы вражией, от пищалей и стрел; твоя фата крепка, как горюч камень-алатырь!» Этой фате даются эпитеты: *вечной*, *чистой* и *нетленной*. Потухающая заря заканчивает свою работу, обрывает рудожелтую нитку, и вместе с тем исчезает с неба ее кровавая пелена, почему народное поверье и присвоило ей силу останавливать текущую кровь и зашивать действительные раны: «Нитка оборвись — кровь запекись!» или по другому выражению: «Как вечерняя и утренняя заря станет потухать, так бы у моего друга милого всем недугам потухать». Из приведенных заговоров видно суеверное усвоение древнеязыческих представлений о богине Заре — пречистой Деве богородице; такое смешение, очень обыкновенное в народных сказаниях, возникло само собою, под влиянием тех тождественных названий, избежать которых не было никакой возможности. *Дева* означает: светлая, блистающая, чистая, а позднее непороч-

ная — девственная; в санскрите — небесное божество. Древнейшее значение этого слова, затемнившееся с течением времени, было подновлено постоянным эпитетом: *красная*. Согласно женскому олицетворению Зари и ее чистейшему блеску, она называется в заговорах «красной девицей», нередко даже без указания на ее нарицательное имя. Нетленная пелена девы Солнца (утренней или вечерней зари), спасающая от всяких бед и недугов, в понятиях двоеверного народа отождествилась с *покровом пресв. богородицы*. Праздник Покрова (1 октября) установлен в царствование императора Льва¹¹, в память видения богородицы, которая явилась на воздухе и распростерла над Царьградом¹² свой покров, как знамение небесной защиты города от сарацин¹³ (сравни: *покров* и *покровительство*). Этому церковному преданию новообращенные славяне придали свои народные краски. У болгар существует такая легенда: в давнее время, когда богородица ходила еще по земле, случилось зайти ей в одну деревню, где жили люди безбожные, немилостивые. Просит она ночлега и отовсюду слышит отказ: «Мы не пускаем к себе странников». Такое жестокосердие раздражило Илью-пророка¹⁴; он явился с громом и молнией, стал бросать копыя, стрелы и град «като глави» (величиной с голову) и пустил сильный дождь, чтобы потопить нечестивых. Но «света богородичка», по неизреченной ее благодати, развернула свое богатое платье и покрыла им деревню. С той поры, говорит легенда, жители сделались добрыми и гостеприимными, а пречистую Деву стали писать на иконах покрывающею люд божий своею одеждою. В такой христианской обстановке передают

болгары древний миф о прекрасной богине летнего солнца: вслед за грозой, рассеявшею темные тучи, надвинутые Перуном, она покрывает небо своею светозарною пеленою, т. е. озаряет его своими ясными лучами, точно так же, как утренняя заря показывается всегда вслед за ночным мраком.

Весна на поэтическом языке есть утро года; подобно заре, выводящей ясное солнце из темных затворов ночи, она выводит его из-за туманов зимы. Ночь, тучи и зима постоянно отождествляются в языке и в мифических сказаниях, и потому та же богиня, которая лучами восходящего солнца прогоняет ночную тьму, являлась народной фантазии и в битве весенних гроз, дарующих победу солнечному свету над зимними сумерками. Только искупавшись в утренней росе или в дождевых потоках, солнце обретало утраченный блеск и восходило на небо несказанной красавицей. Под влиянием таких воззрений, дева Заря, или весеннее Солнце, получила характер богини-громовницы, разящей тучи и проливающей дожди, как это очевидно из преданий о Фрее и других родственных мифов. По немецким сказаниям, супруга Одина Фригга работала на *золотой прялке*, которую усматривали в созвездии Ориона. С именем Фреи соединяются понятия любви, брачного союза и плодородия. Фрее соответствует славянская богиня *Прия*, а Венера переводится именем *Лады*. В народных песнях *Ладо* до сих пор означает нежно любимого друга, любовника, жениха, мужа, а в женской форме (*лада*) — любовницу, невесту и жену*; с тем же значением сло-

---

* В свадебной песне «молодая» просится погулять, а свекровь отвечает: «Хоть я пушу, ладо не пустит!»

во это встречается и в известном причитании Ярославны и в другом месте сказания о походе северских князей: «Жены руския въсплакашась, аркучи: уже нам своих милых лад (мужей) ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати». В областных говорах: *ладить* — жить с кем согласно, любовно, «в ладу», *лад* — супружеское согласие, любовь, в музыке: гармония*, *ладковать* — сватать и примирять, *лады* — помолвка, *ладило* — сват, *ладники* — уговор о приданом, *ладканя* (галицк.) — свадебная песня, *ладный* — хороший. Чехи также соединяют с ладою идею красоты, а у словаков слово это обратилось в название распутной женщины. Приведенные свидетельства языка убеждают в тождестве Фрей, Прии и Лады (в мужском олицетворении Фрейр, Лад или Ладо): это была богиня весны, в образе которой слились вместе представления девы ясного солнца и облачной нимфы. С одной стороны, наряд Фрей сияет ослепительным блеском солнечных лучей, красота ее очаровательна, а капли утренней росы называются ее слезами; с другой — она выступает воинственной героинею, носится в бурях и грозе по небесным пространствам и гонит дождевые тучи. Те же черты приписывают наши предания сказочной *Царь-девице*. В весеннюю пору прекрасная богиня вступала в брачный союз с могучим

В других песнях: «Ищу ль я, ищу ласкова ладу (жениха)... Доброй молодчик, будь моим ладой». — «Ищу себе ладу милую... Будь ты мне, лада, невестой, а я тебе женихом».

* Пословицы: «Коли у мужа с женой лад, не нужен и клад», «Где у мужа с женой лад, там и божья благодать»; белорусы говорят: «Не з ладом муж или жена», когда брак состоялся не по любви.

громовником, слала на землю благодатное семя дождей и оживляла природу. В этом смысле, как Фрея у немцев, так Лада у славян и литовцев почиталась покровительницею любви и браков, богинею юности, красоты и плодородия, всецед-рою матерью. Закликая красную весну, обращались к ней с таким приветом:

Благослови, мати,

Ой мати Лада, мати!

Весну закликати.

В Подольской губ. около Межибожья на праздник пасхи (*светлого воскресения* природы) поселяне еще недавно воспевали царевну Ладу, а под Брестом Литовским — королеву Ладу; 29 июня крестьяне, выходя на пригорки смотреть, как играет восходящее солнце, сопровождают слова обрядовой песни припевом: «Ой Ладо!» У сербов девицы, которые, празднуя приход весны, накануне или утром Юрьева дня надевают на головы венки и ходят по селу с песнями, называются *ладовицами*. Литовская песня прямо называет солнце Ладою: «Пасу, пасу мои овечки; тебя, волк, не боюсь! бог с солнечными кудрями верно тебя не допустит. Ладо, Ладо-солнце!» По преданию, занесенному в Синописис¹⁵, богу Ладу приносили жертвы «готовящиеся к браку, помощь его мнящие себе добро веселие и любезно житие стяжати... Ладу поющие: Ладо, Ладо! и того идола ветхую прелесть диавольскую на брачных веселиях, руками плещуще и о стол биюще, воспевают»*. У германцев бездетные родители молили

---

* Сравни Густинскую летопись¹⁶: «Ладо — бог женитьбы, веселия, утешения и всякого благополучия; сему жертвы приношаху хотящий жениться, дабы его помощью брак добрый и любовный был».

о даровании потомства богиню Фриггу. Замечательно, что траве, известной у нас под именем *зори* (смолен. *любим*, малорус. *любисток*), приписывается сила возбуждать любовь:

Чи ты в любистку купався,

Шо так мини сподобався (полюбился)*

Известно, что Венере или Фрее был посвящен шестой день недели — пятница; у украинцев пятница — день, посвященный богине *Сиве* — имя, сближаемое Я. Гриммом с супругою Тора Зифою. Эдда называет Зифу прекрасноволосою; злой Локи обрезал ее роскошные волосы и, чтобы избежать мщения грозного Тора¹⁷, заказал подземным карликам выковать ей новые волосы из чистого золота, что и было исполнено. Золотые волосы — блестящие лучи богини Солнца; демон черных туч и туманов похищает ее свет — обрезывает чудные косы, но когда берет верх сила громовника — мифические кузнецы-карлики, в образе которых фантазия олицетворила молнии, куют ей громовым молотом золотые кудри, т. е. гроза разбивает тучи, рассеивает туманы, и солнце снова показывается во всем своем блеске. Самое имя богини указывает в ней существо светлое, блестящее: малор. *сивый* — седой, белый, *сиве-ти* — становиться седым. Собственно древнейшее значение, принадлежащее корню *сив*, было: сияющий, выражение «сивый сокол» равносильно эпической форме «свет-ясён сокол»; народные загадки называют месяц *сивкою* и *сивац* (серб.).

---

* Настояем этой травы умываются от загара, чтобы лицо было чистое, белое.

Указанные выше понятия красоты, любви и проч. суть производные, возникшие вследствие древнего воззрения на стихию света, как на источник всего прекрасного и нравственно чистого. Не одни солнечные лучи уподоблялись золотым волосам и нитям; та же метафора прилагалась и к молниям, и потому естественно было в блеске сверкающих молний признать работу искусных карликов, готовящих богине золотые кудри. Сходное с германским мифом сказание находим в хуританской сказке: злая старуха (зима) обрезаает *золотую косу вилы* — лишает облачную деву золотистых молний и тем самым разлучает ее на долгое (зимнее) время с милым любовником. Златовласое весеннее солнце, выступающее в свите дождевых облаков, дает земле плодородие, одевает ее цветами и зеленью и принимается за богиню земледелия и урожая.

Культом Фрей — Сивы объясняется суеверное уважение, питаемое русскими простолюдинами к *пятнице*, как дню, посвященному этой богине. Кто в *пятницу* дело начинает, у того оно, по пословице, будет *пятиться*. Во многих местностях русского царства по пятницам бабы не прядут, не варят щелока, не стирают белья, не выносят из печи золы, а мужики не пашут и не боронят, почитая эти работы в означенный день за большой грех. В народном стихе душа, прощаясь с телом, обращается к нему с таким напоминанием былых грехов:

Мы по середам, по пятницам платье золовали,
Платье золовали, мы льны прядовали.

Особенно же уважают в народе издревле двенадцать пятниц, которые бывают перед большими

праздниками: перед благовещеньем, первая и десятая после воскресения Христова, перед троицею, успением богородицы, Ильиным днем, праздником усекновения главы Иоанна Предтечи, воздвиженьем, покровом, введением во храм пресв. богородицы, рождеством и крещением¹⁸. До сих пор хранят и переписывают старинное сказание о двенадцати пятницах, почитаемое раскольниками наравне со свящ. писанием. На Ваге¹⁹ в прежнее время ежегодно праздновали пяток первой недели великого поста²⁰ у часовни, куда совершался для этого крестный ход. Во время неурожая, засухи и сильных дождей, вредных для посевов, а равно по случаю скотского падежа и появления червей — были празднуемы «обетные» пятницы; в XVI веке писались в таких случаях целым миром заповедные записи. Так, крестьяне Тавренской волости (в 1590—1598 гг.) сговорились промеж себя и учинили заповедь на три года, чтобы «в пятницу ни толчи, ни молоти, ни камения не жечи»; а кто заповедь порушит, на том доправить 8 алтын²¹ и 2 деньги²². Константинопольский патриарх²³ окружною грамотою 1589 года к литовско-русским епископам²⁴ запрещал праздновать день пятницы наравне с воскресеньем.

Стоглав²⁵ свидетельствует, что в его время ходили «по погостам и по селам и по волостям лживые пророки, мужики и женки и девки и старые бабы, наги и босы. и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им являются св. Пятница и св. Анастасия (имя это — греческое и значит *воскресение*; первый день недели, названный в христианскую эпоху *воскресеньем*, у язычников был посвящен солнцу) и велят им заповедати хрестьяном каноны завечива-

ти; они же заповедают крестьянам в среду и в пятницу ручного дела не делати и женам не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иные заповедают богомерзкие дела творити». По народному объяснению, по пятницам не прядут и не пашут, чтобы *не запылить матушку Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глаз*. Если бабы вздумают прясть или шить в этот день, то св. Пятница накажет их ногтеедою, заусеницею («черти будут драть с пальцев лыки») или болезнью глаз. Есть народная легенда о том, как одна баба не почтила пятницы, стала в этот день чесать кудель, и вот обуял ее сон — явилась св. Пятница в *белой одежде*, набрала в горсть кострики и запылила ей очи; с этого времени несчастная страдала глазами, и болезнь продолжалась до тех пор, пока не смиловалась Пятница и не очистила ее зрения от колючей кострики. В некоторых деревнях в пятницу не засиживаются долго при огне, потому что в этот день ходит по домам «св. Пятинка» и карает всех, кого застанет не спящим. В Малороссии рассказывают, что Пятница ходит по селам вся исколотая иглами и изверченная веретенами, так как много есть на земле нечестивых женщин, которые шьют и прядут в посвященные ей дни. Именем св. Пятницы в простонародье называется мученица *Параскева*. В Четьях Минеях²⁶ повествуется, что родители ее всегда чтили пятницу, как день страданий и смерти спасителя, за что и даровал им господь в этот день дочь, которую они называли Параскевой, т. е. Пятницей; в прежних наших месяцесловах при имени св. Параскевы упоминалось и название Пятницы; церкви, освященные в честь ее имени, до сих пор называются пятницкими. 28 октября, когда читается

память св. Параскевы, поселяне кладут под ее икону плоды и хранят их до следующего года. В «обетные» пятницы, собираясь праздновать в одно назначенное место, они выносят образ Параскевы-мученицы, обвешанный платками и лентами. На дорогах, при распутиях и перекрестках, издавна ставятся на столбах небольшие часовни с иконою св. Параскевы; часовни эти также называются «пятницами». В других местностях поверья, соединяемые с матушкою Пятницею, относят к пречистой Деве; так, бабы не прядут по пятницам, чтобы не *запылить богородицы*, которая ходит тогда по избам; еще накануне поэтому подметают в избах полы. Равным образом запрещается прясть и в дни праздничные — этот грех неотмолимый, но сматывать и сучить нитки не считается за грех. На воскресенье и другие праздники женщины не оставляют прядева на веретенах, чтобы не рвались нитки; а на масляной неделе не прядут, чтобы мыши не грызли ниток и чтобы холсты не вышли гнилыми.

Итак, под влиянием христианства воспоминание о языческой богине Фрее или Сиве слилось с священными представлениями новой религии. Подобно тому, как атрибуты Перуна переданы были Илье-пророку, а поклонение Волосу²⁷ перенесено на св. Власия,— древняя богиня весеннего плодородия сменилась св. Параскевою и богородицею. В дни, когда шествует эта светлая богиня по земле, избегают работ, поднимающих пыль: *нельзя чесать и прясть лен, мыть белье, сверлить колеса, рыть, пахать и боронить землю, мести полы, толочь кирпич, очищать навоз*. Избегают этих работ, чтобы не запылить светозарного лица и зорких глаз богини. Солнце, как мы знаем, представля-

лось божьим лицом, всевидящим оком и огненным колесом, а в потемняющих его тучах древний человек видел работу неприязненных ведьм, которые, носясь по воздуху, вспахивают облачное небо, метут его помелом — вихрем, чешут и прядут облачные кудели, расстилают по небесному своду туманные ткани, моют их в дождевых потоках и вместе с тем отмывают зрение у солнца, выкалывают его колесу подобный глаз... В Литве, готовясь к *светлому празднику*, крестьяне стараются прибрать и вычистить свои избы до страстного четверга, а с этого дня до самой пасхи не принимаются за метлу, боясь, чтобы *лежащему во гробе Христу не засорить глаз*; в то же время старательно прячут веретена и прялки и перестают заниматься пряжей. Христос в церковных песнях называется «праведным солнцем», и праздники рождества и воскресения Христова слились в народных преданиях с воспоминаниями о рождении солнца на Коляду и возжении его светильника при начале весны; в приведенном литовском поверье, следовательно, выражается боязнь засорить воскресающее с весной небесное око-солнце. Древние поэтические уподобления, понятые позднее буквально, вызвали суеверные запреты, направленные против занятий, которыми можно запошлить светлые взоры божества. Замечательно, что и самое наказание за нарушение этих запретов карает именно *очи* виновного.

Вместе с заменой древней языческой богини св. Параскевою и богородицею народ приписал им и влияние на браки и земное плодородие. На праздник *покрова* девицы, желающие выйти замуж, обращаются с мольбою о том к Пятнице: «Матушка Пятница-Параскева! покрой меня

(или: пошли женишка) поскорее». В Вологодской губ. девятой пятнице (т. е. на икону Покрова пресв. Богородицы) взрослые девицы строят «обыденную *пелену*»: собравшись вместе, они теребят лен, прядут, ткут — и оканчивают работу в одни сутки. Выше было указано, что розовая пелена зари отождествлялась с покровом богородицы; но та же метафора «небесного покрывала» прилагалась и к тучам, и когда весеннее солнце закрывалось дождевыми облаками — о нем говорили, как о стыдливой деве, накинувшей на свою златокудную голову женскую фату и готовящейся вступить в брачный союз с богом-громовником. Покрывало, которым окручивают голову невесты, ее *фата*, есть символическое знамение того облачного покрывала, под которым являлась прекрасная богиня весны, рассыпающая на всю природу богатые дары плодородия. Покрывание головы сделалось признаком замужества. Только девица может ходить с открытою головою и красоваться своею русою косою; замужним строго запрещается выказывать хотя один волосок из-под платка или кички²⁸ — быть *простоволосою*. Митрополит Симон в послании своем 1501 года, возвышая голос свой против разных отступлений от церковных уставов, прибавляет: «А жены ваши ходят простовласы непокровенными главами, ино то чините не по закону христианскому». Как «простовласие» считается за грех для замужних, так «самокрутье» (убирать голову по-бабьи) — для девиц. Арабский писатель XIII века так описывает брачный обряд у славян: «Если кто чувствовал склонность к какой-нибудь девице, то набрасывал ей на голову покрывало — и она беспрекословно становилась его женою». То же воззрение высказы-

вается в слове *покрытка*, которым в Малороссии клеймят девицу, потерявшую невинность. Окручивание невесты составляло в старину существенную часть свадебного обряда; в захолустьях русских деревень и доньне невеста во время венчания стоит покрытая с головы до ног. Пока весеннее Солнце не вступает в брак с богом грозовых туч, оно является прекрасною невестою, блистающею золотыми кудрями на радость всему миру; чистота его сияния намекала древнему человеку на чистую, незапятнанную девственность, подобно тому, как ту же идею сочетал он с неугасаемым пламенем Весты²⁹. Поэтому *распущенная, открытая коса* принята за символ девственности, и после венчания ее навсегда покрывает бабья кичка; свадебные обряды наглядно указывают на такое значение косы: жених обязан купить косу невесты, и сама невеста прощается с своей косою, называя ее «красой девичьей». Вот почему отрезать у девицы косу значит: ее *обесчестить*. В одной песне жалуется девица на жену своего милого:

Хочет девушку бесчестить во глаза —
Русу косыньку отрезать у меня.

В былое время помещики наши наказывали так своих сенных девушек, не устоявших против внушений любви.

Необоримая сила языка, влиявшая на создание человеческих верований, обнаруживалась всюду, где только был к тому малейший повод. Снег, устилающий поля в зимние месяцы, возбуждал представление о *белом покрове*, в который одевается земля. Народные загадки называют снег скатертью: «У нас на молоду (при начале зимы) скатерть белая весь мир застлала (или: одела)»;

«Матушкина столечника не скатаешь». Согласно с представлением, что зима есть смерть природы, покров этот называется саваном: «Ни хилела, ни болела, а саван надела» (земля и снег). Так как снег большею частью выпадает около 1 октября, когда празднуется покров пресв. Богородицы, и так как около того же времени устраиваются и крестьянские свадьбы, то естественно было сблизить брачное покрывало небесной богини с снежным пологом. Указанная выше мольба о замужестве, обращенная к Пятнице, нередко заменяется следующими воззваниями к богородице: «Покров — пресвятая богородица! по́крой мою победную голову жемчужным кокошником, золотым подзатыльником». — «Мать-покров! покрой землю снежком, меня молоду платком (или: женишком)». В Белоруссии девушки ставят свечи перед иконою Божьей Матери и молят: «Святой покров! покрыв землю и воду, покрой и меня молоду!» Отсюда объясняется поговорка: «Придет покров, девке голову покроет» — и примета: если снег выпадет 1 октября, это предвещает много свадеб, а снег, падающий в день венчания, сулит молодым счастье. Когда забеременеет девушка, об этом шутя говорится: «Снежина попала».

По народному убеждению, от Пятницы зависят обильные роды земли, ее молили об отвращении засухи, проливных дождей, неурожая; в дар ей приносили земные плоды. При начале жатвы в Калужской губ. одна из старух, известная легкостью своей руки, выходит ночью в поле, нажинает сноп, связывает его и до трех раз то кладет, то ставит на землю, причитывая: «Пятница-Параскева матушка! помоги рабам божиим (таким-то) без скорби и болезни окончить жатву; будь

им заступница от колдуна и колдунницы, еретика и еретицы». Затем, взявши сноп, она старается пройти до двора никем не замеченною. Во время падежей, моровой язвы и других бедствий служат св. Пятнице общественные молебны; в народе даже ходят суеверные молитвы, сочиненные в ее честь; написанные на клочке бумаги, они носятся на шее от недугов или привязываются к голове больного. При совершении различных церковных обрядов прежде выносили икону св. Параскевы, убранную лентами, монистами, цветами и душистыми травами: эти цветы и травы оставались в церкви, и отвар их давали пить безнадежно больным как вернейшее средство к исцелению. Кто соблюдает пятницы, к тому, по общему поверью, не пристанет лихорадка. Духовный регламент Петра Великого упоминает о совершавшемся в народе символическом обряде, в котором нельзя не признать обломка старинного языческого культа, хотя и обновленного христианскою обстановкою. «Слышится (сказано в этом законодательном памятнике), что в Малой России в полку Стародубском в день уреченный праздничный водят женку просто-власую под именем Пятницы, а водят в ходе церковном, и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некия пользы». По болгарским сказаниям, света Петка-Парашкева носит *на голове лучезарный венок*, очень добро и охотно помогает женщинам в их домашних работах; 28 апреля старухи оставляют ей на дворе хлеб и крашеное яйцо с полным убеждением, что она придет ночью и съест тот и другое, а 28 октября собирают со всех домов хлеб, вино и мед и после молебствия празднуют св. Пятницу.

Наравне с пятницею и другие дни недели:

воскресенье и среда — представляются в народных преданиях и поверьях в живых олицетворениях... В известном апокрифическом сочинении о хождении богородицы по адским мукам в числе других угодников названы святая Неделя и святая Петка, точно так же, как в вышеприведенной выписке из Стоглава рядом с Пятницею стоит св. Анастасия. В Паисиевском сборнике помещено слово, которое восстает против суеверного обожания Недели и советует чествовать не самый день, а соединяемую с ним память о воскресении Христа.

В сборнике великорусских сказок г. Худякова³⁰ сообщено следующее предание о Среде: молодая баба пряла поздно вечером; уже было за полночь, когда вздумала она оставить работу, положила гребень и молвила: «Матушка Середа! помоги мне завтра пораньше встать и допрясть мои початки». Ранехонько еще до свету слышит она: кто-то в избе возится. Открыла глаза — в светце лучина горит, печка затоплена, а по избе ходит и прибирает немолодая женщина, покрытая сверх кички белым полотенцем. Подошла к хозяйке. «Вставай! — говорит. — Я — Середа, пришла помогать тебе; нитки я отпряла, холсты выткала, теперь давай золить. Пока печка топится, сходи-ка на реку да принеси воды!» Баба взяла ведра, но отправилась посоветоваться со старухой соседкой. «Нехорошо! — сказала старуха, — на том холсте она тебя удавит». — «Что же мне делать?» — «А ты постучись в избу и закричи: на море серединские дети погорели! Она выскочит посмотреть, а тем временем ты запрись и закрести дверь». Баба послушалась совета, и достались ей холсты даром. Из народных поверий видно, что запрещение прясть,

ткать и золить холсты по пятницам распространяется отчасти и на среду, может быть, ради того тождественного значения, какое придано среде и пятнице христианскою церковью, как дням воспоминания страданий и смерти спасителя. У германцев среда был день, посвященный Одину, к свите которого принадлежали небесные пряжи и ткачихи — девы валькирии. Опираясь на это, мы думаем, что русский рассказ о Среде, приготавливающей холст с целью удавить неосторожную труженицу, может быть объяснен преданиями о парках, которые (как известно) прядут нить человеческой жизни и посылают смерть; пожар на море (т. е. в воздушном океане) — метафора утреннего рассвета, прогоняющего ночную гостью.

ГРОЗА, ВЕТРЫ И РАДУГА

сматривая в светилах и молниях блеск металлов, из которых приготовлялись воинские снаряды, фантазия первобытного народа признала в них то небесное оружие, каким светлые боги сражались с демонами тьмы. Так в сияющем диске солнца она видела золотой *щит*, в хвостатых кометах — пламенные *мечи* и *копья*, в молодом месяце — *меч* или *серп*; в создании этих представлений фантазия руководилась подмеченным ею внешним сходством форм. В летописи под 911 годом встречаем известие о звезде, явившейся *копейным* образом,

т. е. о комете, хвост которой уподоблялся копью; с явлением комет издревле и доныне соединяются в народе предвестия грядущей войны. В языке нашем употребительно выражение «серб месяца», произнося которое мы уподобляем новорожденную луну земледельческому серпу. В народной русской загадке молодой месяц служит метафорой для «серпа»: «Месяц-новец днем на поле блестел, к ночи на небо слетел». А в галицкой песне говорится о месяце как о небесном мече: «Чим же тебе порубано? — спрашивает девица своего милого и слышит ответ: — Ясным мечем, як мисацем!»

Но преимущественно воинские представления связывались с лучами восходящего солнца, прогоняющими ночной мрак, и с молниями, разящими темные тучи. Стремительность, с какою распространяется солнечный свет и упадает с неба молния, и быстрота, с какою летит пущенная с лука стрела; страшные удары молнии, несущей убийства и пожары, жгучие лучи солнца, производящие засуху и истребляющие жатвы, и насмерть поражающее острие стрелы или копья, грохот грома и вой бури во время грозы, свист летящей стрелы, шум ринутого сильной рукою копья и звон оружия в битве — все эти аналогические явления заставили сблизить солнечный луч и молнию с копьем, стрелою и другим оружием, известным в древности. В древнеславянском языке *стрела* означала и луч, и стрелу в собственном смысле. В областном говоре слово это до сих пор употребляется в значении молнии: «Стрела б тебя убила!» Народная загадка выражается о молнии: «Летит медная стрела, никто ее не поймает — ни царь, ни царица, ни красная девица», а в заговорах она

называется *огненной, громовой стрелою*. В словах заговора: «Покроюсь (от недуга) небесами, подпояшусь светлыми зорями, обложусь частыми звездами, что острыми стрелами» — слышится отголосок этого лингвистического сродства стрелы с звездой. У болгар *шип* — копье и молния. Итак, солнечные лучи представлялись славянину стрелами Дажьбога, а молнии — стрелами бога-громовника. Яркими лучами своими солнце гонит поутру ночь и рассеивает туманы, разбивает при начале весны льды и снега, карает в летние жары землю и ее обитателей. К нему обращались с заклятиями поразить ненавистного врага («Солнце б ты побил!»), и Ярославна недаром молила «тресветлое солнце» не простирать своих горячих лучей на воинов ее мужа. Греческий Аполлон носил за плечами серебряный лук и пускал смертоносные стрелы; уже в детстве он поразил дракона (мрак) стрелами, полученными от Вулкана¹; его гневу приписывалась моровая язва: в знойную пору лета (в песьи дни) он натягивал свой лук, слал губительные удары — и жертвы падали за жертвами.

Тип небесного воителя главным образом усвоился богу-громовержцу, и солнце в этом отношении уступает ему первенство в большей части народных сказаний, идущих от глубочайшей древности. По свидетельству Вед, Индра обладал медным и золотым оружием; сверкающие молнии называются в гимнах золотыми копьями. Юпитер² и Донар³ вооружены были стрелами; Перун, по преданию, сохранившемуся у белорусов, в левой руке носит *колчан стрел*, а в правой — *лук*; пущенная им стрела поражает тех, в кого бывает направлена, и производит пожары. Белорусские

поселяне убеждены, что на месте пожара, произведенного ударом молнии, и вообще после грозы можно находить чудесную стрелку. И в других местностях России доселе живо поверье о *громовой стрелке*. По этому поверью, стрелы громовые, ниспадая из туч, входят далеко в глубь земли; а через *три* или *семь лет* возвращаются на ее поверхность в виде черного или темно-серого продолговатого камешка: это — или сосульки, образующиеся в песках от удара молнии и сварки песку, или белемниты, известные в народе под именем «громовых стрелок» и почитаемые за верное предохранительное средство против ударов грозы и пожаров. «Кормчая»⁴ и «Домострой»⁵ Сильвестра осуждали веру в громовые стрелки и топорки, о которых в старинном переводе книги «Луцидариус» находим такое толкование: «Откуда бывает гром и молния? Учитель рече: сие бывает от сражения облаков; егда четыре ветры от моря придут и сразятся на аерь и смесится огонь вкупе и бывает буря силна, еже и воздух растерзати, и бывает стук велик, его же мы слышим — гром; бывает же в то время молния и исходят на землю падающе стрелки громные и топорки серовидны». То же поверье известно в Сербии и у немцев, которые приписывают Донару бросание из облаков, вместе с пламенными молниями, заостренных камней, проникающих глубоко в землю; в течение *семи лет* они выходят на поверхность. Чтобы объяснить приведенные названия, уподобляющие молнию камню, стреле, палице, топору и молоту, мы должны войти в подробные исследования о Перуне.

Слово *Перун* восходит к древнейшей эпохе ариев... В теплые дни весны Перун являлся со сво-

ими молниями, оплодотворял землю дождями и выводил из-за рассеянных туч ясное солнце; его творческою силою пробуждалась природа к жизни и как бы вновь создавался прекрасный мир. По литовским сказаниям, не чуждым и другим индоевропейским народам, верховный владыка громов создал вселенную действием теплоты, ибо весенняя теплота есть источник жизни, а зимний холод — смерти...

В чешских глоссах⁷ «*Mater verborum*» (1202 г.) слово *Перун* истолковано: Юпитер; в древнеславянском переводе греческого сказания об Александре Македонском имя Зевса переведено Перуном; в апокрифической «Беседе трех святителей»⁸ читаем: «Отчего гром сотворен бысть? Василий рече: два ангела громная есть: елленский старец Перун и Хорс⁹ жидовин — два еста ангела молнии». Сверх того, именем Перуна обозначалось небо как царство громоносных, дождевых облаков; так, в одной рукописи Погодинского древлехранилища¹⁰, принадлежащей XV веку, на вопрос: «Колико есть небес?» — встречаем такой ответ: «Перун есть мног». В Малороссии рассказывают, что бог восседал на том небе, где блистают молнии. Обращаясь от старинных памятников к свидетельствам живого языка, находим, что в польском языке *piogun* доселе употребляется в смысле молнии и громового удара (сравни русское выражение «метать перуны»), у словаков *regon* — гром, а молнию называют *Паромовой стрелой*. Старинная русская поговорка: «Едет божок с перищем, стучит колесом» намекает на поезд бога-громовника; грохотом его колесницы арийские племена объясняли себе громозвучные раскаты грозы; едет он, вооруженный *пери-*

щем — страшным орудием, с помощью которого наносит стремительные, всераздробляющие удары: *прати* (*напирать, переть, пороть*) — стремиться, теснить, разить, побивать; белорус. *праць, пярэ* — колотить вальком, мыть белье (*прачка*); «перерубанцем» — бьет поленом; *попры* — прыть, скач; *парко* — шибко, скоро, сильно; *праца* — метательный снаряд, который в древности бросали камни. Перун — божество победоносное, карающее, явление которого возбуждает страх и трепет (*гроза, грозить, угроза*); огненными стрелами он поражает демонов мрака (тучи) и наказует всякое нечестие. В Псковской губ. и Белоруссии еще теперь слышатся клятвы: «Сбей тебя Перун!», «Каб цябе Перун узяв или треснув!»* Как жгучие лучи летнего солнца, порождающие засуху, бесплодие и мор, дали представление о разгневанном Солнце — метателе губительных стрел, так то же представление должно было сочетаться и с богом-громовником; насылая град, бури и безвременные ливни, он карал смертных неурожаем, голодом и повальными болезнями (*поветрием*). В Ржевском уезде говорят: «Схвати тебя перуном!» в смысле: да постигнет тебя недуг, припадок. Сибирская брань: «Чтоб тебя язвило!» связывает вышеприведенные клятвы Перуном и его стрелами с понятием о моровой *язве*; сравни: *разить* и *зараза*.

Называя молнию небесным оружием, древнейший народ — прародитель народов индоевропейских необходимо ограничивался в своих уподоблениях теми воинскими снарядами, какие

---

* Когда начинается гроза, белорусы спешат укрыться в домах, восклицая: «Ай, Перун забье!»

только знала современная ему культура. Прежде чем были открыты металлы, орудия, служившие для нападения и защиты, готовились из дерева, камня, кости и рога. Подземные находки так называемого каменного века показали, что в борьбе с дикими животными и в житейских распрях человеку помогало не одно простое вертение каменных осколков рукою или пращею, что грубо обитые камни служили ему на войне и охоте молотами или топориками, а заостренные кремни употреблялись для наконечников стрел и копий. Вслед за этими первобытными орудиями появились металлические, приготовляемые из смеси меди с оловом и цинком, известные под именем бронзовых; золото показалось почти одновременно с медью; знакомство с серебром также принадлежит давней эпохе, но железо открыто значительно позднее. После открытия металлов каменные орудия не тотчас были вытеснены и долго еще оставались в общем употреблении наравне с металлическими. Хотя арийское племя до разделения своего на отдельные ветви уже знало медь, серебро и золото и умело их обрабатывать, тем не менее несомненно, что и оно должно было прожить свой, каменный период. Отсюда легко объясняется, почему в громе слышались древнему человеку удары, наносимые каменным молотом грозного божества, а находимые на земле остроконечные камни (белемниты) названы громовыми стрелами. Каменный или металлический крестообразный молот — необходимый атрибут бога-громовника у всех арийских народов. Индра, сверх другого оружия, владел и молотом; римляне чтили Юпитеров камень; особенно же любопытны в этом отношении сказания Эдды о скандинавском

Торе: Тор держит в руке всепокрушающий молот и бросает его в своих врагов; ринутый могучим громовником молот никогда не дает промаха, поражает смертью тех, в кого был пущен, и потом сам собою возвращается в руки Тора; то же самое свойство приписывается и молниеносной, многозубой палице Индры. Полет чудесного молота сопровождается грохотом грома и блеском молнии; в случае нужды он делается столь малым, что его можно спрятать и носить за пазухой (в недрах туч)... По преданию, засвидетельствованному Геродотом, в числе других божественных атрибутов, чтимых скифами, была и *золотая секира*, упавшая с неба. Молот признавался германцами за священное орудие: им клялись при судебных спорах, им освящали жертвы, погребальные костры и новобрачную чету; бросанием молота или просто камня узаконивалось право на поземельное владение*; даже до позднейшего времени судья, созывая общину на вече, возвещал о том, заставляя носить по селению молот. Финский Укко имеет не только огненный лук и огненные стрелы, но и молот. У литовцев пользовался особенным уважением огромный священный молот, с помощью которого великан (Перкун?) освободил солнце из заточения (из-за темных туч). Ниже мы увидим, что подобное представление молнии не чуждо было и славянам, которые, по свидетельству Краледворской рукописи, и на битву выходили вооруженные молотами.

Бог-громовник, разбивая своим молотом облачные скалы, высекает из них небесное пламя молний, точно так же, как сильным ударом о кре-

---

* Владение землею освящалось также и другими символами молнии — стрелою и жезлом (палкою).

мень высекаются из камня летучие искры. Таящиеся в камне искры огня породили известное в нашем простонародье сказание о том, что перво-созданные и враждебные друг другу стихии огонь и вода долго спорили между собою, и вот, когда вода начала осиливать и уже совсем заливала пламя, огонь укрылся от нее в кремень, из которого впоследствии люди стали высекать его ударом железа. Народная загадка дает «огню» следующее живописное определение: «В камне спал, по железу встал, по дереву пошел — как сокол полетел». По немецким преданиям, Тор, высекая искры молний, разрушает мрачные вертепы облаков и возжигает на небе ясный светильник солнца; для этого у него есть трехгранный камень и кресало, выкованное карликами; с одной стороны камень белого цвета, с другой — желтого, с третьей — красного; ударяя в белую сторону, бог вызывает бурю с градом; ударяя в красную — производит гром и молнию, а ударом по желтой стороне дарует яркие солнечные лучи, от которых тают льды и снега. Тор может забросить свой камень и кресало куда захочет, но при первом требовании они тотчас же возвращаются в его руки. Другое поэтическое представление заставляет бога-громовника, разъезжая по облачному небу, творить молнии ударами конских копыт. Подновляя древний языческий миф о христианском духе, в Баварии объясняют гром и молнию тем, что господь и св. дева ездят по небу и во время этой прогулки кони их ударами своих подков высекают из камней огненные искры. По указанию Стрийковского¹¹, истукан Перкуна держал в руке камень, сделанный наподобие молнии, а перед ним постоянно пылал священный огонь. В Густинской летописи

известие это передано так: «Перконос, си есть Перун, бяше у них старейший бог, создан на подобие человеке, ему же в руках бяше камень многоценный аки огонь; ему же... огонь неугасающий з' дубового древия непрестанно паляху». Если пламя почему-либо угасало, то для возжжения костра высекали огонь из камня, находившегося в руках идола. Финны называют кремень «огневым камнем бога Укко»; из него высекает он молнию. В русской сказке герой бросает в колдуна, несущегося по воздуху черной тучею, кремень и огниво, и оттого рождается пламя, в котором и гибнет злой волшебник.

Народный русский эпос дает сказочным героям и мифическим змеям богатырскую *палицу*. Слово это от понятия простой дубинки-*палки* перешло в название кованого металлического бранного орудия; и здесь замечаем ту же связь междужигающим огнем (карающей молнией) и побивающим оружием: *палица* — от *палити* (*пламя, запалить* в кого мячом — ударить), подобно тому как *жезл* (*жъзл*) от *жегу* (*жгу*) — *ожог* — деревянная кочерга; глаголы *ожечь, жигануть* употребляются не только в значении обжога, но и вообще удара и укола; от того же корня детское *жижа* — огонь и *жигалка* — свеча; сравни: луч и лучина. Как из камня огонь вызывается ударом кресала, так из дерева вызывается он трением; такой огонь, добываемый из дерева и доныне известный под названием *живого*, служил на земле эмблемою небесного огня молнии; соответственно тому дождь, низводимый на землю громовником, назывался *живою водою*... Древнейшие религиозные обряды большею частью возникли как подражание тем действиям, какие созерцал человек в небесной

сфере; в грозе представлялась ему битва Перуна и подвластных ему духов с полчищами облачных демонов — и вот, когда наступала весна и приводила с собой дождевые тучи, предки наши приветствовали их появление играми, символически означавшими борьбу стихий, и были убеждены, что воинскими кликами и стуком оружия они пробуждают бога-громовника на его творческий подвиг; во время летней засухи тот же обряд вызывал Перуна начать битву с тучами и пролить на поля освежающий дождь. Перуновой палице соответствует клинообразная, заостренная палица Тора, которой не может противостоять никакая броня, и окрыленный жезл Гермеса, Зевсова посланника; крылья приданы этому жезлу как эмблема быстрого полета молнии. Палица как знамение карающего божественного орудия сделалась символом власти и перешла в царский скипетр, жреческий и судейский жезл.

Сухое дерево, трением которого добывается «живой огонь», получило в заговорах символическое значение молнии, доньне называемой сербами *сухою* — палящею... Пламя молний иссушает дождевые тучи, и так как дождь на метафорическом языке назывался кровью, то отсюда возникло поверье: чтобы остановить идущую кровь (чтобы она *запеклась*), надо зажечь *сучок* на бревенчатой стене.

В числе метафор, уподобляющих молнию оружию, встречаем также блестящий *меч*. Слово это древнейшего арийского происхождения. Скифы чтили своего молниеносного Дива под символом старого железного меча, воткнутого в землю перед судьей, что напоминает «меч, карающий кривду», чешской песни о Любушином суде¹².

Об аланах¹³ говорит Марцелин¹⁴, что они, подобно римлянам, чтили своего Марса¹⁵ под тем же символом. По свидетельству Эдды, у Фрейра был *сияющий меч*; а финны дают своему громовнику меч с огненным лезвием: стоит только махнуть им, как тотчас же заблестит яркая молния. «Укко, близкий сосед громовых туч! — вызывает в Калевале Випунен, — дай мне свой огненный меч, чтобы я мог наказать обидчика». Русские предания наделяют пламенным мечом Илью-пророка, на которого перенесено в христианскую эпоху древнее поклонение Перуну.

То же мифическое значение соединяется поверьями и с острым *ножом*. На Украине верят: если окропить нож св. водою (метафора дождя) и бросить в вихрь, поднятый дьявольской пляскою, то нож упадет на землю, обогранный кровью нечистого, т. е. молния поразит демона — тучу. Есть еще рассказ о колдуне, который вбил под порогом одной избы новый острый нож и вслед за тем поднялся страшный вихрь, подхватил его недруга и семь лет носил по воздуху — предание, основанное на связи Перунова оружия с вихрями, сопровождающими грозу. В Астраханской губ., когда приходит священник исповедывать трудно больного, то нарочно кладут на стол нож, чтобы явившаяся за душою Смерть (нечистая сила) устрасилась и отступила от своей жертвы.

Огненные стрелы, копьа, молот, топор, палица и меч служат богу-громовнику для борьбы с великанами туч и зимних туманов; поражая их, он низводит на жаждущую землю дождевые потоки и дает простор ясному солнцу. По сказаниям Вед, благодетельным стихийным божествам противостоят толпы мрачных демонов, которым приписы-

ваются все вредные влияния на жизнь природы; они затягивают облачными покровами блестящие светила и страшными заклятиями задерживают падение дождя; они же в знойные дни лета, похищая небесные стада дожденосных облаков, рождают губительную засуху. Это враждебные асуры (ракшасы); во главе их стоит *Вала*, или *Вритра*, т. е. облачитель, скрывающий благодатное семя дождя и золото солнечных лучей в темных пещерах туч. С особенною силою проявляется его могущество в течение семи зимних месяцев, когда воды сковываются льдами, дождь не орошает земли и блеск солнца помрачается туманами; в это безотрадное время он строит крепкие города, заключает в них небесных коров (дождевые облака) и прячет золотое сокровище (солнечные лучи). Весною и летом «богатый победами» Индра поражает Вритру и разгоняет тучи, почему ему присваиваются эпитеты «убивающий Вритру» и «рассеивающий стадо коров». Своей палицей он разбивает города Вритры, буравит облачные скалы, проливает на поля скрытые в них воды и возжигает светильник солнца. Таким образом он является в вечных битвах с Вритрою, который после всякого поражения восстает всегда с новою силою и опять вызывает его на битву. Помощниками и спутниками Индры в этой нескончаемой борьбе с демонами были Маруты (ветры) и другие божественные существа, олицетворявшие собой грозные явления. Как производитель дождей, он назывался «подателем пищи», богом-оплодотворителем; это представление неразлучно с богом-громовником и у других народов. Зевсу давали эпитет дождящего; к Донору обращались язычники с молитвою о ниспослании дождя и верили,

что вместе с Вуотаном он благословляет жатвы; финны молили своего Укко нагнать ветрами дожденосные облака и оросить поля и нивы. Славянские предания свидетельствуют о том же; не касаясь множества поверий, обращаем внимание на доселе уцелевшую поговорку: «После дождичка в четверг». В четверг, посвященный Перуну, язычник ожидал грозы и почитал этот день особенно счастливым, легким для начала всякого предприятия, обещающим исполнение желания и успех, позднее, когда пали древние верования, означенной поговоркою стали выражать сомнение: когда-то еще сбудется!* По народному представлению, во время грозы разъезжает по небу в колеснице разгневанный бог и преследует молниеносными стрелами дьявола. В апокрифической рукописи XVI в. так объясняется гром и молния: «Вопрос: что суть гром и что суть молния блистающая? Ответ: гром есть оружие ангельское: ангел господень дьявола гонит, а молния суть одежда архангела Нафанаила. И егда дождь идет, тогда дьявол станет пред дождем — да не грядет на землю, того ради ангел господень гонит того. Вопрос: что тако молния секутца? Ответ: то бо есть тогда архангели со гневом зри(я)т на дьявола». «Луцидариус» объясняет грозу «сражением облаков», мечущих громовые стрелы и топоры. Ратуя против языческих суеверий, «Кормчая» так выражается

---

* Особенное уважение связывается на Руси с *чистым четвергом* (на страстной неделе), при начале весны, когда пробуждается Перун от зимнего сна. В чистый четверг считают поутру деньги, чтобы не переводились круглый год, стригут у себя, детей и скотины несколько волос, чтоб они росли лучше и вообще на здравие.

о громовых стрелках: «Стрелки, топоры громовыи — нечестивая богомерзкая вещь; аще недугы и подсывания (?) и огненные болести лечит, аще и бесы изгоняет и знамения творит — проклята есть». Эти свидетельства делают совершенно ясным смысл старинной пословицы: «Жри, черт, кремень!» и другой, из которой видно, что нечистый извергает из себя кремни, как помет — точно так же, как конь — туча питается жаром, а задом головешки бросает. Особенно ярко сказалось отождествление черта с тучею в малороссийской сказке: занял мужик у черта деньги с условием отдать тогда, когда со всех дубов поспадают листья. Пришла поздняя осень, опали листья с простых дубов, а вечнозеленый дуб стоит в прежнем убранстве. «Що тут робить? Пишов бидный черт у лис, давай прикидаться то бурею, то тощем, щоб тильки лист пооблитава, та ба! ничего не помоглось». По народной поговорке «Есть и у черта гром!» Русские, сербы, поляки, литовцы и немцы одинаково убеждены, что молния есть стрела божия и всегда бьет в то место, где бывает дьявол; во время грозы нечистый заботится только об одном, как бы укрыться от ее пламенного острия: он спешит в горы или в лес, прячется там под деревья, залезает в пустое дупло, а нередко ищет убежища и в жилых домах; этим объясняют, почему громовые удары всего более падают на высокие деревья и строения. От грома небесного дьявол и за иконою не спрячется... Боязливые и набожные хозяева опрокидывают во время грозы порожнюю утварь (горшки, кадки) и затворяют двери и окна, чтобы злые духи, гонимые молниеносными стрелами, не спрятались в избе и не привлекли на нее громового удара. В Литве рас-

сказывают, как однажды при сильном дожде и громе вбежал в избу запыхавшийся черт, сел у огня, отдохнул немного и, уходя, наказал хозяйке выбросить стул, на котором он сидел; только успела она выбросить стул, как ударила в него молния и разбила вдребезги. По литовскому поверью, если молния разобьет дерево — так, что оно засохнет, то не должно к нему прикасаться, потому что здесь, у самого корня, пригвожден небесною стрелою злой дух и, дотрагиваясь до такого дерева, можно нехотя освободить нечистого. Если же дерево, разбитое молнией, не засохнет — это знак, что злой дух ускользнул от громовой стрелы. Рыская по земле и выискивая себе более безопасного убежища, черти (как думают на Руси и в Литве) укрываются в *косматых животных*, преимущественно в *собаках* и *кошках**, и потому, когда бывает гроза, и тех и других выгоняют из хаты, чтобы избежать небесного пламени. Такой взгляд на грозу, как на божью кару, вызываемую дьяволом, отразился и в одном из сербских церковных служебников, где помещена молитва, силой которой прогоняются нечистые духи, вызывающие град и громы...

Наши простолюдины верят, что убитый грозою человек очищается от своих грехов, потому что бывает невинною жертвою укрывшегося за ним дьявола. В Литве всякий предмет, в который ударила молния, почитается священным, а человек, убитый громом, признается за святого. Гроза называется в народе *божьей милостью* и *божьим милосердием*: «Загорелось от божьей милости»,

---

* В образе этих животных миф олицетворил громовые тучи и вихри.

«Его убило божьей милостью», «Поставьте свечку к образам да молитесь, детушки! божья милость заходит». Заслыша гром, крестьянин спешит перекреститься*. В некоторых местностях гасить пожары, происшедшие от грозы, считается за грех: в этом видят сопротивление воли божией. Отводить грозу заклинаниями, по мнению финнов, есть величайшее беззаконие. Звуки грома и блеск молнии удаляют злых демонов и мешают их чарам, и потому принимались греками и другими народами за счастливое предвещание успеха. Болезни, издревле признаваемые за действие нечистой силы, прогоняются «громовыми стрелками»; вода, в которую брошена «громовая стрелка», получает животворящее свойство весеннего дождя и употребляется в деревнях для опрыскивания и обливания недужных. Так называемая *прострел-трава*, стебель которой, по народному суеверию, пронзила небесная молния, служит для заживления ран. В Германии больным привязывают на шею бумажку с начертанным на ней знаком *молота*, а хворую скотину поят целебным снадобьем не иначе, как в *четверг*. В Нижегородской губ. во время заразы, когда несут хоронить умершего, одна из женщин берет *косырь* и несколько раз ударяет им по дороге, чтобы *пересечь* путь, ведущий на кладбище, и прекратить дальнейшее развитие мора. В Литве каменные молоты и клины кладутся у порога изб, чтобы предохранить строение от ударов грозы; хозяйки опускают их в квашню, думая, что от этого лучше испекутся хлеба.

---

* Пословицы: «Гром не грянет, мужик не перекрестится», «Чим дуще гром гряне, тым пуще хреститься всяк стане».

Демоны, с которыми сражается бог-громовник, олицетворялись в чудовищных образах великанов и драконов (змеев); как представители грозовых туч, они, с одной стороны, боятся Торова молота, а с другой — сами состязаются тем же оружием.

Предания народные часто вспоминают о *чудесном победоносном оружии*, и почти у всех племен языческие боги представляются *вооруженными воинами*, принимающими участие в героических битвах. Такими Илиада изображает богов греческих, а Эдда — скандинавских. Один, верховный властитель весенних бурь и гроз, называется отцом побед; северный миф дает ему блестящее копье, столь же страшное, как копье, потрясаемое Палладою¹⁶; будучи ринуто, оно наносит губительный удар и тотчас же возвращается назад в руки бога-воителя. Один снабжает этим копьем своих любимых героев, и тогда победа их несомненна: враги, на которых направлено острие божественного оружия, не избегнут смерти. В золотом шлеме и сияющих латах на осьминогом коне несется он в пыл сражений и возбуждает в ратниках дикие страсти и суровое упорство. Все падшие в битвах, по свидетельству Эдды, принадлежат: благородные — Одину, а подвластные — Тору; по другому сказанию, Один делит падших в бою с воинственною Фреею. Современный этой богине Фрейр обладал знаменитым мечом, который сам собою поражал груди великанов. В поэтических сагах германцев гроза, движущая тучами, изображается неистовым, бешеным войском, несущимся в воздушных пространствах, во главе которого скачет Один или Фрея; в раскатах грома слышится стук небесного оружия, в вое бури — звуки воен-

ных рогов, а в блеске молнии светятся искры от ударов мечей. Бурная гроза постоянно сближается с битвою и наоборот; у нас допускается выражение: *возжечь пламя* войны. «Слово о полку Игореве» сравнивает приближение враждебных ратей с несущимися тучами: «Черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти четыре солнца (князей русских), а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблями потручяти о шеломы половецкыя». В «Слове о великом князе Димитрии Ивановиче»¹⁷ так обрисована Куликовская битва: «На том поле сильныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и гремели громы велицыи. То ти ступишася русские сынове с погаными татарами за свою обиду». Греческий Арес, римский Марс, заправлявшие прежде небесными битвами, стали впоследствии исключительно заведовать людскими бранями, из богов стихийных переродились в олицетворения отвлеченных понятий войны и ее кровавых ужасов. Те же мифические представления встречаем и у славян. Боги весенних гроз, туч и вихрей, каковы: Святовит, Радигаст, Сварожич и Яровит (Ярило, Руевит?), отличаются воинственным характером. Г. Срезневский в статье своей «Об обожании солнца у древних славян»¹⁸ считает все эти имена за различные прозвания божества солнца, удержанные славянскими племенами. Справедливо, что по различию признаков одно и то же божественное олицетворение обозначалось на древнейшем языке разом несколькими названиями; справедливо и то, что такие названия первоначально употреблялись как описательные эпитеты, а потом уже обращались в имена собственные, и что

на этом основании единое божество не только могло называться различными именами, но с течением времени, при забвении стародавних преданий, дробилось даже на особые самостоятельные, хотя, в сущности, и совершенно тождественные образы. Такой процесс необходимо должен был происходить там, где однородное племя, распадаясь на ветви, расходилось в разные стороны, и каждая ветвь удерживала в памяти какое-нибудь одно название. Тем не менее предположение г. Срезневского о тождестве вышеприведенных имен с Дажьбогом не имеет за себя прочных положительных доказательств. Он ограничился указанием только *некоторых* признаков, общих означенным богам с солнцем, забывая, что под влиянием живых впечатлений природы миф живописует одинаковыми красками и яркие лучи дневного светила, и блестящие молнии громовника. Наши исследования привели к другим заключениям: Святovit тождествен с Зевсом, представителем облачного неба; Яровит олицетворял собою оплодотворяющую силу весеннего Перуна; Сварожич — то же, что ведаический Агни: первоначальное небесное пламя, возжигаемое громовником, потом земной огонь. Арконский идол Святovита имел при себе огромный меч; *ночью* (во мраке туч) бог этот садился на коня и поражал мечом неприятелей славянского племени. В честь его содержали в Арконе 300 вооруженных всадников, которые беспрестанно делали набеги на соседей и награбленную добычу посвящали грозному богу. В капище Святovита хранилось большое цветное знамя, которое выносили при открытии войны, и это служило знаком, что раздраженное божество разрешает опустошать в неприятель-

ской земле города, разорять алтари и предавать все мечу и огню. Идол Руевита был вооружен семью мечами, привязанными сбоку в ножнах, а восьмой меч держал в правой руке наголо. У Яровита был большой щит, покрытый *золотом*, почитаемый за святыню; были у него и свои знамена; с этим щитом и знаменами выступали в военные походы. Радигаст держал секиру о двух остриях; другие славянские боги изображались в шлемах и латах.

О русских кумирах дошли до нас такие скудные известия, что об оружии их, исключая Перуновой палицы, ничего нельзя сказать положительного; зато летописец упоминает о *клятвах оружием перед кумирами*: «А Ольга водиша и мужий его на роту; по русскому закону кляшася оружием своим и Перуном... и Волосом»; «А некрещенная Русь полагають щиты своя и мече свое наги (обнаженные), обруче свое и прочая оружья, да кленутся о всем»; «Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояше Перун, покладоша оружие свое и щиты и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганных Руси». На нарушителей клятвы призывалось мщение громовника: да будут они кляты от бога и от Перуна и да погибнут от собственных своих мечей. В народных заговорах выражения «помолюсь» и «покорюсь» — синонимы; эта покорность воле богов заявлялась не только преклонением обнаженной головы («бить челом») и падением на колени, но и сложением перед ними, как перед владыками побед, оружия и добычи. «Боги даровали нам победу! — говорит Забой в песне Краледворской рукописи, — надо принести им яства, возгласить к ним ласковые слова...» Профессор Рейц рассказывает о том

удивлении, в какое он был приведен, когда при решении одного спорного дела между двумя русскими крестьянами один из них предложил присягнуть на евангелии или на оружии. Клятвы оружием доныне живут в устах сербов, чехов и словаков.

Отсутствие летописных свидетельств об оружии, каким наделяли русские славяне своих стихийных богов, можно отчасти восполнить из народных сказаний. Богиня Заря выводит поутру солнце и его яркими, стреловидными лучами поражает мрак и туманы ночи; она же выводит его весною из-за темных облачных покровов зимы, действуя заодно с богом-громовником; поэтому в народных заговорах она является воинственной, сильно вооруженною девою. Обращаясь к ней с мольбою о защите, произносят такое заклинание: «Вынь ты, девица, отеческий меч-кладенец, достань панцирь дедовский, шлем богатырский, отопри коня ворона; выйди ты в чистое поле, а во чистом поле стоит рать могучая, а в рати оружий нет сметы. Закрой ты, девица, меня своею фатой от силы вражьей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от дерева русского и заморского... от кости, от железа, от уклада, от стали и меди». По свидетельству заговоров, Заря держит в руках *булатные ножички* и иглу, которыми очищает и зашивает кровавые раны; ее молят забить неприятельские ружья наглухо и избавить от смерти в бою. Основной смысл предания тот: одолевая демонические рати, Заря расстилает по небу свою светлую фату — *очищает* его острыми лучами весеннего солнца и тем самым прекращает грозовую битву, запирает громы и останавливает дождевые потоки. Герои народного

эпоса — могучие богатыри — совершают свои славные сверхъестественные подвиги силою чудесного оружия. Сказания об этих героях суть более или менее однообразные вариации древнейшего мифа о Перуне, побеждающем демонов зимы и туч и освобождающем красавицу Весну — летнее солнце; самое слово *богатырь* (от слова *бог* чрез прилагательное *богат*) указывает на существо, наделенное высшими, божескими свойствами. Русские сказки говорят о *топоре-саморубе* и диковинной *палице* (*дубинка-самобой, кий-бий*), которые по приказу своего обладателя устремляются на враждебные полки, побивают несметные силы и, покончив дело, подобно Торovu молоту, возвращаются назад в его руки: в них нетрудно угадать поэтическое изображение молний. Место дубинки и топора занимает иногда *меч-самосек*, или *кладенец*, одним взмахом поражающий целое войско, *помело* и *клюка*: где махнет помело — там и неприятельской рати улица, что ни захватит клюка — то и в плен волочет*. Меч-кладенец обыкновенно выкапывается богатырем из-под высокой горы (тучи), где он лежит скрытый от людских взоров, как драгоценный *клад*; в этой же горе таятся и золотыеклады мифических великанов, змеев и карликов. По словам одного заговора, богатырская сбруя сберегается огненным змеем; добыть ее весьма трудно: нужны чрезвычайные усилия и чародейная помощь; но зато счастливец, которому удастся овладеть богатырскою сбруею,

---

* Народная песня говорит о поражении вражьей рати: «Как метлой пахнули (вымели) силу поганую». Пока в доме есть покойник, крестьяне не метут избы, чтобы не вымести и других жильцов.

становится непобедимым — его не тронут ни пицаль, ни стрелы. При дальнейшей работе фантазии эти простые первоначальные образы сливаются с другими мифическими представлениями и под влиянием той или другой обстановки обыденной жизни человека порождают более искусственные и сложные сказания. Чудесная дубинка уже не прямо сама поражает врагов, а получает волшебное свойство вызывать против них такие же или еще большие полчища своих ратников. Стоит только махнуть или ударить ею, как тотчас словно из земли вырастает целое воинство. Точно так же и стук *молота* выставляет неслетные полки воинов. В одной русской сказке выведены мифические кузнецы, напоминающие циклопов, занимавшихся ковкой Зевсовых стрел. Кузнецы эти калят железо и бьют его молотами: что ни удар, то и солдат готов — с ружьем, с саблею, хоть сейчас в битву! Любопытное предание, доселе живущее в Заонежье, рассказывает: когда господь (Перун) создал землю, то нечистый дух изрыл ее непроходимыми *пропастями* и высокими *горами*. Господь ударил молотком о камень и создал свое воинство, и началась между ними великая война. Здесь кроется объяснение греческого мифа о Язоне¹⁹. Герой этот вспахал поле медными быками, сделанными Вулканом, извергавшими из ноздрей и ртов пламя, и посеял драконовы зубы, из которых выросли железные зубы в шлемах, с копьями и мечами; они устремились на битву и, поражая друг друга, все до единого погибли. Если принять во внимание, что громовые тучи, по древнейшим представлениям арийцев, уподоблялись быкам и коровам, а молнии — острым зубам дракона, то смысл предания будет

совершенно ясен. Другой греческий миф представляет воинственную Афину, рождающуюся из головы Зевса, т. е. из грозовой тучи*, в полном бранном всеоружии; Гефест²⁰ или Прометей разрубил ему голову топором (по другой версии расколото было облако, а не голова Зевса), и богиня явилась на свет с молниеносным копьем в руке. Несчетные войска создаются также *стуком в волшебный бочонок* и *игрою в рог* и вызовом из *сумы* (торбы, ранца): стук и звуки рога — метафора грома и завывающих ветров, бочонок и сума (мешок) — метафора облака. Внутри тучи, этого дождевого мешка или дождевой бочки, лежит спрятанная громовая палица и вызывается оттуда только стуком грозы и напевами бури; послушная такому зову, она тотчас вылетает из своего убежища и начинает разить неприятельские рати или вместо того, в более сложном представлении, выскакивают из сумы (бочонка) несколько молодцев, вооруженных всесокрушающими дубинками. Топор-саморуб строит корабли и города: тят да ляп — и готов корабль! удар лезом²² по земле — станет дворец или город, удар обухом — нет ничего! И *корабль*, и *город* означают здесь тучу, облако; потому понятно внезапное появление и быстрое исчезновение тех сказочных городов и кораблей, постройка которых приписывается чудесным свойствам топора-саморуба. Венгерские сказки говорят о *молоте*, который сам собою разбивает стены и башни замков. Отсюда легко объясняется, почему

---

* Представление тучи головою встречаем в мифах о голове Горгоны и голове Мимира²¹ и в русском предании о *золотой* или *огненной* голове, дарующей плодородие; представление это равносильно уподоблению грозowych туч катающимся шарам или клубкам.

в одной русской сказке топор-саморуб и дубинка-самобой являются вслед за ударом огнива о кремль, т. е. тем же путем, каким бог-громовник творит молнии. Диковинки эти добываются сказочными героями от лиц мифических, олицетворяющих собою грозные явления природы: великанов, леших, чертей и вихрей.

Предание о Перуновой палице, в применении к новейшим военным снарядам, породило народные рассказы о чудесном ружье, стреляющем без промаха; такое ружье, по малорусскому поверью, можно достать от черта. С другой стороны, верят, что черта можно убить наповал только *серебряною* или *золотую* пулею, т. е. молнией.

Обаятельная сила старинных преданий долгое время властвовала над умами наших предков; в атмосферных явлениях она рисовала изображению их картины ожесточенной борьбы и заставляла видеть в них пророческие знамения грядущих войн, побед и поражений. В Сказании о Мамаевом побоище²³ повествуется, что один из ратников, поставленных великим князем на страже, видел «на высоте облак изрядно идяше от востока, от него же изыдоша два юноша светлы, имуще в обоих руках мечи остры». — «Се же слышахом от верного самовидца, глаголюще: во шестую годину сего дни видево над ними небо отверсто, из него же изыде облак, яко ранняя заря, и над ними низко держащися, и той же облак исполнен рук человеческих: кояждо рука держащи оружие, и отпустишася от облака таго на главы христиански». Валахи, если заметят пред восходом солнца — там, где оно должно показаться, или после заката — там, где оно село, розовое облачко в виде серпа, то ожидают войны. Светлые столбы, видимые во время

сильных морозов около солнца, принимаются крестьянами за предвестие войны. Кровавый цвет зари и преломленных в облаках и туманах лучей солнца наводил на мысль о проливаемых потоках крови. Под влиянием указанных сближений воздушных гроз с обыкновенными битвами боги стали нисходить с высокого неба на землю, принимать участие в людских распрях и собственным оружием помогать своим поклонникам против чуждых им иноверцев, от которых нельзя ждать ни жертв, ни молений. В христианскую эпоху это содействие древних богов успехам войны было перенесено на ангелов и святых угодников (Георгия Победоносца, Бориса и Глеба, Александра Невского и др.).

Тесная связь, в какую древнейшие верования, общие всем индоевропейским народам, поставили стихийных богов в отношении к металлам и кованому оружию, заставляет предполагать, что арийское племя, еще до распада своего на отдельные ветви, умело *разыскивать руду* и знало искусство *ковать*. Свидетельства языка обращают это предположение в твердо доказанный факт. В названиях меди (бронзы), серебра и золота сходится большинство индоевропейских языков, и, следовательно, знакомство с этими металлами должно отнести к эпохе, предшествовавшей разделению прародительского племени. Замечательно, что и терминыковки, литья, кузнечного дела одинаковы у самых отдаленных народов арийского происхождения, как очевидно из исследований Пикте. Но железо было узнано позднее, так как руда железная не находится в беспримесном состоянии, требует особенных розысков и процесс выделения из нее чистого металла довольно труден;

в названиях, данных железу, каждое племя заявило свое частное воззрение, отпечатало свое национальное клеймо. Называя тучи горами, небесные светила — серебром и золотом, разящую молнию — палицей и молотом, древний человек невольно пришел к созданию поэтических сказаний, по смыслу которых бог-громовник и грозовые духи (великаны и карлики) суть *рудокопы* и *кузнецы*. Своими острыми палицами они роют облачные горы и извлекают из них небесные сокровища; своими молотами они бьют по камням или скалам — тучам, как по твердым наковальням, и приготавливают для богов золотые и серебряные украшения и блестящее оружие. По свидетельству Вед, золотую палицу, стрелы и громовой молот ковали могучему Индре искусный художник и духи молний. У греков таким художником был бог-кузнец Гефест (римск. Вулкан), сын Зевса; его представляли с молотом в одной руке и с клещами в другой; в темных пещерах гор он раздувал *мехами* (вихрями) и вместе с буйными циклопами ковал для Зевса молниеносные стрелы и чудесное оружие для других богов и героев. Гефесту приписывали изобретение кузнечного мастерства. Эдда рассказывает, что светлые боги (асы), построив свою высокую обитель, поставили горнила и стали ковать из руды клещи и другие орудия. В немецких сагах добывание металлов и ковка оружия присвоается хитрым карликам; молот Тора был произведением их искусства; относительно ж великанов существуют у немцев весьма немногие предания подобного рода: так, один великан заставлял своего сына учиться у карликов ковальному ремеслу, а другой сам приходил к асам, называясь кузнецом. Финский

эпос знакомит нас с славным кузнецом Ильмариненом, богом ветров и молний*: тяжелым молотом он выковал небесный свод, причем вихри раздували ему огонь; из серебра и золота сделал луну и солнце и подобно Гефесту изготавливал различные драгоценности из металлов. Те же поэтические сказания встречаем и у народов индоевропейских: греки называли светлый, озаренный солнечными лучами свод неба *медным*, следовательно, считали его выкованным из блестящего металла; литовцы верили, что луна и солнце слиты из серебра и золота. Скрытые, затемненные тучами небесные светила являются после грозы как бы заново сделанные богом-громовником: при содействии бурных ветров, раздувающих пламя грозы, небесный ковач кует щит — солнце, серп — месяц, золотые светильники дня и ночи, меч — молнию и лук — радугу. Греко-римское представление звезд блестящими головками гвоздей, вбитых в кристальный свод неба, доселе существует в Швабии; оно подтверждается и нашими сказками, которые в числе диковинок, помогающих странствующей героине обрести своего супруга (миф о Фрее, ищущей при начале весны бога-громовника), упоминают *золотой молоток* и *бриллиантовые гвозди*. Весною Гефест разводит кузнечные горны и своим молотом прибывает на небе ясные светила. Согласно с уподоблением ночи мраку грозowych туч, в блистающих звездах фантазия признавала то очи кузнецов-карликов, то искры, летящие из горнов громовника, то, наконец, гвозди, которыми он скрепляет небесный свод. По глубоко укоренен-

---

* Брат его Вейнемейнен выковал себе коня (молнию), легкого, как соломинку, на котором можно ездить и по водам, и по суше.

ному убеждению древних народов, боги научили человека ковать металлы, приготавливать оружие и другие металлические поделки и пользоваться ими в домашнем и общественном быту. Указанные предания не чужды и славянам, хотя сохранились у них не в такой свежести. Народный эпос, изображая грозу кузнечною работою, заставляет сказочных героев сажать чертей в суму — облако и, кладя ее на наковальню, бить железным молотом; ничего так не боятся черти, как этой сумы и этого молота: завидя их, они с ужасом убегают в преисподнюю и наглухо запирают адские ворота. Моравская легенда старинный подвиг Перуна возлагает на ангела, который является в кузницу и бьет дьявола кузнечным молотом.

Ломаная линия сверкающей молнии уподоблялась *извивающейся змее* или *веревке*: оба представления родственны (*уж, ужище ѓ-уж*). Отсюда возникли мифические сказания о молнии — во-первых, как о *золотом ремне*, на котором качается облако (в финском эпосе), и, во-вторых, как о *биче*, сильными ударами которого бог-громовник казнит демонов туч; хлопанье этого бича производит оглушающие раскаты грома. В гимнах Ригведы Индра, нагоняя Вритру, бичует его *огненной плетью* о тысяче остроконечных и узловатых хвостах. Немецкие саги о дикой охоте представляют Одина несущимся в буре на пламенной колеснице и огнедышащих конях; кони управляются *бичом*, от ударов которого сыплются искры. Прусская сага видит в грозе божество, преследующее черта *синим бичом*. *Синий* (от одного корня со словом *сиять*) есть древнейший эпитет молнии, блеск которой отождествляется с синими огоньками, перебегающими по красным угольям догорающего

очага. В «Слове о полку Игореве» встречаем выражение: «трепещуть синии мльнии». Синее пламя почиталось в древности по преимуществу священным, и Яков Гримм приводит указания, что некогда им клялись. В церковнослужебных книгах слово *синец* употребляется в значении беса. На одном из старинных амулетов, которые носились на Руси для предохранения от нечистой силы, изображен святой, прогоняющий *бичом* дьявола. Немецкая сказка дает дракону-черту *бич*, *удары которого рассыпают золото*, т. е. рождают искры золотой молнии; хлопая чудесной плетью, сатана потрясает пекельное царство, вызывает нечистых духов на трудные работы и творит бесчисленные рати. Воспоминание о Перуновой плети удержалось у нас в обрядовом причитании на Васильев день (1 января). Встречая новый год, дети поселян ходят по домам посыпать хлебными семенами и при этом причитывают:

Ходит Илья (громовник)
На Василья,
Носит пугу
Житяную;
Де замахне —
Жит^о росте.
Роди, боже!
Жито, пшеницю,
Всяку пашницю,
У поле ядро,
А в доме добро.

Или:

Да була маты весела,
Да родыла сына Васыля
И носила ёго пид небеса,
Дала ёму пужку — житянку:

Куды пужка махне —
Туды жито росте,
Куды покивае —
Туды полегае.

Потрясая бичом, бог-громовник вступает в брачный союз с землею, рассыпает по ней семя дождя и дает урожай. Этим древним представлением объясняется, почему в свадебных обрядах плеть получила такое важное значение: дружка, обязанный охранять молодую чету от нечистой силы, враждебной плодородию, сопровождает свои заклęcia хлопаньем бича; тот же смысл имеет и стрельба из ружей и пистолетов во время свадебного поезда.

В таких поэтических образах рисовались фантазии сверкающие молнии; теперь мы должны указать на те метафоры, какими обозначались гром и вихри, обыкновенно сопровождающие их явление. Усматривая в грозе присутствие гневного божества, древний человек в громе слышал его звучащий голос, его вещие глаголы, а в бурях и ветрах признавал его мощное дыхание; там, где мы наблюдаем естественные законы природы, он видел свободное дело живого существа. Космогонические предания арийских народов свидетельствуют за древнейшее отождествление грома со словом и ветра с дыханием.

Оттого у нас в земле ветры пошли —
От святого духа Саваофова,
От здыхания от господнего;
Оттого у нас в земле громы пошли —
От глагол пошли от господних, —

сказано в стихе о Голубиной книге. Слова *дуть* и *дышать* одного корня; *дух* употребляется в значении ветра:

Отчего у нас духи божие?
Духи божие от устоев его,
Самого царя, Христа небесного*.

«Ветер — дух божий», — утверждает галицкая поговорка, согласно с древнеиндийским представлением ветров дыханием Варуны ²⁴ (облачного неба). Сливая в одно представление метафору грома, как торжественно звучащее слово господне, с метафорой молнии, издревле уподобляемой огненному языку, старинная апокрифическая статья («Свиток божественных книг») говорит: «Гром — глас господень, в колеснице огненной утвержден, а молния — слово господне, из уст божиих исходит». Так как молния в то же время представлялась пламенным мечом, то отсюда объясняется известное в церковной живописи символическое изображение Христа: «Глас его яко глас вод мног, и из уст его обоюдоостр изострен исходяй». В гимнах Вед Слово (язык) возведено на степень божества; к нему обращались с молитвами и ему приписывали мощное содействие богу громов (Рудре): в битвах с демонами оно натягивало его воинственный лук. Итак, гром есть слово, которым Перун пробуждает природу от зимней смерти — творит новый весенний мир, а ветер — дух, исходящий из его открытых уст. Старинные грамотники, сравнивая человека с космосом, находили между ними полное соответствие: «В горней части его (читаем в одном рукописном сборнике), яко на небеси светила солнце и луна, гром, ветер, сице и в человеке во главе очи, и глас,

---

* Индийское предание о происхождении мира из разрозненных частей Браммы говорит, что воздух создан от носа, как органа дыхания.

и дыхание, и мгновение ока — яко молния». Из этих мифических основ образовывались предания, занесенные в старые рукописи, что дыхание (душа) человека создано от ветра, а теплота или плоть (пламя страсти) от огня (плодотворящей молнии). Уподобление грома слову человеческому повело к тому любопытному осложнению мифов, по которому все баснословные звери и птицы, в каких только олицетворялись громовые тучи, получили характер *вещих*, т. е. одаренных способностью говорить и мыслить...

Одинаковое впечатление, производимое на слух *раскатами грома, стуком кузнечных молотов, мельничной толчеи и молотильных цепов*, и мысль о наносимых ударах, соединяемая со всеми этими различными представлениями, сблизили их между собою и породили целый ряд баснословных сказаний. Немецкая сказка рассказывает об ангелах, которые на небе молотят овес цепами; русские поселяне видят небесный молотильный цеп в созвездии Плеяд или Ориона, как свидетельствует придаваемое им областное название *Кичига*, означающее: *цеп и валец*. И у немцев, и у славян существует легенда о *чудесной молотбе огнем*: странствующие по земле спаситель и апостолы заходят ночевать к одному крестьянину и на другое утро помогают ему в работе; они укладывают ток необмолоченными снопами и зажигают их: солома сгорает, а зерно остается нетронутым и блестит в золотых кучах. Основной смысл предания тот: пламя грозы, возженное божеством, пожирает снопы — тучи, и на просветленном небе начинают блистать ясные лучи солнца, о мифической связи которых с золотистыми колосьями зрелых нив сказано было выше. В Архангельской губ. совер-

шается следующий обряд гадания о будущем урожае: на новый год собираются крестьяне на *гумно*, принося с собою *нож* и *парус*; все садятся посреди не гумна, ограждают себя круговой линией, начертанною ножом, и накрывают парусом; нож тут же втыкается в землю. Если послышится им шум бросаемых снопов и стук молотящих цепов, то наступающий год будет изобильный, и наоборот — тишина предвещает неурожай. *Молотят в это время нечистые духи*, и если бы кто из гадающих не досидел в круговой черте до окончания демонской работы — такого смельчака они непременно заколотят ножом. Парус есть эмблема облачного покрова, нож — молния. Замкнутые очарованным кругом и покрытые парусом, гадальщики недоступны и незримы нечистой силе и безопасно присутствуют при ее работе; но тот, кто обнаружит себя, подвергается разящему удару молнии.

В глубочайшей древности зерна не мололись, а толклись, для чего служили простой выдолбленный камень — *толчая (ступа)* и *толкач* или *пест*, ступу заменил потом ручной *жернов* и, в свою очередь, должен был уступить ветряной и водяной мельнице. Жернова и мельница обозначаются в народных загадках теми же самыми метафорами, какими живописуются и грозовые тучи*; сбли-

---

* Так, стук мельничных колес и жерновов уподобляется лаю собак, реву медведя, топоту и ржанию коней, мычанью быка: «Залаяла собачка на Мурманском, заревел медведь на Романовском, затопали кони на Кириловом поле»; «Бык (или корова) ревет, кверху хвост дерет»; «Бык бурчит, стрик стучит; бык побежит — пена повалит»; «В темной избе медведь ревет»; «Стоит на берегу кобыла, глядит на реку, ржет и

жая эти различные понятия, народ выражается о громе: «Стукотыть, гуркотыть, як сто коней бижить», а о мельнице: «Стукотыть, гуркотыть, сто коней бижить; треба встати, погадати, що им исты дати». Очевидно, что, под влиянием этого поэтического воззрения, дождь, град и снег, рассыпаемые тучами, должны были казаться теми небесными дарами, какие мелет облачный жернов. И действительно, в снеге, который уже своей белизною и рыхлостью напоминает смолотый хлеб, видели падающую с неба муку. Чтобы ослабить разрушительное действие приближающегося вихря, существует у немцев обычай вытряхивать на ветер мешок с мукою (*мешок* — старинная метафора облака). У нас в областных говорах: *бус* — мелкий дождь и мучная пыль, *бусить* — идти дождю со снегом, моросить и пылить мукою; мелкий град называется *крупю*, а мельница для обработки гречихи, проса и ячменя — *крупорушкою*. У белорусов сохранилось знаменательное поверье, что горные духи (гора — туча), подчиненные Перуну и вызывающие своим полетом ветры и бурю, возят на себе громовой жернов, на котором восседает сам Перун с огненным луком в руках. Баба-яга и ведьмы летают на свои сбори-

---

жеребенка к себе зовет». Крылья ветряной мельницы заставили уподобить ее птице, в образе которой олицетворялись и быстролетные облака: «Птица-Юстрица на девяти ногах стоит, на ветер глядит, крыльями машет, а улететь не может». Сходные метафоры употребляются и для обозначения молотбы: «На Гурьевском поле затопали кони»; «Летят гуськи — дубовы носки» или: «Летели птицы, несли в зубах по спице» — цепы.

ща по воздуху в железной ступе, погоняя пестом (толкачом, клюкою) и замата след помелом. Белорусы говорят, что яга погоняет огненную метлоу воздушные силы, которые приводят в движение ее ступу; когда она едет — земля стонет, ветры свищут, звери воют, нечистые духи режут; самой ступе они дают название *огненной*. Баба-яга и ведьмы, как облачные жены, свободно распоряжаются естественными силами природы; их быстрые полеты, обладание волшебными конями и замата след помелом указывают на вихри и метели; ступа и пест тождественны с тем мифическим жерновом, на котором разъезжал бог-громовник, и с его палицей. Ступа — это грозное облако, а пест или толкач, ударом которого баба-яга точно так же побивает недругов, как Перун своею дубинкою, — известная нам метафора молнии. Тот же миф развит и в германском предании о чудесной мельнице короля Фроди. Фроди был безмерно богат, так как он, облачаясь однажды в кожу быка, убил дракона, который сторожил в пещерах блестящее золото: подробность, указывающая в его личности бога-громовника, поражающего тучу. Он владел исполинскою мельницею, которая имела чудное свойство молоть все, что только душе желалось; к ней были приставлены две вещи великанки, осужденные на непрерывную работу. Это был ручной жернов, состоящий из двух мельничных камней, которые вращались на вставленной в середину их оси и мололи своему хозяину золото, счастье и покой. Морской царь унес ночью эту мельницу на свой корабль и поставил ее молоть соль; но она работала так усердно, что корабль разломился от тяжести, и чудесный жернов погрузился на дно моря: с той поры

море сделалось соленым*. Громовой жернов, дробя дождевые облака, гибнет, наконец, в их шумных потоках или тонет в дождевом море; забывая настоящий смысл предания, фантазия воспользовалась им для объяснения соленого вкуса морской воды. Немецкие сказки и песни сохраняют воспоминание о мельнице, которая мелет *серебро, золото* и любовь; наши сказки также знают чудесные жерновки, которые добываются с неба и мелют своему хозяину муку или кормят его готовыми яствами: что ни поверни ручкою, то и блин с пирогом! В Моравии рассказывают о черном мельнике, который молот *светлые дукаты*. Проливая дожди, бог-громовник дает земле силу плодородия и выводит из-за туч золотые лучи солнца; поэтому с его жерновом фантазия соединяет сверхъестественные свойства молотъ благородные металлы и наделяет человека насущною пищею. Вместе с ясными днями лета и общим изобилием водворяется на земле счастье, мир и любовь: эти благодатные дары рассыпаются на смертных тем же славным жерновом. Уже Я. Гримм сближал мельницу из германского предания с финским *Сампо* и делал это не напрасно. Сампо было сковано Ильмариненом**; работая над ним, он созвал со всех

---

* Норвежская сказка рассказывает о подобной же мельнице, потонувшей в морских водах: донныне стоит она на дне моря и продолжает молотъ соль.

** Бог-кузнец сковал его из лебязьего пера, травы, ячменного зерна и куска веретена; другие песни прибавляют еще кость ягненка и молоко яловой коровы. Пух и перья лебедя — метафора снега, молоко — дождя, ячмень — символ опьяняющего напитка, древле приготавливаемого из этого зерна (живая вода); трава — вероятно, разрыв-трава, а участие веретена объясняется из представления облаков прядею и тканями.

четырёх сторон ветры и заставил раздувать огонь в горниле. В тот же самый день, когда оно было сделано, Сампо намолотило три короба хлеба: один короб на расход, другой на запас, третий на продажу. Лоухи, владычица мрачной Похийолы, прячет это дивное изобретение в недра каменной горы, под замок с девятью задвижками, и укрепляет его корни на девятысяченной глубине: один в земле, другой в воде, третий в «горе родины». Сампо — для всех желанное сокровище; оно приносит с собой вёдро, урожай и счастье. Вейнемейнен, узнавши, что в Похийоле живётся привольно, что там пашут, сеют и собирают изобильные урожаи и что источник такого довольства — Сампо, уговаривает брата Ильмаринена во что бы то ни стало овладеть сокровищем. Они успешно отворяют крепкие запоры, отрывают корни и уносят Сампо на свою ладью, и затем пускаются в обратный путь. Но Вейнемейнен слишком рано затягивает победную песню; Лоухи узнает о похищении, бросается в погоню и умоляет Укко поднять бурю — и тот исполняет ее желание. Сама чародейка превращается в громадного орла, одним крылом облака зацепляет, другим бороздит воды и в борьбе с похитителями роняет Сампо в море, где оно разбивается вдребезги. Одна часть обломков потонула в глубине и наполнила море драгоценностями, а другая выброшена бурей на берег Калевалы; Вейнемейнен собрал уцелевшие куски и засеял ими землю: оттого урожай и богатство в этой стране, а в Похийоле нищета и голод. Смысл предания ясен: Сампо — весенняя туча — жернов, низводящий на засеянные поля дожди и дарующий смертным ясные дни, плодородие и довольство. Злая ведьма Лоухи — олицетворение холод-

ной зимы; ее мрачное, туманное царство (перенесенное впоследствии на суровую и бесплодную местность Лапландии) насылает на землю голод, болезни и разные бедствия. Она прячет громовой жернов в недрах облачной скалы, замкнутой зимнею стужей; три корня, которыми прикрепляется Сампо, соответствуют корням мифовой ясени скандинавского мифа. Но приходит время, когда наступающая весна вызывает на подвиг богов грома и бурь; под их ударами падают зимние затворы, и вот начинается шумная гроза, в которой гибнет разбитое на куски Сампо: туча, разрываемая ветрами и разимая молниями, ниспадает на землю дождем, осеменяет ее и дает урожай. В борьбе Вейнемейнена и его брата-кузнеца с враждебной Лоухи изображена картина небесной битвы; песня Вейнемейнена — вой бури, громадный орел, в которого превращается Лоухи, — общераспространенный образ весенней грозы.

Именно в этом представлении тучи жерновом кроется основа предания о *чертовой мельнице*. Известно, что суеверие ставит всех мельников в близкую связь с водяным и нечистою силою; в малорусских рассказах черти представляются в виде мирошников²⁵: нередко садятся они на столбах разрушенной мельницы и плотины, зазывают мужиков с зерновым хлебом, мелют скоро и бесплатно, но мешают с мукою песок. В народных сказках в числе трудных подвигов, возлагаемых на богатыря, победителя многоглавых змеев (древнего громовника), упоминается также о посещении им чертовой мельницы, запертой двенадцатью железными дверями: в зимнюю пору демоническая сила овладевает громовою мельницей и налагает на нее свои замки, которые отпираются только с при-

ходом богатыря, как отворяются облачные скалы от удара Перуновой палицы. В одной сказке о баснословной мельнице говорится, что она сама мелет, сама веет и на сто верст пыль мечет. По немецким преданиям, черти строят на *горах* мельницы и сами же их разрушают. Три различные представления грозы — молотьбою, кузнечным мастерством и мельничной работою соединены вместе в словацкой сказке о борьбе трех богатырей со змеями... Норвежская сказка упоминает, что чудесная мельница молола, между прочим, и *молоко*; а немецкие предания, рассказывающие о мельнице, в которой старые и безобразные люди перемалываются в молодых и красивых, сходятся с русскою легендою о *кузнице-черте*. Нанялся черт работником к кузнецу, схватил клещами старуху за ноги, бросил в горн и сжег в пепел — только одни косточки остались; после того налил ушат молока и вкинул туда кости; глядь — минуты через три выходит из молока красавица, дышащая юностью и свежестью сил. По украинскому варианту, черт, нанявшись в кузнечные подмастерья, кует не лом и железо, а увечье, недуги и калечество: приставит хромую ногу к жаровне, ударит молотом, вспрыснет водою — и нога цела, хоть вприсядку пляши! Много перековал он стариков и старух в молодых, калек в здоровых, уродов в красавцев. В этих рассказах черт заступает древнего громовника, который как божество, являющееся в тучах, нередко сам представлялся с демоническим характером. В германских сказаниях место бога-громовника заступил спаситель: зайдя в кузницу и встретив здесь хилого старика, просившего милостыню, он приказывает развести огонь; св. Петр принимается за меха и раздувает

пламя. Когда все было готово, господь взял нищего, положил в горнило и раскалил докрасна, потом опустил в воду, дал охладиться горячему телу и благословил — нищий восстал здоров и крепок. Так рассказывает немецкая легенда; в норвежской редакции спаситель, раскаливши на огне дряхлую старушку, начинает ковать ее — и старуха делается молодою и красивою. Такая животворная сила придана поэтическим представлениям грозы, проливающей на землю «живую воду» дождя и творящей из устаревшей зимней природы — юную весеннюю, когда поля и леса убираются в зелень и цветы: зима — старость, весна — юность. В связи с означенными преданиями стоит суеверное уважение к воде, брызжущей с лопаток мельничного колеса; сербы вечером накануне Юрьева дня перенимают ее в сосуды, приносят домой и посыпают зелеными травами, а наутро купаются в ней («Да отрясется и отпадет от тела все злое и вредное, как отскакивает вода от мельничного колеса»).

Рядом с поэтическими картинами, изображавшими войну небесной грозой, «Слово о полку Игореве» допускает сравнения битвы с молотью хлеба и ковкою металлов: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела»; «Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше».

Гром, как глагол божий, назывался метафорическим *звоном*, ибо громкие звуки голоса и колокола, у которого есть свой *язык*, обозначались на древнем языке родственными, тождественными выражениями; сравни: *звучать*, *звучный* — *зычный* (*звук* — *зык*), *звон*, *звать* (кликать), *зов*; *глагол*, *глас* (*голосить* — причитывать, плакать),

голчи(а)ть — говорить, кричать, *голка* — крик. Из указанного сближения колокольного звона со словом человеческим возникли следующие интересные поверья: когда льют колокол, то нарочно распускают молву (какую-нибудь весть), чтобы колокол был звучен и слышался везде, как мирская молва; когда кто онемееет («отымеется язык»), то «добывают языка на колокольне»: обряд состоит в том, что поливают *колокольный язык* водою и, собравши ее в сосуд, поят больного. На том же сближении звона и речи основана и общая славянским, германским и романским племенам примета, что если *звенит в ухе* — это знак, что где-нибудь говорят о нас, осуждают или хвалят наши действия. Слова *трезвонить* и *колоколить* употребляются в разговорной речи в смысле: без умолку болтать, разносить вести. В народных загадках звон колокола обозначается теми же метафорами, как и громовые удары: «Стоит бык на горах (на верху церкви) о семи головах (семь колоколов?), в ребра стучат, бока говорят»; «Рыкнул вол на семь сел»; «Ржет жеребец на перегорожье, слышно его голос в Новгороде»; «Заржал жеребец на Сионской горе»; о звоне к заутрене²⁶: «Сидит петух на воротах, голос до неба, а хвост (веревка от колокола) до земли*. Загадки, уподобляющие колокольный звон *реву быка* и *ржанью коня*, почти слово в слово прилагаются и к грому. Петух самым именем своим обязан звучному голосу; как птица, предвозвещающая восход солнца, он играет весьма значительную роль в древних верованиях; крик его как бы прогоняет мрак ночи и потому сравнивается со звоном к заутрене, раздающимся

---

* Следующая загадка уподобляет звон волчьему вою: «На каменной горке воют волки».

на рассвете. Новогреческие сказки говорят о драконо-
вом покрывале с погремушками и колокольчиками
и про мешок с бубенчиками, звоном которых
можно напугать злую ведьму (лямию): и покрывало,
и мешок метафоры грозового облака. Как символ грома,
как указание на грядущего бога-громовника, разителя демонов, звон, по общему
поверью славян, немцев и других народов, прогоняет
нечистую силу. Когда тучи заволокут небо, на Украине
причитывают: «Бий, дзвоне, бий! хмару разбий! нехай
хмари на татаре, а сонечко на хрестяне». Во время
затмений солнца и луны — для отогнания демонов,
пожирающих эти светила, на праздник Коляды — для
отстранения тех же враждебных духов от новорожденного
солнца, а равно весною — при обрядовом изгнании Мораны
(Смерти — Зимы), крестьяне с криком и гамом бегают
по селам, ударяя в бубны, тазы, сковороды и чугунные
доски, бренча колокольчиками и бубенчиками, хлопая
бичами и стреляя из ружей. То же хлопанье бичами,
те же бешеные крики и тот же звон в тазы и сковороды
сопровождают и обряд «опахивания», когда изгоняется
из села Моровая язва — всепожирающая Смерть. Скоморохи,
окрутники и кудесники, на которых издревле лежала
обязанность участвовать в этих суеверных обрядах и
заправлять ими, нацепляли на свои одежды звонки и
бубенчики; с течением времени, когда они утратили
свое прежнее значение и обратились в народных
увеселителей, фигляров, звонки и бубенчики
сделались необходимою принадлежностью шутовского
(дурацкого) наряда*. Нечистые духи и ведьмы боятся
колоколов и, слыша их

---

* Греки, римляне и скандинавы считали колокольчики талисманом, предохраняющим от бед и несчастий.

звон, улетают как можно дальше; если звон достигнет их вблизи, то охватывает своими звуками, как волнами, и вертит в страшном вихре, словно легкую ладью, попавшую в стремительный водоворот. Потому во многих местах Хорутании во время грозы звонят в колокола и стреляют из ружей, чтобы разогнать ведьм, угрожающих бурей и опустошением. В Нижегородской губ., когда покажется в окрестностях села холера или другое «поветрие», одна из девиц выходит в полночь, пробирается тайком к церкви и ударяет в колокол тревогу; жители в испуге выбегают из домов, а девица между тем скрывается никем не замеченная: это делается, чтобы напугать ведьму, насылающую смертоносную язву, и отвести ее от села. Отсюда вера в целебную силу звона: в Воронежской и других губ. парни и девки ходят на святой неделе звонить на колокольне, чтобы не болели голова и руки. Звон, которым возвещаются жители о случившемся пожаре, по мнению простолудинов, созывает божьих ангелов, которые расширяют вокруг загоревшегося здания свои крылья и *не дают ветрам раздуть огонь*. Народная русская легенда рассказывает о том тревожном страхе, с каким увидели черти, что оставленный в адских вертепах Соломон вздумал построить там колокольню и уставить церковные звоны. Но если, с одной стороны, звон, как символ разящих громов, прогоняет духов, шествующих в буре и вихрях, то с другой стороны, как тот же символ грозы, всегда сопровождаемый ветрами, он может накликать бурю, и потому архангельские промышленники, отправляясь на лов, стараются выйти в море в такое время, *когда не слышно колокольного звона*.

Наше *соловей-славий* происходит от *слово-слава*, почему «вещий» Боян (певец) называется в «Слове о полку Игореве» «соловьём старого времени»; Иоакимовская летопись²⁷ говорит о жреце Богомиле, что он сладкоречия ради наречен Соловей, а народная загадка называет «язык» — *соловейкою*: «За билыми березами (зубами) соловейко свище». Пение соловья обозначается в старинных памятниках словом *щекот*; *щекатить* — дерзко браниться, *щекатый* — сварливый, бойкий на словах, *щекотуха* — говорливая женщина, *щекотка* — сорока, болтуня. В народных преданиях соловьиный щекот — символ весенних глаголов бога-громовника, вещающего в *грохоте* грома и *свисте* бури; как соловей, прилетая с весною*, начинает свою громозвучную песню, свой далеко раздающийся свист по ночам (почему немцы называли его *ночным глашатаем*), так точно и бог грозы с началом весны заводит свою торжественную песню, звучащую *из мрака ночеподобных туч*. Воинственная Афина, помощница Зевса в его творческих деяниях, принимала на себя образ этой птицы. Опираясь на эти данные, мы приступаем к объяснению старинного эпического сказания об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

Имя Ильи Муромца самое популярное в русском народе; оно встречается весьма часто в песнях и преданиях, приписывающих ему различные богатырские подвиги. И хотя Илья Муромец изве-

---

* Соловей — глашатай весны; пение его — счастливая примета. «Слово о полку Игореве» в числе божественных превещаний упоминает: «щекот славий успе, говор галичь убуди», и наоборот — как хороший знак: «галици помлькоша, соловии веселыми песьми свет поведают».

стен как лицо историческое (он жил около 1188 года), но, выступая в народном эпосе, он усваивает себе черты более древние, принадлежащие к области мифических представлений о богегромовнике. В этом убеждает нас самый характер его баснословных подвигов и сравнительное изучение их в связи с прочими преданиями нашего и других индоевропейских народов. В эпоху христианскую верование в Перуна, его воинственные атрибуты, и сказания о его битвах с демонами были перенесены на Илью-пророка; Илья Муромец, сходный с Ильей-пророком по имени и также славный святостью своей жизни (а может быть — и военными доблестями), слился с ним в народных сказаниях в один образ, и там, где, по преданию, конь Ильи Муромца выбивал копытом источники ключевой воды, народ ставил часовню во имя Ильи-пророка. В Московской губ. крестьяне объясняют громовые раскаты поездкою Ильи Муромца на шести жеребцах по небу. Любопытные похождения Ильи Муромца с богатырем Святогором целиком принадлежат к области древнейших мифов о Перуне. Тридцать лет от самого рождения сидел Илья Муромец сиднем, не двигаясь с места, но вот «по божьему повеленью приходили два калика перехожие, становились под окошечко косящетое и просили милостыни. И говорит им Илья: «Нищие братия! Взойдите ко мне во храмину: есть у нас всего много, а подать вам некому». И говорят ему калики перехожие: «Встань-ка сам!» — «Сижусиднем я тридцать лет, а вставать не встану: нет у меня ни рук, ни ног!» — проговорит им Илья. И говорят калики перехожие ему во второй раз: «Встань-ка сам!» Илья сидит, силу пробует, а в ответ держит речь: «Встал бы

я, и сила есть, да нет ног». И говорят ему калики перехожие в третий раз: «Встань-ка сам!» Илья сидит, силу пробует: тронет ногу — нога поднимается, тронет другую — другая поднимается. Встает Илья, поднимается, посеред пола становится. И говорят ему калики перехожие: «Сходи-ка за пивом да напой нас!» И взял Илья братину великую, пошел в подвалы глубокие, наливал братину пивом крепким и подносил каликам перехожим. «Выпей-ка сам!» — в ответ молвят калики перехожие. Хватил Илья братину зараз — только и видели пиво! Говорят ему калики перехожие: «Сходи-ка за пивом да напой нас!» — И взял Илья братину больше прежнего, пошел в подвалы глубокие, опускался ниже того, наливал братину пивом крепким пуще того и подносил каликам перехожим. «Выпей-ка сам!» — в ответ молвят калики перехожие. Хватил Илья братину зараз — только и видели пиво! И спрашали Илью калики перехожие: «Слышишь ли, Илья, свою силу?» И молвит Илья: «Слышу!» И спрашали его, Илью, калики перехожие: «Как велика твоя сила?» И молвит Илья: «Кабы был столб от земли до неба, я перевернул бы всю землю!» Стали промеж себя калики говорить: «Много дано силы Илье, земля не снесет; поубавим силы». Еще раз посылают они Илью за пивом, заставляют его выпить и спрашивают: «Слышишь ли, Илья, свою силу?» Отвечает Илья: «Поубавилось силы кабы на сему часть!» Стали промеж себя калики говорить: «Будет с него!» Несмотря на легендарный тон, приданный этому рассказу (в одном варианте былины, вместо калик перехожих, являются к Муромцу, поят его и наделяют силою спаситель и два апостола), здесь слишком очевид-

на мифическая основа. В народных сказках богатырь, собирающийся на битву со змеем — демоническим представителем зимних облаков и туманов, должен трижды испытать живой (или сильной) воды и только тогда получает силу поднять меч-кладенец. Пиво, которое пьет Илья Муромец, — старинная метафора дождя. Окованный зимнею стужею, богатырь-громовник сидит сиднем, без движения (не заявляя себя в грозе), пока не напьется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьет ледяных оков и не претворит снежные тучи в дождевые; только тогда зарождается в нем сила поднять молниеносный меч и направить его против темных демонов. Наделенный богатырскою крепостью, Илья Муромец отправляется на совершение трудных подвигов. Как самое имя Перуна сменилось историческим именем Ильи Муромца, так и борьба его с демоническими существами — великанами и змеями — перенесена на битвы, характеризующие первое время государственной жизни Руси, когда строй общественный еще достаточно не окреп: внутри государства, среди лесов и пустынных мест, легко укрывался разбой, а извне, из широких степей, угрожали беспрерывные набеги диких кочевников, с которыми должны были бороться русские витязи. Илья Муромец усмиряет разбойничью шайку и освобождает Чернигов-град от несчетных басурманских полчищ; но и в этих ратных подвигах он сохраняет свое родство с древним Перуном; он действует его оружием — всесокрушающими стрелами и выезжает на таком же чудесном коне, как и бог-громовержец. Конь его словно сокол летит, с горы на гору перескакивает, с холма на холм перемахивает, реки, озера и темны леса

промеж ног пускает, хвостом поля устилает; подобно Зевсову коню Пегасу, он выбивает копытами колодцы. Окруженный станишниками (разбойниками), Илья Муромец вынимал из налушна тугой лук, вынимал стрелу каленую и пускал ее по сыру *дубу*.

Спела тетивка у туга лука —
Станишники с коней попадали;
Угодила стрела в сыр-кряковистый дуб,
Изломала дуб в черенья ножевые.

Сражаясь один против несметной рати кочевников, он куда ни бросится — там улица, где ни поворотится — часты площади. Вслед за тем наезжает Илья Муромец на *Соловья-разбойника*, который заложил прямоезжую дорогу к Киеву ровно на тридцать лет (время, когда богатырь сидел сиднем): никакой человек по ней не прохаживал, зверь не прорывал, птица не пролетывала. Соловей-разбойник свил себе на двенадцати (или девяти) дубах гнездо и, сидя в нем, свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом, словно напором стремительного вихря. За десять верст раздался его свист — и богатырский конь под Ильею спотыкнулся:

Темны леса к земле приклонились,
Мать-река Смородина со песком сомутилася.

Богатырь сшиб его каленой стрелой с высоких дубов и повез с собой в Киев; там, во дворе князя Владимира, заставляют Соловья-разбойника показать свою удаль — засвистать вполсвиста. Соловей отзывается, что уста его запеклись кровью, и просит испить.

Налили ему чашу зелена вина,
Весом чаша в полтора ведра;
Принимал он чашу единой рукой,
Выпивал чашу за единый вздох (дух).

Наливали ему другую чашу *пива* пьяного и третью *меду* сладкого: выпивал чаши Соловей-разбойник и, как Илья Муромец с пива, набирался с того силы великой, свистнул и оглушил своим свистом могучих богатырей, так что они наземь попадали, а простые люди мертвы стали, и потряс крепкие своды княжеских палат: слетели с них крыша и вышки, лопнули связи железные.

Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел разбойник по-змеиному,
А в третьи зрявкает по-звериному (вар.—
по-туриному).

Те же выражения употребляет народный эпос, говоря о вещем коне сивке-бурке, в образе которого, как и в образах змея и быка, олицетворялась громоносная туча. Раздраженный Илья Муромец убивает Соловья-разбойника, кидая его (по свидетельству одного варианта) выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего. Соловей-разбойник гнездится на двенадцати дубах; народная сказка то же самое говорит о змее, и подробность эта объясняется мифическим значением дуба — дерева, посвященного Перуну: «Загремел Зилант (змей), выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях»; в одном заклятии говор змеи сравнивается с шумом ветра: «Что не дуб стоит — Змиулан сидит, что не ветер шумит — Змиулан говорит». Согласно с показанием народной былины о свисте Соловья-разбойника, в одной рукописной повести XVII

века читаем: «Начаша змий великий свистати; от змиева свистания падоша под ними (послами) кони». В украинской сказке, напечатанной в «Записках о Южной Руси»²⁸, по сличении ее с вариантами того же эпического сказания, записанными в других местностях, Соловей-разбойник заменяет собою Змея Горыныча; в другой сказке Илья Муромец побивает двенадцатиголового змея, избавляя от него красавицу королевну. Все эти сближения убедительно свидетельствуют, что в образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной, грозовой тучи. Имя Соловья дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы. «Свист бури, вихрей, ветров» — выражение общеупотребительное в нашем языке; народная песня, описывая бегство удалого добра молодца от царских разъездов, прибавляет:

Что гнались-то, гнались за тем добрым молодцем

Ветры полевые,

Что свистят-то, свистят в уши разудалому

Про его разбои.

У моряков до сих пор существует поверье, что свистом можно накликать бурю, подобно тому как призывается она звоном колоколов и резким криком хищных птиц; при стихающем попутном ветре пловцы обыкновенно *свистят по ветер*. О водяном рассказывают наши крестьяне, что он не любит, когда беспокоят его сон свистом, и опрокидывает за то лодку, а пловца увлекает на дно реки, т. е. свист подымает бурю, которая волнует и бурлит сонные воды и грозит пловцу бедою. С 1 марта начинают дуть весенние ветры, и потому о св. Евдокии, память которой празднуется в этот день, крестьяне выражаются: «Приехала свистунья».

Свистать в жилой избе почитается дурною приметою и грехом; от того, кто это делает, отвергается богородица. Изба, в которой свистят, скоро опустеет — все высвистишь! Домовой, как охранитель семейного благосостояния и покоя, пугает таких неосторожных «свистунов» по ночам. Не должно свистать во время весенних посевов, иначе зерно будет высеяно с пашни ветрами и не даст роста. Одно из самых обыкновенных олицетворений дующих ветров было представление их хищными птицами; вот почему дети Соловья-разбойника оборачиваются, по свидетельству былины, *воронами с железными клювами*.

Эпитет «разбойника» объясняется разрушительными свойствами бури и тем стародавним воззрением, которое с олицетворением туч соединяло разбойничий, воровской характер. Закрывание тучами и зимними туманами небесных светил называлось на старинном поэтическом языке *похищением золота*: в подвалах Соловья-разбойника лежала несчетная золотая казна; точно так же в летней засухе и в отсутствии дождей зимою видели *похищение живой воды и урожаев*. Демонические силы грабят сокровища солнечных лучей, угоняют дождевых коров и скрывают свою добычу в неприступных скалах. Этот хищнический характер облачных демонов повел к тому, что вместо великанов и змеев, с которыми сражаются богатыри в более сохранившихся вариантах эпического сказания — в вариантах позднейших и подновленных выводятся на сцену воры и разбойники. Таким образом древнейшие мифические предания, с течением времени, сводятся народом к простым объяснениям, заимствуемым из его обыденной жизни.

/ Пламя грозы сопровождается порывистыми ветрами, и взаимными их усилиями очищается воздух от туманных испарений. Признаваемые за дыхание бога-творца небесных гроз, за дуновение его могучих уст, ветры и буря вызывали в человеке то же религиозное чувство, с каким обращался он к грому и молниям. В Астраханской губ. пловцы, садясь в ладью, всегда произносят при этом: «Святой воздух! помоги нам».

Ветры олицетворялись и как существа самобытные; фантазия древнего человека представляла их *дующими* — выпускающими из своих открытых ртов вихри, вьюги и метели. Средневековое искусство воспользовалось этим языческим представлением и постоянно изображало ветры в виде дующей человеческой головы. На наших лубочных картинах ветер и «дух бурен», приносящий град и снег, изображаются в виде окрыленных человеческих голов, дующих из облаков; такова, например, картина, приложенная к сказке о мужике, у которого ветер разнес муку. Крылья, данные ветрам, — эмблема их быстрого полета. По народному поверью, зимние вьюги бывают оттого, что нечистые духи, бегая по полям, *дуют в кулак*. В высшей степени интересно украинское предание, утверждающее, что старый Ветер сидит с *закованными устами*. Предание это примыкает к мифу о грозном владыке демонов, который сидит окованный цепями и будет освобожден только при конце мира. Сверх того, веянье ветров сравнивали с действием кузнечных *мехов* в руках бога-громовника и его помощников. Эти меха — метафора грозных туч. Облака уподоблялись шкурам различных животных; из этих же шкур приготавливались издревле и мешки для хранения воды и

опьяняющих напитков, и раздувательные мехи; слово *мех* (уменьшительная форма: *мешок*) доселе служит у нас и для названия мягкой рухляди. Давая туче название меха, в ней видели или вместилище небесного нектара-дождя, или орудие для раздувания грозового пламени. В гимне Риг-веды, обращенном к Парьянье (Перуну), читаем: «Ревь, греми, оплодотворяй, пари над нами на своей водою наполненной колеснице (т. е. на облаке); сильно растяни вниз нависший мешок с водою!» Гомер рассказывает, что Эол, бог ветров, дал Одиссею бычий мех, туго стянутый серебряной нитью (метафора молнии), в котором были заключены суровые вихри; но когда спутники Одиссея развязали мех, освобожденные ветры подняли страшную бурю и рассеяли корабли по широкому морю. С помощью таких мехов Гефест раздувал пламя в горнах своей кузницы. Скандинавские саги упоминают про мех, которым когда потрясали, то в то же мгновение восставала грозная буря. Финские колдуны, по народным рассказам, завязывали ветры в кожаные мешки и продавали их морякам в запас на дорогу.

Русские сказки, песни и заговоры наполнены обращениями к ветрам с просьбою о помощи, как существам живым и готовым выручить в беде. Подобное обращение находим и в словах Ярославны: «О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши? Чему мычещи хиновьския стрелки на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бьшет горе под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылию развезя?» В простом народе ветер доселе слывет господином, и об нем ходит такой рассказ: шел мужик, смотрит — навстречу ему

идут *мужики: Солнце, Ветер и Мороз*. Мужик мужикам поклонился, посеред дороги становился, а Ветру еще поклон наособицу. Этот лишний поклон разгневал Солнце. «Постой, мужик! — сказала оно. — Вот я те сожгу». А Ветер молвил: «Я повею холодом и умерю жар». «Постой, мужик! Я тебя заморожу», — сказал Мороз, а Ветер: «Я повею теплом и не допущу тебя». В сказке о царевнелягушке эта вещая жена режет полотно на мелкие лоскутки и бросает в открытое окно, причитывая: «Буйные Ветры! Разнесите лоскутки и сшейте свекору рубашку». В другой раз она изрезывает шелк, серебро и золото и выбрасывает в окно с приговором: «Буйные Ветры! Принесите ковер от моего батюшки», т. е. чародейка, обращаясь к ветрам, заставляет их приносить облака, в которых поэтическая фантазия видела небесные одежды и ковры-самолеты. В другой сказке — о смирном мужике и драчливой жене — ветры олицетворены в человеческих образах и, соответственно четырем сторонам света, представляются четверьмя братьями: Ветры Северный, Южный, Западный и Восточный. Нес мужик муку в чашке, поднялся сильный ветер и развеял ее по полю; бурные, разрушительные ветры в народных преданиях изображаются существами голодными и прожорливыми. Когда воротился мужик домой, злая жена прибила его и послала к Ветру требовать за муку уплаты. Мужик пошел в дремучий лес, повстречал старуху и рассказал ей свое горе. «Ступай за мною! — сказала старуха. — Я мать Ветрова, но у меня четыре сына: Ветер Восточный, Полуденный, Западный и Полночный; так скажи, который развеял у тебя муку?» — «Полуденный, матушка!» Привела его старуха в избушку, положила на печь и велела

закутаться: «Мой сын Полуночный Ветер очень холоден, придет — зазнобит тебя!» Когда братья воротились домой, говорила мать Полуденному Ветру: «На тебя есть жалоба; зачем бедных людей обижаешь?» Ветер дает мужику в уплату коробочку, у которой что ни попроси: яств или напитков каких — все даст. Но коробочку у мужика похитили; жена снова прибила его и послала к Ветру за мукою. Ветер дал ему бочку — только скажи: пятеро из бочки! — тотчас выскочат из нее молодцы с дубинками и станут побивать врагов — удары их ничем не отразимы. С помощью чудесной бочки мужик воротил свою коробочку. Сказка эта известна у разных народов — хотя с некоторыми отменами в обстановке и подробностях, но везде с сохранением одних и тех же основ главного содержания: знак, что ей должно приписать весьма древнее происхождение. Упоминаемые в ней диковинки суть поэтические представления дождевых и грозовых облаков, приносимых ветрами: коробочка или скатерть-самобранка — дожденосная туча, дарующая земле урожай, а дубинка-самобой, выскакивающая из бочки или мешка (сумки), — молния, поражающая из тучи; в итальянской редакции она, согласно с уподоблением грозы молотье, заменена молотильным цепом*. Та же

---

* В других вариантах, вместе с этими диковинками, упоминаются: конь (козел или овца), рассыпающий золотом, и неисчерпаемый кошелек с деньгами (эмблемы золотистых молний и солнечных лучей, скрываемых тучами); а доставляются эти чудесные дары или птицами, в образе которых олицетворялись быстролетные ветры, или чертями, по связи демонических представлений с грозой, или, наконец, святыми угодниками, вследствие позднейшего христианского влияния.

сказка, в малорусском варианте, вместо матери выводит *Ветрова батьку*, к которому идет мужик жаловаться: «Твий сын выбив у мене просо!» На Украине есть поговорка: «Гоне, як витрив батько!» Лужичане знают *ветровых молодцев*: это родичи и слуги Ветра, они обитают на воздушных пространствах и на земле, вздымают вихри и творят и добрые и злые дела; ударит ли ветер воротами, вырвет ли буря дерево — это их проказы. В русских заговорах упоминаются семь братьев, буйных ветров, и к ним воссылается мольба навеять в сердце девицы любовную тоску, так как они наносят дождевые облака, участвуют в весенних грозах и таким образом помогают любовному союзу неба с землею: «Встану я, раб божий, и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь Ветров буйных. «Откуда вы, семь братьев, семь Ветров буйных, идете? Куда пошли?» — «Пошли мы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные, леса порубленные, земли вспаханные». — «Подите вы, семь Ветров буйных, соберите тоски тоскучие со всего света белого, понесите к красной девице (имярек) в ретивое сердце; просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскучую, сухоту сухотучую». Плодо-творящая сила весенней грозы необходимо соединилась и с сопутствующими ей ветрами. Как первый весенний гром пробуждает земную природу (только после его ударов земля, по народному убеждению, принимается за свои роды и деревья начинают одеваться зеленью), так о весеннем ветре говорят, что он приносит семена (т. е. семя дождя) из страны вечного лета и разбивает почку деревьев. Такие олицетворения ветров — отголо-

сок отдаленной языческой старины. В эпических сказаниях других индоевропейских народов подобные олицетворения очень обыкновенны. В норвежской сказке герой идет искать таинственный замок, куда скрылась его милая царевна; он обращается с просьбою к Месяцу указать ему путь-дорогу, но Месяц не знал, где лежит замок и не мог пособить страннику. «Подожди,— сказала ему одна старушка,— скоро придет Западный Ветер, он, наверно, знает дорогу в замок, потому что дует в каждый угол». Пришел Западный Ветер и подул так, что хижина закрипела. «Западный Ветер! — закричала старуха.— Знаешь ли дорогу в замок? здесь есть странник, который желал бы туда отправиться». — «Да, я знаю дорогу, и теперь же должен идти в ту сторону,— отвечал Ветер,— если он быстр на ногу, то может пуститься со мною в путь». Сказочный герой надел семимильные сапоги, пошел вместе с Западным Ветром через горы и доли и счастливо добрался до замка. Другая норвежская сказка развивает то же содержание с более поэтическими подробностями: жена царевича идет искать своего милого, который скрылся в далеком замке, что лежит на востоке от солнца и на западе от месяца. Она является к Восточному Ветру и спрашивает его о дороге. «Я не могу указать тебе этой дороги,— сказал Восточный Ветер,— я так далеко не дую; но хочешь — донесу тебя к моему брату Западному Ветру, он будет посильнее меня. Садись на мою спину!» Но и Западный Ветер не ведал дороги в заветную сторону; на своей спине понес он странницу к Южному Ветру, а этот последний к Северному, который был старшим и сильнейшим из всех четырех братьев: если он не укажет доро-

ги, тогда и искать нечего! Северный Ветер был так дик и беспокоен, что издали еще обдал приближающихся холодом и снегом. На вопрос о замке он отвечал: «Я знаю, где он лежит; раз как-то донес я туда осиновый лист, но так утомился, что потом не в силах был дуть целый день. Если хочешь,— прибавил он страннице,— я готов нести тебя, пока буду в силах». Рано на другое утро проснулся Северный Ветер, подул с необычайною силою и быстро понесся вперед по воздуху вместе с женою царевича. Поднялась страшная буря, целые деревни и леса были исторгнуты, и когда Ветер достиг великого моря, то в водных безднах потонули корабли. Несясь над водою дальше и дальше, Северный Ветер становился все слабее и слабее и, наконец, настолько утомился, что почти не мог веять, и стал опускаться ниже и ниже; уже волны морские стали ударяться по его пяткам. Но земля была близко; Северный Ветер собрал последние силы и донесся на берег, прямо к заветному замку. После того он так ослабел, что должен был несколько дней отдыхать, прежде чем отправился в возвратный путь. На Украине и в Белой Руси ходят рассказы о людях, захваченных вихрем и пропавших без вести, и доселе слышатся клятвы, призывающие на недругов бурные вихри: «Щоб тебе буря вывернула!», «Щоб тебе взяло та понесло поверх дерева!», «Щоб тебе горою (кверху) пидняло!», «Щоб тебе понесло из-за витряками!», «Щоб тебе вихрами та бурями винесло!», «О, щоб их вихром винесло!», «Вихорь табе подыми!»

Ветры не только дышат на землю теплым веянием весны, приносят с собой благодатные дожди; они несут на своих крыльях и град и снега, возбуждают и зимние вьюги и метели. В наших преданиях

морозы отождествляются с бурными, зимними ветрами. В некоторых вариантах вышеуказанной сказки о Северном Ветре, наделяющем мужика чудесными дарами, место этого Ветра и его братьев занимают Морозы. Посеял мужик дикушу (гречу); она взошла, зазеленела. Раз вышел мужик в поле, смотрит — дикуша прибита, примята: «Какой бы это злодей натворил!» Воротился домой, рассказал про свое горе жене, а она его в толчки: «Это, — говорит, — Мороз натворил; ступай, найди его и взыщи убытки!» Мужик пошел в лес и заплутался, туда-сюда — выбрался кое-как на тропинку, и привела его эта тропинка к ледяной избушке: стоит избушка — вся снегом усыпана, сосульками убрана. Постучался в дверь, вылезает к нему старик — весь белый. Это был Мороз; он дарит мужику скатерть-самобранку и дубинку-самобой, и дальнейший рассказ не представляет отмен. В некоторых сказках наравне с богатырями, олицетворяющими разные грозные явления, выводится *Мороз-Трескун*, или *Студенец*; его *дуновение* производит сильную стужу, иней и сосульки представляются его *слюнями*, а снежные облака — *волосами*. Морозко, говорят крестьяне, — низенький старичок с длинной седой бородою; зимою бегают он по полям и улицам и стучит: от его стука начинаются трескучие морозы и оковываются реки льдами; если ударит он в угол избы, то непременно бревно треснет. В деревнях существует обычай, указывающий, что могучие силы природы до сих пор представляются народному воображению живыми существами. Накануне Рождества и на великий день²⁹ в каждой семье старик берет ложку кутьи или киселя, выходит на порог сеней или влезает на печь и, просунув

голову в волоковое окно, говорит: «Мороз, Мороз! приходи кисель есть»; «Мороз, Мороз! не бей наш овес, лен да конопля в землю вколоти» или: «Морозе, Морозе! иды до нас кути исты, та не поморозь нашей гречки». Иногда, повторив трижды призыв на кутью и обождав немного, прибавляют: «Не идешь? не йди ж ни на жито, ни на пшеницю, ни на всяку пашницю!» Намек на подобное же олицетворение града встречаем в поверье, что 11 мая, в день обновления Цареграда, не должно работать в поле, чтобы *царь град* не выбил хлеба за непразднование будто бы посвященного ему дня. В древнем переводе слова Григория Богослова, в прибавке о славянских суевериях, сказано: «А ин град чьтеть».

Бог грозы, как небесный владыка, являющийся в бурях и вихрях, получил у славян название *Стрибога*, которое впоследствии, по общему закону развития мифов, выделилось в особое божество, верховного царя ветров. «Слово о полку Игореве» говорит о Стрибоге как о деде ветров: «Се ветры, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами» (из дождевой тучи молниями). Слово *стри* означает: воздух, поветрие. Другие названия, даваемые славянами богу ветров, были *Погода* и *Похвист*. В областных говорах *погода* употребляется в смысле: громовой тучи, ветра, метели, бури, дождливого или снежного времени; *погодица* — вьюга, метель, *погодиться* — становиться ненастью. *Похвист* или *Посвист* — сложное из слова *свист* (завывание бури)*. В малорусской думе вспоминается бог *Посвыстач*. Собираясь отплыть в сине море, князь и его дружина стали

---

* Сказки выражаются о могучих богатырях эпически: «Засвистал молодецким посвистом; на этот свист является вещий богатырский конь (туча).

Своему богу Посвыстачу молытьця,
Щоб вин им годыну дав,
Та моря не тубавав*.

Ветры сопутствуют и помогают богу-громовнику в его битвах с демонами и пользуются его боевыми *стрелами*. В Ведах божественные представители ветров называются *Марутами*. Одетые в блестящие панцири, с светлым оружием в руках, они являются в завывающей буре и несутся по воздушным пространствам в колесницах, запряженных легконогими антилопами. Маруты то гонят перед собою темные облака, надвигая их на ясное небо и собирая дождевые воды в единую массу, то рассеивая тучи, сотрясая на землю плодотворную влагу и очищая воздух своим бурным дыханием. Быстро мчатся их колесницы, громко хлопают бичи (молнии), деревья гнутся и падают, вырванные с корнем; куда они идут и откуда — никто не ведает. Помогая Индре, Маруты, опьяненные медовым напитком (дождем), бешено устремляются в бой, отпирают облачные горы, доят небесных коров, дают свободный исток дождевым родникам и, славя победу над Вритрою³⁰, *поют громозвучную, хвалебную песнь*. Эта песня — поэтическая метафора воющей бури и шумящих ветров: как только раздается она — содрогаются небо и земля, колеблются горы и распадаются облака. Дующие ветры рождают разнообразные музыкальные тоны в воздухе: бурные порывы их, раздаваясь в горных местностях и пещерах, производя сильные всплески волн и шум потрясаемых деревьев, напоминали вой голодных зверей

---

* Морские бури поднимаются божеством ветров, и потому ему приписывалось владычество над морем.

и дикие звуки нестройной, оглушающей музыки и неистовых песен; кроткое веяние легких ветерков вызывает таинственный шепот листьев в лесах и рощах, мелодический шелест зреющих нив и тихое рокотание вод — звуки, обаятельно действующие на душу и погружающие в сладкую дремоту; врываясь в тесные ущелья скал, в скважины и щели домов, ветры издают свист, напоминающий свирель или флейту. Оттого встречаем тождественные выражения для веяния и музыки: от глагола *дуть* произошли *дух* — ветер и *дуда*, *дудка*, *дудеть*; *гудок* и *гусли* от *гуду*, *гудеть* — слово, употребляемое малороссами для обозначения дующего ветра; сравни: *сопелка*, *сиповка* от *сопати*, *сопеть* (шипеть), *сиплый*, *свистелка* от *свистать*. Звуки так называемой *духовой* музыки производятся через вдувание воздуха в инструмент устами играющего; мы видели, что самые ветры принимались за дуновение, исходящее из открытых уст богов. Изображая олицетворения вихрей, старинное искусство представляло их дующими в рога. Фантазия древнего человека, сблизившая вой бури и свист ветров с пением и музыкой, в то же время уподобила быстрый и прихотливый полет облаков и крутящихся вихрей бешеной пляске, несущейся под звуки небесных хоров. Отсюда возникли разнообразные мифические сказания о песнях, игре на музыкальных инструментах и пляске грозных духов, предание о воздушной арфе и верование в чародейную силу пения и музыки. Чародеем-певцом, по греческому мифу, был Амфион; когда он пел и играл на лире, звуки его заставляли спланиваться вместе, что объясняется из древнейшего представления наплывающих на небо туч строящимися городами и укрепле-

ниями. Напротив, одна немецкая сказка говорит о рожке, при звуках которого распадались всякие укрепления: те же вихри, которые, нагоняя тучи, строят облачные города,— и разрушают их, рассеивая во время грозы. Наши сказки говорят о роге, в который если затрубить — сейчас явится столько ратников, что против них не устоит никакая сила: воспоминание о победоносном Перуне, явление которого возвещается звучною трубою грозовой бури. У германцев неистовое войско Одина, быстро несущееся по воздуху во время бури, сопровождает свое шествие завывающими звуками песен, военных труб и других инструментов и бешеными плясками; то же явление грозы, представляемое фантазией в поэтической картине дикой охоты, уподобляет вой бури неистовым кликам ловчих и звукам охотничьих рогов...

Изобретателями музыкальных инструментов почитались боги, владыки гроз, вьюг и ветров; так, греки изобретение лиры приписывали Гермесу, который и подарил ее Аполлону. Пятиструнная кантела (арфа) финнов изобретена Вейнемейненом, богом, рожденным дочерью воздуха (девою Ильматр) и вполне соответствующим скандинавскому Одину. Вместе с братьями он плывет по морю; лодка их останавливается на хребте огромной щуки; Вейнемейнен убил чудовищную рыбу и из остова ее делает кантелу. Как скоро она была готова, все пробуют играть на ней, но никому не удастся извлечь из нее настоящих тонов. Тогда берется за арфу Вейнемейнен, садится на прибрежной скале и поет чудесные песни. Целыми стаями спешат к нему звери лесные, птицы воздушные и рыбы морские; тысячи зяблиц и чижиков садятся ему на плечи; все вокруг

художника заливаются сладкими слезами, и он сам плачет от умиления: крупные слезы катятся с лица его на колени, с колен в море и там превращаются в прекрасные жемчужины. Звуками этой кантелы Вейнемейнен усыпил потом весь народ мрачной Похийолы и похитил Сампо. В борьбе за это сокровище была утрачена и славная кантела, потонувшая в глубоком море; взамен ее Вейнемейнен создает новую. Слышит он, как сетует плакучая береза, и спрашивает: «О чем, зеленая, плачешь?» Отвечает ему береза: «Плачу я, что беспомощна, беззащитна; летом люди рубят мои ветви, а зимою злая буря срывает с меня одежду, и я зябну от метелей и от стужи». Вейнемейнен утешает ее. «Недолго сетовать тебе! — говорит он. — Я обращаю твою печаль в веселье, твою грусть в радость». Он срубил дерево и сделал из него кантелу, винты и колки приготовил из чудесного дуба, с ветвей которого струится серебро и золото, а на струны взял пять волос из головы прекрасной девы, которая пела в ожидании вечера и свидания с милым. Заиграл Вейнемейнен на кантеле, и раздались чарующие звуки; заслыша их:

Долы всходят, выси никнут,
Горы твердые трепещут,
Откликаются утесы,
Жнива вьются в пляске, камни
Расседаются на бреге,
Сосны зыблются в восторге,
Птицы стаями густыми
Прилетают и теснятся
Вкруг героя — песнопевца.
Внял орел в гнезде высоком
И, птенцов позабывая,
В незнакомый край несется,
Чтобы кантелу услышать.

Проходил ли Вейнемейнен лесом —

Сосны низко преклонялись,
Ели гнулись приветно,
Шишки падали на землю,
Вкруг корней ложились иглы.
По лугам ли проходил он —
У цветов вскрывались чаши,
Долу стебли поникали.

Поэтические метафоры Калевалы могут быть объяснены: бог бури с кузнецом-громовником плывет в ладье-облаке по воздушному морю, разит чудовищную щуку (метафора тучи) и из остова ее делает кантелу, издающую обаятельные звуки, которым внимает вся природа (песнь бури). Как громовой жернов, разбитый в грозе, тонет в дождевых потоках, так тонет в них и чудная кантела; с окончанием бурной грозы замолкает ее песня*. По другому сказанию, кантела готовится из березы и дуба, что уже более приближается к действительности; но и здесь кроется воспоминание о дереве-туче, блистающем золотыми молниями; струнами служат волосы облачной нимфы³², музыка которых потрясает горы и колеблет леса. Слезы Вейнемейнена и его спутников — рассыпаемый тучами дождь. Подобно Вейнемейнену, по греческому преданию, Гермес взял верхний щит черепахи, навязал на него струны и изготовил музыкальный инструмент. У Овидия³³ находим рассказ, как наяда³⁴ Сиринга, преследуемая Паном³⁵, прибежала к реке и превратилась в тростник; Пан срезал ствол тростника и сделал из него свирель, названную по имени наяды

---

* Сравни с мифом о смерти Орфея³¹, разорванного неистовыми вакханками.

сирингою. Шведские и шотландские народные песни рассказывают, как один музыкант сделал арфу из грудной кости девы-утопленницы, из ее пальцев — колки, из золотистых волос — струны; на Руси и в Германии известна сказка о дудке, сделанной из тростника, выросшего на могиле, или из кости безвинно убитого юноши, которая, когда на ней заиграли, поведала о совершенном преступлении. В основе этих преданий лежит старинный миф о небесной грозовой песне, вещающей про смерть облачного демона или нимфы; золотые волосы девы суть молнии. Не менее звуков кантелы могущественна и песня Вейнемейнена; ею он творит мир (весеннюю природу) и совершает волшебные чары. Однажды состязался он в мудрости с певцом Юкохайненом. «Я запою, — сказал неосторожный певец, — и силою песни превращу тебя в борова и загоню в темный угол грязного хлева!» Не вытерпел бог насмешки и запел грозную песню: всколебалось море, задрожала земля, затрещали и горы и скалы; сани дерзкого юноши превратились в кустарник, конь — в камень, меховая шапка — в тучу, а сам он увяз по горло в трясине*.

Все духи, в которых фантазия олицетворила грозу, вихри, метель, непогоду, все эти сатиры, фавны, нимфы, сладкоголосые сирены, альфы, никсы, вилы, русалки и ведьмы любят песни, музыку и пляски; музы, в первоначальном своем

---

* Татары рассказывают о семи Кудаях, которые, сидя на облаках, услаждаются пением; звери, птицы, рыбы и самые горы пленяются их чудными звуками, а злые духи нарочно поднимаются на небо, чтобы послушать их песен.

значении, были не более как облачные певички и танцовщицы. Волнение рек и моря русское предание объясняет пляскою водяных. По мнению украинцев, когда *заиграет*-возбуждается море, из его бездн выступают морские духи и поют песни, а люди приходят к берегам, слушают их и сами научаются песням...

Мы указали, что с грозой издревле связывались представления о нечистой силе; как в борьбе громовника с тучами усматривали поражаемых демонов, так по другому поэтическому воззрению в плясках облаков и вихрей и в песнях бури давали участие вместе с нимфами и ведьмами и дьяволу. Собираясь на лысой горе (небе), ведьмы, колдуны и черти заводят непристойные пляски и песни. Мысль о брачном союзе, в который вступают во время грозы молниеносные духи с облачными женами, заставила видеть в этих сборищах свадебное торжество, нецеломудренные игры и блудные связи ведьм с дьяволами. По греческим сказаниям, Аполлон и Гермес в любовном экстазе преследуют на охоте убегающих нимф; то же делают и сладострастные сатиры³⁶; Борея³⁷ похищает Орейтию³⁸, как невесту; у германцев дикий охотник (Один) в шуме бури гонится за морскою (дожденосною) полногрудую девою, как за своей любовницей. В Баварии доселе думают, что Ветер имеет жену. В западной Фландрии в воющей буре узнают поезд несчастной Альвины. По саге она была прекрасная королевна; проклятая родителями за своевольное вступление в брак, она с той самой поры осуждена, не ведая успокоения, носиться по воздуху. Когда шумит сильный ветер, то говорят: «Слушай, Альвина плачет!» В Оберпфальце³⁹ сказание это получило легендарный

характер. Одна женщина так возгордилась своей красотой и миловидностью своего ребенка, что вздумала ровнять себя с богородицею, и за то увлечена на воздух и там разлучена со своим ребенком. Теперь оба — и мать и дитя — носятся между небом и землею. В завывающей буре народ слышит ее отчаянные стоны, которыми она призывает свое дитя, и не находит его; а в жалобных столах ветров чудятся плач и вопли покинутого ребенка. Эта несчастная мать смешивается с дочерью Ирода⁴⁰, искусная пляска которой была награждена головою Иоанна Предтечи. Танцующая Иродиада отождествлена в немецких преданиях с ведьмою крутящегося вихря. По мнению лужичан, в пыли вихрей летают женские мифические существа — полудницы. Мазовецкое поверье⁴¹ признает крутящийся вихрь *дьявольскою пляскою*; празднуя свадьбу ведьмы с чертом, нечистая сила вертится и скачет в бешеной пляске, подымая ногами пыль столбом. Если бросить в этот столб освященный нож (символ молнии), то можно пригвоздить им беса к земле. Раз крестьянин, видя стремящийся вихрь, бросил в него нож, и тотчас же, вместо столба пыли, явился перед ним приколотый в ногу дьявол и с покорностью стал просить о даровании ему свободы; в уплату за освобождение он щедро одарил крестьянина золотом и всяким добром. В Малороссии вертящиеся вихри называются *чертовой свадьбою*. Подобное поверье есть и у немцев, которые думают, что в вихре сидит колдун или ведьма; бросая в него нож, шляпу или башмак, можно остановить его полет. Таким образом вихри, по связи их с грозowymi тучами, получили полубожественный, полудемонический характер. Холодные вьюги, разрушительные по-

рывы бури и приносимый им град должны были укрепить народное воззрение на вихри, как на существа демонические. Поселяне наши до сих пор верят, что теплые, весенние ветры происходят от добрых духов, а вьюги и метели — от злых. Зимой злые духи вылетают на белый свет, бегают по полям и от холода дуют себе в кулак; от такой прогулки бесов сдавливается снег морозом и трещит под ногами, а от дуновения в кулак встают бураны, метели и осыпаются деревья инеем. В феврале месяце нечистые вылетают из ада в виде *птиц*, и против них надо принимать разные предосторожности: птица — мифический образ ветра. В некоторых местах деревья, сломанные бурей, не употребляются на постройки, потому что самую бурю приписывают дьяволу. В Подольском уезде поселяне считают грехом упоминать слово *ветер*, которым там называют нечистую силу, точно так же, как слово *дух* — собственно: ветер — перешло в понятие мифического существа и черта. В русских заговорах произносится заклятие против «черта страшного, вихоря буйного, лешего одноглазого, злого водяного, ведьмы киевской и змея летучего, огненного», а в одной свадебной песне поется о женихе:

Сберегла тебя матушка

И от ветра, и от вихоря,

И от божьей тебя милости (т. е. грозы)...

Могучие действия, проявляемые природой в бурях и грозе, были приданы и тем чародейным музыкальным орудиям, которые на поэтическом языке древнего эпоса служили их метафорическим представлением. Таковы сказочные *гусли-самогуды*, которые сами играют, сами песни поют и

которые, с одной стороны, согласно с мифом об Орфее, заставляют плясать не только зверей, но и самые неодушевленные предметы — и леса, и горы, а с другой стороны, игрою своею напускают непреодолимый сон, подобно тому как Вейнемейнен звуками своей кáнтелы усыпил обитателей враждебной Похийолы. Смысл предания тот, что песня бурных ветров, животворя весною своим дыханием природу, приводит в дикую пляску дождевые облака, представляемые то в образе разных животных, то в виде небесных гор и лесов, волнует моря и реки, колеблет деревья и рушит скалы, а зимою, дыша холодными вьюгами, насылает на ту же природу крепкий сон, запирает дожди и сковывает льдами и землю, и воды. Гусли-самогуды, по свидетельству сказок, хранятся у кощея, волка-самоглота (демонические олицетворения туч) или у черта. Вместо этих гуслей народный эпос упоминает и чародейную *дудку*, получаемую от дьявола или козла, и *свисток*, похищаемый у бабы-яги. Отправляется ли сказочный герой добывать живую воду, моложавые яблоки, жар-птицу, золотогривого коня и другие диковинки, он непременно сам или его конь, во время совершения подвига, зацепит за протянутые струны, от чего пойдет по всему царству сильный звон и грохот, пробуждается стража и спешит в погоню за похитителем: т. е. живая вода дождя и разнообразные эмблемы творческих сил весны не иначе могут быть добыты, как при торжественных песнях грозы. Музыкальные инструменты, звуки которых обладают таким волшебным свойством, что, заслыша их, волей-неволею пляшут и люди, и звери, и леса, и камни, известны в преданиях всех индоевропейских народов. В Галиции и около

Днестра и Прута существует любопытное поверье, что если найти в дремучем бору зеленую иву, которая не слыхала ни шума воды, ни крика петуха, и сделать из этого дерева дудку, то выйдет дудка не простая: от ее звуков встанут из могил покойники и запляшут самые ленивые и неповоротливые ноги. В этом поверье древние метафорические выражения о славной трубе бога-громовника применены к обыкновенной ивовой дудке: когда воцарится зима, окованная холодом туча носится по небу, где не слышны более ни крик небесного петуха (гром), ни шум дождевых потоков; с приходом же весны она превращается в громогласную трубу, при звуках которой пробуждается от зимней смерти Перун, и вслед за его пробуждением начинается неистовая пляска бурной грозы. Нелегко добываются подобные инструменты; обладание ими отчасти приписывают нечистой силе, отчасти видят в них всемогущего бога (христианская подмена бога-громовника). На Украине ходит рассказ о черте, который в виде куцего немчика, во фраке и шляпе, с тонкими козлиными ножками, с острой бородкой и рогами, верхом на козле выезжает на майдан*, наигрывает на дудке казачка, а кругом его пляшут березы и липовые пни. Словенцы рассказывают о лукавом и веселом бесе Куренте, который игрой своей на гусях и дудке *исцеляет болезни* (весенние грозы животворят природу, исцеляют ее от ран, нанесенных рукою зимы) и заставляет всех плясать без отдыха. Валахская сказка, известная и на Руси, и у других народов, повествует о чудесной волынке: дурень Бакала сожигает целый мешок ладану и в награду за то

---

* Место, где гонят деготь.

получает от бога волынку (в русской редакции: падает с небес чудесная дудка). Он нанимается к попу пасти овец; выгоняя их в поле, пастух начинает дудеть, а овцы, заслыша музыку, пускаются плясать. Хозяин стал замечать, что овцы приходят домой голодные, измученные, и вздумал посмотреть, что бы это значило? Вышел в поле и спрятался в кустах терновника и диких роз. Как скоро заиграла волынка — заплясали овцы, заплясал и сам хозяин и сильно пострадал от колючих игл. После того пожелала послушать волынку попадья и как услыхала — так и пустилась выплясывать, и до того истомилась, что тут же померла. В немецкой сказке видна уже легендарная обработка старинного предания: солдат, у которого в кармане всего-навсего было шесть крейцеров⁴², повстречался на дороге с двумя убогими странниками, в виде которых обыкновенно являются в сказках Христос, апостолы и святые угодники, и разделил с ними свои последние деньги. За такую доброту странники обещают ему исполнить три желания. Солдат пожелал гренадерскую шапку, сапоги со шпорами и ружье; все это было исполнено, и сверх того в придачу он получил чудесную дудку. Солдат приходит к королю и вызывается переночевать в заклином замке, которым овладели нечистые духи. Ночью пришел в замок черт с длинным хвостом и огромными рогами. Солдат вынул дудку и стал насвистывать; черт (туча) плясал-плясал, утомился и запросил пощады, обещаясь навсегда покинуть тот замок. В награду за это король женил солдата на своей дочери. Когда пришло время умирать солдату, он попросил положить вместе с ним и дудку в гроб. После смерти является он к небесным вратам, но

св. Петр не пустил его. «Когда тебе было обещано,— сказал он,— что будут исполнены три твои желания, в то время ты зачем не пожелал царства небесного?» Отправляется солдат в ад и начинает играть на дудке; плохо пришлось нечистым, хочешь не хочешь — пляши! Чтобы избавиться от пляски, они вынуждены были признать солдата за своего начальника.

Мифические представления, сочетавшиеся с пением, музыкой и пляскою, дали им священное значение и сделали их необходимою обстановкою языческих празднеств и обрядов. Поклонники стихийных сил природы, древние племена старались в своих религиозных церемониях символически выражать то же, что совершалось на небе или что желательно было усмотреть там в данное время. Подражая действиям небесных богов, они думали, что творят им угодное, и с детскою наивною верили, что вызывают таким образом божественные силы на их творческие подвиги. Испрашивая, например, дождя, славяне водили Додолу — деву, увенчанную травами и цветами, в образе которой представлялась жаждущая плодотворного семени богиня Весна, и обливали ее водою; представляя облака рыскающими стаями различных животных, они сами наряжались в звериные шкуры и личины и бегали толпами по деревням и полям. Точно так же небесная музыка и напевы грозы, танцы облачных дев и воздушных духов представлялись звоном металлических сосудов, ударами в бубны, звуками дудок, волынок и других доступных старине инструментов, шумными кликами, песнями и дикою, быстро вертящеюся пляскою; а заменю дождя, которым, как небесным медом или вином, утоляют жажду

грозовые духи, служили в древних обрядах действительно опьяняющие напитки. Эти разгульные празднества, сопровождаемые переряживанием, пьянством, песнями и плясками, совершались в честь благодатного возврата весенних гроз, прогоняющих демонов зимы и несущих земле плодородие, или с целью призыва бога-громовника во время бездождия и засухи. Такая обстановка языческих празднеств усвоила за ними название *игрищ*. В языке нашем употребительны выражения: *сыграть* песню (вместо: *пропеть*), *играть* на музыкальном инструменте, выражения, свидетельствующие за древнейшую связь народных игрищ с этими обычными заявлениями веселья и радости. Песни донныне составляют существенную часть праздничных обрядов, совершаемых при солнечных поворотах, при встрече весны, завивании венков, прыганье через зажженные костры и проч. *Хоровод (коло)*, в котором песня сливается с драматическим представлением, несомненно, наследован от глубокой старины. Хороводы открываются с весною, когда небо вступаст в брачное соитие с землею и как бы зовет к тому же священному союзу и человека; именно эта идея любви и следующего за нею брака есть главный мотив, развиваемый в хороводных представлениях и песнях. Летописец, говоря о нравах славян-язычников, замечает: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашесе». Свадебное торжество до сих пор сопровождается в народе многочисленными обрядовыми песнями, и как бы ни были они подновлены или вовсе переделаны, давность их происхождения не может быть отрицаема; она засвидетельствована письмом Мономаха к Олегу⁴³ и еще

более подтверждается сохраненными в этих песнях указаниями на похищение и куплю жен и на другие черты стародавнего быта. Скопцы и хлысты⁴⁴ заменяют общественное моление быстрым кружением, силою которого вызывается, по их мнению, дар пророчества*, и хороводами «посолонь». Становясь друг возле друга, они бегают кругом, скачут, вертятся и хлопают в ладоши; во время этой пляски они поют свои священные песни, которые проникнуты духом и содержанием народной поэзии, сложены на чисто народном языке, с примесью немногих церковнославянских выражений; склад и размер тот же, что и в обыкновенных песнях. Все их молитвенные воззвания и клятвы наполнены обращениями к светилам и стихиям, некогда обоготворенным язычниками. Припомним, что так называемые стихи, представляющие яркую смесь понятий христианских с воспоминаниями язычества, во всем простонародье пользуются уважением наравне с церковно-служебными песнями. Сектанты наши вышли из низших слоев общества, и потому их пониманию более доступны формы, самым же народом созданные и вполне отвечающие его поэтическому настроению и детским взглядам на природу. Как ни были просты и несовершенны первые музыкальные орудия (дудка, свирель, волынка, гусли), тем не менее они требовали некоторого упражнения, навыка, ученья, и, конечно, в весьма раннее время образовался особенный класс музыкантов, певцов, поэтов — словом, людей *вещих*, которые

---

* То же религиозное значение соединяют с этим действием квакеры⁴⁵, мусульманские дервиши⁴⁶ и сибирские шаманы⁴⁷.

хранили в своей памяти эпические сказания старины, пели их под звуки гуслей и других инструментов и играли главную роль в народных празднествах. Это были *гусяры* или *скоморохи*; уже Феофилакт⁴⁸ упоминает о трех славянских гусярах, явившихся во Фракию в конце VI века; о скоморохах упоминает Нестор, осуждая трубы и гусли... По свидетельству памятников, скоморохи являлись на игрища с музыкою, наряжались в маскарадные платья, пели, плясали, кривлялись и творили разные «глумы». Важное значение гусяров и скоморохов у славян-язычников доказывается и участием их в религиозных обрядах (на праздниках, свадьбах и поминках), и сильными нападками на них христианского духовенства; в XI веке они подняли в Польше народное восстание против христиан, подобно тому, как у нас эти восстания делались по наущению волхвов и кудесников.

Понятно, почему с такою неприязнью и суровостью отнеслось к музыке, песням, пляскам и ряженью христианство первых веков; оно справедливо видело в них не одну простую забаву, но языческий обряд. С самого начала водворения христианства на Руси и вплоть до конца XVII столетия раздается громкий протест духовенства, направленный против народных игрищ. Нестор жаловался, что люди, нарицающиеся христианами, жили в его время «поганьскы»; дьявол, говорит он, соблазняет народ «всячьскими льстьми, пребавляя ны от бога трубами и скоморохы, гусльми и русальи...». Кирилл Туровский в слове о мытарствах в числе разных грехов указывает следующие: «Бесстудная словеса и плясание, еже в пиру и на свадьбах и в павечерницах, и на

игрищах и на улицах... и еже басии бають и в гусли гудуть». Митрополит Иоанн (XII в.) поучал духовенство не посещать пиров или уходить с них, как скоро начнется играение, плясание и гудение*... «Домострой» Сильвестра называет песни, пляски, скакание, гудение, бубны, трубы и сопели делами богомерзкими, а «Стоглав» вооружается против следующих явлений: «В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники и смехотворцы и гусельники, и бесовские песни поют; и как в церкви венчаться поедут, священник со крестом идет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священники им о том не возбраняют. В троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках (кладбищах) и плачутся по гробом с великим кричаньем, и егда начнут играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же от плача преставше начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сотонинские пети». По этому заявлению, собор постановил в обязанность священникам убеждать паству, чтобы «в кое время родителей своих поминают, и они бы нищих поили и кормили по своей силе, а скоморохом, гудцом и всяким глумцом запрещали и возбраняли» теми бесовскими играми смущать православных. Точно так же высказывается Стоглавный собор и против обычая сходиться в навечерии рождества и крещения и на Иванов день «творить глумы всякими плясанными и гуслями». Приговорною грамотою Троицко-Сергиева монастыря 1555 года было определено, чтобы монастырские крестьяне в волостях скоморохов не держали; а «у которого сотского

---

* Запрещение это повторялось и после.

в его сотной выймут скомороха или волхва или бабу-ворожею, и на том сотском и на его сотной на сте человек взяти пени десять рублей денег, а скомороха или волхва или бабу-ворожею, бив да ограбив, выбити из волости вон; а прохожих скоморохов в волость не пущать». В наказах монастырским приказчикам XVII века предписывалось наблюдать, чтобы крестьяне «в бесовские игры, в сопели и в гусли, и в гудки, и в домры, и во всякие игры не играли, и в домех у себя не держали». В 1636 году, по указу патриарха Иоасафа, дана была память поповскому старосте и тиуну⁴⁹ наблюдать, чтобы на праздники не было в Москве бесчинств; а то «вместо духовного торжества и веселия воспринимше игры и кощуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинския игры творити и в бубны бити, и в сурны ревети и руками плескати и плясати и иная неподобная деяти». Против тех же обычаев предостерегает и царская окружная грамота 1648 года; она требует, чтобы православные не призывали к себе скоморохов с домрами, сурнами, волынками и всякими играми, чтобы медведей не водили и никаких бесовских див не творили и по ночам на улицах и полях и во время свадеб песен не пели и не плясали, и в ладони ни били, и скоморошья платья и личин на себя не накладывали. Все эти действия, по словам грамоты, указывают на забвение бога и православной веры, а потому воеводам предписывалось отбирать у всех музыкальные инструменты, ломать и жечь, а тех, у кого они найдутся, бить батогами и ссылать в украинные места. По свидетельству Олеария⁵⁰, еще прежде, при Михайле Федоровиче, по распоряжению патриарха, не

только у скоморохов, но и вообще по домам были отобраны музыкальные инструменты — пять возов — и публично сожжены, как орудие дьявола. В 1657 году ростовский митрополит Иона приказал разослать по селам и погостам памяти к священнослужителям, с наказом надзирать, чтобы скоморохов и медвежьих поводчиков нигде не было, а в гусли, домры, сурны, волынки и во всякие игры не играли и песней «сатанинских» не пели; скоморохам и нарушителям этого запрета митрополит угрожает «великим смирением» и отлучением от церкви. Что угроза эта не составляла исключения из общих воззрений духовенства, подтверждается следующим местом в послании неизвестного епископа: «Да будет отлучен обавник, чародей, скомрах, узольник» — и статьей одного рукописного сборника, налагающего проклятие на гусли, домры, сопели, бубны, скоморохов и свирельников. Некоторые поучительные слова особенно восстают против женской пляски, признавая ее душегубительным грехом. «О злое проклятое плясание! — говорит один проповедник. — О лукавыя жены многовержимое плясание! Пляшущи бо жена — любодейница дьяволя, супруга адова, невеста сатанина...» Даже смотреть на пляски — грех*.

Такой строгий взгляд отчасти поддерживался самим характером старинного скоморошества. Вызванное культом Перуна-оплодотворителя, наси-

---

* Необходимо, впрочем, заметить, что католицизм, допускающий участие музыки в своем богослужении, должен был отнестись к народной музыке несколько мягче; у чехов, например, дуда и кобза употреблялись при церковных службах, а у поляков кобзы знаменитых «игрецов» вешались в храмах под иконами.

люющего облачных дев и щедро рассыпающего семя дождя, оно не отличалось особенною скромностью и требовало от плясок сладострастных движений. Эти «глумы», при грубости нравов старого времени и разгуле праздничного похмелья, выражались в формах не всегда грациозных и подчас бывали уж слишком откровенны, но они нравились неразвитой толпе, а потому продолжали держаться и тогда, когда давным-давно была позабыва та мифическая основа, на которой возникли эти нецеломудренные игрища. Желая указать на «бесстудие», летописцы не находили лучшего, более наглядного сравнения, как напоминание о скоморохах. Лишенные всякого покровительства власти, преследуемые нареканиями духовенства и правительственными распоряжениями, скоморохи в XVI и XVII столетиях нередко подвергались обидам и со стороны частных лиц и общин; их зазывали в дома и вместо оплаты за труд били и отымали у них то, что успели они собрать, ходя по миру. В 1633 году подана была царю Михаилу Федоровичу такая челобитная: «Бьют челом и являют твоего государева боярина князя Ивана Ивановича Шуйского скоморохи: Павлушка Кондратьев сын Зарубин, да Вторышка Михайлов, да Конашка Доментьев, да боярина ж князя Дмитрия Михайловича Пожарского Федька Степанов сын Чечотка — твоего ж государева села Дунилова на приказного на Ондreja Михайлова сына Крюкова да на его людей. В нынешнем, государь, году пришли мы в твое дворцовое село Дунилово для своего промыслишку, и с ходьбы к нему Ондрею явились, и того ж, государь, числа он, Ондрей, нас, сирот, зазвал к себе на двор и, зазвав, запер нас в баню и, заперши, вымучил у нас, сирот, у Пав-

лушки 7 рублей, а у Федьки 25 рублей, да Артюшкиных денег 5 рублей». Со своей стороны, скоморохи не оставались в долгу; вечно праздные, наклонные к бродячей жизни и вынуждаемые шаткостью своего общественного положения искать поддержку в самих себе, они собирались в артели и ходили по широкой Руси большими ватагами, нападали по дорогам на путников и проезжих и грабили. «Да по дальним странам,— говорит «Стоглав»,— ходят скоморохи, совокупся ватагами многими до штидесяти и до семидесяти и до ста человек, и по деревням у крестьян сильно едят и пьют, и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают». Особенно привлекали скоморохов сельские братчины⁵¹, где можно было вдоволь попить и что-нибудь заработать своей игрой, песнями и плясками; потому в жалованных и уставных грамотах различным сельским общинам встречаем положение: «А скоморохом у них сильно не играти»; запрещается и княжеским чиновникам давать им разрешение на участие в деревенских пирах и братчинах. В случае насильного прихода скоморохов дозволялось выбивать их из сел и с братчин безнаказанно.

Под влиянием духовной литературы и старинных церковных поучений в самом народе возникают понятия о греховности скоморошества. Особенно резко высказывается это убеждение в той массе, которая наиболее отличалась начитанностью и вместе с тем религиозною нетерпимостью, именно в кругу раскольников. «Песня и пляска от сатаны»,— говорят староверы; образовались пословицы: «Бог дал (или: создал) попа, черт — скомороха», «Ни богу свеча, ни черту дуда!» Эти сопоставления любопытны, как свидетельство

древнерелигиозного значения скоморошских игрищ и музыки.

Строгость средневековых воззрений на искусство не могла удержаться, как скоро стали проникать в общество более светлые идеи, какие несло к нам западное образование. Еще при Алексее Михайловиче, в то самое время, когда запрящали народные игрища, отбирали у скоморохов и жгли музыкальные инструменты, — на пиру у царя «играл в органы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по накрам, и по литаврам били»; при дворе представляются комедии, в присутствии всей царской семьи, причем немцы и люди Матвеева играют на органах, фиолах и танцуют. Преобразования Петра Великого нанесли окончательный удар староверческому аскетизму; с ним закончились и протесты духовенства и запретительные меры правительства против так называемых «бесовских действ» — музыки и плясок, которые давно уже утратили для массы свое языческое освящение и сделались не более как праздничным увеселением. Осуждения продолжают раздаваться только из суеверной и фанатической среды раскола.

Блестящая яркими, великолепными красками, радуга должна была особенно сильно поражать поэтически настроенную фантазию первобытных народов. Наряду с другими небесными явлениями и за нею был признан священный, божественный характер, — и как в природе радуга сопровождает летние грозы и проливные дожди, напояющие воздух влагою, то понятно, что и в народных сказаниях она поставляется в тесную связь с богом-громовником. По различию впечатлений, производимых ею на глаз, поэтическая фантазия древ-

него человека сближала радугу с разнообразными предметами; но сближения свои постоянно основывала на действительном сходстве форм и признаков.

а) *Радуга — лук, дуга, арка*. По мифическому представлению древних индийцев, радуга есть боевой *лук* Индры, с которого этот бог-громовержец пускает свои молниеносные стрелы, поражая демонов тьмы (тучи). Когда радуги не видно, думали, что Индра держит свой лук ненапрянутым; показывается радуга — значит: бог натягивает свой лук, вступая в битву с враждебными силами. Воззрение это составляет общее достояние почти всех народов индоевропейской семьи. В наших древнейших памятниках она обозначается словом *дуга*; так называется радуга в Святославовом Изборнике 1073 года⁵². В Архангельской губ. доселе зовут ее *божья дуга*. Слово дуга указывает на согнутую линию; у нас оно употребляется для обозначения части круга и упряжного снаряда, у сербов — согнутой для бочки доски; *дужка* — полукруглая рукоятка, перевесло (у ведра, корзины, посудыны) и ключица, соединяющая грудную кость с плечевою. Отсюда справедливо будет заключить, что слово *дуга* в древнейший период языка было синонимическим *луку* (*излучина* — кривизна, *лукоморье* — изгиб морского берега, *лукавый* — криводушный) и в отношении радуги имело тождественное с ним значение... Наши предания дают Перуну, вместе с молниеносными стрелами, и огненный лук; доселе уцелевшая в народе поговорка: «Ах ты, радуга-дуга! ты убей мужика» — ясно намекает на древнейшее представление радуги Перуновым луком, с которого пускались смертоносные стрелы. Финны также

признают радугу луком бога громов, молнии и дождей: Укко мечет с этого огромного, блестящего (огненного) лука свои медные или пламенные стрелы. Призывая на голову врагов гибель, финны молят бога Укко, чтобы он взял свой лук, наложил на него стрелу и поразил бы насмерть названного супротивника. Та же карательная сила выражается и в литовском названии радуги *воздушною розою*, и в поверье эстов, которые видят в ней пожинающий *серп* громовика. В греческих сказаниях *серп* принимается за оружие, с помощью которого грозные существа наносят раны своим противникам (тучам). Так, Персей поражает Горгону серпом, полученным от Гефеста или Гермеса; Кронос обрезаем серпом детородные части Урана (облачного неба) и проливает его кровь (семя дождя). Серп, данный Деметре Гефестом, чтобы она научила титанов косить и срезать плоды, первоначально поэтическое представление радуги, а впоследствии эмблема земного плодородия; как производительница урожаев, богиня-громовница слилась в один образ с матерью-землею; вместе с этим изменилось и самое значение атрибута. В немецких сапогах великаны, спасаясь от Торова молота, скатываются с облачных гор клубками и прячутся у *косарей* или *жнецов*; сам Один выступает иногда как небесный жнец.

Не может быть сомнения, что слово *ра-дуга* есть сложное и первая половина его есть только характеристический эпитет, соединяемый с этою небесною дугою; в областном говоре слово это произносится *рай-дуга*. Первая часть слова — *ра*, по нашему мнению, стоит в родстве с санскр. коренным звуком *р*, заключающим в себе понятие

быстрого движения, равно прилагаемое и к свету, и к текущей воде, к бегу коня и полету птицы... Отсюда понятно, что *Ра*, древнейшее имя Волги, означает собственно: текучую воду, реку; сравни: сибирск. *рагорок* — холм, курган на роднике, арханг. *рада* — мокрое место в лесу. Таким образом, радуга первым своим слогом означает водоносную, дождевую дугу. Согласно с лингвистическими данными, греческий миф представляет Ирису⁵³ быстролетною, крылатою *вестницею* Зевса. В литовском предании о потопе радуга является *вестницею*, посланною божеством (Прамжинас) утешить престарелую чету людей, которая спаслась от наводнения, и научить ее, как создать себе потомство; в греческом сказании о Девкалионовом потопе⁵⁴ роль эта дается вестнику богов Гермесу. Древнее представление радуги небесным луком, затемнившееся с течением времени в этом общепринятом ее названии, народ подновляет прибавкою к нему слова *дуга*: «Ах, ты, радуга-дуга!» Такое подновление очень обыкновенно в эпическом языке; как, например, говорят: белый свет, *белая* лебедь, хотя «свет» и «лебедь» и без того знаменуют белый цвет.

Близкая связь радуги с дождем выразилась в следующем мифическом сказании, какое существовало еще у римлян и какое можно услышать от поселян повсюду на Руси: радуга берет или пьет из земных озер, рек и колодцев воду и потом, в виде дождя, посылает ее обратно на землю. Малороссы говорят: «Веселка воду бере», т. е. показалась радуга. Название *веселка* (*весёлка*, *веселуха*, *висялуха*) означает: висящая (на воздухе). В Харьковской губ. рассказывают, что радуга есть *труба*, одним концом касающаяся неба,

а другим опущенная в какой-нибудь колодец, из которого царица небесная (богородица) тянет воду. Иные утверждают, что есть три ангела: один подымает обоими концами радуги, которая представляется пустым внутри *насосом*, воду из рек, другой ангел образует из этой воды облака, а третий, разрывая их, творит дождь... Подобное воззрение на радугу разделяется почти всеми славянскими племенами. Болгары думают, что «дуга» спускается в реку, сосет из нее воду для дождей и на том месте, где сосет, оставляет *серебряную чашу**. Кашубы верят, что радуга пьет воду из моря, озера или болота и передает ее облакам; оттого, по их мнению, она предвещает дождь. И в наших деревнях и селах до сих пор слышатся такие причитания, обращенные к радуге: «Радуга-дуга! Не давай (или: перебей) дождя; давай солнышко, давай ведрушко!», «Радуга-дуга! Наливайсь дождя» или: «Не пей нашу воду!» У западных славян существует поверье, что вещица (ведьма) может украсть и спрятать радугу и чрез то произвести засуху.

б) *Радуга — коромысло*. На том же основании, на каком радуга уподоблялась дуге или луку,

---

* Кто найдет эту чашу, тот узнает будущее, и чего бы ни пожелал он — все ему исполнится. Греки представляли Ирису с золотым кубком, в котором она разносила богам Стиксу воду⁵⁵. В Германии думают, что на том месте, где упиралась концом радуга, остается золотой ключ или золотые деньги. Таким образом, с представлением радуги народная фантазия сочетала: во 1-х, сказание о трех урнах, из которых облачные нимфы проливали на землю дожди, и во 2-х, древний миф о ниспадающем с неба золотом ключе-молнии, отпирающем дождевые источники.

уподобляли ее и *коромыслу*. На метафорическом языке загадок коромысло изображается под видом *дуги* и *изогнутого моста* (то и другое представление усваивалось и радуге): «Два моря на дуге висят» (два ведра с водою на коромысле), или «Промеж двух морей гнутый мостик лежит». В некоторых местах России верят, что радуга есть блестящее коромысло, которым царица небесная (древняя богиня весны и плодородия — громовница; воспоминание о ней в позднейшую эпоху двоеверный народ слил с именем богородицы, именуемой сербами *Огненной Марию*) почерпает из всемирного студенца (океан-моря) воду и потом орошает ею поля и нивы. Это чудное коромысло хранится на небе и по ночам видится в блестящем созвездии Большой Медведицы, как об этом можно заключать из описательного названия, придаваемого означенному созвездию в Волынской губ.: *Дивка воду несе*; в Оренбургской губ. оно зовется *коромысл**. Может быть, в связи с этими данными надо искать объяснения и народной приметы: «Не шагай через коромысло — судороги потянут».

в) *Радуга* — *змей*. То же самое представление пьющего, вытягивающего воду насоса, какое соединялось с радугой, присваивалось и *туче*. Свидетельства, сохранившиеся в старинных толковых словарях, подтверждают это до несомненности. Так в «Толковании неудобь-познаваемым речам» (XIII в.) под словом *смерч* читаем такое объяснение: «пиавица, облак дъждевен, иже воду от море възимаеть, яко в губу, и паки проливаеть

---

* Подобное же изображение коромысла с ведром скандинавы видят в пятнах луны.

на земля». То же толкование вошло и в словари Берынды⁵⁶ и Зизания⁵⁷: «Сморщ — оболоч, который с неба спустившись, воду с моря смочет». По замечанию г. Лавровского⁵⁸, свидетельства эти доказывают, что подобное «представление о радуге не есть первоначальное, а перенесено (на нее) от древнейшего взгляда на облако, как на смерч, пьющий воду из вместилищ ее на земле, чем, конечно, определяется образование облаков из испарений, поднимающихся на высоту с земной поверхности». Мы же думаем, что первоначальный источник предания кроется в представлении молнии змеем, высасывающим дождевую воду из небесных морей, озер, рек и колодцев (метафоры дождевых туч); представление это, при забвении коренного смысла древнего метафорического языка, понято было буквально, как поглощение чудесным змеем земных вод, и совпало с идеею крутящегося смерча. Далее, так как, с одной стороны, сама дожденосная туча, по древнеарийскому воззрению, уподоблялась змею, а с другой стороны, и радуга своею формою наводила на то же сближение ее с изгибающеюся небесною змеею, то отсюда возникло представление о ней как о гигантском змее, пьющем моря, реки и озера, дугообразный хвост которого блещет великолепными красками. Этот поэтический образ встречаем у албанцев, литовцев и славян. Первые принимают радугу за змею, которая, спускаясь на землю, пьет воду, и по яркости ее цветов судят о будущем урожае винограда, маслин и пшеницы. В Белоруссии радуга — *смок* — змей, буквально: *сосун*, что вполне соответствует вышеуказанному народному сравнению радуги с *насосом*.

г) *Радуга — кольцо, головная повязка, пояс.*

Полукруглая форма радуги заставляет видеть в ней кольцо, обнимающее землю. В Баварии некоторые уверяют даже, что ни в коем случае не следует обозначать ее настоящим именем, а действовать прозвищем «небесного кольца», чтобы не подпасть власти дьявола.

Роскошные, блестящие краски, которыми сияет радуга, заставили уподобить ее драгоценному убору, в который наряжается божество неба. Так, кораибы называют ее *головною повязкою* из разноцветных перьев или *бриллиантовую диадемою*, в Литве — *небесным поясом* или *поясом лаумы*. *Лаумы* — облачные девы, властительницы гроз, бурь и дождевых ливней; по различному влиянию этих небесных явлений, то благотворных, то разрушительных, лаумы представляются частью светлыми нимфами несказанной красоты, частью безобразными и демонически злобными старухами. О лауме, владеющей радужным поясом, литовское народное предание говорит, что она отличается обольстительной, чарующей красотой и обитает в облаках. Однажды, сидя на небесах — на своем алмазном троне, увидала она на земле прекрасного юношу, полюбила его, развернула свой блестящий пояс — радугу и сошла по нему к избраннику своего сердца. Плодом этого свидания был ребенок, рожденный лаумою; три раза в день сходила она с неба кормить его грудью, пока не узнал про это Перкун. Недовольный любовью небесной девы к смертному, Перкун схватил ребенка за ноги и забросил его в отдаленные высоты неба; у самой же лаумы гневный бог отрезал груди, изрубил их на мелкие части и рассеял по земле. Поэтому белемниты, известные у нас и немцев под именем громовых стрелок, в Литве

называют *сосцами лаумы*. В этом предании узнаем мы общий индоевропейский миф о том, как в период весенних гроз бог-громовник преследует в любовном экстазе полногрудых облачных нимф, быстро убегающих от его губительных объятий, разит их своими молниеносными стрелами и, проливая на землю молоко-дождь, разносит на части летучие облака-груды*. Желая пояснить себе эту вражду Перкуна к лауме, народ, давно позабывший первоначальный смысл сказания, добавил его сравнительно позднейшею чертою о любви небесной нимфы к смертному. Еще доселе литвин, увидя радугу, говорит, что лаума распустила свой кушак и кокетливо прельщает богов и смертных. Издалека блесит она своим поясом и как бы манит к себе; но как скоро захочет кто-нибудь к ней приблизиться, лаума тотчас же скрывает, прячет свой пояс. Ту же чарующую силу дает Гомер узорчатому поясу Киприды⁵⁹: в нем заключались все обаяния любви и тайных желаний, уловляющих разум; пользуясь этим поясом, Гера обольстила Зевса. Древние галлы почитали радугу поясом бога Гу, победителя великанов (туч), владыки вод (дождей) и покровителя земледелия, который разъезжал по небу на колеснице из солнечных лучей. Болгары рассказывают о радуге, как о поясе пресв. Девы или мифической святой Недельки... Представление радуги поясом не чуждо и некоторым другим народам.

д) *Радуга — мост*. Выше мы указали, что с радугею соединялась поэтическая метафора «небес-

---

* Уподобление дождя — молоку и дождевых туч — женским грудям принадлежит к наиболее распространенным поэтическим образам арийских племен.

ной арки»; то же воззрение сказалось и в древнегерманском уподоблении радуги чудесному *мосту*, перекинутому легким сводом с неба на землю... Болгарское предание утверждает, что до всемирного потопа не было радуги; когда же земля осушилась и Ной принес богу жертву, то господь обещал ему, что потопа не будет до второго Христова пришествия, и во свидетельство дал радугу и изрек: «Пока сияет на небесах радуга — до тех пор не бойтесь, а когда не станет радуги — это будет знамением, что близится день Страшного суда». В старинных рукописных сборниках апокрифического содержания говорится: «Дугу же сотвори бог по потопе»; «По потопе знамение положи бог на небеси — дугу, еже второму потопу не быти».

Предания эти, очевидно, образовались под непосредственным влиянием ветхозаветного сказания, что господь, установляя союз свой с Ноем и его семенем, дал радугу «во знамение завета»; но с этим библейским сказанием суеверный народ слил свои старинные представления. Суровое время зимы языческий миф почитал эпохою владычества враждебных и нечистых сил, весенние разливы и грозы, сопровождаемые дождевыми ливнями, изображал в грандиозной картине мирового потопа, а являющуюся весною вслед за дождями радугу признавал знамением возрождения природы, грядущего лета, осушающего поля и нивы, и благодатного союза неба с землею — царства богов с юдолью смертных. С приходом зимы пропадает — рушится небесная дуга и жизнь замирает, или, говоря мифическим языком, настает кончина мира*.

---

* Северно-немецкая сага рассказывает о море, по

Представление радуги мостом не чуждо и славянам, как можно заключить из указаний сказочного эпоса. Красавица царевна, принадлежащая к разряду облачных нимф, влюбляется в прелестника Змея Горыныча (демонический тип громовника). Но сойтись им трудно: их разделяет широкая огненная река, соответствующая известному адскому потоку. Царевна ухитряется: она добывает волшебное *полотенце*, бросила его — и в ту же минуту полотенце раскинулось и повисло через реку высоким красивым мостом. Или по другому рассказу: скачет Иван-царевич от бабы-яги, доезжает до огненной реки, махнул три раза *платком* в правую сторону — и, откуда ни взялся, повис через реку дивный мост; переехал на другой берег, махнул платком в левую сторону только два раза — и остался мост тоненький-тоненький! Бросилась баба-яга по мосту и как добралась до середины — мост обломился, и она утонула в воде. То же волшебное действие придается сказками и *полотенцу*: махнешь одним концом — явится мост, а махнешь другим — мост пропадает. Этот сказочный мост-полотенце совершенно тождествен с мостом — поясом лаумы.

е) *Радуга — престол*. Словенцы называют радугу — божий престол, подобно тому, как кельты почитали ее седалищем богини Царидвены; а в Калевале упоминается красавица, дочь Лоухи, которая восседает на радуге, как на скамейке.

которому. от начала мира плавает лебедь, держа в клюве *кольцо*; когда он упустит это кольцо, тогда наступит конец вселенной. Лебедь — олицетворение грозы, кольцо — радуга, море — облачное небо.

ЖИВАЯ ВОДА И ВЕЩЕЕ СЛОВО

ожденосные облака издревле представлялись небесными колодцами и реками. Холодная зима, налагая на них свои оковы (точно так же, как налагает она льды на земные источники), запирала священные воды — и вместе с тем все кругом дряхлело, замирало, и земля одевалась в снежный саван. Весною могучий Перун разбивал эти крепкие оковы своим молотом и отверзал свободные пути дождевым потокам; омывая землю, они возвращали ей силу плодородия, убирали ее роскошную зелень и цветами и как бы воскре-

шали от зимней смерти к новой счастливой жизни. Отсюда, во-первых, явилось верование, что дождь, особенно весенний, дарует тем, кто им умывается, силы, здоровье, красоту и чадородие*, больным дают пить дождевую воду как лекарство или советуют в ней купаться**. Отсюда же, во-вторых, возник миф, общий всем индоевропейским народам, о *живой воде*, которая исцеляет раны, надевает крепостью, заставляет разрубленное тело срастаться и возвращает самую жизнь; народные русские сказки называют ее также *сильною* или *богатырскою водою*, ибо она напиток тех могучих богатырей, которые в сказочном эпосе заступают бога-громовника. По древнему воззрению, Перун, как бог, проливающий дожди и чрез то иссушающий тучи, пьет из небесных ключей живительную влагу. В этой метафоре дождя славянские сказки различают два отдельных представления: они говорят о *мертвой* и *живой воде* — различие, не встречаемое в преданиях других родственных народов. Мертвая вода называется иногда *целующею*, и этот последний эпитет понятнее и общедоступнее выражает соединяемое с нею значение: мертвая или целующая вода заживляет нанесенные раны, сращает вместе рассеченные члены мертвого тела, но еще не воскрешает его; она *исцеляет* труп, т. е. делает его *целым*, но оставляет бездыханным, мертвым, пока окропление *живою* (или *живучею*) водою не возвратит ему жизнь. В сказа-

---

* То же верование соединяют и вообще с водою, если умыться ею при ударах весеннего грома.

** Дождь, собранный на Ильин день, избавляет от сглаза и вражьей силы. Выпадение дождя при начале какого-либо предприятия предвещает успех и счастье.

ниях народного эпоса убитых героев сначала окропляют мертвою водою, а потом живою — так как и в самой природе первые дожди, сгоняя льды и снега, просоченные лучами весеннего солнца, как бы стягивают рассеченные члены матери-земли, а следующие за ними дают ей зелень и цветы. По свидетельству сказок, живую и мертвую воду приносят олицетворенные силы летних гроз: *Вихрь*, *Гром* и *Град* — или вещие птицы, в образе которых фантазия воплощала те же самые явления: ворон, сокол, орел и голубь. Кто выпьет живой или богатырской воды, у того тотчас прибывает сила великая: только отведав такой чудодейственной воды, русский богатырь может поднять меч-кладенец (молнию) и поразить змея, т. е. бог-громовник только тогда побеждает демона — тучу, когда упьется дождем. Приведем соответственные свидетельства норвежских сказок: королевич решил избавиться от двенадцатиглавого тролля (дракона) похищенных им красавиц (это или светила, затемненные тучами, или облачные нимфы); чтобы совершить этот подвиг, он должен был поднять *ржавый меч*, висевший в замке тролля; меч — молния называется «ржавым», потому что во все время, пока властвовал демон (т. е. зимние месяцы), оставался меч без употребления, скрытый в жилище дракона (в туче). Но королевич не в силах был и повернуть его. «Выпей из этой фляги*, что висит подле, — сказала царевна, — так всегда делает тролль, когда вздумает поднять меч». Королевич сделал один глоток — и опустил тяжелый меч со стены; за другим глот-

---

* Дожди, по древнему представлению, проливались на землю из небесных *сосудов*.

ком мог приподнять его, а за третьим стал им свободно размахивать: так постепенно за каждым глотком прибывала в нем сила. Живая вода принимается за неперемное условие освобождения от власти демонской. «Там,— говорится в одной сказке,— висят на стене меч и фляга с живой водою; когда опрысканный этой водою сухой древесный пенъ даст молодые отпрыски и покроется земными листьями — тогда настанет час избавления», т. е. час этот наступает в благодатную пору весны, когда дождевые ливни одевают обнаженные леса и рощи свежей зеленью. В замке тролля хранится и котел с чудесной *кипучей* водою: стоит только искупаться в ней — и тотчас станешь красивым, белым, румяным, словно кровь с молоком, и необычайно сильным, что согласно и с показаниями наших и других индоевропейских народов. Падение дождей из туч, озаряемых пламенем грозы, заставило уподобить небесные водоемы огненным рекам и кипучим источникам. Сверх того, живая вода исцеляет слепоту, возвращает зрение, т. е. пролившийся дождь проясняет небо и выводит из-за темных облаков и туманов всемирный глаз — солнце. Из этих мифических основ создан целый ряд легендарных сказаний о том, как спаситель и апостолы исцеляют болящих, рассекая их на части и потом трижды опрыскивая разрубленное тело водою: брызгает господь в первый раз — тело срастается, брызгает в другой — мертвый начинает шевелиться, а после третьего раза встает здоров и невредим. Или, вместо этого, спаситель и апостолы варят разрезанные куски тела в горячей воде, и результатом бывает чудесное исцеление. *Живая вода* — то же, что *бессмертный напиток*: санскр. *амрита*, греч. *амброзия*,

или *нектар*. Вкушая амриту (амброзию) и нектар, боги делались бессмертными, вечно юными, непричастными болезням; в битвах светлых духов с демонами (асуров с дэвами) те из пораженных, которых воодушевляла амрита, восставали с новыми силами. По древнегреческому верованию, в теле и жилах богов, вместо крови, текла эта бессмертная влага (ихор), и наоборот, дождь метафорически назывался кровью небесных богов и богинь.

Древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текущие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и *молоко*, *моча*, *сок дерева*, *растительное масло* и общеупотребительные *напитки* (мед, пиво, вино) дали метафорические выражения для дождя*. Особенно важно в мифологии арийских племен уподобление дождя крепким, опьяняющим напиткам. Шумное проявление небесных гроз арийцы сравнивали с действием производимым на человека опьянением; как человек, упившийся вином или медом, делается склонным к ссорам, брани и дракам, так боги и демоны, являющиеся в дожденосных тучах, опьяненные амритою, отличаются буйством и стремительностью на битвы; в завывании бури и раскатах грома слышались их враждебные споры и воинственные клики. Народный эпос любит уподоблять битвы не только грозе, но и приготовлению пива и пиршеству, на котором сражающиеся ратники допьяна упиваются вражь-

---

* Уподобление дождя древесному соку и маслу стоит в связи с мифическим представлением тучи — деревом.

ей кровью. В песне на Корсунскую победу Хмельницкий¹, призывая казаков воевать с ляхами, взывает:

Братья козаки-запорозци!
Добре знайте, барзо гадайте,
Из ляхами пиво варити затирайте;
Лядьск й солод, казацька вода,
Лядьски дрова, казацька труда.

И далее, описывая начало битвы, песня говорит:

Ой не вербы ж то шумели и не галки закричали,
Тож то казаки из ляхами пиво варить зачинали.
В другой малороссийской песне (впрочем, недавнего происхождения) казак говорит своей милой:

Иду я туды,
Де рболят на диво
Червонее пиво
З крови супостат.

А девица спрашивает:

Хиба ж ты задумав тем пивом упиться?
Чи вже же ты за мною зхотев разлучиться?

«Слово о полку Игореве» сравнивает битву со свадебным пиром: «Тут кровавого вина не достало, тут пир dokonчили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую». То же сравнение допускается и великорусскими песнями: умирает в поле от тяжких ран удал добрый молодец и наказывает своему коню:

Ты скажи моей молодой жене,
Что женился я на другой жене,
Что за ней я взял поле чистое,
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела!

Или: ворочается домой молодец, весь израненный, сам шатается — на тугой лук опирается. Встречает его родная мать: «Ах ты, чадо мое! зачем так напиваешься, до сырой земли приклоняешься?» Отвечает добрый молодец: «Я не сам напился; напоил меня турецкий султан тремя пойлами!» Эти пойла — кровавые раны от сабли острой, от копья меткого, от пули свинцовой. Еще в одной песне девица, над которою насмеялся неверный любовник, грозит ему: «Я из крови из твоей пиво пьяно наварю!» Итак, пиво и вино принимались за поэтические метафоры крови. Греки и римляне, при заключении договоров, скрепляемых клятвою, возливали богам вино с такою мольбою: «Да прольется кровь клятвопреступника — так же, как проливается это вино!»

Любопытны свидетельства языка, указывающие на уподобление грозы и ненастья приготовлению хмельных напитков: областн. *замоложаветь* употребляется в смысле: захмелеть, опьянеть, а *моложить* применяется к погоде и значит: затягиваться небу тучами, делаться пасмурным; *моложный* — туманный, серый; средний глагол *замолаживает*, *замолодило* — становится или стало облачно, пасмурно, а действительная форма *замолаживать*, *замолодить* — делать так, чтобы напиток заиграл, запенился («замолодить пиво»). Скопление паров и духота, предшествующая грозе (то, что у нас обозначается словом: *парит*; сравни *винные пары*), по немецкому поверью, объясняется тем, что в это время карлики или ведьмы (грозовые духи и облачные жены) начинают варить пиво. По свидетельству русской сказки, Илья Муромец, чтобы стать сильномогучим богатырем, должен был трижды испить пива крепкого...

Опьяняющий напиток древних индийцев — *сома*. Эта сома в глубочайшей древности сделалась метафорическим названием бессмертного напитка богов (амриты) и даже была олицетворяема, как божество, одаряющее силою, бессмертием и плодородием. Этим напитком упивается Индр-громовержец. «Индра пьет сому, драгоценный сок которого выжимается в чаши», — говорит священная песня; в связи с этим представлением громовая палица стала уподобляться камню, выжимающему божественный напиток. Во многих местах ведаических гимнов каплям дождя присвоается эпитет «богатые медом». Так, в гимнах говорится, что облачные коровы струят из своих сосцов светлый мед, что Маруты доят их и несут богу-громовнику сладкий, медовый напиток... Мед — сома, по свидетельству Вед, был низводим на землю теми же быстролетными птицами: соколом и орлом, которые разносили и блестящие молнии; они похищали его из темных облачных скал, куда прятали благодатную влагу злые демоны. По указанию некоторых гимнов, сам Индра в виде сокола похищает скрытый в скалах мед — сому и приносит его смертным, т. е. заставляет дождь проливаться на поля и нивы. Что сома и амрита тождественны — это очевидно из многих аналогических представлений: в том же виде сокола Индра выхватывает амриту из пасти демона-иссушителя. С этими воззрениями совершенно согласны и предания других родственных народов. Первая пища, которую вкусил новорожденный Зевс, были *мед и молоко*. Уцелело еще другое сказание, что малютке Зевсу приносил нектар орел; сам же Зевс в образе орла или бурным вихрем похитил Ганимеда², который, как божест-

венный кравчий, разносивший нектар олимпийским богам, заступает в греческом мифе место благодатной сомы; в некоторых преданиях он является как гений — податель плодородия. Уподобление дождя вину вызвало у греков миф о Вакхе; он был сыном Зевса — и потому назывался *Дионисом* — и Персефены³ или, по другому сказанию, Семелы⁴. Эта последняя упростила могучего олимпийца явиться к ней во всем величии, с громами и молниями, и, опаленная небесным огнем, погибла, разрешившись недоношенным Вакхом. Зевс разрезал себе лядвею⁵ и доносил его до девятимесячного срока. Смысл тот, что туча, разбитая грозью, исчезает, а из недр ее исходит вино — дождь. С этим мифом фантазия соединила другое поэтическое представление о рождении Вакха из ноги Зевса, подобно тем источникам живой воды, которые изливались из-под ударов мощных копыт Зевсова коня. Вакх представлялся красивым юношей с тирсом (жезл, обвитый виноградным плющом — эмблема молнии) в руках: он научил смертных возделывать виноградники, готовить вино и хмельной напиток из ячменя и возделывать землю быками; как скандинавскому Тору, так и ему был посвящен козел. Торжественное шествие Диониса сопровождали опьяненные до исступления нимфы (вакханки), увенчанные виноградными гроздьями и с шипящими змеями (молниями) вокруг головы. Под звуки музыки и громких песен неслись они в буйной пляске, потрясая тирсами, а под их легкими стопами били ключи меда, молока и вина. Скандинавская мифология сообщает не менее любопытные сказания. Из-под трех корней мировой ясени Иггдразилли, идущих в небо, ад и страну великанов, вытекает

по священному источнику; возле источника у небесного корня собираются боги определять непреложные судьбы вселенной. Всякое утро норны черпают из этого источника воду и окропляют ею ветви мировой ясени, отчего и происходит роса, падающая долу; на поэтическом языке Эдды роса — ниспадающий мед: ею питаются пчелы; на Руси дают росе эпитет *медвяная* (медовая; в народных песнях и сказках: «яства сахарные, питья медвяные»). В водах источника у корня великанов таится высокая мудрость; за единый глоток этого напитка Один отдал в заклад свой глаз: поэтическое изображение солнца, закрытого дождевою тучею... По другим преданиям, Один пил только *вино* и поил им своих волков, отчего они были бессмертны; Тор, явившись в жилище великанов, выпил три бочки меда. Финны зывали к громовнику Укко: «Боже великий! ты, отец небесный, тучам повелитель, царь над облаками! Пореши ты в небе и пошли с востока, запада и юга дождевые тучи, окропи из них медом поднявшийся колос шумящей нивы». Калевала рассказывает, что на свадебный пир бога-кузнеца Ильмаринена (брачное торжество громовника, вступающего в союз с облачной девою) был убит гигантский бык (туча), и затем приступили *варить пиво*: кладут хмель, ячмень и воду, но пиво не киснет. Чтобы пособить горю, *создают пчелу* Мегиляйнен и посылают ее за девять морей — туда, где растет золотая трава и серебряные цветы (Перунов цвет). Пчела обмакивает свои крылушки в *медовой росе* и возвращается назад; как только положили каплю этого *меду* — пиво тотчас пришло в брожение, зашумело и густою пеною пошло через края чанов. В другом месте поэма говорит, что Меги-

ляйнен летит в царства солнца и луны и, омочив в тамошних источниках свои крылья, приносит на них *мед жизни* к матери Лемлинкяйнена, а та воскрешает этим медом своего изрубленного в куски сына. Старинные апокрифические сочинения упоминают о небесных (райских) источниках, текущих медом, вином, молоком и маслом... Простолюдины наши доселе вспоминают о какой-то счастливой стране, где реки медовые и молочные, а берега кисельные*. По различию применений, допускаемых народною догадливостью, нечаянно пролитое за столом вино или масло принимается то за счастливый знак, как предвестие плодородия и обилия, посылаемых дождевыми ливнями, то за примету недобрую, как указание грядущей убыли. У античных народов и германских племен мед и молоко составляли необходимую принадлежность обряда, совершаемого при запашке полей, как символы плодородящего дождя. Арконский идол Световита держал в правой руке турий рог, который ежегодно наполнялся *вином*. Саксон Грамматик описывает торжественное служение этому богу, подателю земных урожаев. Каждый год после жатвы жители собирались перед храмом, приносили жертвы и устраивали общественное пиршество. Жрец брал из рук идола

---

* Предание о морях и источниках, текущих молоком, известно и у других народов. Швейцарская сага рассказывает, что в старое золотое время один пастух утонул в таком источнике; труп его был погребен в пещере, вход в которую *пчелы залепили медовыми сотами*. Эта сага напоминает греческий миф о Главке⁶ (блестящий), утонувшем в кружке меда, и повесть о короле Фиольнире, погибшем в бочке меда: в основе этих сказаний кроется представление о блестящей молнии, потухающей в дождевой туче⁷.

рог и если замечал, что напитка в нем много ubyло, то предсказывал бесплодный год; если же напиток усыхал мало — это предвещало урожай. Согласно с предсказанием, он советовал народу быть щедрей или скупее в употреблении хлеба; потом выливал старое вино к ногам истукана и наполнял рог свежим, громко спрашивая у бога счастья, побед и богатства народу. Окончив молитву, жрец осушал рог за один раз, наливал его снова и влагал в руку идола. Световитов рог с вином служил знаменiem тех сосудов, из которых небесные боги проливали на землю благотворные дожди; усыхание напитка предвещало умаление дождей, а следовательно, засуху и бесплодие, и наоборот. Таким мифическим значением меда и вина условливались и многие другие обряды. С напитками этими соединяли ту же идею плодородия, здоровья и богатства, что и с дождем; а потому волосы жениха и невесты смачивали медом, а во время венца заставляли молодую чету пить вино. Как метафорические названия «живой воды», мед и вино сделались эмблемами *воскресения*. На праздник Коляды, когда солнце, умерщвленное демоном зимы, снова возрождается к жизни, сербы и черногорцы возжигают в честь его бадняк, посылают возженное полено житом и окропляют вином и маслом. На Руси к этому празднику готовится кутья (ячменная каша), политая медовой сытою. Эта же кутья и мед считаются необходимыми при похоронных и поминальных обрядах. При начале весны, когда земля умывается дождями и пробуждается от зимней смерти, крестьяне ходят на кладбища и поливают могилы родичей медом и вином. Пожар, происходящий от грозы, по мнению наших поселян, можно гасить только

пивом, квасом или молоком, а не простою водою; если же этого нельзя сделать, то лучше вовсе не гасить, а ожидать, пока небесный огонь потухнет сам собою.

В связи с древним представлением туч демонами возникли суеверные сказания о том, что вино изобретено дьяволом и что черти заводят пьяных в глубокие омуты и увлекают на дно. Под влиянием нравственных тенденций христианства воззрение это должно было получить особенную твердость. Народная фантазия воспользовалась библейским рассказом о Ное, упившемся от виноградного сока, и смешала с ним предание об изобретении хлебного вина... Другое сказание изобретение винокурения приписывает *пьяному бесу*, но приурочивает это ко времени после Христа вознесения... По указанию народных легенд и лубочных картин, пьяницы пойдут в ад терпеть, вместе с сатаною, муку вечную, а на опойцах черти будут возить на том свете дрова и воду. Простой народ верит, что нечистый подстерегает пьяного и старается затащить его в воду...

Представление бессмертного напитка богов медом дало мифическое освещение *пчелам*, приготовительницам сладких сотов. По русскому поверью, пчелы первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедом и брошенной в болото; рыбаки закинули невода в болото и вытащили оттуда пчелиный рой; от этого роя и расплодились пчелы по всему свету. Устраивая пасеку, пчеловод, для успеха своего дела, обрекает водяному лучший улей; иногда топит этот улей в болоте, а иногда оставляет на пасеке: в первом случае водяной умножает пчел и дарует обилие сотов, а в последнем охраняет заведение от всякого вреда.

Апокрифическая «Беседа трех святителей» говорит о создании пчел из *тельца*: «Явился бог в троице Аврааму, и закла Авраам телец на пищу, и от крови телчи возлетеша пчелы белы, яко снег». Водяной дед — собственно: дождящий громовник; конь и бык (телец) — зооморфические олицетворения тучи, кровь — метафора дождя, пчелы — молнии. Поэтическое уподобление молний пчелам возникло из следующих сближений: легкокрылая пчела, наделенная от природы острым жалом, напоминала этими признаками летучую и разящую молнию: в областном говоре жало называется *жигало* (от слова *жечь*; *жигалка* — свеча); она наделяет смертных сладкими сотами — точно так же, как молния низводит на землю небесный мед дождей. Осевший на дом пчелиный рой, по мнению древних, предвещал пожар*. В шуме летней грозы угадывали жужжание пчел — молний, роящихся в тучах и собирающих мед в цветущих облачных садах. Сравнение жужжащего роя с грозовым облаком встречаем у Вергилия... Чтобы плодились и умножались пчелы, на Руси держат на пасеках кусок меди, отбитый от церковного колокола; всего лучше, говорят знахари, если кусок этот будет отбит от колокола на первый день пасхи, во время звона к заутрене. Звон, как мы видели, принимался за эмблему грома: как небесные пчелы — молнии начинают роиться весною, при ударах грозового колокола, так стали верить, что медь, звучащая в светлое воскресенье, должна непременно помогать счастливому роению обыкновенных пчел... Очевидно, что выше-

---

* Баснословные предания ставят поэтому пчелу в тесную связь с дятлом, приносителем молний.

приведенные сказания о происхождении пчел представляют не более, как поэтическое изображение грозы: бог-громовник, носясь на коне — туче, замучивает его в своей бурной поездке и топчет в дождевых потоках, а из трупa коня исходят молниеносные пчелы; по другой вариации, они зарождаются «белые, как снег» (светлые, блестящие), из крови убитого в грозе тельца. По римскому преданию, пчелы произошли из сгнившего мяса быка, подобно тому, как по скандинавскому мифу карлики — молнии, словно *черви (личинки)*, родились из истлевшего мяса первобытного великана (тучи). Рядом с этими мифическими сказаниями встречаем другие — о преследовании облачных коров разящими молниями, которые несутся вслед за ними роем кусающих пчел или оводов; таковы греческие мифы о корове Ио и стадах Геркулеса, беснующихся от оводов, посланных Героем. В наших сказках герой, поступающий на службу к бабе-яге, должен стеречь ее буйных кобылиц, которые всякий раз разбегаются от него в разные стороны; но ему помогают пчелы, они пускаются в погоню за кобылицами, жальят их и к назначенному сроку пригоняют домой. Так как мрак 'ночной отождествлялся с темными тучами, а в блистающих звездах видели молниеносных карликов, то естественно было возникнуть представлению звездного неба — роем золотых пчел, посылающих на землю медовую росу. Греки даже в позднейшее историческое время думали, что мед происходит от небесных звезд, а пчелы собирают с цветов только воск. Дающие мед звезды, очевидно, соответствуют тем небесным пчелам, которые приносили мед для Зевса-ребенка. Подобно эльфам, живущим под властью короля или ко-

ролевы, у пчел есть своя царица, а по отношению к звездам эту роль возлагает миф на луну; как эльфы, так и звезды на небе водят хороводы. Пчела почитается священным насекомым — «божа пташка»; по выражению украинцев, Илья-пророк ни за что не ударит громом в улей, хотя бы скрылся за ним нечистый дух (огненный змей); кого ужалит пчела, тот, по мнению народа, грешный человек; рой пчелиный, залетевший на чужой двор, сулит хозяину дома счастье; даже гнездо ос, если заведется под полом избы, принимается за добрую примету, и поселяне не решаются истребить его, чтобы не накликать беды...

Не менее важны баснословные сказания, соединяемые с *медведем*. Животное это, известное своею любовью к меду, попало в путаницу мифических представлений и принято за символический образ бога-громовника, разбивающего облачные ульи и пожирающего скрытый в них мед (дождь). Любовь к меду составляет такой существенный, характеристический признак этого зверя, что самое имя, данное ему славяно-литовским племенем, означает *животное, поедающее мед*... У древних германцев медведь почитался царем зверей; в дни зимнего солнечного поворота, когда бог-громовник снова возжигает погашенный демонами светильник солнца, было совершаемо обрядовое шествие, символически выражавшее выступление Доннара на этот подвиг: выезжал всадник на белом коне, а в товарищи ему давался *кузнец с большим молотом*, обвитым гороховою соломой (иногда молоток заменялся *трещоткою*), или *медведь*, которого представлял кто-нибудь из местных жителей, также убранный в гороховую солому. У славян также существовал обычай во-

дить *медведя* одного или с *козою*; в XVI и XVII столетиях на Руси, вместе с другими суеверными обрядами, правительство и духовенство запрещало и водить медведя. Крестьяне говорят, что в день соловороты (12 декабря) медведь *поворачивается* в своей берлоге с одного бока на другой и что с этого времени зима начинает ходить в *медвежьей шкуре*. Финны приписывают медведю человеческий разум и, преследуя этого зверя на охоте, поют песню, в которой извиняются перед ним в своей жестокости.

Как представитель громовника, медведь играет видную роль в народном эпосе. Так, в одной русской сказке медведь приходит ночевать к девице, оставленной в лесной избушке, заставляет ее готовить себе ужин и стлать постель; ужин она приготовляет, влезая к нему в правое ухо и вылезая в левое — точно так же, как делают богатыри с своим чудесным конем — тучею; потом стелит ему ложе: ряд поленьев да ряд каменьев, ступу в голова, а жернов вместо покрывала. Медведь ложится и велит девице бегать по избушке да бренчать ключами или звенеть колокольчиком, а сам бросает в нее ступу, жернов и камни, убивает насмерть и высасывает из нее кровь. Девица не отличалась добротой, и сказка выставляет ее смерть возмездием за злой характер. Добрую же девицу медведь награждает стадом коней, возом добра или ключами, у которых чего ни попроси — все дадут. Смысл сказки ясен, если разоблачить старинные метафоры: медведь-громовник убивает облачную нимфу *ступою*, *жерновом* и *камнями* — эмблемами грозы и высасывает из нее кровь, т. е. дождь; звон и бряцание — громовые раскаты, а чудесные ключики — ключ — молния, отпирающая тучи

и дающая земле дожди, а с ними плодородие и богатство. Высасывание крови тесно слилось с древнейшими представлениями грозовых духов и породило общераспространенное верование в упырей. В другой сказке выводится *царь-медведь* или *медведь — железная шерсть*, который приходит в некое государство, поедает весь народ и гонится за юным царевичем и его прекрасною сестрою. Они спасаются бегством: сокол или ворон и орел несут их на своих крыльях по поднебесью, выше дерева стоячего, ниже облака ходячего, но медведь *опалает* птицам крылья и заставляет опустить беглецов; не помогает царевичу с царевною и быстрый, легконогий конь; избавителем их является бычок-дристунок, который залепляет медведю глаза своим пометом. Это — поэтическая картина грозы, в шуме которой гонится бог-громовник, как хищный зверь, за летучими облаками, олицетворяемыми в образе птиц, коня и быка, и пожигает их молниями — до тех пор, пока пролившийся дождь не погасит наконец возженного им пламени или, выражаясь метафорически: пока помет облачного быка не залепит молниеносных взоров громовника. Фантазия допускает и смешение звериных форм с человеческими; в народных сказках Перун выступает иногда в виде богатыря Ивана Медведка: по пояс он человек, а нижняя половина — медвежья. Медведко знаменит теми же буйными выходками, какие финская Калевала приписывает великану Кулерво, состоящему в услугах у бога-кузнеца Ильмаринена, и совершает те же самые подвиги, что и могучий Балда (*молот*), побеждающий черта во всех трудных состязаниях. В другом разряде сказок богатырь Медведко является наряду с великанами, олицетворяющими собой

различные явления небесной грозы, переставляет с места на место высокие горы (тучи), сразу выпивает целое море (проливает дождь) и вообще совершает такие подвиги, перед которыми сознают свое бессилие его товарищи, разбивающие скалы и вырывающие с корнем столетние дубы. В сербских приповедках богатырь этот представляется в столкновении со страшными великанами туч.

Мифическим значением медведя объясняются некоторые народные приметы и суеверия: перебежит ли дорогу медведь — это знак удачи; в море не должно поминать *медведя*, не то *подымет*ся *буря*: такова примета астраханских промышленников. По указанию Эдды, видеть медведя во сне предвещает *ветер* и *непогоду* — явления, обыкновенно сопровождающие грозу. Для лучшего успеха в промысле охотник, застрелив медведя, моет свое ружье в его крови; медвежья кровь имеет здесь то же символическое значение, что и кровь ворона, приносителя живой воды, а кровью этой птицы смачивают дуло ружья, чтобы оно не давало промахов, как не дает промахов молниеносная стрела Перунова, омытая в дождевой воде. Чтобы усмирить лихого домового и отвратить зловредное влияние нечистой силы, крестьяне просят медвежьего поводыльщика обвести зверя кругом двора или берут медвежьей шерсти и окуривают ею дом и хлевы, с приличными заклинаниями; чтоб водилась скотина, употребляют то же средство, а на конюшню вешают медвежью голову, с полным убеждением, что это защитит лошадей от проказ домового. Лихорадку лечат так: кладут больного лицом к земле и заставляют медведя перейти через него, и притом так, чтобы зверь непременно коснулся его спины своею лапою. В Томской губ.

от ломоты в ногах мажут их медвежьим салом. Немцы приписывают медведю силу отстранять от домашней скотины злое колдовство ведьм. В статье о суевериях, внесенной в сборник прошлого столетия, говорится о следующем гадании: «И чреваты жены медведю хлеб дают из руки, да рыкнет — девица будет, а молчит — отрок будет».

Если мы теперь припомним те метафоры, которые исстари усвоились различным проявлениям грозы, то увидим, что древние племена, следуя необоримым внушениям родного языка, необходимо должны были, во-первых, соединить с бессмертным напитком богов представление высшей мудрости, провидения и поэтического вдохновения и, во-вторых, на слово человеческое, поэзию, музыку и пение перенести понятие о могучей, чародейной силе, которой ничто не в состоянии противиться. В небесном своде первобытный народ созерцал череп вселенского, божественного великана, а в облаках — его мозг; потому те же способности ума, сметливости, хитрости, которые приписываются мозгу, — невольно, независимо от человеческого сознания — были усвоены и облакам, и проливаемому ими дождю. «Наши помыслы от облац небесных» — по выражению стиха о Голубиной книге. Дождь, как живая вода, дающая молодость, бодрость и самую жизнь — *душу*, должен был получить значение напитка, наделяющего всеми душевными дарованиями, и притом во всей свежести их юного, возбужденного состояния. Те же высокие дары сочетались и с понятием о вихрях и ветрах, приносящих дождевые облака, и свидетельства языка указывают на совершенное отождествление души человеческой с веющим ветром: *душа* и *дух* — ветер, а также: мужест-

во бодрость, сила ума («Смелый дух», «великий дух»). Самым могучим и высочайшим божеством скандинавской мифологии был Один или Вуотан; как представитель небесных гроз, он является в шуме бури, во главе неистового воинства, и в то же время властвует над водами (т. е. дождевыми тучами), почему древние писатели сравнивали его с Нептуном⁸... В дуновении ветров признавали язычники *дыхание* небесного владыки, в вое бури, свисте вихрей и шуме падающего дождя слышали его дивную *песню*, а в громах — его торжественные *глаголы*; выступая в весенних грозах, он вызывал природу к новой жизни, будил ее от зимней смерти своей могучею *песнею*, вновь творил ее своим *вещим* словом...

Если, с одной стороны, в шуме ветров и раскатах грома чудились древнему человеку звуки божественных глаголов, то, с другой стороны, он собственный свой говор обозначал выражениями, близкими к картинным описаниям грозы. Слово человеческое вылетает из-за городьбы зубов, как быстрая *птичка*, и уязвляет ненавистных врагов, как острая *стрела*; почему Гомер дает ему эпитет *крылатого*. Оно льется, как водный поток, и блестит, как небесный свет: *речь* и *река* происходят от одного корня; мы говорим: *течение* речи, *плавная* (от глагола *плыть*) *речь*; русское *баять* имеет при себе в прочих индоевропейских языках родственные слова с значением света; припомним выражения: *красно* говорить, *красная* *речь*. Под влиянием таких воззрений слову человеческому была присвоена та же всемогущая сила, какою обладают сближаемые с ним божественные стихии. И это до очевидности засвидетельствовано и преданиями, и языком, который понятия: говорить,

мыслить, думать, ведать, петь, чародействовать, заклинать и лечить (прогонять нечистую силу болезней вещим словом и чарами) обозначает речениями лингвистически тождественными.

В малороссийском наречии *гадать* — думать; в старинном толковнике неудобь-познаваемым речам *гадание* объясняется: «съкръвен глагол» — сокровенное, таинственное изречение, *загадка* и вместе ворожба; *гадать* — ворожить.

Бая(и)ть — говорить, рассказывать, *байка* — сказка, *баюн (баюкон)* — говорун, сказочник, *краснобай, прибаутка, баюкать (байкать)* — укачивать ребенка под песню, *обаять (обаить, обаивать)* — обольстить, обворожить; старин. *обавник (обаянник)* — чародей, напускатель «обаяния»... Этими выражениями объясняется и *боян* «Слова о полку Игореве» — певец, чародей. От глагола *ба-ять* происходит *балий*, слово, объясняемое в «Азбуковнике»: чаровник, ворожея...

Слова *вещать* и *ведать (ведети)* одного происхождения, что доселе очевидно из сложных: *по-ведать, по-вещать, по-вестить*, имеющих тождественное значение. Если станем рассматривать слова, образовавшиеся у славян от корня *вед (вет, вит, вещь)*, то увидим, что они заключают в себе понятия предвидения, прорицаний, сверхъестественного знания, волшебства, врачевания и суда — понятия, тесная связь которых объясняется из древнейших представлений арийского племени. *Вече (вечать вместо вещать)* — народное собрание, суд; *вещба* употреблялось не только в смысле чарования и поэзии, но имело еще юридический смысл... Старонемецкий язык называет судей и поэтов одними именами *творцов, изобретателей*, что напоминает наше выражение: *творить*

суд и правду. Ведун и ведьма имеют еще другую форму: *вещун* и *вещунья* (*вещица*) — колдун и колдунья — и таким образом являются однозначительными со словами *пророк* и *прорицатель* (от *реку*); *пред-вещать* — предсказывать, *вития* (ведий), *вещий* — мудрый, проницательный, хитрый, знающий чары. У Всеслава, рожденного от волхования и обращавшегося в различных животных, *вещая* душа была в теле. Летописец, рассказывая, что великий князь Олег прозван был *вещим*, прибавляет: «Бяху бо людие погани и невеголоси»: и поганый, и невеглас употреблялись старинными памятниками для обозначения всего языческого, непросвященного христианством; ясно, что слово «вещий» имело в язычестве религиозный смысл. Этим эпитетом наделен в «Слове о полку Игореве» певец Боян; персты его также названы *вещими*: «своя вещь персты на живая струны вскладаше; они же сами князем славу рокотаху»; дивная песнь его носилась соловьем в дубравах, сизым орлом под облаками и серым волком по земле, т. е. представлялась в тех же метафорических образах, в каких изображалось небесное пение, заводимое бурными, грозowymi тучами. Птицы и животные, давшие свои образы для олицетворения ветров, грома и туч, удерживают в народном эпосе название *вещих*: вещий конь-бурка, вещий ворон, зло-вещий филин и проч. По прямым указаниям «Слова о полку Игореве», Боян был певец, слагатель песен и вместе музыкант, подобно позднейшим бандуристам, кобзарям и гусярам, которые ходили по селам и на торжищах и праздничных играх распевали народные думы под звуки музыкального инструмента. Таким образом, с понятием слова челове-

ческого нераздельны представления поэзии, пения и музыки, которым древность придавала могучее, чародейное значение. То же подтверждается и другими свидетельствами языка...

Славянское *гусла* первоначально означало песнь — от *гуду*, откуда и гусли, звуки которых сопровождают пение; а потом перешло в понятие волшебства...

Со словом *баять* сочеталось понятие лечения... Народное врачеванье издревле и доныне совершается через заговоры и нашептывания; греки, по свидетельству Гомера, лечили заговорами; песням и музыке славянское поверье приписывает целебные свойства от телесных и душевных недугов. Ипатьевская летопись упоминает о *гудце*, который мог привораживать зельем (*озелить* — околдовать) и песнями. В Патерике Печерском⁹ читаем: «И много от врачей, волхвов же помощи искаше». То же сопоставление встречаем в старинной песне, где жена, притворяясь больною, посылает своего мужа: «Ты поди дохтуров добывай, волхвито спрашивати». Муж приводит к ней скоморохов.

Оговорить — напустить на кого-нибудь болезнь недобрыми или не в пору сказанными словами; *оговор* — напущенная болезнь, *заговор* — заклятие. Точно так же от глагола *реку* (*речь*): *речить* — заговаривать, колдовать и сложные с предлогами: *воречье* — заговариванье, нашептыванье, *уреки, уроки, сурок* (*осурочить, изурочить*) — сглаз, насланная болезнь, *врѣк* — болезнь, несчастье, приключившееся человеку или скотине от чужих слов, от недоброй похвалы. В Архангельской губ. о недуге, происшедшем от неизвестной причины, говорят: *уроки взяли*; тот же смысл

соединяют и со словом *нарок*, как видно из клятвы: «Нарок бы ты изнырял!» От того же корня: *пророк* и *рок*, речения, связывающие со словом человеческим силу предвещаний и могущество всере-шающей *Судьбы* (*суда божьего*); сравни: *осуда* — сглаживанье, *осудить* — сглазить. *Оголиць* (*оголосить*) — наслать болезнь оговором или сглазом; от *зыкать*, *зычать* (звучать) происходят: *озык* — сглаживанье, *озычать* — сглазить, равно как *озёва* — порча, *озевать* — испортить от *зеврот* (*зевать* — раскрывать рот и шуметь, кричать); *озён* — болезнь с испугу или сглазу, *озёпать* — сглазить от *зепать* — кричать. В других языках замечаем подобный же переход от понятий говора и пения к колдовству и очарованию... Слово «чара» употребляется в следующих значениях: волшебное средство, лекарство, отравя (злое зелье), предвещание. Этих данных достаточно, чтобы понять, почему духовенство наше в числе других суеверий восставало и против народной поэзии: «Многие человецы неразумьем веруют в сон и в встречу, и в полоз, и в птичий гай, и загадки загадывают и сказки сказывают небылые, и празднословием и смехотворием души свои губят».

В самую раннюю эпоху слово, как выражение духовных стремлений человека, как хранилище его наблюдений и познаний о силах обоготворенной природы и как средство для сообщения с богами, резко отделилось от ежедневного обиходного разговора эпическим тоном и стихотворным размером. Священное значение речи, обращенной к божеству или поведающей его волю, требовало выражения торжественного, стройного; сверх того, все народы на первоначальных ступенях развития любят песенный склад,

который звучнее, приятнее говорит уху и легче напечатлевается в памяти. Первые молитвы (*молить — молыти, молвити*) народа были и первыми его песнопениями; они являлись плодом того сильного поэтического одушевления, какое условливалось и близостью человека к природе, и воззрением на нее, как на существо живое, и яркостью первичных впечатлений ума, и творческою силою древнейшего языка, обозначавшего все в пластичных, живописующих образах. От священных гимнов Вед веет истинным, неподдельным духом поэзии; заговоры наши также исполнены мастерскими описаниями природы, в них замечается метр и подчас народная рифма; то же должно сказать и о других произведениях народной фантазии, доселе живущих в устах поселян. Издревле поэзия признавалась за некое священнодействие; поэты были провозвестниками божественной воли, людьми вещими, одаренными высшею мудростью, чародеями и жрецами. Вдохновение ниспосылалось богами; они поили своих избранников сладким напитком знания и гармонии, внушали им обаятельные песни, и обращение Гомера к музе далеко не было риторическою фразою — вроде тех, которыми скрашивались тяжелые оды прошлого столетия, а напротив, вызвано искренним, сердечным верованием. Северные саги предлагают яркие свидетельства о той высокой чести, какая воздавалась некогда скальдам¹⁰...

Поэтические выражения, вызванные однажды благоговейным чувством, невольно повторялись потом во всех подобных случаях, так как мысль высказывалась ими в такой меткой, картинной и общедоступной форме, что не требовалось ни

переделок, ни пояснений; мало-помалу выражения эти становились как бы техническими и получали постоянный, не изменяемый личным произволом характер. Но как вещее слово поэтов (язык богов), по мнению древнего народа, заключало в себе сверхъестественные, чародейные свойства, то молитва-мантра¹¹ еще в эпоху Вед переходит в *заклятие* или *заговор*, т. е. в такое могучее, исполненное неотразимой силы воззвание, которому сами боги не в состоянии воспротивиться и отказать. Вместе с этим рождается убеждение, что заклятие своими заповедными верно произнесенными формулами может творить то же, что творят небесные владыки. С течением времени священные гимны мало-помалу теряют первоначальные черты мантры и не столько прославляют и молят богов, сколько требуют от них (заклинают) исполнить желанное человеку. Вещие жены и знахари позднейшей эпохи, утратив непосредственную связь с языческой стариною, всю сущность дела полагают в могуществе чародейного слова и сопутствующих ему обрядов.

В наших заклятиях (заговорах), несмотря на искажения, каким они должны были подвергаться в течение столь долгих веков, еще теперь можно различить те любопытные черты, которые свидетельствуют, что первоначально это были молитвы, обращенные к стихийным божествам. Древнейшая обстановка, сопровождавшая некогда молитвенное возношение, отчасти и до сих пор считается необходимым условием силы заговора, отчасти оставленная — из обряда перешла в формулу. Некоторые заговоры, прежде самого заклинания или мольбы, предлагают описание тех обрядовых подробностей, с какими

в древности надо было приступать к этому священному делу: «Вставала я, раба божия, в красную утреннюю зорю (или: раным-рано, светлым-светло), умывалась ключевой водою (или: утренней росой), утиралась белым платом, пошла из дверей в двери, из ворот в ворота — в чистое поле. В чистом поле охорошилась, на все четыре стороны поклонилась...» Или: «Встану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду я в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом». По этим указаниям, надо было вставать рано, на утренней заре, выходить в открытое поле, «глядючи на восток красного солнышка», умываться росой или свежей ключевой водою — символом небесного дождя, дарующего обилие и счастье, и кланяться на четыре стороны. «Кланяться», «бить челом» было древнейшею формою, в которой человек выражал свою покорность перед богами, благоговейное *поклонение* им; обращение к востоку — туда, где восходит верховное божество света — ясное солнце, прогоняющее нечистую силу мрака и оживляющее пробужденную природу, исстари было соблюдается при молитвенных возношениях у всех народов; обычай требует строить храмы на восток... Герои народного эпоса молятся на восток:

Он молодец ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток он богу молится.

Поморцы до сих пор обращаются со своею молитвою к востоку; но не только они, так же поступают простолюдины и в других местностях Рос-

сии. У чехов в некоторых случаях от лиц, дававших присягу, требовалось, чтобы они становились лицом на восток — против утреннего солнца. По русскому поверью, испорченные и больные могут ожидать помощи не иначе, как с той стороны, откуда восходит красное солнышко: там сокрыта сила могучая, которая может противостоять всякой порче. Поэтому думают, что заговор действует целебно только тогда, когда произносится *натощак*, т. е. ранним утром. Кроме восходящего солнца, древнеязыческие мольбы были воссылаемы и к ночным светилам — луне и звездам, и, разумеется, по времени совершения они совпадали с появлением этих светил на небе. Увидя в первый раз молодой месяц, поселяне крестятся и говорят: «Молодой месяц! дай тебе господь круты рога, а мне добро здоровье» или: «Батюшка светёл месяц! золоты рога тебе на стоянье, а мне на здоровье», т. е. да прибывает мое здоровье так же, как будет прибывать, увеличиваться молодой месяц. Самый закат солнца вызывал человека к торжественному заявлению возбужденных в нем чувств; он молил потухающее светило не покидать его навсегда, прогнать демона ночи и даровать наутро благодатный день: с такою наивною детскою мольбою, засвидетельствованною гимнами Вед, он, конечно, должен был обращаться к западу — туда, где садилось солнце. Молитвы, следовательно, возглашались и при вечерней заре и ночью при восходе солнца и возжигании блестящих звезд, причем, следуя старинному обряду, умывались вечерней росой; тем не менее преимущественно они совершались поутру и на восток, ибо с этим временем и с этою стороною соединялась мысль о воскресающем царе вселенной, о

возрождающейся жизни и вместе с тем о благих дарах, ниспосылаемых богами смертным. Заговоры произносились громким, зычным голосом*, и доселе большая часть их состоит из молитвенных обращений к небу, светилам, заре, грому, ветрам и другим стихийным божествам. Славянин призывал Сварога, его детей и внуков: «Ты, Небо, слышишь! ты, Небо, видишь!.. Звезды вы ясные! сойдите в чашу брачную, а в моей чаше вода из загорного студенца; Месяц ты красный! сойди в мою клеть... Солнышко ты привольное! взойди на мой двор (т. е. пошлите на мой дом и двор счастье, освятите своим светом брачную чашу) »... «Гой еси, Солнце жаркое! не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой, а жги и пали куколь и полынь-траву», «Гой еси ты, Заря Утренняя, и ты, Заря Вечерняя! пади ты на мою рожь, чтоб она росла — как лес высока, как дуб толста»... Поэтические обращения Ярославны к солнцу, ветрам и Днепру представляют прекрасный пример старинного заклятия. Прибегая к обожествленным светилам и стихиям, испрашивая у них даров счастья и защиты от всяких бед, древний человек отдавал себя под их священный покров, что выражается в заговорах следующими формулами: «Пойду я в чистое поле — под красное солнце, под светёл месяц, под чистые звезды, под полётные облака; стану я, раб божий, в чистом поле на ровное место, что на престол господя моего, облаками облачуся, небесами покроюся, на главу свою кладу красное

---

* Нашептывание заговоров явилось, вероятно, позднее, когда в них стали видеть таинственное, заповедное знание, которое должно быть скрываемо от всех непосвященных.

солнце, подпояшусь светлыми зорями, обтычуся частыми звездами, что острыми стрелами — от всякого злого недуга» или: «Умываюсь росой, утираюсь (т. е. осушусь) солнцем, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами». Сила заговора основывается иногда на выражении, что заявляемое человеком желание исходит не от него лично, а от признанных им богов; так, в заклятии, произносимом с целью, чтобы пчелиный рой не разлетался из назначенного ему улья, говорится: «Беру я пчелу, сажаю в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают (укрощают)». В эпоху христианскую эти древнейшие воззвания к стихийным божествам подновляются подставкою имен спасителя, богородицы, апостолов и разных угодников; в народные заговоры проникает примесь воззрений, принадлежащих новому вероучению, и сливается воедино с языческими представлениями о могучих силах природы: Христос — «праведное солнце» отождествляется с божеством дневного света, Пречистая Дева — с красною Зарю, Илья-пророк, Николай-угодник и Георгий-победоносец заступают место Перуна; те и другие святые, получившие в свое заведывание различные промыслы и хозяйственные заботы, призывают в заговорах, смотря по тому, с какою именно целью творится заклятие. Как ни странны, как ни дики кажутся подобные смещения, как ни много искажено и затемнено ими старинных преданий, они важны тем, что ярко свидетельствуют за древнерелигиозный характер народных заговоров. Многие заговоры до такой степени были подновлены, что вошли в состав требников¹² (сербских и русских) XV — XVII столе-

тий под именем *молитв*. Знахари нередко соединяют произнесение заговоров с христианскими молитвами...

Когда древние молебные воззвания перешли в заклятия, чародейная сила их была признана именно за тем поэтическим словом, за теми пластическими выражениями, которые исстари почитались за внушение самих богов, за их священное откровение вещим избранникам: прорицателям и поэтам. Заговоры обыкновенно заканчиваются этими формулами: «Слово мое крепко!», «Слово мое не пройдет вовек», «Будьте мои слова крепки и лепки, тверже камня, лепче клею и серы, сольчей соли, вострей меча-самосека, крепче булата; что задумано, то исполнится!», «Сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается и укрепляется и замыкается... и ничем — ни воздухом, ни бурей, ни водою дело сие не отмыкается». Старинная метафора уподобила губы и зубы замку, а язык — ключу на том основании, что тайная мысль человека до тех пор сокрыта, заперта, пока не будет высказана языком; язык, следовательно, — ключ, отпирающий тайник души человеческой. По народной пословице: «Губы да зубы — два запора». Метафора эта нашла для себя знаменательное применение в заговорах; чтобы указать на крепость, нерушимость их заповедного слова, употребляются следующие выражения: «Голова моя — коробя, а язык — замок», «Тем моим словам губы да зубы — замок, язык мой — ключ; и брошу я ключ в море, останься замок в роте» или: «Мои уста — замок, мой язык — ключ: ключом замкну, ключом запру, замок в море спущу, а ключ на небеса заброшу», «Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-го-

рюч камень-алатырь; а как у замков смычи крепки, так мои словеса метки», «Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине — на рыбе-ките, и никому эту кит-рыбу не добыть и замок не отпереть, кроме меня; а кто эту рыбу добудет и замок мой отопрет, да будет яко древо, палимое молнией», «Замкну аз за тридевять замков, выну из тридевять замков тридевять ключей, кину те ключи в чистое море-океан; и выйдет из того моря щука златоперая, чешуя медная, и проглотит тридевять моих ключей, и сойдет в глубину морскую. И никому той щуки не поймать, и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирать, и меня, раба божьего, не испортить». Эти выражения дают заклятию силу великую; преодолеть ее, уничтожить заклятие так же трудно и невозможно, как отпереть замок, ключ от которого закинут в море, или отпереть замок, заброшенный в океан, ключом, закинутым в небеса: «Ключ в небе, замок в море!» Если мы прибавим, что та метафора ключа употреблялась для означения молнии, отпирающей облачные скалы (камень-алатырь), что ходячие по небу тучи уподоблялись рыбам, плавающим в воздушном океан-море, то поймем всю мистическую важность указанных изречений. Как язык есть ключ к тайнам души, так молния — огненный язык бога-громовника — есть ключ, с помощью которого отмыкаются уста Перуновы и раздается его громовое слово. Таким образом на освящение и утверждение заклятия призывался громовник; скрепленный его небесным ключом, заговор получал неодолимую твердость: «Мой заговор крепок, как камень-алатырь!», «Кто камень-алатырь изложет, тот мой заговор превозможет!» или: «Тем моим сло-

вам небо — ключ, земля — замок отныне и до веку!», т. е. одна только божественная сила, которая может изгрызть облачную скалу и которая весной отпирает недра земли, замкнутые зимним холодом, — сила неба с его весенними грозами в состоянии превозмочь заговор.

Могущество заговорного слова безгранично: оно может управлять стихиями, вызывать громы, бурю, дожди, град и задерживать их, творить урожаи и бесплодие, умножать богатство, плодить стада и истреблять их чумною заразою, даровать человеку счастье, здоровье, успех в промыслах и подвергать его бедствиям, прогонять от хвораго болезни и насылать их на здорового, зажигать в сердце девицы и юноши любовь или охлаждать пыл взаимной страсти, пробуждать в судьях и начальниках чувства милосердия, кротости или ожесточения и злобы, давать оружию меткость и делать воина неуязвимым ни пулями, ни стрелами, ни мечом, заживлять раны, останавливать кровь, превращать людей в животных, деревья и камни, короче сказать: слово это может творить чудеса, подчиняя воле заклинателя благотворные и зловредные влияния всей обожествленной природы. С некоторыми апокрифическими молитвами народ соединяет такую же чародейную силу; таков, например, «Сон богородицы», о котором старинные грамотники утверждали, что тот, кто его читает или при себе носит, будет жить во всяком благополучии, телесном здравии, изобилии, мире и тишине, в судах и у начальства будет в милости и заступлении, в пути — безопасен от злых людей, в лесу — от зверя и гадов, на воде — от потопления, в бою — от оружия; по словам народного стиха:

Кто эту молитву знает,
Трижды в день читает,
Спасен бывает:
От воды и от потопу,
От огня — от пламя,
От лихого человека,
От напрасной смерти.

То же могущество приписывает Эдда песням Одина. «Я знаю, — говорит он, — песню, которая помогает в битвах, ссорах и во всех заботах; знаю и другую, которая необходима для всех, как целебное лекарство от болезней; знаю я третью песню, которая налагает оковы на моих врагов, притупляет острие их оружия и делает меня недоступным ранам; знаю четвертую: если бы враг меня одолел и наложил узы на мои члены, то как скоро раздастся моя песня — я свободен, с ног падают цепи, с рук — колодки; знаю я пятую песню: летит стрела, направленная на рать, и как бы скоро она ни летела — я могу ее остановить в один миг» и т. д. Руны и чародейные песни, по германским преданиям, всесильны: они могут и умертвить, и охранить от смерти, и даже воскресить, делать больными и здоровыми, заживлять раны, останавливать кровь, наводить сон, гасить пламя пожара, смирять ветры и взволнованное море, насылать бури, дождь и град, разрывать цепи, ломать запоры и скреплять наложенные узы, разверзать и вновь запирать горы, доставать из недр земных сокровища, делать оружие крепким и слабым, наводить и изгонять злых духов, связывать уста зверей, руки и ноги воров, вызывать из могил мертвых, вправлять вывихи — все это не более как метафорические выражения, издревле служившие для обозначения небесных явлений, но впоследствии понятые буквально и примененные к обык-

новенному быту человека. Как вой зимних вьюг мертвит и усыпляет природу и как оживляют-пробуждают ее звуки весенней грозы, так ту же силу получила и человеческая песня; как шумная гроза проливает кровь-дождь и как вихри, рассекая облака, останавливают дождевые потоки, так и вещее слово может то растравлять раны, то заживлять их и останавливать текущую кровь; «потушить пожар» значит: погасить пламя грозы в дождевых ливнях; «разорвать цепи» и «отворить крепкие запоры» — разбить те оковы, которые налагает суровое дыхание зимы на тучи, воды и землю; «отпирать горы и добывать клады» — отпирать облачные скалы ключом-молнией и выводить из-за них золотое сокровище солнечных лучей; «вызывать мертвецов» — пробуждать грозных духов, спящих во время зимы мертвым сном в гробах — тучах. Представление туч демонами, дождевых облаков дойными коровами и другими животными, молний оружием, грозы битвою и любовным союзом, дождя всеоживляющею водою породило убеждение, что вещее слово может распоряжаться нечистою силою, умножать стада, управлять битвами, возбуждать любовь или ненависть, исцелять от болезней и насылать недуги — *поветрие!* Уподобление, аналогия играют поэтому в заговорах самую широкую роль; в наиболее загадочных и наиболее богатых мифическими чертами заговорах проводится параллель между небесными явлениями природы и теми нуждами заклинателя, которые заставляют его прибегать к вещему слову: как потухает кровавая заря на небе, так да остановится льющаяся из раны кровь; как не могут устоять демоны против громовых стрел и палицы Перуна, так да бежит неприятель

от оружия ратника и т. д. Хотя в настоящее время параллель эта не везде осязательна и иные заклания, по-видимому, не имеют никакого отношения к стихийным божествам, но это, во-первых, потому, что мы утратили понимание старинного метафорического языка и за общепринятым значением слов не создаем их переносного смысла, а во-вторых, потому, что самые заговоры донеслись до нас значительно искаженными и нередко в жалких, искалеченных обломках. От зубной боли, например, читают следующий заговор: «Ты, Мисяцю молодый! пытай ты мертвых и живых: у мертвого зубы не болят? — у мертвого зубы нико-лы не болят, косты задубилы, зубы занимилы... Даруй, господи, щоб у меня, роба божого, зубы занимилы, нико-лы не болилы». Другое средство лечить зубы состоит в том, что больной должен кусать *церковную паперть* с тоекратным произнесением заклания: «Как камень сей крепок, так закаменей и мои зубы — крепче камня!» Желание заклинателя понятно: он требует, чтобы занемели его зубы, чтобы замерла в них боль и были бы они крепки и нечувствительны, как камень; но сила заговорного слова в первом случае скрепляется обращением к Месяцу, который, как светило ночи признавался за божество, озаряющее мир загробный (ночь и смерть — понятия, постоянно отождествляемые), а во втором — обращением к камню, как символу Перунова молота, т. е. молнии, которая, сверх того, уподоблялась и крепкому, ничем не сокрушимо-му зубу.

Для того чтобы заклание достигало своей цели, признавалось необходимым точное, верное знание его вещей формул; как скоро формулы эти позабыты или извращены, заклание не в силах помочь

ни смертным, ни богам. В битве Тора с великаном Грунгниром, по рассказу Младшей Эдды¹³, камень, брошенный этим последним, вонзается в голову бога. На помощь ему призывается вещая Гроа; она готова петь чародейные песни на исцеление Тора, но требует, чтобы он возвратил ей прежде мужа, смелого Орвандилля, из царства великанов; Тор исполняет условие, но Гроа так обрадовалась возврату своего мужа, что перезабыла вещие слова, и осколок камня остался навсегда в голове громовника. В Калевале повествуется, что Вейнемейнен, делая ладью (корабль — туча), ранил себя в ногу, и кровь (дождь) побежала рекою; он начинает заговаривать кровь, но на беду не мог припомнить тех *крепких* слов, которые, словно ключом, запирают глубокие раны, и затопляют своею кровью всю страну; наконец, после долгих поисков, он находит старого колдуна, который и помогает ему своим пением.

Итак, по глубокому убеждению первобытных племен, слово человеческое обладало чародейною силою: на этой основе возросло верование, доселе живущее у всех индоевропейских народов, что слово доброго пожелания и приветствий (*здравииц*, т. е. пожеланий здоровья при встрече и на пиру при «заздравных» кубках) призывает на того, кому оно высказывается, счастье, довольство, крепость тела и успех в делах; наоборот, слово проклятия или злого пожелания влечет за собою гибель, болезни и разные беды. Песня, пропетая при святочном гадании и предвещающая добро или зло, непременно исполнится: «Сбудется — не минуется!» *Благословение* есть доброе, *благое слово*, точно так же, как проклятие — злое, *недоброе слово*; даже похвала, если она высказана

неискренно, с дурным чувством зависти, тайной злобы и худого желания, может *изурочить* человека, почему матери, слыша похвалы своим детям от посторонних, обыкновенно сплевывают для отвращения порчи. По ирландскому поверью, выговоренное проклятие семь лет носится в воздухе и в каждое мгновение может пасть на того, против кого было вымолвлено. У албанцев вера в могущество высказанного желания выразилась в живом олицетворении: мифическое существо Ора странствует по земле, прислушиваясь к мольбам и проклятиям людей, и тотчас же их исполняет, как скоро они дойдут до ее слуха; потому нищие, получив милостыню и высказывая за то своему благотворителю добрые пожелания, заканчивают их так: «Да пройдет здесь Ора и да исполнит все это!» У нас верили в старину, что бывают счастливые и несчастные часы, и доселе существует поговорка: «В добрый час сказать, в худой помолчать»; рассказывая о каком-нибудь несчастье или упоминая о нечистом духе, простолюдины спешат прибавить: «Не тут (не при нас) будь сказано!» Таким образом, верование в могущество слова сливается с верою в Судьбу, которая определяет людские доли, смотря по тому, в какой кто час на свет народился: в счастливый или бесталаный. И на Руси, и у других славян уцелело много старинных клятв, любопытных по своему эпическому складу и указаниям на древние мифические представления, все они состоят в призывании на недруга карающей руки божества, тяжелых болезней и всевозможных бедствий: «О, чтоб тебя язвило! (пятнало или стреляло)», «Благое тебя поберет!» (*благой* — безумный; смысл того: «Чтобы ты с ума сошел!»), «Колом тебя в землю!»

(намек на осиновый кол, которым прибивают умерших колдунов и ведьм). Из славянских племен всех богаче и здравицами, и клятвами сербы. В одной сербской песне о Марке Кралевиче рассказывается, как однажды красная девица — туркиня вытащила из воды раненого юношу и позвала брата на помощь, а брат, позарившись на чудесную саблю, убил несчастного витязя и завладел его одеждой и оружием. Возмущенная таким черным делом, девица произносит на брата проклятие: «Брат, бог да накажет тебя! за что загубил моего побратима? на что ты, безумный, польстился? На одну кованую саблю; дал бы бог, чтоб она отсекла твою голову!» И проклятие исполняется буквально; Марко Кралевич встречается турка, любит саблю, спрашивает, как и откуда он добыл ее, и, выслушав рассказ, тою же саблею отсекает ему голову. Особенно спасительно родительское благословение и особенно страшна родительская клятва, по самой важности отцовской и материнской власти, которая так слепо и непритворно уважалась в патриархальном быту. В казачьих песнях с твердостью неоспоримой истины высказано:

Як не будем отцю й матери правды казати,

То буде нас отцевська й материнська молитва карати!

Этой каре приписывают казаки и бурю на море, и неудачную битву с турками, припоминая, что при отъезде своем из дому они не взяли опрощенья ни с отцом, ни с матерью и, следовательно, не получили их напутственного благословения. В малорусских песнях не раз жалуется девица на свое горькое житье, которое выпало ей на долю, потому что недобрая мать кляла ее в детстве...

Злое, неосторожно сказанное в сердцах слово, хотя бы без всякого желания, чтоб оно сбылось, по народному поверью, никогда не остается без худых последствий. «Чтобы тебя буйным ветром унесло!» — говорит в сказке красная девица, не добудившись своего милого, — и в ту же минуту подхватило его вихрем и унесло далеко-далеко в безвестные страны. Если отец или мать скажет своему детищу, особенно в недобрый час, нехорошее слово: «Черт бы тебя брал!.. изыми тя!.. унеси тя!» — быть ребенку между *заклятыми*, т. е. попасть в число тех, которые унесены нечистою силою. В народе нашем ходит множество рассказов о том, как пропадали таким образом отверженные дети.

На могущество слова опиралась и древняя, языческая *присяга* (в старинных памятниках *рота* и *клятва*), потому что она состояла в торжественном призывании на свою голову различных казней («божьей кары») — в случае, если произносимый человеком обет будет нарушен или если даваемое им показание ложно. Договор Игоря с греками был скреплен этими словами: «Да не имуть (нарушители мира) помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитаться щиты своими и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружия своего, да будут раби в вьсь век будущий»... Доселе обращающиеся в народе божбы и клятвы указывают на то же: «Душа вон!», «Лопни мои глаза (ослепнуть мне!», коли говорю неправду!», «Сейчас сквозь землю провалиться!», «С места не сойти!»...

ВОДА

ожденосные тучи, посылающие на землю свои благодатные ливни, представлялись первобытному племени ариев *небесными источниками и колодцами*: метафора эта так проста, так естественна, что она невольно возникала в уме и вела к отождествлению блуждающих в поднебесье облаков с земными ключами. Слово *колодец* употребляется в Ведах для обозначения облака. Как вместилища живительного, неиссякаемого дождя, который сколько ни проливается на поля и нивы, но всегда собирается в новых испарениях, облачные источники заключа-

ли в себе бессмертную, всемолодящую влагу (амриту). Вместе с этим скученные массы туч, объемлющих собою весь небесный свод, а потом и самое небо, как широкая, беспредельная арена, по которой они постоянно носятся, приняты были за великое хранилище вод и названы *воздушным* (висящим над головами смертных) океаном. Праотцы индоевропейских народов, за 5 или за 6 тыс. лет до настоящего времени, жили в Центральной Азии между высокою цепью Гималаев и большим средиземным морем (Каспийским, которое в глубочайшей древности распространялось гораздо далее на восток и соединялось с Аральским озером), откуда впоследствии южные отрасли населения двинулись в Индию, а северные потянули на северо-запад по направлению к Малой Азии и Европе. Еще в первоначальной родине своей арии познакомились с кораблестроением и мореплаванием, потому легко могли уподобить небо — морю, а ходячие облака — плавающим по нем кораблям. Представления эти удержались и у славян. Чехи до сих пор туман или мглу около месяца называют *студенцом*. В народных русских заговорах «океан-море» означает небо, что очевидно из той обстановки, в какой употребляется это выражение; так, в одном заговоре читаем: «Посреди океан-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель, со снегами». Украинская загадка выражается о солнце: «Серед моря-моря (неба) стоить червона коморя». Под влиянием означенной метафоры и согласно с тем наглядным впечатлением, по которому небесный свод представляется обнимающим землю, родилось убеждение, что земля «утверждена на водах», что поверхность

ее есть большой круг и что ее со всех сторон обтекает кольцом пространный океан. Так думали в Гомерово время греки, так думали и другие народы. В стихе о Голубиной книге сказано: «Океан-море всем морям мати: окинуло то море весь белый свет, обошло то море окол всей земли, всей подвселенныя». У древних германцев предание это сочеталось с представлением дожденосных туч (облачного неба) в образе чудовищного неба; по свидетельству Эдды, Один бросил великанскую змею, рожденную богом грозового пламени (Локи), и она упала в море и обвила кольцом всю землю, кусая в страшной пасти свой собственный хвост. Когда, по сказанию средневекового памятника, Александр Македонский был поднят грифами в воздушные высоты, то океан-море показалось ему подобным змее, обвивающей собою широкую землю.

Вера в существование «всесветного океана» заставила думать, что заходящее солнце скрывается на ночь в морские воды и совершает в них ежедневное омовение. Такое убеждение разделяли греки, римляне, древние скандинавы, литовцы и славяне; у племен, поселившихся на берегах морей, оно должно было получить всю непреложность истины, потому что постоянное наблюдение говорило им о погружении солнца в морские бездны, точно так же, как для жителей гористых местностей светило это садится за горами, а для обитателей равнин, где дальние леса окаймляют горизонт, оно прячется за лесом. По греческому преданию, Гелиос, после дневного странствования, спускался к западу на усталых, жаждущих успокоения конях в волны того великого океана, что обтекает кругом землю; отсюда же, только с

восточной стороны, выезжал он поутру освещать вселенную. Сходно с этим древнегерманское предание говорит, что ранним утром Один выводит солнце на небо, а ночью вместе с ним погружается в море: там он садится на корабль и плывет в подземное царство. О заходящем солнце в старое время выражались, что оно погружается в море и в его студеной волнах погашает свой полуденный жар. Прибалтийские жители доныне убеждены, что солнце каждый день купается в море и потому поутру восходит такое чистое и светлое; если день бывает пасмурный, они говорят, что солнце мылось лениво.

У славян и литовцев солнце представлялось прекрасною богинею, которая ездила по небесному своду в золотой колеснице; утружденная дневным путешествием, запыленная земным прахом, она вечером погружалась в морскую купальню и поутру снова являлась ясною, светлоликою, исполненною свежих сил. По свидетельству литовской песни, две звезды Денница и Вечерница, отождествляемые в преданиях с утренней и вечерней зорями, прислуживали богине, и Вечерница подавала ей воду для омовения. У малоруссов существует поговорка: «Солнце ся в море купає». В народных русских сказках часто выводится героиней дева Заря или восходящее Солнце; ее называют *Ненаглядной Красотою* или царевною — *золотой косой, непокрытой красой*; она живет в золотом царстве, на конце света белого — там, где ясное солнышко из моря подымается, и сама плавает по морю в серебряной лодочке, гребя золотым веслом. В одной сказке ей придано название *Марьи Моревны*, т. е. дочери моря. Море, из недр которого как бы нарождается восходящее

поутру юное солнце, представляется и у других славян матерью дневного светила; когда ввечеру возвращается оно домой, мать принимает его в свои объятия и успокаивает сном на своих коленях. Про эту сказочную царевну рассказывается у всех индоевропейских народов: в немецких сказках упоминается королева с золотыми косами, обитающая далеко за морем; венгерская сказка говорит о *морской деве*, которая выходит из глубины вод красного моря: *каждое утро купается она в молоке*, и тело ее получает от того такую нежность и прелесть, как будто бы она снова народилась на белый свет. Из одного источника с этими преданиями создались мифы: греческий — о рождении золотой Афродиты (Венеры) *из морской пены* и индийский — о рождении красавицы Лакшми, супруги Вишну, *в волнах млечного моря*. Афродита — собственно богиня утренней зари или восходящего солнца. Но как утреннее солнце, выходя из морских волн, умывается росой, пробуждает сонный мир и блистает на небе своею чудною красотою (розовыми красками зари) и золотыми косами (лучами), так точно весеннее солнце, появляясь из-за туч и туманов, умывается в дождевых ключах, посылает ясные дни и призывает природу к жизни: ради этих аналогических явлений миф о купании солнца в водах всесветного океана сливается со сказанием о купании его в дождевых тучах, и богиня утренней зари становится дочерью облачного моря и получает характер владычицы весенних гроз. Согласно с уподоблением дождевых туч морю, ей дается название *морской* или *водяной царевны*; *молоко*, в котором она купается, есть метафора дождя: вот почему

индийская Лакшми рождается из млечного моря. Афродита же — из морской пены, которая белизною своею напоминает молоко. Богиня эта восстанавливает брачный союз неба с землею, дарует земле силу плодородия, убирает ее в роскошные наряды весны, и потому для греков она была идеалом красоты и любви. По другому поэтическому представлению, восходящее поутру солнце нарождается из недр Ночи, что опять сближается с мифом о рождении весеннего солнца из вод облачного моря; ибо ночная тьма издревле служила метафорическим обозначением для помрачающих небо туч. Солнцева мать, как олицетворение дождевого моря (тучи), является в преданиях с тем же вещим характером, какой обыкновенно придается облачным женам (норнам, паркам, роженицам)...

В прекрасном образе Морской царевны или Царь-девицы народные сказки сочетают представления о богине Заре и богине-громовнице. Далеко — в стране вечного лета, в золотом дворце Царь-девицы, под ее изголовьем — хранится *живая вода*, или, по другому сказанию, вода эта *точится с ее белых рук и ног*; путь в страну Царь-девицы лежит через широкое море (небо), а вход туда сторожит двенадцатиглавый змей, испускающий из своих пастей жгучее пламя (демон-туча, старающийся утаить живую воду дождя). Малорусская сказка передает следующие подробности: юный королевич добывает Морскую царевну; старый король пленяется ею и рад хоть сейчас жениться, но красавица объявляет, что до тех пор не пойдет за него замуж, пока не достанут ей *из моря самогральных гуслей*. По приказу государеву, королевич достал ей самогральные гусли; тогда она сказала королю: «Не возьму с тобой

слюбу — иначе, как с тем уговором, чтобы мой свадебный поезд был виден с моря!» А со стороны моря стояла высокая *каменная гора* и заслоняла собою все дальние виды. Королевичу отдан приказ разбить эту гору, и он исполняет задачу с помощью богатырского *коня* и могучей *рыбы*; конь начал бить гору копытами, а рыба толкать с исподу, и в короткое время сравняли ее с пологим берегом. Затем, по желанию Морской царевны, королевич приводит *морских* (или *вилиных*) *кобыл*, *доит их и кипятит добытое молоко*; в том *молоке купается царица* — и делается еще краше и милее, а король, окунувшись в горячее молоко, немедленно умирает. В словацкой редакции вместо этого сказочный герой должен добыть *живой и мертвой воды* и достает ее с помощью воронов; морская панна заставляет старого короля отрубить доброму молодцу голову и потом оживляет его живою водою, отчего тот становится и сильнее, и красивее. Увлеченный примером, и король подставляет свою голову под острый меч; но морская дева не захотела оживить старика и вышла замуж за доброго молодца. Вот смысл сказки: юный витязь-громовник, чтобы сочетаться с богинею весны, должен наперед овладеть самогральными гуслими, т. е. начать грозовую песню, должен разбить облачные скалы, надоить молока небесных кобылиц, или попросту дождя, вскипятить это молоко в грозовом пламени и омыться в нем вместе с невестою — Солнцем; купаясь в дождевых ливнях, они обретают творческие силы, неувядаемую молодость и несказанную красоту и наделяют ими земную природу, а старый владыка — суровый царь зимы — погибает под ударами громовой палицы. Известен еще другой

малорусский вариант: «сказочный герой Катигорошек разложил на морском берегу много дорогих товаров, в том числе и зеленые черевички; прельстилась этими башмачками *Морская пани*, поднялась из волн, приблизилась к берегу, а добрый молодец изловил ее и привез в свой дом. В угоду красавице он достает *со дна моря, с каменного утеса*, ее заветную скрыню, полную жемчугов и кораллов (летний убор богини, ее блестящие лучи, освобожденные из-за туч и туманов); потом пригоняет ей двенадцать морских кобылиц и жеребца и наконец отправляется за тридесять земель — туда, *где ночует Солнце*, чтобы разведать, отчего оно прежде всходило червонным, а теперь сделалось бледно? Герой пришел до господы (дома), где ночует Солнце, застал Солнцеву мати и пересказал ей, зачем явился; она посадила его под золотое корыто и велела прислушиваться. Когда царь Солнце, обойдя небесный свод, воротился на ночь домой, то мать стала его спрашивать: «Сыне мой! отчего ты прежде восходил червонным, а теперь восходишь бледным?» — «Оттого, мати, что прежде при моем восходе я встречал прекрасную Морскую пани, и как, бывало, взгляну на нее, так и покраснею; а теперь не вижу ее на море». Н. Костомаров передает эпизод этот в следующей форме: ездил Ивась в терем Солнца, построенный над синим морем, и спрашивал: зачем оно три раза в день переменяется? Солнце отвечало: «Есть в море прекрасная Анастасия; когда восхожу я утром, она брызгнет на меня водою — я застыжусь и покраснею; в полдень, поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божий мир — и мне станет весело; а вечером, когда захожу, Анастасия снова брызгнет на меня морскою

волною — и я опять покраснею». Очевидно, что Морская пани (названная в другом списке Анастасией) есть Заря. Издревле солнце олицетворялось то в мужском, то в женском поле; из колебания этих представлений возник поэтический миф, раздвоивший единое светило на влюбленную чету, причем прекрасный образ девы Солнца слился с олицетворением утренней и вечерней зари.

Уподобляя небо всесветному морю, предки наши не только в вечернем закате видели погружение солнца в морские воды, но и ночные светила, исчезающие с рассветом дня, по их мнению, скрывались в безднах океана. Сербь думают, что и *солнце* и *месяц* каждые сутки *купаются* в море, чтобы не утратить своего блеска. До сих пор употребительны выражения: луна *выплывает* из-за туч, месяц *плывет* по небу. Как древние греки (в эпоху Гомера) были убеждены, что звезды выходят ночью из океана и потом, с восходом солнца, снова в него погружаются, так то же самое воззрение существовало и у славян, что свидетельствуется следующей загадкой о *потухающих поутру звездах*: «Катилися каточки по липову мосточку (мост — небесный свод), увидели зарю — пошли в воду» или «Бегли овцы по калинову мосту, увидели зарю — покидались в воду».

Светло-голубое, блестящее небо лежит за облаками, или за дождевым морем; чтобы достигнуть в царство солнца, луны и звезд, надо было переплывать воздушные воды. Таким образом это небесное царство представлялось воображению окруженным со всех сторон водами, т. е. *островом*. С особенною наглядностью метафора эта выступа-

ет в русских заговорах — там, где говорится о чудном *острове Буяне*. Название «буян» (от слова *буй*), принятое позднее за собственное имя, первоначально было не более как характеристический эпитет баснословного острова; в некоторых уездах доныне вместо «Буян-остров» произносят: «Буевой остров». *Буй* служит синонимом слову *яр*, как это видно из замены этих речений одного другим в «Слове о полку Игореве»; оба слова совмещают в себе тождественные значения. *Ярый* заключает в себе понятия: весенний, горячий, пылкий, раздражительный, страстный, плодородный, урожайный. Понятие весеннего плодородия заключается и в слове *буй*: глагол *буять* (Оренбур. губ.) — вырастать, нежиться («Он буял у батюшки» или в народной песне: «Дерево кипарисовое, где ты росло, где буяло? — Я росло на крутой горе, буяло против солнышка»); а прилагательное *буйный*, когда говорят о нивах, лугах и лесах, служит для обозначения, что травы и деревья растут высоко, густо и обещают богатый урожай (*буйный* лес, *буйные* хлеба, *буйные* ягоды, чешск. *буйна* пшенице, обилии *буйне*). Отсюда объясняется следующее выражение в «Слове» Даниила-заточника¹: «Дивья (диво ли) за буяном кони паствити», т. е. не диво пасти коней на тучных пажитях! Вообще же *буйный* (*буявый*) употребляется в смысле: дерзкий, наглый, неистовый (*яростный*); *буесть* — удаль, отвага, *буйная головушка* — отважная, смелая, *буйные ветры* — бурные, стремительные, *буйная зима* — резкая, студеная; болгары дают этот эпитет и огню (*буен оган*). «Остров буян» — поэтическое название *весеннего неба*. Остров этот играет весьма важную роль в наших народных

преданиях; чародейное слово заговоров, обращенное к стихийным божествам, обыкновенно начинается следующей формулой: «На море на океане, на острове на Буяне», без чего не сильно ни одно заклятие. На острове Буяне сосредоточены все могучие силы весенних гроз, все мифические олицетворения громов, ветров и бури; тут обретаются: и змея всем змеям старшая, и вещий ворон, всем воронам старший брат, который клюет огненного змея, и птица, всем птицам старшая и большая, с железным носом и медными когтями (напоминающая собой чудесную Стратим-птицу, всем птицам мать, что живет на океане-море и творит своими крыльями бурные ветры), и пчелиная матка, всем маткам старшая, т. е. на острове Буяне лежит громоносный змей, гнездится птица-буря и роятся пчелы-молнии, посылающие на землю медовую влагу дождя. От них, по мнению народа, как от небесных матерей, произошли и все земные гады, птицы и насекомые. По свидетельству заговоров, на этом же острове восседают и дева Заря (не только весеннее солнце, но и богиня-громовница), и пророк Илья (Перун): «На море на океане, на острове на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождем». Сюда обращался древний славянин с своими мольбами, упрасывая богов, победителей Зимы и создателей летнего плодородия, исцелить его от ран и болезней, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье в любви, на охоте и в домашнем быту. Так как весеннее небо есть хранилище теплых лучей солнца и живой воды, которые дают земле плодородие, одевают ее роскошной зеленью и цветами и водворяют на ней новую счастливую жизнь, то фантазия сочетала с ним представление

о *рае*, или благодатном царстве вечного лета. Метафорический язык народных загадок называет раем водные источники: «Два братца (ведра) по-шли в рай (вар.: в воду) купаться», что указывает на древнейшую связь идеи рая с небесными, дождевыми колодцами. Предания помещают рай на *блаженных* или *счастливых островах*... На Руси ходит сказание о *блаженных островах Макарийских*, где реки *медовые* и *молочные*, а берега *кисельные*; по указанию старинных апокрифов, райские реки текут *млеком*, *вином* и *медом*; о летних облаках простолюдины рассказывают, что они падают иногда на землю, и те, которым удавалось это видеть, принимали их за *кисель*. Мед, молоко и вино — метафорические названия дождя; ниспадая на землю, дождевые ливни производят топкую грязь, которая в областных говорах называется *кисель*, *киселица*. Лубочная карта, известная под названием: «Книга, глаголемая Козмография, переведена бысть с римского языка», представляет круглую равнину земли, омываемую со всех сторон рекою-океаном; на восточной стороне означен «остров Макарийский, первый под самым востоком солнца, близь блаженного рая; потому его тако нарицают, что залетают в сий остров птицы райские Гомаюн и Финикс и благоухание износят чудное... тамо зимы нет». В средние века создалась басня, что Александр Македонский, во время своего похода на восток, доходил до Макарийского острова. Очевидно, предание о Макарийском острове, лежащем на восточной стороне всесветного океана, где царствует Солнце и цветет вечная весна, есть предание античное; древние греки знали остров Эю, омываемый океаном: там чертог Зари (*Эос*) и место ее пляски,

оттуда по утрам восходит светлый Гелиос*. От греков предание это через посредство переводных хронографов перешло к нам, и притом уже в средневековой переделке, когда старинные сказания о Солнцевой стране составили один из эпизодов похода Александра Македонского в Индию и когда воспоминание о борьбе бога-громовника с демонами — тучами спуталось с подвигами этого

---

* Следы того же представления встречаем и в других мифах античного мира. Так, Эол, бог ветров и вихрей, властвовал на *плавучем острове* Эолли; о Гефесте рассказывается, что он завел свои кузницы на одном из Липарских *островов* и ковал там Зевсовы молнии; о рождении Аполлона из древнейших преданий известно, что мать его прибыла из страны гипербореев на *плавучем острове* Делос в виде волчицы, сопровождаемая стаею других волков. Посейдон оставил подвижной остров, и богиня разрешилась на нем двумя близнецами: Артемидою и Аполлоном, который тотчас же по рождении был *обмыт нимфами в водах* и вскормлен нектаром и амброзией; когда ему минуло пять дней — под его стрелами, полученными от Гефеста, пал страшный Пифон. Значение этого мифа ясно: зимою порою солнце и луна скрыты за темными шокровами снежных облаков и туманов или, выражаясь мифологическим языком: они облакаются волчьими шкурами и скрываются в холодных странах гиперборейских; весною же, благодаря действию гроз, туманные завесы снимаются, светлый Аполлон выходит из недр мрака или, что то же, — рождается матерью-волчицею, омывается в дожде и, упиваясь этим бессмертным и всеильным напитком, разит молниеносными стрелами дракона (демона зимы и туч). С затемнением смысла старинных метафор, мифы, по общему закону их развития, приурочиваются к известным местностям: бог-громовник, ковац молниеносных стрел, водворяется на островах Лемносе и Липарском, а эпитет Аполлона *светлый* дает повод связать басню о его происхождении с *Делосом*.

любимого героя, победителя отдаленных народов. Тем не менее указанные свидетельства памятников не совершенно чужды славянам; напротив, они потому и проникли в простонародье, что согласовались с его собственными воззрениями, вынесенными из первоначальной родины всех индоевропейских племен.

У чехов сохранилось поверье, что у солнца есть свое царство за морем, что там — вечное лето и что оттуда прилетают весной птицы и приносятся на землю растительные семена. С этим поверьем тесно связывается малорусское предание о *вырее*: это теплая страна, лежащая далеко на востоке у самого моря, куда скрываются на зиму птицы, насекомые и гадюки и откуда являются они с началом весны. В «Поучении» Мономаха сказано: «Сему ся подивуемы, како птица небесная из ирья идут... да наполняются леси и поля». С началом осени (14 сентября) журавли, стрижи, касаточки и другие птицы улетают, по мнению крестьян, в *вырей (вирий)*, на *теплые воды*, или прямо на небо; рассказывают еще, что ласточки, сцепившись одна с другою ножками, прячутся от зимы в *криницах, реках и озерах*. Тогда же гадюки и змеи лезут в *вырей по деревьям*, подобно тому как и души усопших прежде, нежели достигнут страны блаженных, осуждены порхать по деревьям. Светлое «небесное царство» находится по ту сторону облаков, которые издревле сравнивались с водными источниками и ветвистыми деревьями, растущими в воздушных пространствах... С окончанием зимы следует обратный прилет птиц: 9 марта прилетают из *вырия* жаворонки, а 25 числа — ласточки. Как обыкновенные птицы и гадюки исчезают

позднею осенью из полей и лесов: первые — удаляясь в теплые страны, а последние — предаваясь оцепенению (зимнему сну) в своих норах, так и мифические птицы и змеи, в образе которых фантазия олицетворяла творческие силы весенних гроз, скрываются на зиму в колодцах — тучах, окованных холодом, или *замыкаются* в царстве вечного лета. По русским поверьям, кукушка и сизая галочка хранят у себя *райские ключи*, или *ключи от вырея*; с их прилетом пробужденный Перун *отпирает небо и низводит на землю плодотворное семя дождя*, откуда возник миф о семенах, приносимых из райской страны на крыльях весенних ветров и рассеваемых по всей земле. И комары осенней порою уносятся ветрами на *теплые моря*, а весною снова приносятся на Русь. Райская страна, как представление, снятое с весенней природы, роскошно убранной в зелень и цветы и озаренной яркими лучами солнца, изображалась вечнозеленым садом с золотыми и серебряными плодами или вечно цветущим лугом... Так как рай признавался жилищем праведных, место успокоения их по смерти, то при имени «Буян-остров» в нашем языке стоят родственные слова, означающие кладбище: *буй* — *буйвище* — погост, *буево* — кладбище. По указанию Гомера и других древних писателей, души избранных героев препровождались Гермесом через океан (небо) к Солнцевым вратам — на счастливые елисейские поля, лежащие на «блаженных островах»: боги наделили страну эту чистейшим воздухом и постоянным изобилием плодов; ее вечнозеленеющие луга и рощи, орошаемые сребристыми реками, оглашаются пленительным пением птиц; там не бывает ни

зимы, ни метелей, ни ливней, ни холода; веет только кроткий зефир, и сладостно, незаметно пробегают беспечальные дни блаженных.

Народные заговоры, сохранившие так много древнейших поэтических выражений, знают мифический *алатырь-камень* и ставят его в тесной, неразрывной связи с Буяном-островом. Принимая в соображение объясненное нами значение этого острова и общеарийское представление солнца *драгоценным, огненным камнем*, мы убеждаемся, что алатырь-камень есть собственно метафора ясного весеннего солнца. Лежит он на океане-море или на острове Буяне и обозначается постоянным эпитетом *бел-горюч*, т. е. плавает по воздушному океану-небу и хранится в райской области, в царстве вечного лета; эпитет «бел-горюч» заменяется иногда выражением: *кип-камень* (от глагола *кипеть*). На этом камне восседает красная дева Заря: «На море на океане, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень-алатырь; на том камне сидит красная девица» и зашивает раны кровавые. О розовой пелене Зари, расстилая которую богиня утра просветляет мир и призывает его к жизни, заговор выражается: «Твоя фата крепка, как горюч камень-алатырь», о самом же алатыре сказано: «Под тем камнем сокрыта сила могучая, и силы конца нет». Именем этого камня скрепляется чародейное слово заклинателя: «Кто камень-алатырь изложет (дело — трудное, немислимое), тот мой заговор превозможет». Весьма вероятно, что с этим уподоблением солнца белому, горючему камню уже в глубокой древности сливалось общераспространенное представление грозового облака скалою или камнем. Такое слияние тем легче могло со-

вершиться, что богиня Утренняя Заря и богиня-громовница олицетворялись в едином образе, что дневной свет и роса, приносимые первою, сближались с весенним просветлением неба и дождями, даруемыми второю. В приложении к камню-облаку эпитет «бел-горюч» мог указывать, с одной стороны, на заключенное внутри этого камня грозное пламя, а с другой — на белоснежные и розовые цвета, какими окрашивают облака яркие лучи весеннего солнца. С возвратом весны пробуждается бог-громовник и, ударяя своею палицею по камню-туче, высекает из него молниеносные искры, разводит пожигающее пламя грозы и заваривает чудодейственный напиток живой воды (дождя); то же пламя добывает он и трением своей палицы о солнцевое колесо. Вот почему на алатыре-камне пребывает не только богиня Лада, в христианской замене ее богородицею, чествуемой в народе прозваниями *громницы* и *огненной Марии*, но и сам Перун, подставляемый обыкновенно Ильею-громовником, и его спутники — духи весенних гроз, под именем божьего воинства или небесных сил (святых угодников и ангелов)...

Согласно с представлением облаков подвижными, ходячими камнями, народная загадка отличает алатырь от обыкновенных скал, твердо прикрепленных к земле, как бы корнящихся в ее утробе. «Что растет без корню?» — спрашивает загадка и отвечает: бел-горюч камень. Весьма знаменательно свидетельство стиха о Голубиной книге, что из-под этого камня текут источники, дающие всему миру пропитание и целение, т. е. живая вода дождей, воскрешающая природу и дающая земле урожай.

Белый латырь-камень всем камням отец.
Почему же ён всем камням отец?
— С-под камешка, с-под белого латыря
Протекли реки, реки быстрыя
По всей земле, по всей вселенную (ной),
Всему миру на исцеление,
Всему миру на пропитание.

Это те же райские реки, которые бьют живыми ключами из-под корней мирового дерева — тучи. Старинная былина о Василии Буслаеве, смелость которого не хотела знать никаких преград, воспевает, как этот богатырь тешился со своею дружиною; говорит Василий: «Дружина моя храбрая! скачите через бел-горюч камень». Дружинники перескочили три раза; начал скакать сам богатырь:

Раз скочил и другой скочил,
А на третий говорит дружине хоробрыя:
«Я на третий раз не передом, задом перескочу!»
Скочил задом через бел-горюч камень,
И задела ножка правая,
И упал Васильюшка Буслаевич
О жесток камень своими плечмы богатырскими.

По указанию другого списка: расколол он свою буйну голову и остался лежать тут довеку. То же предание излагает и народная сказка с любопытной заменю камня-алатыря морской пучиною. Поплыл Василий Буслаевич через море к зеленым лугам; тут лежала *Морская Пучина* — *кругом глаза*; стал он вокруг ее похаживать, *сапожком ее попинывать*. «Не пинай меня,— говорит Пучина,— и сам тут будешь!» Расшутились тогда рабочие люди Васильевы и стали скакать через Пучину; все перескочили, а Василий прыгнул и задел ее *пальцем* правой *ноги* — да тут и помер. В этом поэтическом сказании

о смерти сильномогучего богатыря скрывается миф о гибели громовника (молнии), утопающего в дождевом море туч; удары, которым он подвергается, обыкновенно разят его в *ногу*. В настоящем случае для нас особенно важно то, что в этих различных вариациях одной темы бел-горюч камень, из-под которого (как мы видели) льются целые реки, заменяется равносильною ему метафорой, представляющею дождевую тучу морскою пучиною. Народный русский эпос олицетворяет эту пучину и заставляет ее жадно взирать на витязя своими несчетными очами: образ, достойный великого художника, напоминающий греческий миф об Аргусе...

Одновременно с представлением неба воздушным океаном, поэтическая фантазия стала сближать носящиеся по нем облака и тучи с *рыбами*. Следы такого сближения находим в народных сказках. «Был у мужика (повествует русская сказка) мальчик-семилеток — такой силач, какого нигде не видано и не слыхано! Послал его отец дрова рубить; он повалил целые деревья, взял их словно вязанку дров и понес домой. Стал через мост переправляться, увидала его морская рыба-кит (по другому списку: рыба-щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всем как есть — и с топором, и с деревьями. Мальчик и там не унывает, взял топор, нарубил дров, достал из кармана кремень и огниво, высек огня и зажег костер. Невмоготу пришлось рыбе: жжет и палит ей нутро страшным пламенем! Стала она бегать по синю морю, во все стороны так и кидается, из пасти дым столбом — точно из печи валит; поднялись на море высокие волны и много потопили кораблей и барок, много потопили товаров и

грешного люду торгового; наконец прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берег да тут и издохла. Четверо суток работал мальчик топором, пока прорубил у нее в боку отверстие и вылез на вольный белый свет». Смысл этой басни раскрывается из сравнения ее с другими эпическими преданиями, тождественными с нею по значению, но представленными в иных поэтических образах. Чудовищная морская рыба есть громоносная туча, плавающая в воздушном океане, а мальчик-семилеток, который, сидя в ее утробе, высекает огонь и разводит страшно пожигающее пламя, принадлежит к породе мифических карликов; обитающих в облачных пещерах и приготавливающих там на сильном огне кузнечных горнов молниеносные стрелы. Семь зимних месяцев он пребывает в покое, или, выражаясь эпически: семь лет он растет и собирается с силами; но когда исполнится семилетний срок, т. е. с приходом весны,— заявляет свою богатырскую мощь. Подобно Перуну, он вызывает грозное пламя ударом кресала о кремень; подобно Перуну, он вооружен топором, которым и прорубает себе дверь из мрачной темницы-тучи, и пребывание его в рыбе так же тяжело для этой последней, как пребывание мальчика-с-пальчика в брюхе волка. Приведенному эпизоду русской сказки соответствует песня Калевалы о великане Випунене... Основа финского предания та же, что и в русской сказке: великан-туча лежит неподвижно, окованный зимнею стужей; Вейнемейнен, бог весенних гроз, пробуждает его ото сна ударами железной палицы и кузнечного молота, т. е. разящими молниями; чародейные песни и заклятия великана суть метафоры завывающей бури и громовых

раскатов. Калевала передает миф о похищении огня рыбою. Когда владетельница мрачной Похиолы скрыла солнце и месяц в медную гору (за густые туманы), то боги гроз: владыка ветров, вещей певец Вейнемейнен и кузнец Ильмаринен, желая даровать миру новый свет, взошли на небо, высекли огонь (молнию) и вручили его воздушной деве; она держала огонь в длинном облаке и, будто младенца в колыбели, качала его туда и сюда и баюкала: скрипели серебряные ремни, звучала золотая колыбель и гнулась небесная кровля. Но вот неосторожная дева уронила огонь; рассыпаясь искрами, он упал в море, вскипятил воды и озарил их блеском. Это море — воздушный океан, в котором плавают облака — рыбы. Здесь проглатывает огонь *щука*; чувствуя внутри жгучую боль, она шумно носится по водам и бросается из стороны в сторону. Тогда начинается лов щуки — поэтическая картина грозы. Как, по другому мифическому представлению, гроза уподоблялась охоте за чудесным ведром, так и в настоящем случае она уподобляется рыбной ловле. С помощью *карлика* боги успевают изловить щуку в закинутые сети, но никто не осмеливается взять ее голыми руками. «Я бы распластал эту рыбу,— сказал Солнцев сын,— если б у меня был большой нож — крепкое железо!» — и в ту же минуту упадает с неба нож, из облаков крепкое железо, с золотым черенком, с серебряным лезвием (молния). Как скоро взрезана была щука — из нее покатился *синий клубок*, из синего клубка явился *красный*, а из красного клубка — огонь. Эта последняя подробность сходится со свидетельством северо-немецких саг, что грозовые духи скатываются с облачных гор в виде огненных клубков...

Плодотворящая сила, принадлежащая весенней, дождевой туче, составляет одно из существенных свойств, соединяемых со всеми ее олицетворениями; тою же силою наделена и мифическая рыба — тем более что в самой действительности рыба не могла не обратить на себя внимания своею необыкновенною плодучестью, обилием бросаемой ею икры. Народные сказки упоминают о чудесной рыбе, дающей бытие сказочным богатырям. У царицы не было детей, чтобы удовлетворить ее сердечному желанию иметь сына, закидывают в море шелковый невод, сплетенный мальчиками и девочками — *семилетками*, и ловят рыбу, которой нередко присваивается эпитет *золотой*. Рыба поймана, изготовлена на кухне и съедена царицею; остатки обгладывает кухарка, а помой выпивает корова, и от того самого понесли они плод и одновременно родили трех сыновей: «Ивана-царевича, Ивана-кухарчонка и Ивана — коровьяна сына; выросли три молодца и стали могучие богатыри; подвиги, совершаемые ими, указывают в них сказочных представителей Перуна и его грозowych спутников. В сербских песнях говорят королю вилы:

Пусть соберет король будимских девиц,
Принесет много чистого золота
И сплетет частую мрежу,
Частую мрежу из чистого золота,
Пусть закинет сеть в тихий Дунай,
Поймает златокрылую рыбу
И возьмет у ней правое крыло,
Рыбу да отпустит в воду,
А крыло отдаст госпоже-королеве:
Когда съест она правое крыло —
Тотчас забеременеет.

Король последовал совету вил, и королева родила ему змея (демона громоносной тучи). Как

семя дождя, низведенное тучею на мать — сыру землю, зарождает на ней обильные плоды, так съеденная рыба оплодотворяет чрево бездетной жены и одаряет ее чадородием; то же самое свойство итальянская сказка приписывает *сердцу морского змея* (дракона), а предание, общее для всех индоевропейских народов, — *золотым яблокам*, этим животворным плодам дерева — тучи... Чудесная рыба, исцеляющая от неплодия, напоминает нам сказочную *щуку*, с помощью которой Емеля-дурачок творит все, что ему ни пожелается. Пойманная дураком, щука, в уплату за свое освобождение, наделяет его следующим даром: стоит только ему сказать: «По моему прошенью, по щучьему веленью, будь то и то!» — и в ту же минуту все исполнится; в любопытном варианте сказки об Емеле-дурачке царица тотчас забеременела, как скоро было выражено им подобное желание, скрепленное этою заветною формулою. Такой сверхъестественный дар заставляет невольно вспомнить сказку о *золотой рыбке* (царице всех рыб), исполняющей различные желания старика, который изловил ее в сети и потом отпустил в море; по всему вероятно, обе сказки возникли из одного общего источника, и золотая рыбка тождественна с могучею щукою. Святочная подблюдная песня говорит о щуке серебряной, позолоченной, униженной жемчугом и алмазами; следовательно, дает ей те же эпитеты, какими наделены и другие олицетворения тучи, сверкающей золотистыми молниями (свинка — золотая щетинка, золотогривый конь и так далее):

Шла щука из Новагорода,
Она хвост волокля из Белаозера;

Как на щуке чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная;
Как у щуки спина жемчугом сплетена,
Как головка у щуки унизанная,
А на месте глаз — дорогой алмаз.

Песня сулит *богатство*. Эта сказочная рыба родственна со скандинавским *карликом* Андвари, который в образе щуки поселился в глубоком потоке и хранил там великое сокровище; впоследствии сокровище это было извлечено из потока и сделалось предметом кровавой вражды, составляющей содержание превосходных песен древней Эдды о Зигурде и немецкой поэмы о Нибелунгах...

Метафорический язык загадок называет щукою: а) *вихрь*, дующий из тучи: «Щука хвостом махнула — лес погнула», и б) *блестящее лезвие косы и серпа*, под взмахом которых падают травы и колосья — точно так же, как при бурном напоре вихря падают деревья: «Щука-белуга хвостом мигнула (т. е. блестящая — белая коса сверкнула), леса (травы) пали, горы (копны и стога) встали»; «Щука (серп) прынет, весь лес (нива) вянет». Народные русские сказки упоминают о гигантской щуке, которая тянется через все широкое море (небо) мостом и *проглатывает корабли* с товарами; иногда рыба эта заменяется *китом*. Так, в сказке о Марке Богатом герой, посланный на тот свет, должен переправиться через синее море и переправу эту совершает по киту-рыбе, который протянулся через все море, а по нему, словно по мосту, идут пешие и едут конные. Гигантскую щуку знают и литовцы, и финны. Калевала сравнивает ее зубы с граблями, а зев с тремя водопадами; *ладья* Вейнемейнена (ко-

рабль — облако) врезалось носом в ее спину, но щука и не почувствовала удара; бесплодны были усилия действовать против нее оружием — оно только тупилось о стальную чешую чудовищной рыбы. В той же поэме весенняя гроза изображается в грандиозной картине битвы между колоссальным орлом, представителем ветров и молний, и громадною щукою — тучею; при этой ожесточенной борьбе звучало небо, дрожали облака и радуга, воинственный лук бога Укко, распалась пополам. Между нашими крестьянами известны суеверные приметы и врачебные средства, основа которых должна корениться в преданиях о мифической рыбе — туче. Так, по первой щуке, пойманной весною, поселяне делают заключение о будущем урожае хлеба: если икра в щуке толще к голове, то лучший урожай будет от ранних посевов, а если — к хвосту, то от поздних посевов; икра ровная предвещает посредственный урожай. Хребтовые кости щуки привешивают к воротам, как средство, предохраняющее от повальных болезней; а щучьи зубы собирают и носят при себе, чтобы во время лета не укусила ни одна змея. По мнению белорусов: если перед рыбаком плеснет хвостом щука, то он не проживет более трех лет.

Земля, по свидетельству старинных памятников, покоится на водах всесветного (воздушного) океана: «На воде яко же на блюде, простерта силою всеблагого бога»; но как тучи, эти небесные водохранилища, олицетворялись в образе великанских рыб, то отсюда возникло верование, что *земля основана на китах-рыбах*. Между нашим просто-народьем существует предание, что мир стоит на спине колоссального кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земного круга, поводит

хвостом — то бывает землетрясение. Иные утверждают, что исстари подпорою земли служили четыре кита, что один из них умер, и смерть его была причиною всемирного потопа и других переворотов во вселенной; когда же умрут и остальные три, в то время наступит кончина мира. Землетрясение бывает оттого, что киты, отлежав бока, повертываются на другую сторону. Рассказывают еще, что вначале было семь китов; но когда земля отяжелела от грехов человеческих, то четыре ушли в пучину эфиопскую, а во дни Ноя и все туда уходили — и потому-то случился всеобщий потоп. Подобные предания находим мы и в стихе о Голубиной книге, и в разных апокрифических сочинениях. «Кит-рыба всем рыбам матери» (сказано в означенном стихе), потому что на трех китах утверждена земля и содержится вся вселенная:

Когда кит-рыба потронется,
Тогда мать-земля всколебается,
Тогда белый свет наш покончится...

Основываясь на свидетельствах апокрифической литературы, обыкновенно думают, что те суеверные представления, какие равно встречаются и в «отреченных» памятниках, и в устах простолюдинов, проникли в народ путем книжного влияния; но если принять во внимание, что представления эти состоят в теснейшей связи с несомненно народными верованиями, то едва ли не следует заключить, что самые апокрифы заимствовали свои басни из древнейших языческих преданий, более или менее общих всем индоевропейским племенам.

Верховное божество весенних гроз пробуждает природу от зимней смерти, дает ей жизнь и тем

самым *создает* новый прекрасный мир; мир этот, с окончанием золотого века (т. е. лета), попадает под власть лютой зимы и ее демонических сил, и в нем водворяются зло, бесплодие и неправда. Тогда божество наказует грешную землю *потопом*, очищает ее в шумных потоках дождей и весеннего разлива рек, или *разрушает* старый, одряхлевший в зимние месяцы мир, который гибнет среди всеобщего наводнения и пожара (т. е. в дождевых ливнях и грозовом пламени) и возрождается к новой красе, как царство вечного блаженства (благодатное лето). Таким образом, мифы о сотворении мира, его кончине и вселенском потопе суть различные поэтические картины весеннего обновления природы, представления, возникавшие из живописных метафор древнейшего языка. Во всех этих великих событиях в истории мироздания дано участие исполинским китам, как представителям громоносных туч. На их хребтах утверждена созданная богами земля; с их существованием нераздельно связаны и предания о потопе, и мысли о грядущем разрушении вселенной. Киты эти лежат в огненной реке (т. е. в дождевых потоках, пламенеющих молниями), питаются райскою пищею (амритою) и залегают собою те подземные ключи («морские оконцы»), из открытых отверстий которых поднимаются воды всемирного потопа: это — дождевые источники, заключенные в облачных горах, которые позднее были отождествлены с обыкновенными родниками, бьющими из недр земли...

Идея всесветного воздушного океана для позднейших индусов, позабывших коренной смысл метафоры, слилась с великими водами,

омывающими земную поверхность. Все, что прежде сочеталось в их убеждениях с небесным морем, впоследствии было перенесено на море нижнее, земное, и Варуна, первоначально владыка неба, получил значение бога земных вод. Та же судьба постигает и бога-громовника; рождаясь в дождевых тучах, он представлялся плавающим на волнах воздушного океана и потому назывался владыкою небесных вод, или *морским царем*. Совместное употребление этих различных имен, выражающих разные стороны одного и того же явления природы, в эпоху забвения исходных пунктов мифического воззрения послужило к признанию отдельных божественных образов: единое божество раздробилось на два самостоятельных лица, и рядом с Зевсом (Перуном) появился Посейдон (Морской царь), которому, следуя указанию присвоенного ему имени, приписана власть над всеми водами, омывающими пространную землю. Сопровождающими его вихрями бог-громовник так же бороздит (волнует) реки и моря, как и облачное небо. Подобно тому, как молниеносный Перун (Агни) переходит в божество огня и определяет культ этой стихии, так Перун *дождящий* переходит во властителя морей, рек, источников, и вместе с тем возникает поклонение этим последним. Происхождение земного огня приписывалось нашими предками богу гроз, который послал на землю небесное пламя в виде низринутой молнии; точно так же и вода была его священным даром, пролитым с высокого неба на низменное жилище смертных в виде дождя. Падая долу, заставляя прибывать воды источников и производя новые ручьи, дождь стал рассматриваться как тот первоначальный

элемент, из которого создались все земные водохранилища. По русскому преданию, когда бог сотворил землю и вздумал наполнить ее морями, озерами, реками и ключами, тогда он повелел идти сильному дождю; в то же время он собрал всех птиц и приказал им помогать себе в трудах, разнося воду в назначенные ей вместилища. В образе быстролетных птиц миф олицетворяет весенние грозы, и как молнии и ветры приносятся различными птицами, так ими же приносятся и вода в дождливую пору первой весны, когда божество творит новый мир на месте старого, обветшавшего под холодным дыханием зимы. Гимны Ригведы приписывают птицам похищение из темных затворов туч бессмертной сомы (дождя). В зимние месяцы воды покоятся *мертвые, недвижные*, окованные льдами, и только с наступлением весны они *оживают*, разливаются бурными волнами и получают плодотворящие свойства. Живая вода весенних дождей совпадает в народных убеждениях с журчащими потоками весеннего половодья, и создание той и другой равно присваивается Перуну... Чтобы полился весенний дождь, взывают к нему эпическими причитаниями: «Уж ты дождь-дождем, поливай ковшом на наш ячмень, на барской хмель!» Поэтому встреча с человеком, несущим *ведра, полные водою*, предвещает счастье и успех (те же предвещения посылает и дождь), и обратно — *пустые ведра* пророчат неудачу. Указанная метафора (туча — сосуд, наполненный живою водою) породила миф о *роге изобилия*, из которого богиня весны рассыпает на землю цветы и плоды, ибо в старину туры *рога* употреблялись как пиршественные кубки; славяне представляли

Святовита с турьим рогом в руках и по вину, налитому в этом роге, гадали о будущем урожае. У славян, наравне с другими индоевропейскими племенами, наибольшим почетом пользуются *родники* (ключи, студенцы, криницы) и *реки, вытекающие из горных возвышенностей*; им присваивается та же чудодейственная сила, что и дождю. Подобно дождевым потокам, льющимся из облачных скал и гор, эти родники и реки пробиваются из жил земли и расщелин обыкновенных гор, и то, что прежде соединяла народная вера с первыми, впоследствии было перенесено на подземные и нагорные ключи. Об этих источниках ходят в народе сказания, что они явились из земных недр *после удара в землю молнии*, почему они и называются *громовыми, гремющими*. Некоторые из них, по народным преданиям, потекли от удара огненных стрел Ильи-пророка или из-под копыт богатырского коня Ильи Муромца (т. е. Перуна); на подобные источники указывает и географическое название *Конь-колодезь*, встречаемое в некоторых губерниях...

Под влиянием указанных нами воззрений воде были приписаны те же чудесные свойства, какие присваивались весеннему дождю, а именно:

а) *Сила плодородия*. В грозе древний человек видел брачный союз бога-громовника с облачною, дожденосною девою, а в этом союзе — источник земных урожаев. Низводя мифическое представление на землю, народ ставит возле *князя (царя) Огня княгиню (царицу) Воду*; первый — символ небесного пламени (молнии), вторая — дождя. Названия *князь* и *княгиня*, по первоначальному своему значению, доселе удержавшемуся в простонародном обыкновении чествовать этими

именами жениха и невесту, прямо указывают на то супружеское сочетание, в каком являлись поэтической фантазии огонь и вода. К родникам и криницам, как уже было сказано, издревле обращались с мольбою о дожде: от них, следовательно, ожидали и просили изобилия плодов земных.

Перед посевом крестьяне выходят *поутру* к студенцам, черпают ключевую воду и смачивают ею заготовленные семена; другие же смачивают зерна речною водою в продолжение трех *утренних зорь*, с надеждою на несомненный урожай. Эту плодородящую силу воды народное верование распространяло и на человека, что свидетельствуется старинными свадебными обрядами. Начальный летописец² говорит об умычке невест *у воды*. «И се слышахом,— читаем в «Правиле» митрополита Кирилла³ (конца XIII столетия),— в пределах новгородских невесты водят к воде, и ныне не велим тому тако быти, или то проклинати повелеваем». В Витебской губ. есть большое озеро, почитаемое у раскольников священным; холостые парни, похищая девушек, объезжают с ними вокруг озера три раза, и этот обряд считается за действительное вступление в брак. Между чехами сохраняется поверье, что самый верный союз — тот, который заключается над колодцем.

б) *Сила целебная, очистительная*. Как живая вода весенних дождей просветляет туманное небо, возрождает природу и потому принимается за божественный напиток, прогоняющий демонов, дарующий красоту, молодость, здоровье и крепость мышц, так те же животворные свойства соединяют народные верования и вообще с водою — тем более что она действительно обладает свойством осве-

жать тело и восстанавливать утомленные силы. И огонь, и вода — стихии светлые, не терпящие ничего *нечистого*: первый *пожигает*, а вторая *смывает* и *топит* всякие напасти злых духов, к сонму которых причислялись в старину и болезни. Рядом с окуриванием больного, перенесением его через пылающий костер, высеканием искр над болячками и тому подобными средствами народная медицина употребляет обливание водою, омовение, взбрызгивание, сопровождая все это заклетами на болезнь, чтобы она покинула человека или животное и удалилась в пустынные места ада. По преимуществу лечебные свойства приписываются *ключевой воде*. Родники и колодцы, глубоко чтимые за свою целительность, известны во всех славянских и немецких землях... На Руси от болезней, приписываемых сглазу, рано *на утренней заре* отправляются к ключу, зачерпывают воду по течению, закрывают посудину и возвращаются домой *молча и не оглядываясь*; потом кладут в принесенную воду один или три горячих угля, частичку печины (печной глины), щепоть соли и взбрызгивают ею больного или обливают его по два раза в сутки на заре утренней и вечерней, с приговором: «С гуся вода, с лебедя вода — с тебя худоба!» Иногда дают больному испить этой воды, смачивают ею грудь против сердца, и затем все, что останется в чашке, выливают под притолоку. В заговорах, произносимых над водою, находим следующие указания: «Пошла я в чисто поле, взяла чашу брачную, почерпнула воды из загорного студенца»; «Звезды мои ясные! сойдите в чашу брачную, а в моей чаше вода из загорного студенца»; «Умываю я красну девицу (имярек) из загорного студенца

ключевой водою, стираю я с красной девицы все узорыки с призораками». Целебная сила присваивается воде, взятой из нагорного источника, как эмблеме дождя, ниспадающего из горы — тучи; вода эта, по народному выражению, должна быть *непитая, неотведенная*, ибо она назначается не для обычных нужд человека; черпают ее на утренней заре, потому что утро — метафора всеоживляющей весны: оно прогоняет демонов ночного мрака и воды земных источников превращает в чудодейственную амриту; печина и горячие уголья указывают на связь воды — дождя с огнем — молнией. Вместо горячих угольев пользуются и другими символическими знаменьями бога-громовника. Так, от испуга взбрызгивают и окачивают *водою, в которой был выкупан пегух* — птица, посвященная Перуну и домашнему очагу (Агни); нередко в воду, назначенную для омовения больного, кладут *громовую стрелку*, или, читая заговор, знахарь берет налитую воду и несколько раз *перерезает* ее накрест *острием ножа*; в Малороссии на «Водохрещи» умываются от коросты водою, в которую положена *красная калина*; сверх того, повсюду в обычае пить наговорную воду и умываться ею с *серебра и золота*, т. е. погружая в чашу серебряную монету или золотое кольцо: такое умыванье спасает *от удара молнии*. Взамен громовой стрелки кашубы бросают в воду три *раскаленные в печи камня* и потом три раза или трижды три (девять раз) обливают больное место. Красная калина — эмблема Перуновой ветки, а серебро и золото — блеска молниеносных стрел. При раскатах первого весеннего грома вода, по народному поверью, получает живительные свойства, и потому в эту

благодатную пору все — и большие, и малые — спешат к криницам и умываются на счастье и здравие. Очевидно, что горячие уголья, громовые стрелки, раскаленные камни, острый нож, петух, ветка калины, серебро и золото в исчисленных нами обрядах имеют значение, равносильное удару весенней грозы. Немцы считают купанье в источниках наиболее действительным, если оно совершается в *четверг* — день, посвященный Донару; в тот же день перед восходом солнца бросают они в воду мелкую монету и промывают ею большие глаза...

Целебная сила воды преимущественно обнаруживается *весною*, когда реки и источники сбрасывают с себя ледяные цепи, снег претворяется в скачущие по оврагам ручьи и небо отпирает свои дождевые хранилища, словом, когда мир божий омывается *живою водою*. Весенний снег, выпавший в марте месяце, пользуется особенным авторитетом в народной медицине; добытою из него водою не только лечат больных, но и сверх того окропляют ульи и плодовые деревья, чтобы лучше росли пчелы и чтобы червь не напал на сады. В *чистый четверг* купаются от чесотки и других накожных сыпей; здоровые же обливают себя и своих лошадей холодною водою или купаются в прудах и реках *перед восходом солнца*, чтобы не касались их болезни в течение всего следующего года... Наши простолюдины убеждены, что лошади от ключевой воды добреют и не боятся лихого глаза, и потому в известные дни водят лошадей к источникам и *поят с серебра*. Больного коня знахарь spryskivaet нашептанныю водою, обходя вокруг него несколько раз и привязывая в стойле пучки разного зелья. При скотских падежах переправля-

ют стада через проточную воду и служат молебн св. Власию. Такие целебные свойства в эпоху христианства стали соединять с водою, освященною по церковному уставу; потому вода *бого-явленская* или *крещенская* пользуется в народе особенным уважением. Многие хранят ее до Нового года — на случай болезней, окропляют ею дома и хлевы и уверяют, что она не портится; несмотря на трескучие морозы (6 января), больных погружают иногда в прорубь; почерпнутой оттуда водою умывают хворых младенцев. О воде, вытаянной из крещенского снега, думают, что она может лечить судороги, головокружение, онемение в ногах и другие недуги, и, влитая в колодец, делает его неиссякаемым в продолжение целого лета, хотя бы не выпало ни единой капли дождя. Теми же живительными свойствами обладает вода и в праздник Купалы, т. е. 24 июня. Христианское воззрение на святую воду, которою в таинстве крещения омывается ветхий грех, слилось в умах непросвещенного народа с поверьями, наследованными от старинного язычества. В дни солнечных поворотов на Коляду и Купалу славяне-язычники чествовали творческие подвиги дождящего и дарующего урожай Перуна; при зимнем повороте он возжигал светильник солнца, а в знойную пору летнего поворота погашал его губительный жар в потоках дождя. Предание о *живой воде* небесных колодцев, отпираемых молниями Перуна, было перенесено на земные источники...

Гимны Ригведы обращаются к воде, как к стихии божественной, заключающей в себе амриту и целительные лекарства. Убеждение это так глубоко проникло в среду славянского племени,

что малороссы до сих пор, поздравляя новобрачную, говорят ей: «Будь здорова, як вода!» Вода *смывает (очищает)* призоры и хворости и *уносит их своею волною*, почему ключевую воду, назначаемую на врачевание больного, берут *по течению*, а не против... Как стихия, смывающая все нечистое, злое, демонское, вода, наравне с огнем-просветителем, признана была за вернейшее средство внутреннего, духовного очищения от грехов. Вот — основа тех священных «омовений», какие предписываются устами почти всех древнейших религий. В гимнах Вед вода призывается дать исцеление телу от болезней, а душе от язвы грехов. Перед дверями храма греки и римляне ставили сосуд, наполненный водою, в которую опускалась пылающая головня, взятая с алтаря богов; всякий, кто желал приблизиться к святилищу и принести жертву, должен был наперед очиститься, и потому жрец омокал в воду лавровую ветку и окроплял ею проходящих во храм; места, оскверненные преступлением, также очищались водою. По нашим преданиям, всякой мольбе, всякому обращению к божествам должно было предшествовать омовение; заговоры обыкновенно начинаются этою формулою: «Иду я, раб божий, в чистое поле, становлюсь на восток красного солнца, умываюсь росой или ключевою водою...»

в) *Сила вещая*. Живая вода небесных колодцев — амрита, по сказаниям индоевропейских племен, наделяет дарами высшей мудрости и предвидения. Упиваясь ею, боги и девы судьбы ведают все прошедшее, настоящее, будущее и изрекают свои непреложные приговоры, чему быть и не быть. От небесных родников, текущих

в царстве бессмертных владык, эта вещая сила была перенесена на земные источники, и вместе с тем возникли *гадания водою*. На троицу и семик незамужние поселанки плетут зеленые венки (символ брачного союза) и бросают их в реки и ручьи: чей венок поплывет по течению — той сулит он скорое замужество, чей закружится на одном месте — у той свадьба расстроится, а чей потонет — ту ожидает смерть или безбрачная жизнь. У болгар и хорватов венки, бросаемые в реки, готовятся из первых весенних цветов; у чехов гадают венками юноши и девицы — первые о том, женятся ли они, а вторые — выйдут ли замуж? В среду на первой неделе великого поста ходят на Руси к родникам и речкам, прислушиваются — как шумит вода, и по ее шуму заключают о будущем лете; если вода *шумит, как мельничный жернов*, то ожидают летом больших гроз: поверье, стоящее в связи с тем громовым жерновом, на котором разъезжает по небу Перун. 30 ноября прислушиваются у рек, озер и колодцев и по шуму и тишине воды заключают о предстоящей зиме: будет ли она тихая (умеренная) или суровая, с бурями и сильными морозами; а в августе (10 числа) примечают колебания вод и по этому судят о характере будущей осени и зимы: если гладь воды не колышется ветрами, то осень будет тихая, а зима — неметельная...

В эпических сказаниях русского народа встречаются живые олицетворения рек и озер, Морской Царь и водяные духи и девы. Особенно интересны былины о новгородском купце Садко. Прежде он был беден, имел только гусли и ходил на пиры увеселять гостей музыкальными звуками. Соскучилось раз ему, пришел он к Ильмень-озеру,

сел на бел-горюч камень и стал *играть в гусельки яровчаты:*

Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался Царь Морской,

благодарствовал за утеху и посулил ему в награду клад из Ильмень-озера — три *рыбы — золотые перья*, на которые можно скупить все несметные богатства новгородские. Садко закинул в озеро невод и вытащил обещанное сокровище. Царь Морской, по народному поверью, властвует над всеми рыбами и животными, какие только водятся в морях. Другая былина рассказывает: плыл богатый гость Садко по синему морю; вдруг остановился его корабль — и с места не двинется. Стали бросать жребии, чтобы узнать виноватого; пал жребий на самого хозяина. Признался Садко: «Бегаю,— говорит,— я по морю двенадцать лет, не платил я Царю Заморскому дани-пошлины, не опускал хлеба-соли в сине море Хвалынское!» Бросили его корабельщики в воду, и тотчас поплыл корабль своею дорогою. Кинутый в море Садко был принесен волною к Морскому Царю. Стоит изба большая — во все дерево; вошел Садко в избу, а в ней лежит на лавке Царь Морской. «Гой еси богатой гость! — говорит ему царь,— ждал тебя двенадцать лет, а ныне ты сам головой пришел. Поиграй-ка мне во звончатые гусли». Заиграл Садко, стал царя тешить; *расплясался Царь Морской — и сине море всколебалось, и быстрые реки разливались*, и потопили много кораблей с товарами. Вздумалось царю женить гостя, привел тридцать девиц и приказал выбирать невесту; в народных сказках Морской Царь предлагает доброму молодцу выбрать себе в жены одну

из своих дочерей. Лег спать Садко с избранной девою: со полуночи, в просонье, накинул он левую ногу на молодую жену, и когда проснулся поутру — то сам очутился под Новгородом, а *левая нога его в Волх-реке*. Итак, Царь Морской выдает за богатого гостя дочь свою, реку Волхов: имя это в народной речи («за тую за реченьку Волхову») и в Новгородской летописи («чрез Волхову-реку») употребляется в женской форме, и потому фантазия без нарушения грамматического смысла могла олицетворить реку Волхову девою. Приведенное сказание о свидании Садко с Морским Царем передается еще в следующей вариации: когда жребий указал виновного, взяли его корабельщики и спустили на воду на дубовой доске; с гуслиями в руках поплыл Садко по морю и принесен был в палаты *царя Водяника* и супруги его *царицы Водяницы*:

Пошла дощечка ко дну синя моря,
Объявилось на дне царство великое,
А во царстве пиروваньице — почестен пир.

Говорил Водяник гостю: «Поиграй в гусли яровчаты, потешь наш почестен пир:

Выдаю я дочи свою любимую
Во тыё во славно Окиян-море».

Так поэтически, в античной форме, изображает народный эпос впадение реки в море: царь Водяник выдает дочь свою реку замуж на чужую сторону, в далекие области океана. Стал Садко в гусли играть, царь Водяник поскакивать, царица Водяница поплясывать, красные девушки хоро-вод водить — и было веселье с утра и до вечера; от тех плясок бесовских

Окиан-сине море всколыбалось,
Кораблики все повыломало,
Людей всех повытопило.

Очевидно, что Садко, чудесная игра которого на гуслях заставляет волноваться океан-море, заменил собою в предании древнейшего бога грозы и ветров: в завываниях грозовой бури предкам нашим слышались чародейные звуки гуслей-самогудов. Женитьба Садко на деве-реке, в первоначальном представлении мифа, была брачным союзом бога-громовника с облачною нимфою; корабль, на котором плыл он по синему морю, — известная метафора тучи. Чтобы приостановить морскую бурю, Садко должен был порвать звонкие струны и прекратить игру на гуслях... Когда пронесется шумная гроза и замолкнут порванные струны гуслей-самогудов, т. е. стихнут громы и ветры, — вместе с тем успокаивается и морская пучина.

С разобранными былинами о Садко стоит в близкой связи народная сказка о *Морском (Водяном или Поддонном)* Царе и его вещей дочери. В одном варианте этой сказки Морской Царь прямо назван *Окиан-море*; в других же списках роль его передается змею, черту и беззаконному Чуду-Юду. Этот славянский Нептун упоминается и в других сказках. Как приноситель темных туч, которые помрачают собою небесный свет и нередко вредят созревающим жатвам, дождящий Перун издревле соединял в своем характере вместе с благотворными свойствами и черты существа демонического; тот же двойственный характер был усвоен и Морскому Царю, который первоначально был дождящим громовником. Оттого так обыкновенна в народных сказках замена Морского Царя чертом...

Содержание сказки о морском владыке и его дочери в кратких словах таково: едет царь домой, а день был знойным — солнце так и печет! От великой жажды припадает царь брюхом наземь и начинает глотать студеною воду из озера; тут ухватил его за бороду Морской Царь и до тех пор не хотел выпустить, пока не дал пленник обещания уступить ему то, чего дома не ведает. А в то время царица родила сына. По договору с Морским Царем Иван-царевич, достигнув юношеских лет, отправляется в подводное царство, приходит на сине море и прячется за кусты. Вот прилетели двенадцать *голубок (утиц, лебедушек)*, сбросили свои *крылышки (или перышки)*, обернулись красными девицами и стали купаться: то были дочери Морского Царя. Иван-царевич подкрался потихоньку и взял крылышки Василисы *Премудрой*. Девицы искупались, разобрали крылышки и улетели голубками; оставалась одна Василиса Премудрая. Стала она упрашивать доброго молодца возвратить ей крылышки; царевич отдает их под условием, чтобы прекрасная дева согласилась быть его невестою. В некоторых вариантах место Василисы Премудрой занимает *Лебедь-птица, красная девица*. Эти лебединые девы по первоначальному своему значению суть олицетворения весенних, дождевых облаков; вместе с низведением преданий о небесных источниках на землю лебединые девы становятся дочерьми Океан-моря и обительницами земных вод (морей, рек, озер и криниц). Таким образом они роднятся с нимфами, никсами, эльфами и русалками; последние, по мнению поселян, состоят под началом у дедушки-водяного. Согласно с этим, лебединым девам придается вещий характер и мудрость; они

исполняют трудные, сверхъестественные задачи и заставляют подчиняться себе самую природу. Имя *лебедь*, употребляемое в народной речи большею частью в женском роде, означает собственно: *белая* (светлая, блестящая); такое коренное его значение впоследствии подновлено постоянным эпитетом: *белая лебедь*. Пока народ относился сознательно к этому слову, он вправе был прилагать его к белым облакам, озаренным лучами весеннего солнца, и к светлым струям источников и рек...

Одна из наиболее любопытных старинных былин содержит в себе рассказ о том, как богатырь *Поток* женился на вещи красавице, которая впервые явилась ему на тихих морских заводах в виде *белой лебеди*. Предание, записанное Нестором, упоминает о трех братьях Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди; первый дал название Киеву, два других брата горам Щековице и Хоревеице; Лыбедь — старинное название реки, впадающей в Днепр возле Киева.

Иван-царевич приходит в подводное царство, в котором так же, как и на земле, цветут луга и рощи, текут реки и светит солнце: это — воздушная, заоблачная страна, где сияют небесные светила, растут райские цветы и деревья и шумят дождевые потоки. Морской Царь возлагает на царевича трудные, неисполнимые для простого человека подвиги; все совершает за него Василиса Премудрая. В заключение разнообразных испытаний велено было молодцу выбрать себе невесту из двенадцати дочерей Морского Царя, и он выбирает самую хитрую и прекрасную — Василису Премудрую. Женился царевич на своей суженой и задумал уйти с нею из подводного царства. Бег-

ство любящей четы сопровождается разными превращениями, чтобы в этой перемене образов утаиться от погони; а преследует беглецов Морской Царь со своим воинством: по указанию немецкой и новогреческой редакций, он несется *черною тучею, сверкающею молниями*. В числе превращений, принимаемых на себя беглецами, особенно интересно следующее: вещая дева обращает своего милого рыбою (окунем), а сама делается *речкою*. Разгневанный Морской Царь заклинает ее: «Будь же ты речкою целые три года!» Итак, дочь Морского Царя возвращается в свое первобытное стихийное состояние, подобно тому как Садко лег свечеру спать с красной девицей и накинул на нее со полуночи левую ногу, а наутро проснулся под Новгородом, а левая нога в реке Волхове. В этой сказочной поэме описывается весенний брак облачной девы с юным богом-громовником, который сходится с нею в подводной области Морского Царя, т. е. в море темных, грозowych туч, облагающих небо. По редакции новогреческой, когда царевич попадает к Морскому Царю, то родная страна его *одевается в траур* и не прежде сбрасывает черные покровы (просветляется), как по счастливом возврате его домой. Убегая из подводных владений Морского Царя, вещая дева разливается речкою, т. е. дева эта только тогда освобождается из облачных пучин и является на этот свет, когда из моря небесных туч побегут на землю дождевые потоки: *течь* в некоторых славянских наречиях употребляется в смысле убегать. Об одной кринице, в четырех милях от Белграда, рассказывается такое предание: красавица *Параська*, взятая в плен татарами, попала в гарем паши, но оставалась непреклонною; раз

ночью войдя в ее покой, паша увидал ангела, готового защитить деву, и, пораженный ужасом, удалился, не замкнув двери. Параська вырвалась на свободу и побежала вдоль лимана, но посланная за нею погоня нагнала беглянку в скалах и хотела уже схватить ее, как вдруг она *разлилась чистою криницею*. Имя красавицы указывает на связь ее с мифическою *Пятницею* — богинею весенних гроз (Фреею).

По свидетельству народных былин, некоторые сильномогучие богатыри и их жены, умирая, разливались широкими, славными реками. Расселяясь по Европе, славяне дали рекам те древнейшие названия, вынесенные ими с востока, которые изначала употреблялись как нарицательные имена реки или воды вообще. Так, названия: Сава, Драва, Одра (Одер), Ра, Упа, Ока, Дон, Дунай, Двина — арийского происхождения и имеют в санскрите родственные себе формы и корни с указанным общим значением: *dhuni, dhûni* (река), доселе удерживают свой первоначальный смысл на Кавказе, где у осетинов формы *дун* и *дон* означают всякую реку и воду; у славян же *Дон* перешло в собственное имя, а форма *дун* с окончанием *ав* образовала: *Дунав* и потом *Дунай*. Слово *Дунай*, служащее собственным именем известной реки, до сих пор употребляется и как нарицательное для всяких больших и малых рек; примеры можно видеть в галицких и польских песнях: «За реками за дунаями». Такие нарицательные названия, придаваемые земным рекам, равным образом могли служить и для обозначения водоносных туч. Те и другие, как мы знаем, роднились в мифических сказаниях народа, и верования, касавшиеся собственно небесных пото-

ков, были прикрепляемы к земным водам, на берегах которых обитало племя. Пока предание владычествовало над всем строем жизни, локализация мифов продолжалась при каждом новом переселении. Вот почему, согласно с древнейшим представлением громоносных, дождевых туч мощными великанами божественной породы, народный русский эпос олицетворяет знакомые ему большие реки в виде богатырей старого времени; *богатырь* (от слова *бог*) есть существо божественное, и потому наделенное необычайными силами и великанскими размерами, приличными грозным стихиям природы. Как индийцы признавали божеством Ганг, немцы — Рейн, так славяне соединяли божеские свойства с Дунаем, Днепром, Западным и Южным Бугом и другими значительными реками. Название *Буг* есть только особая форма слова *бог*, и в статейном списке XVII века вместо «Буг-река» встречаемся с формой: «Бог-река». Содержание былин о речных богатырях вводит нас в область стародавних мифических воззрений. Наезжал Дунай-богатырь в чистом поле молодую Настасью-королевицну: эта героическая, сильномогучая дева рыскала по свету удалою поленицею; под нею был чудный конь — на два выстрела из-под копыт камни выметывал. Крикнула она зычным голосом «по-змеиному» — в поле травы повянули, цветики осыпались, камни раскатились. Стали витязи пробовать свою силу, ударились палицами — палицы поломались, ударились саблями — сабли пощербилась, сходились врукопашную и водились с утра до вечера и с вечера до бела света; наконец Дунай осилил и свалил наземь супротивника, хочет вынуть из него сердце горячее, но увидел белые женские груди и

признал королевну. Тут они промеж себя поладили, взял Дунай королевну замуж и поехали вместе в славный Киев-град. Приехали ко князю Владимиру; на почестном пиру охмелел Дунай-богатырь и стал хвастаться своим молодечеством. Говорит ему Настасья-королевична: «Не хвастай, тихий Дунай Иванович! если на стрельбу пойдет, то нет нигде супротив меня стрельцов.

На твою-то молодецкую головушку
Я кладу свое колечико серебряно;
Три раза из лука калену стрелочку повыстрелю,
Пропущу-то скрозь колечико серебряно,
И не сроню-то я колечика с головушки».

Вызов был принят, и королевна трижды пропустила свою стрелу сквозь кольцо, поставленное на голове Дуная, и ни разу не сронила колечка. Вздумал попытать своей удали и Дунай Иванович, положил кольцо на голову Настасьи-королевичны и хочет стрелять из туга лука разрывчатого; и взмолилась ему молодая жена: «Не стреляй, Дунаюшка! у меня во чреве чадо посеяно: по колени ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицам частые звезды». Не послушался Дунай, спустил каленую стрелу; не угодил в кольцо, а попал жене в белую грудь, убил королевну и пораздумался: «Есть ли у меня с нею что посеяно?» Распластал ей чрево булатным кинжалищем, а во чреве чадо милое — по колени ноги в серебре, по локоть руки в золоте, по косицам частые звезды. Тут ему за беду стало, за великую досаду показалось; становил он кинжал во сыру землю тупым концом и падал на острый конец ретивым сердцем: *от той ли крови горячие —*

Где пала Дунаева головушка —
Протекала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка —
Протекала Настасья-река.

Или:

Из-под этого с-под местечка
Протекали две реченьки быстрых,
И на две струечки оны расходились.

Иногда Дунай-богатырь заменяется *Доном Ивановичем*, а Настасья-королевична *Непрою* (*Днепра* — женская форма вместо мужской *Днепр*); как убил Дон Иванович жену свою Непру-королевичну и пала она на сыру землю, облитая горячею кровью, становил он ножище-кинжалище, а сам выговаривал:

Куда пала головушка белы лебеди,
Тут пади головушка и сера гуся! —

и упал на острие.

Тут-то от них протекала Дон-река
От тыя от крови христианския,
От христианския крови от напрасныя,
Глубиною река двадцати сажень,
А шириною река сорока сажень.

Такое же начало имела, по народному преданию, и Сухман-река (*Сухона?*). Поехал Сухман-богатырь в чистое поле, приезжает к Непре-реке и видит: течет она не по-старому, не по-прежнему, вода с песком помутилась. На вопрос: что с нею стало-ся? *испроговарит матушка Непра-река*: «Как же мне было течь по-старому, когда стоит за мной сила татарская — сорок тысячей; мостят они мосты калиновые —

Днем мостят, а ночью я повырою;
Из сил матушка-река повыбилась!»

Перескакивал Сухман на своем добром коне на другой берег, выдергивал дуб с корнем и напускался на силу татарскую, всех перебил поганных, но и сам получил три раны кровавые. Умирая, богатырь причитывал:

Потеки Сухман-река
От моя от крови от горячия,
От горячия крови от напрасныя.

Кровь — одна из древнейших метафор воды и дождя; всемирный потоп (весеннее наводнение), по свидетельству преданий, произошел от крови великанов — туч, которые пали сраженные в грозовой битве. Сказания о реках, образовавшихся из крови убитых богатырей и их жен, выражают, следовательно, ту же самую мысль, что и миф о небесном происхождении земных вод: реки эти истекают из дождевых туч, гибнущих под ударами Перуновой палицы. Поэтому Непра (Настасья)-королевична всеми своими характеристическими чертами сходится с теми воинственными девами (валькириями и вилами), в образе которых олицетворялись грозные тучи: ей даны и непомерная сила, и страсть к войне, и славное искусство пускать меткие стрелы (молнии). В битве Сухман-богатыря с татарами узнаем мы вставленный в историческую рамку миф о ратном состязании бога-громовника с демоническими силами. В связи с этими данными получает особенный интерес новгородское предание о реке Волхове. Выше было указано, что она олицетворялась девою, одною из дочерей Морского Царя; но

допускалось и другое олицетворение, соответствующее мужской форме — *Волх*, *Волхов*. Старинный хронограф⁴ утверждает, что Волхов был лютый чародей (*волхов* — колдун, кудесник); в образе крокодила поселился он в реке, которая от него получила в свое прозвание, и залегал в ней водный путь; всех, кто не поклонялся ему, чародей топил и пожирал; суеверный народ почитал его за бога и называл *Перуном* и *Громом*. Что касается упоминания о крокодиле, то эта подробность объясняется литературным подновлением: крокодил заступает здесь место чудовищного змея (дракона), залегающего источники и реки.

Народные предания относятся к рекам, озерам и потокам как к существам живым, способным понимать, чувствовать и выражаться человеческою речью. О *Волге* и *Вазузе* в Тверской губ. рассказывают: «Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили-спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует: в Зубцове догнала Вазузу да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. И до сих пор Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна». Здесь олицетворены две реки, которые спорят о ста-

рейшинстве и пускаются вперегонку; обстановка басни, очевидно, снята с природы: покрываясь льдом, реки на зиму засыпают, а весной пробуждаются и, сбросив зимние оковы, разливаются от растаявших снегов, и в быстром и шумном беге спешат снести свои обильные воды в далекое море, как бы перегоняя одна другую. Волга, принимая в себя побочные реки, по прекрасному поэтическому выражению русского народа, доносит их к синему морю на своих могучих руках (в своих объятиях). Это предание о Волге и Вазузе в других местностях России связывается с другими реками...

Сохранилось еще следующее сказание о *Днепре, Волге и Западной Двине*: реки эти были прежде людьми, Днепр был брат, а Волга и Двина — его сестры. Остались они сиротами, натерпелись всякой нужды и придумали наконец пойти по белу свету и разыскать для себя такие места, где бы можно было разлиться большими реками; ходили три года, разыскали места и приостановились все трое *ночевать в болотах*. Но сестры были хитрее брата; едва Днепр уснул, они встали потихоньку, заняли самые лучшие, отлогие местности и потекли реками. *Проснулся* поутру брат, смотрит — далеко его сестры; раздраженный, ударился он о сыру землю и в погоню за ними понесся шумным потоком по рвам и буеракам, и чем дальше бежал — тем больше злился и рыл крутые берега. За несколько верст до впадения гнев его утих, и он спокойно вступил в морские пучины; а две сестры его, укрываясь от погони, разбежались в разные стороны. Вот отчего Днепр течет быстрее Двины и Волги, вот почему у него много рукавов и порогов.

Вышеприведенная былина про новгородского гостя Садко рассказывает, что Морской Царь наделил его великими богатствами; другая старинная песня приписывает это *Ильмень-озеру*, которое олицетворяется добрым молодцем и называется *братом Волги*. Плыл однажды Садко по Волге-реке, отрезал великий сукрой хлеба, сыпал его солью и опустил в воду с этими словами: «Спасибо тебе, матушка Волга! гулял я по тебе двенадцать лет — никакой скорби над собою не видывал. А идущая, молодец, в Новгород побывать». *И провела-сь ему Волга-река*: «Поклонись от меня брату моему, славному озеру Ильменю». Приехал Садко на Ильмень-озеро и правил ему поклон от Волги-реки:

А и гой еси, славный Ильмень-озеро!
Сестра тебе Волга челобитье посылает.

Малое время позамешкавши, приходил от Ильмень-озера удалой добрый молодец и спрашивал: «Как-де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко рассказал: молодец дал ему позволение закинуть в озеро три невода, и торговый гость наловил множество рыбы и белой и красной и склал в три погреба; в какой погреб ни заглянет потом, *а рыба вся превратилась в деньги — в серебро да в золото*. Таков был подарок ему от славного Ильмень-озера. Есть еще другое предание об этом озере. С западной стороны впадает в него небольшая речка, называемая *Черный ручей*. В давнее время поставил кто-то на Черном ручье мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты: «Было-де нам и просторно и привольно, а теперь лихой человек отнимает у

нас воду». И вот что случилось: один из новгородских обывателей ловил удочкою рыбу на Черном ручье; подходит к нему незнакомец, одетый весь в *черное*, поздоровался и говорит: «Сослужи мне службу, так я укажу тебе такое место, где рыба кишмя кишит». — «А что за служба?» — «Как будешь ты в Новгороде, встретишь там высокого, плотного мужика в *синем* кафтане со сборами, в широких *синих* шароварах и высокой *синей* шапке; скажи-ка ему: дядюшка Ильмень-озеро! Черный ручей тебе челобитье прислал и велел сказать, что на нем мельницу построили. Как ты, мол, прикажешь, так и будет!» Новгородец обещался исполнить просьбу, а черный незнакомец указал ему место, где скопилось рыбы тьма-тьмушая. С богатой добычею воротился рыболов в Новгород, повстречал мужика в синем кафтане и передал ему челобитье. Отвечал Ильмень: «Снеси мой поклон Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде да и не будет!» Исполнил новгородец и это поручение, и вот разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря, и яростные волны снесли мельницу.

Песенные сказания сохранили живое воспоминание о жертвенных приношениях морю и рекам. Как Садко чествовал хлебом-солью Волгу, так Илья Муромец — свою родную Оку. Отправляясь с родины на богатырские подвиги, опустил он на прощанье корочку хлеба в Оку — за то, что поила и кормила его. До сих пор простолюдины наши, после счастливого плавания, благодарят реку каким-нибудь приношением. Стенька Разин принес в дар Волге свою любовницу, пленную персидскую княжну. Распаленный вином, он сидел

на краю ладьи и, задумчиво поглядывая на волны, сказал: «Ах ты, Волга-матушка, река великая! Много ты дала мне и злата и серебра и всякого добра, ты меня вскормила и взлелеяла, славою и честью наделила; а я ничем еще тебя не благодарствовал. На ж тебе, возьми!» С этими словами он схватил княжну и бросил в воду... Если жертвоприношениями снискивалась милость водяных божеств, то, наоборот, непочтение к ним влекло за собой неминуемую беду. По свидетельству одной старинной песни, подъехал молодец к реке *Смородине* и взмолился, чтоб указала ему брод. Провести́лась река человеческим голосом — *душой красной девицей*:

Я скажу те, быстра река, добрый молодец,
Я про броды конинные, про мосточки калиновы, перевозки
частые.

Со броду кониною я беру по добру коню,
С перевозу частого по седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова по удалому молодцу;
А тебя, безвременного молодца —
Я и так тебя пропущу.

Переправившись через реку, стал молодец глупым разумом похваляться: «Сказали про реку *Смородину* — не пройти, не проехать чрез нее ни пешему, ни конному; а она-то хуже дождевой лужи!» Пришлось ворочаться доброму молодцу, не нашел он брода кониною — потопила его река *Смородина* в своих глубоких ому́тах, а топила — приговаривала: «Безвременный молодец! Не я топлю, топит тебя похвальба твоя!» Это прекрасное предание напоминает нам поэтический рассказ Гомера о реках *Ксанфе* и *Симоисе*, преследующих своими ярыми волнами *Ахиллеса*; бешеная злоба рек выз-

вана тем, что герой запрудил их воды трупами убитых троянцев и, издеваясь, говорил врагам:

Вас не спасет ни могучий поток, серебристо-пучинный.
Ксанф! Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчет-
ных.

В волны бросайте живых, как и прежде, коней звуко-
ногих:

Все вы изгибнете смертью лютой...

Подобное же участие в народных усьобицах принимают реки и в славянском эпосе. Так, в чешской песне о Забое бурные потоки *губят врагов-немцев*, которые хотят переправиться на другую сторону, а *своих (чехов) невредимо выносят на берег*. Когда Игорь ушел из половецкого плена и прибежал к *Донцу*, эта река (как повествует «Слово о полку Игореве») приветствовала его: «Княже Игорю! не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а русской земли веселиа». — «О Донче! — отвечал Игорь, — не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнах, стлавшу ему зелену траву на своих сребренных брезех, одевавшу его теплыми мѣглами под сению зелену древу; строжаше его го-голем на воде, чайцами на струях, чрънядьми на ветрах». Игорь воздаст честь Донцу за то, что лелеял его на своих водах, укрывал его мглою от вражеской погони, стлал ему по берегам мягкую траву и заставлял оберегать его покой речных птиц. Не так, говорит, поступила река *Стугна*: «худу струю имея» и пожрав чужие ручьи, она потопила юного Ростислава. Понятно, почему Ярославна сочла долгом обратиться к *Днепру* с такою мольбою: «О Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую. Ты

лелеял еси на себе Святославли насады (ладьи)... възлелей, господине, мою ладу (моего мужа) ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано».

По мере того как поэтические олицетворения, придаваемые рекам, озерам и источникам, более и более отделялись от своей стихийной основы и получали в убеждениях массы независимое, самостоятельное бытие, воды стали рассматриваться как жилища этих вымышленных существ. Самые обыкновенные житейские нужды требовали, чтобы человек селился у воды. Потому духи — обитатели колодцев, прудов, озер и рек, у которых селились родичи, были для них такими же близкими божествами, как и пламя, разводимое на семейном очаге. Народные поверья сообщают многие аналогические черты, которые обнаруживают сродство *водяного* с *домовым* и равно сближают их с эльфами — и это понятно: как последний есть водворенный на очаге бог-громовник, так в первом узнаем представление о дождящем божестве, низведенное на земные потоки. В характере водяного доселе заметны следы этого древнейшего представления. Наши крестьяне называют его тем же именем *дедушки*, какое присваивается домовому; имя это дается иногда и лешему, который первоначально также принадлежал к разряду облачных духов. Когда сатана, рассказывает народ, со всем своим воинством был низвергнут с неба огненными стрелами бога, то нечистые упали — одни в темные подземелья и адские вертепы, другие в леса и воды, иные в жилые дома, а иные остались навсегда вертеться в воздухе; так произошли духи подземные (карлики, жильцы горных пещер), лешие, водяные, домовые и воздушные

бесы — крутящиеся вихри. Это замечательное предание содержит в себе старинный миф о борьбе бога-громовника с демоническими силами, подновленный библейским сказанием о низверженных с неба гордых ангелах. В весенней грозе выступает Перун на битву с демонами, разит их своею громовою палицею, сбрасывает с воздушных высот вместе с падающими молниями и дождевыми ливнями и заставляет укрываться в ущельях гор, в дремучих лесах и глубине вод (все это: горы, леса и воды — метафорические названия облаков). Как представители темных дожденосных туч, против которых направлены Перуновы удары, водяные смешиваются с нечистою силою; народные пословицы говорят: «Был бы омут, а черти будут»; «Всякому черту вольно в своем болоте бродить»; «Черт без балота ня будець, а балота без черта»; «Черт богато грошей мае, а в болоте сидит»; «В тихом омуте черти водятся»; «Из омута в ад как рукой подать!»; «Все бесы в воду и пузырья вверх!» *Дедушка-водяной (водяник, водовик)* живет в омутах, котловинах и водоворотках рек, прудов или озер, живет и в болотах — и тогда называется *болотняник*; особенно же любит он селиться под водяною мельницею, возле самого колеса. Мельница принималась за поэтическое обозначение громоносной тучи, и именно в этом представлении кроется основа мифической связи водяного с мельницами. На каждую мельницу полагают по одному водяному, и даже более — если она имеет два и три постава: всякий водовик заведывает своим колесом, или, как выражаются белорусы: «Всякий черт на свое коло воду тягнет». В то время, когда колесо бывает в ходу и вертится с неуловимой быстротою, водяной сидит

наверху его и брызжет водою. Мельник непременно должен быть колдун и водить дружбу с нечистым, иначе дело не пойдет на лад. Если он сумеет задобрить водяного, то мельница будет всегда в исправности и станет приносить большие барыши; напротив, если не поладит с ним, то мельница будет беспрерывно останавливаться: водяной то оберет у шестерного колеса пальцы, то прососет дыру у самых вешников — и вода уйдет из пруда прежде, нежели мельник заметит эту проказу, то нагонит поводь и затопит колеса. Один мужик построил мельницу, не спросясь водяного, и за то последний вздул весною воды с такою силою, что совсем разорил постройку: рассказ, сходный с преданием о мельнице, которую разорили Ильмень-озеро и Черный ручей. Водяной относительно мельницы является с тем же значением, с каким домовый относительно жилого дома; как ни одно жилье не может стоять без охраны усопших предков, почему и закладка его совершается на чью-либо голову, так точно со всякой новой мельницы водяной (по народному поверью) *берет подать*, т. е. увлекает в омут человека. При постройке мельницы достаточно положить зарок на живую тварь: свинью, корову, овцу (намек на древние жертвы) или человека, а уж водяник рано или поздно найдет свое посуленное и утопит в воде; большая мельница строится не менее как на десять голов (Тамбов. губ.). Народ представляет водяного *голым стариком, с большим одутловатым брюхом и опухшим лицом*, что вполне соответствует его стихийному характеру. Вместе с этим, как все облачные духи, он — горький *пьяница*. *Вино и мед* были самыми употребительными метафорами дождя; припадая

к тучам, бог Индра жадно тянул из них опьяняющий напиток (сому) и поглощал его в свое огромное брюхо; античные сатиры и силены и родственные им лешие и черти отличаются теми же признаками. Водяные и нечистые духи любят собираться в шинках и проводить время в попойках, *играя в кости* и карты. Уподобление дождя меду заставило признать водяного *покровителем пчеловодства*; исстари принято первый отроившийся рой собирать в мешок и, привязав к нему камень, топить в реке или пруду — в жертву водяному; кто так сделает, у того разведется много пчел. Так как урожаи зависят от дождящего Перуна, то появление водяного дает предвестие о будущих ценах на хлеб; одетый в балахон, *края которого всегда мокры*, он показывается на рынках и торгует рожь: если покупка состоится по высокой цене, то надо ожидать дороговизны (неурожая), а если по низкой, хлеб будет дешев.

Водяные живут полными домохозяевами; в омутах, среди тростников и осоки, у них построены большие каменные палаты; у них есть свои стада лошадей, коров, овец и свиней, которых по ночам выгоняют они из вод и пасут на смежных лугах. Такие же стада находим у бога-громовника и великанов: это — знакомые нам зооморфические олицетворения облаков и туч. Водовики почти всегда женаты и имеют по многу детей; женятся они на *водяных девах*, известных у славян под разными названиями (моряны, водяницы, дунавки, русалки и пр.); вступают в связи с людским миром, женись на утопленницах и на тех несчастных девушках, которые были прокляты отцом или матерью и вследствие этого проклятия

уведены нечистою силою в подводные селения. Погружаясь на дно рек и озер и задыхаясь в глубоких водах, смертные девы переходят в царство усопших душ и смешиваются с толпами стихийных существ, становятся эльфами и русалками и потому делаются доступными любви водяного. Когда в полноводие, от весеннего таянья снегов или от долгих проливных дождей, выступит река из своих берегов и стремительным напором волн ломает мосты, плотины и мельницы, то крестьяне думают, что все эти беды произошли оттого, что водяные *подпили на свадьбе, предались буйному веселью и пляскам* и в своем разгульном поезде разрушили все встречные преграды. Свадебное торжество, которое созерцал древний человек в грозовой буре, было перенесено им на весенние разливы рек; связь этого поверья с преданием о пляске Морского Царя, когда он выдавал свою дочь замуж за богатого гостя Садко, очевидна и не требует пояснений. Когда у водяного должна родить жена, он принимает вид обыкновенного человека, является в город или деревню и приглашает с собой повивальную бабку, ведет ее в свои подводные владения и щедро награждает за труд серебром и золотом. Рассказывают, что однажды рыбаки вытащили в сетях ребенка, который резвился и играл, когда его опускали в воду, и томился, грустил и плакал, когда приносили в избу. Ребенок оказался детищем водяного; рыбаки отпустили его к отцу — с условием, чтобы он нагонял в их сети как можно более рыбы, и условие это было им свято соблюдаемо.

Вода составляет существенное свойство, необходимую природу водяного: появится ли он в

деревне — его легко узнают, потому что с левой полы его постоянно *капает вода*; где бы он ни сел, то место всегда оказывается *мокрым*. В своей родной стихии водяной непреодолим, а на земле сила его слабеет. Хозяин известных вод, он на всем их пространстве обладает рыбами и другими животными, какие только там водятся; все, что ни случается на реках, прудах или озерах, — творится по его воле: он бережет пловца в бурную погоду, дает рыбаку счастливый улов, смотрит за его неводами и бреднями и в то же время, согласно с разрушительными свойствами олицетворяемой им стихии, склонен к злым проказам. Все беды на воде бывают от него: он заманивает пловцов в опасные места, переворачивает лодки, размывает гребли и плотины, портит рыболовные снасти и пугает скотину на водопое. Случается, что рыбаки, подымая невод, вытаскивают вместе с рыбою и водяного деда, который тотчас же разрывает сеть, ныряет в воду и вслед за собою выпускает всю пойманную рыбу. Один рыбак, завидя, что по реке плывет тело утопленника, взял его в лодку, но к ужасу его мертвец вдруг ожил: вскочил, захохотал и бросился в омут. Так подшутил над ним водяной. Обыкновенно водяник ездит на *соме*, и в некоторых местностях рыбу эту не советуют употреблять в пищу, потому что это — *чертов конь*; пойманного сома не следует бранить, чтобы не услышал водяной и не вздумал отомстить за него. Если же водяному придет охота оседлать крестьянского коня, быка или корову, то бедное животное под ним подламывается, вязнет в тине и издыхает... При дневном свете водяной большею частью скрывается в глубине, а в ночном сумраке выплывает наверх и даже вы-

ходит на берег расчесывать гребнем свои волосы. В лунные *ночи* он *хлопает по воде ладонью* — и звучные удары его далеко слышны по плесу, или ныряет с неуловимою для глаз быстротою: среди совершенной тишины вдруг где-нибудь за клубится, запенится вода, из нее выскочит водяное чудо и в тот же миг скроется, а в полверсте от этого места снова клубится и пенится вода, и снова выставляется голова водяного. В *ночную же пору дерутся водяные с лешими*, отчего идет по лесу *грохот и треск падающих деревьев* и громко раздается во все стороны *шум плещущих волн*: поверье, намекающее на битвы грозных духов; грохот и треск в лесу и звучные удары по воде соответствуют громовым раскатам, от которых сокрушаются темные дебри облаков и льются дождевые потоки.

Чехи убеждены, что над теми людьми, которым судьба определила утонуть, водяной получает таинственную власть, которую ничем нельзя отклонить. Доныне в Богемии рыбаки неохотно соглашались подать помощь утопающему; они боятся, чтобы водяной не лишил их за это счастья в рыбной ловле и не утопил бы их самих при первом удобном случае. Здесь рассказывают, что водяной нередко сидит на берегу, с дубинкою в руках, на которой развешаются разноцветные ленты. Эти ленты оказываются вблизи *водяными порослями и травами*; ими он приманивает детей, и как скоро это удастся ему — схватывает их и безжалостно топит в воде. На Руси видали его плавающим на чурбане или коряге: он сидит на ней голый, весь в *тине*, имея на голове высокую боярскую *шапку, свитую из зеленой куги*, и вокруг

тела *зеленый пояс из той же травы*. Олицетворяя источники и реки в живых человеческих образах, фантазия растущие в их водах и по берегам травы обратила в уборы созданных ею мифических существ... Но как вообще травы и растения уподоблялись волосам матери-земли и орошающих ее вод, то метафора эта в применении к водяным духам и девам породила сказание о *зеленых волосах и бороде деда-водяника и зеленых косах русалок*. Немецкие сказания также нередко дают *никам зеленые волосы, зеленую одежду и зеленые шляпы*.

Подобно домовому, который все тащит из соседских кладовых и амбаров в свой собственный дом, водяной ухитряется перезывать к себе рыбу из чужих рек и озер. Так объясняют простолюдины умаление и совершенное исчезание рыбы в тех или других водах. Объясняют это и несколько иначе, уверяя, что один водяной проиграл все свое добро другому. Так, о водяниках Кончозерском и Пертозерском рассказывают, что они, как соседи, играли в карты (позднейшая замена старинной игры в шары), и первый выиграл у последнего всю ряпушку; с тех пор рыба эта перестала ловиться в Пертозере.

Летом водяной бодрствует, а зимою *спит*, ибо зимние холода запирают дожди и застилают воды льдами. С началом весны (в апреле), когда начинается новая жизнь, когда домовый меняет свою шкуру и обнаруживает бешеную страсть все ломать и портить, водяной *пробуждается от зимней спячки — голодный и сердитый*; с досады он ломает лед, вздымает волны, разгоняет рыбу в разные стороны, а мелкую и совсем замучивает. В этом предании прекрасно выражена мысль о

пробуждении вод от зимнего сна: с полным разгулом несется проснувшаяся река, сбрасывая с себя ледяные покровы и напором полной воды и льдин снося мосты, гати, мельничные снасти и прибрежные склады и строения. В Архангельской губ. о прибывающей воде говорят, что она *заживает*. Около этого времени гневного водяного ублажают жертвами. Крестьяне покупают миром лошадь, не торгуясь в цене; три дня откармливают ее хлебом и конопляными жмыхами; потом спутывают ей ноги веревкою, на шею надевают два жернова, *голову обмазывают медом, в гриву вплетают красные ленты* и в полночь опускают в прорубь (если стоит еще лед) или топят среди реки (если лед прошел). Три дня дожидается водяной этого гостинца, выражая свое нетерпение колыханием воды и глухим стоном. Задобренный приношением, он смиряется. Со своей стороны рыболовы чествуют водяного жертвенным возлиянием; старший из них выливает в реку *масло*, приговаривая: «Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье! Люби да жалуй нашу семью». Мельники, чтобы водяной не разорвал плотины, однажды в год приносят ему в дар *откормленную черную свинью*; кто этого не делает, того он *замучивает во время сна*, а плотину наверно размочет. Как петух, служивший символом огня, был посвящен домовому и считался лучшею для него жертвенною яствою, так *гусь*, представитель водной стихии, посвящался водяному. Если выкинет из трубы, то с целью предохранить дом от пожара опускают в нее *живого гуся*: средство это, по народному поверью, так же спасительно, как и вода, заливающая огонь. Гуси и утки все лето живут на реках, озерах и прудах *под надзором и охраною дедушки-воды*.

ного, а на зиму покидают оцененные воды. В половине сентября, когда становится ощутительно приближение зимы, *водяному приносят гуся*, как прощальный дар — в благодарность за то, что сторожил домашних гусей и уток в продолжение лета.

В мифических сказаниях древности облака и тучи были уподобляемы рыбам, плавающим в воздушном океане. Это представление сочеталось и с теми человеческими образами, в каких фантазия олицетворяла небесные и земные источники. Водяные духи и девы то совершенно *превращаются в рыб*, то являются *со смешанными формами человека и рыбы*. Так, греческие сирены, немецкие никсы, славянские моряны и русалки с головы по пояс представляются юными девами чудной, обольстительной красоты, а ниже пояса имеют рыбий хвост. Выставляя из вод свои прекрасные головы, белоснежные плечи и груди, они поют чарующие песни и манят к себе неосторожных юношей, которые, будучи не в силах противиться страстному наитию любви, бросаются в волны и тонут в предательской стихии. Народные русские сказки говорят о вещих («мудрых») девах, которые плавают в морских и речных водах *то белыми лебедями, то златоперыми рыбками*; пойманная на удочку и кинутая наземь, рыбка эта оборачивается красной девицей, выходит замуж за сказочного героя, всех пленяет красотой и всех превосходит силою чародейного ведения. В польской редакции той же самой сказки герой закидывает в воды *уду-самоловку с серебряной волосенью, с золотым поплавком, и ловит русалку — полудеву, полурыбу*, одаренную дивною красотой и очаровательным голосом. По древнепоэтическим

воззрениям, в весенней грозе бог-громовник выступал на ловлю рыбы — тучи и закидывал для того в небесные воды уду — молнию, или он преследовал легконогую облачную нимфу, и как скоро настигал ее — делил с нею любовь. Оба эти представления фантазия соединила вместе: рыба, пойманная сказочным героем, превращается в вещьную деву, с которою он и вступает в брачный союз. Ходит еще на Руси следующий интересный рассказ: один молодой промышленник каждый вечер *играл на гусях* в своей гальёте⁵, и как только заиграет — слышно было, что кто-то *пляшет* перед ним. Захотелось ему узнать, что бы это значило? И вот он спрятал под черепком зажженную свечу, и когда вдруг осветил ею гальёту — перед ним стояла *бледнолицая красавица с русыми косами*: то была *русалка*, или по другому варианту — проклятая отцом девица, которая проживала у нечистых в *морской глубине*. Подобный же рассказ находим в хорутанских приповедках, где героинею является девица, которая еще ребенком была похищена и унесена в море; там ее вскормили морские девы, научили пляскам и белое тело ее облекли *рыбьей чешуею*. На Украине существует поверье, что когда *играет* (волнуется, шумит) *море* — на поверхность его всплывают *морские люди* — «що половина чоловика, а половина риби» и *поют песни*; чумаки приходят тогда к морю, слушают и научаются тем славным песням, которые потом распевают по городам и селам. В других местах этих «морских людей» называют *фараонами*, смешивая старинное предание о морянах с библейским сказанием о фараоновом воинстве⁶, потонувшем в волнах Черного моря. Рассказывают, что люди эти — *с рыбьими хвостами* и что они

обладают способностью *предсказывать будущее*. В суеверно настроенном воображении крестьян Саратовской и других губерний омуты населены нечистыми духами-оборотнями, принимающими на себя образы различных рыб; большая опасность угрожает тому рыбаку, который ударил бы в такую рыбу острогою. По народным рассказам, известным в северо-восточной России, *водяной* часто *оборачивается* *рыбою* и по преимуществу — *щукю*.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

деление года у древних славян определялось теми естественными, для всех наглядными знамениями, какие даются самою природою. Год распадался на две половины: летнюю и зимнюю,— и начинался с первого весеннего месяца — марта, так как именно с этой поры природа пробуждается от мертвенного сна к жизни и светлые боги приступают к созиданию своего благодатного царства. Апокрифы и народные поверья относят сотворение мира и первого человека к марту месяцу. Водворение христианства на Руси не скоро изменило старин-

ный обычай начинать новолетие мартом. Церковь, руководствуясь византийским календарем и святыми, приняла годичный круг индиктовый — сентябрьский; народ же и князья оставались при своем мартовском годе и продолжали обозначать месяцы древнеславянскими именами. И Нестор, и его продолжатели держались мартовского года; к сентябрьскому счислению летописцы перешли уже в позднейшее время: так, в Троицкой летописи сентябрьское счисление начинается с 1407 года, а в Новгородских — не прежде покорения Новгорода Иваном III. В делах житейских и гражданских мартовский счет, вероятно, продолжался до конца XV века. В 1492 г. созванный в Москве собор, установив церковную пасхалию на восьмое тысячелетие¹, перенес начало гражданского года с 1 марта на 1 сентября; январский же год введен уже Петром Великим.

Из четырех времен года весна рассматривалась как преддверие лета, а осень как первая пора зимы. Делить годичный период на месяцы подали повод постоянно повторяющиеся фазы луны; поэтому основанием древнейшего летосчисления принимался год *лунный*. Времена года и месяцы получили свои названия от тех характеристических признаков, какие усваивались за ними периодическими изменениями погоды и ее влиянием на возрождение и увядание природы, плодородие земли и труд человека. Ведя жизнь пастухов, звероловов и пахарей, первобытные племена по своим обиходным занятиям должны были обнаруживать самое усиленное внимание ко всем явлениям природы, и действительно, наблюдения их отличались необыкновенной живостью и закреплялись метким, живописующим словом...

Древнеславянские названия месяцев частью занесены в «церковный съборник», приложенный к Остромировому евангелию (1056 г.), в харатейное евангелие 1144 года и в некоторые другие старинные рукописи; частью и доньше удерживаются между болгарами, поляками и иными славянскими племенами:

1) Январь — древн. *просинец*, малор. *сечень*, болг. *студени-ят* и *лов'заец*. Первое название производят от *про-синети* (*синути* — совершенный вид от глагола *сияти*) и видят в нем указание на возрождающееся солнце. 12 декабря у нас слывет *солоноворот*: солнце поворачивает на лето, и в январе *дни уже начинают заметно увеличиваться* (проясняться), а ночи сокращаются. У болгар декабрь называется *коложег*, т. е. месяц возжения солнечного колеса. *Сечень* (от глагола *сечь*) вполне соответствует польскому *стычень* (от *тыкать, ткнуть, тнуть* и старин. *тяги* или *тети* — *сечь, бить*); с этим именем предки наши могли соединять мысль о «переломе зимы» (в январе половина зимы оканчивается, а половина остается) или еще вероятнее — мысль о трескучих, все поражающих морозах. Декабрь, январь и февраль месяцы издревле назывались *волчьим* временем, потому что Зима, в образе волка, нападала тогда на мир и мертвила его своими острыми зубами. Для обозначения февраля также употреблялось название *сечень*: сверх того, его называли *лютым* — эпитет, постоянно прилагавшийся к волку.

2) Февраль — др. *сечень* (болг. *сечен* или *сечко*) и *снежен*...

3) Март — др. и болг. *сухы(и)й*, малор. *березозол*, рус. област. *свистун* (пора ветров) и *пролетье*.

4) Апрель — др. *брезозор* и *березозол*, малор. *цветень*, рус. простонарод. *заиграй-овражки*, т. е. пора весенних потоков, скачущих по скатам гор и оврагов. Название *березо-зол* — *березо-зор* есть сложное; вторая половина слова указывает на действие внешнего тепла, которым вызывается в березах сладкий сок, употребляемый поселянами вместо напитка (сравни: «зорить ягоды» — выставлять их на солнце, чтоб доспели; «зорнить пряжу» — выставлять ее в весеннее время по утрам, чтоб она побелела; июль — месяц сушения скошенной травы — известен в народе под именем *сенозорника*).

5) Май — др. и болг. *травень*. У наших поселян май называется *мур* (*мурава* — трава), а начало этого месяца — *росеник*.

6) Июнь — др. *изок*, малор. *червец*. Слово *изок* означает кузнечика; в одной рукописи XVII века, при исчислении старинных названий месяцев, июнь назван «паутной, сиречь комарной»; в областном словаре *паут* — слепень, овод. Следовательно, июнь обозначался как время стрекотания кузнечиков, появления комаров, слепней и оводов. Соответственно декабрю — коложегу (зимнему повороту солнца), июнь назывался *кресник*, от *крес* — огонь, летний солоноворот — праздник Купалы, когда солнечное колесо, достигнув высшей точки на небе, начинает спускаться вниз. На Руси месяц этот слывет *макушкою лета*: «Всем лето пригоже, да макушка тяжела» (т. е. утомительна зноем).

7) Июль — др. *червень*, малор. *липец*. *Червен*, *червенец* от слова *червь*, что подтверждается и датскими названиями этого месяца, т. е. время собирания насекомых, известных под именем

червца и употребляемых на окраску; *червленный* — темно-красный, багряный... *Сенозо(а)рник*, *сеностав* (время гребли и складывания сена в стога). Другие названия, даваемые русскими поселянами июлю: *страдник* (от *страда* — пора жатвы и сенокоса) и *грозник*.

8) Август — др. и болг. *зарев*, малор. *серпень*, рус. обл. *зорничник* и *капустник*. Это время созревания нив (*зорничник* от *зорить* — *зреть*), жнитвы, действия серпом и перевозки сжатого хлеба (коловоз).

9) Сентябрь — др. *рюе(и)н*, болг. *рюен*, *руян*, сибирск. *рѣв* — время половых отношений копытчатых зверей; август месяц — *зарев*. Чехи дают подобное же название и месяцу октябрю. Таким образом, август и два следующие за ним месяца обозначались как период, в который олени и другие копытчатые животные бывают в течке и подымают дикий рев. Другие названия, даваемые сентябрю: малор. *вресень* (от *врес*, *верес*); болг. *гроздобер* — время сбора вереска и виноградных гроздий; рус. обл. *осенины*.

10) Октябрь — общеслав. *листопад*, малор. *паздерник*, от слова *паздер* — кострика, ибо в этом месяце начинают мять лен и коноплю; рус. обл. *зазимье* и *грязник*.

11) Ноябрь — др. и болг. *груден* (*грудън*). общеслав. *листопад*; у литовцев календарным знаком его служил древесный лист.

12) Декабрь — др., болг. и малор. *студен* (*студеный*, *студъный*), рус. обл. *зимник*, пол. *грудень*. В древней летописи встречаем следующие любопытные указания: «Поидоша на колех (на колесах), а по грудну пути; бе бо тогда месяц груден»; «А зима была гола (бесснежна), и ход конем был

нужн, грудоват», т. е. от стужи застыла, смерзлась грязь; *груда* доныне употребляется поселянами в значении мерзлой, не занесенной снегом грязи, лежащей по улицам и дорогам.

Исчисленные нами славянские названия месяцев преимущественно указывают на быт земледельческий. Круг наблюдений ограничивается произрастанием травы, распусканием цветов и деревьев (березы, дуба, липы), сенокосом, жатвою, молотьбою, уборкою льна, сбором винограда (в южных местностях) и теми резкими изменениями в погоде, которые, уславливаясь различным положением солнца, так могущественно влияют на плодородие земли и благосостояние человека. Зимний и летний повороты солнца, стужа и снег зимою, журчащие ручьи и осушение земли весною, падение росы, появление комаров и оводов, стрекотание кузнечиков, зной в половине лета, падение листьев в грязь в осеннюю пору — все это отразилось в народном календаре славянина. От древнейшего пастушеского быта удержались только три названия, указывающие на те периоды, когда скотина меняет свои рога, когда начинает она спариваться (пора течки или рева) и когда коровы бывают обильны молоком. Обозначая различные времена года по их характеристическим признакам, предки наши не соединяли с приведенными названиями месяцев строго определенных границ; одно и то же имя прилагалось к двум и трем соседним месяцам. С одной стороны, самые признаки, подмеченные народом, могли относиться к более или менее продолжительному времени: так, стужа, морозы и снега продолжаются во всю зиму; имя «просинца» (просветляющего, увеличивающего дни) с

равным правом могло прилагаться и к концу декабря, и к двум последующим месяцам; эпитет «травяного» одинаково идет и к апрелю, и к маю и так далее. С другой стороны, периодические изменения в жизни природы совершаются в разных местностях не одновременно, а раньше или позднее; на юге, например, весна устанавливается ранее, а зима позднее, чем на севере; с тем вместе и земледельческие работы там и здесь пригоняются к различным срокам. Этими естественными условиями объясняется и перемещение некоторых названий с одного месяца на другой. Так, имя «листопада», даваемое в южных местностях ноябрю, в средней и северной полосах должно было перейти на октябрь.

Отдельные дни или числа месяцев получили у поселян свои особенные прозвания, сообразно с соответствующими им признаками обновляющейся или замирающей природы и с приуроченными к ним крестьянскими работами: января 16-го — *Петр-полукорм* (половина запасов съедена), 18-го — *Афанасий-ломонос* («На Афанасия береги нос» — намек на сильные морозы), 22-го — *Тимофей-полузимник*, 24-го — *Аксинья-полузимница*, или *полухлебница*; февраля 11-го — *Власий — шиби рог с зимы*; 28-го — *Василий-капельник*; марта 1-го — *Евдокия-плюшниха* (*плющать* — капать, течь, издавать звук падающих капель, *плюшка* и *плюшина* — сосульки под крышами), 4-го — *Герасим-грачевник* (прилет грачей), 17-го — *Алексей — с гор вода* или *с гор потоки*, 19-го — *Дарья — загрязни проруби*; апреля 1-го — *пустые щи*. 8-го — *Родион-ледолом*, 11-го — *Антип-водопол*, 12-го — *Василий — выверни оглобли* (оставляй сани, снаряжай

пужн, грудоват», т. е. от стужи застыла, смерзлась грязь; *груда* доныне употребляется поселянами в значении мерзлой, не занесенной снегом грязи, лежащей по улицам и дорогам.

Исчисленные нами славянские названия месяцев преимущественно указывают на быт земледельческий. Круг наблюдений ограничивается произрастанием травы, распусканием цветов и деревьев (березы, дуба, липы), сенокосом, жатвою, молотьбою, уборкою льна, сбором винограда (в южных местностях) и теми резкими изменениями в погоде, которые, уславливаясь различным положением солнца, так могущественно влияют на плодородие земли и благосостояние человека. Зимний и летний повороты солнца, стужа и снег зимою, журчащие ручьи и осушение земли весною, падение росы, появление комаров и оводов, стрекотание кузнечиков, зной в половине лета, падение листьев в грязь в осеннюю пору — все это отразилось в народном календаре славянина. От древнейшего пастушеского быта удержались только три названия, указывающие на те периоды, когда скотина меняет свои рога, когда начинает она спариваться (пора течки или рева) и когда коровы бывают обильны молоком. Обозначая различные времена года по их характеристическим признакам, предки наши не соединяли с приведенными названиями месяцев строго определенных границ; одно и то же имя прилагалось к двум и трем соседним месяцам. С одной стороны, самые признаки, подмеченные народом, могли относиться к более или менее продолжительному времени: так, стужа, морозы и снега продолжаются во всю зиму; имя «просинца» (просветляющего, увеличивающего дни) с

равным правом могло прилагаться и к концу декабря, и к двум последующим месяцам; эпитет «травяного» одинаково идет и к апрелю, и к маю и так далее. С другой стороны, периодические изменения в жизни природы совершаются в разных местностях не одновременно, а раньше или позднее; на юге, например, весна устанавливается ранее, а зима позднее, чем на севере; с тем вместе и земледельческие работы там и здесь пригоняются к различным срокам. Этими естественными условиями объясняется и перемещение некоторых названий с одного месяца на другой. Так, имя «листопада», даваемое в южных местностях ноябрю, в средней и северной полосах должно было перейти на октябрь.

Отдельные дни или числа месяцев получили у поселян свои особенные прозвания, сообразно с соответствующими им признаками обновляющейся или замирающей природы и с приуроченными к ним крестьянскими работами: января 16-го — *Петр-полукорм* (половина запасов съедена), 18-го — *Афанасий-ломонос* («На Афанасия береги нос» — намек на сильные морозы), 22-го — *Тимофей-полузимник*, 24-го — *Аксинья-полузимница*, или *полухлебница*; февраля 11-го — *Власий — шиби рог с зимы*; 28-го — *Василий-капельник*; марта 1-го — *Евдокия-плюшниха* (*плющать* — капать, течь, издавать звук падающих капель, *плюшка* и *плюшина* — сосульки под крышами), 4-го — *Герасим-грачевник* (прилет грачей), 17-го — *Алексей — с гор вода* или *с гор потоки*, 19-го — *Дарья — загрязни проруби*; апреля 1-го — *пустые щ.* 8-го — *Родион-ледолом*, 11-го — *Антип-водопол*, 12-го — *Василий — выверни оглобли* (оставляй сани, снаряжай

телегу), 23-го — Егорий-скотопас (выгон скота в поле), 26-го — Степан-ранопашец; мая 2-го — соловьиный день, 3-го — зеленые щи, 5-го — Ирина-рассаdница (рассаdка капусты), 6-го — Иов-горошник (посев гороха), 9-го — Никола-вешний, травной, 13-го — Лукерья-комарница (появление комаров), 23-го — Леонтий-огуречник (посадка огурцов), 29-го — Феодосья-колосяница (рожь начинает колоситься); июня 12-го — Петр-поворот (летний поворот солнца), 13-го — Акулина-гречушница (посев гречи) или *задери хвосты*, т. е. время, когда скотина, кусаемая комарами, мошками и оводами, бегаeт по полю, задравши хвосты («строчится»); июля 23-го — Пуд и Трифон — бессонники (пора усиленных работ, страды), 27-го — Никола-кочанный; августа 4-го — Евдокия-малинуха (сбор малины), 26-го — Наталья-овсянница, 28-го — Анна-скирдница; сентября 15-го — Никита-репорез (сбор репы) или *гусе-пролет*, 24-го — Фекла-заревница; октября 14-го — Прасковья-льняница; декабря 12-го — Спиридон-солоноворот.

Мы знаем, какое сильное влияние оказывал язык в области народных представлений; в этом отношении дневник русских поселян предлагает много любопытных данных. Рассчитывая дни и распределяя занятия по святцам, принесенным на Русь вместе с христианством, поселянин непонятные для него, по их чужеземному лингвистическому образованию, имена месяцев и святых угодников сближает с разными выражениями отечественного языка, насколько эти последние могут определить характер данного времени, связанных с ним работ и погоды — теплой или холодной. Не справляясь с действительным

происхождением и смыслом того или другого имени, русский человек старается объяснить его собственными средствами, приискивает ему свой подходящий по звукам корень и, таким образом, играя словами, стремится все чуждое претворить в свое родное, легко доступное его простому пониманию. На *сретенье* (2 февраля), по народному поверью, зима с летом *встречается*; в марте месяце солнце начинает *марить*, т. е. припекать землю, отчего над нею струится пар; но по утрам еще продолжаются морозы (утренники), которых со дня *сорока* мучеников (9 марта) бывает *сорок*; думают, что в этот день возвращаются из вирия *сорок* разных пташек, а сорока начинает строить гнездо и кладет в него *сорок* палочек. Холода, или *сиверы*, оканчиваются днем св. Сидора (14 мая), которого потому называют *сивирян*. 5 апреля: «Пришел Федул — теплый ветер подул». В *апреле* земля *преет*. В *мае* домашний скот *мается* от бестравицы; в первый день этого месяца на *Еремея*-запрягальника, или *ярёмника*, начинают пахать и потому на рабочих лошадей и быков надевают *ярмо* (*ярём*); работа эта оканчивается к 31 мая — ко дню *Еремея*-распрягальника. 2 мая, посвященное памяти князей Бориса и Глеба, крестьяне называют *барышдень* — вследствие созвучия имени *Борис* со словом *барыш*; торговцы стараются тогда продать что-нибудь с выгодой, дабы во весь год торговать прибыльно. «Борис и Глеб засевают хлеб». 24 июля посвящено тем же святым, и поговорка, относящаяся к этому числу, уверяет: «Борис и Глеб — поспел хлеб». В деревнях и селах празднуют оба означенные дня — для того чтобы круглый год получать *барыши* и чтобы отвратить от нив губительные грозы. Это

случайное совпадение слов: Глеб — хлеб, Борис — барыш (т. е. выгоды от торга хлебом, главным богатством земледельца) и самое время празднования Бориса и Глеба при начале посевов и в жатвенную пору — дали повод перенести на этих святых древнее чествование Перуна, как творца урожаяев. По народному поверью, кто станет работать 24 июля, у того молния *спалит* все *копны*; на юге России день этот слывет праздником Бориса и Глеба — *паликона* или *паликопна*. Точно так же не работают и 27 июля на *Палея* (Пантелеймона), чтобы небесный огонь не *спалил* сжатого хлеба. 10 мая на Симона *Зилота* собирают травы — *зилья*, которым, по мнению поселян, сообщается тогда особенная целебная сила, ищут *золота* (кладов) и сеют пшеницу, чтобы она уродилась и вызрела *аки золото*; уверяют еще, что хлеб, посеянный в *чистый* четверг, родится *чистым*, без сорных трав. Напротив, кто сеет рожь на мученика *Вассу*, у того непременно заглушат ее *васильки*. В день обновления *Цареграда* (11 мая) поселяне не работают, опасаясь, чтобы *царь град*, за непочтение к его празднику, не выбил зеленеющего на полях хлеба. Если на *Мокия*, прозванного *мокрым* (11 мая), идет дождь, то все лето будет *мокрое*; если же дождь случится на *Макрину* (*Макриду* — 19 июля), то предстоящая осень будет *мокрая*, дождливая, и наоборот, отсутствие дождя в эти дни предвещает сухое лето и сухую осень. Подобно тому: если на Сибора (14 мая) будет сиверко, то ожидай лета холодного; а если на *Пахомия* (15 мая) будет тепло, то и лето *пахнёт* теплом. На Константина и *Елену* (*Алена* — *длинные льны*, *леносейка* — 21 мая) советуют сеять *лен*, а на *Макавеев* (1 августа) собирать мак. 16 июня на *Тихона* *затишают*

(перестают петь) птицы; 29 июля, посвященное имени *Калиника*, называется *калинники* — зарницы, отдаленные молнии, видимые по вечерам на горизонте в конце июля и августа, от *калить* (раскалять, *калена* — стрела, *калина* — красная ягода); 23 августа на *Лупна* утренний мороз овсы и льны *лупит*. 1 сентября — *Семенов* праздник, и потому в этот день грешно засеивать *семена*: со дня Федора *Студита* (11 ноября) начинает *студить* (холодеет): «Федор Студит землю студит». К Воздвиженью «хлеб с поля сдвинется», свезется, а в ноябре овин уже *ноет* от накладенных снопов. 4 декабря Варвара дорогу *заварит* (заморозит): «Варвара заварит, а *Савва* (5 декабря) *засалит*» (*сало* — плавающие по рекам ледяные пленки). С того же времени замечают сокращение ночей: «Варвара ночи урвала, дни приточала». Есть даже поверья, которые возникли на основании одного созвучия, без всякого отношения к действительным явлениям природы: так, например, в день пророка Наума (1 декабря) начинают учить детей, с полным убеждением, что «пророк Наум наведет на ум».

В последовательных превращениях природы, в характеристических признаках и свойствах различных времен года древние племена усматривали не проявление естественных законов, а действие одушевленных сил — благотворных и враждебных, их вечную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашим предкам не отвлеченными понятиями, но живыми воплощениями стихийных богов и богинь, которые поочередно нисходят с небесных высот на землю и устраивают на ней свое владычество. По указанию старинных

пасхалий, «весна наречется, яко дева украшена красотою и добротою, сияюще чудно и преславне, яко дивится всем зрящим доброты ея, любима бо и сладка всем... Лето же нарицается муж тих, богат и красен, питая многи человеки и смотря о своем дому, и любя дело прилежно, и без лености возстая заутра до вечера и делая без покоя. Осень подобна жене уже старе и богате и многочадне, овогда дряхующи и сетующи, овогда же радующиеся и веселящиеся, рекше иногда (печальна от) скудости плод земных и глада человеком, а иногда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодом всем, и тиха и безмятежна. Зима же подобна жене — мачихе злой и нестройной и нежалостливой, яре и немилостиве; егда милует, но и тогда казнит; егда добра, но и тогда знобит, подобно трясавице, и голодом морит, и мучит грех ради наших». Согласно с этим, церковная живопись допускала аллегорические изображения весны, лета, осени и зимы. Нет сомнения, что подобные изображения заимствованы нашими художниками из античных источников, чрез посредство Византии; но такое заимствование нимало не противоречило народному пониманию, ибо поэтические олицетворения времен, года шли из глубокой древности и принадлежали славянам наравне со всеми другими родственными племенами. В Эдде лето и зима представляются одушевленными существами: первое — добрым, дружелюбным, а вторая — злым, жестокосердным. И у немцев, и у славян до сих пор уцелели следы этих образных представлений в народных поговорках и общепринятых оборотах речи: «Весна (лето, осень или зима) на дворе, воротилась, пришла». Лето и май месяц (весна) *рядятся* в зеленые, густолиственные убо-

ры, а зима *надевает на себя* белоснежный покров или саван (вследствие сближения ее с богиней Смертью); и лето, и зима являются со своими слугами и помощниками: первое — с грозами, буйными ветрами и дождями, последняя — со снегом, инеем, метелями, вьюгами и морозом, которые в древнепоэтических сказаниях олицетворялись сильно могучими богатырями и великанами. Оба они состоят в нескончаемой вражде («Зиме и лету союзу нету»), преследуют друг друга и сражаются между собою точно так же, как день сражается с ночью. Сходные, аналогические черты, подмеченные в сменах дня и ночи, лета и зимы, заставили народную фантазию сближать ежедневную борьбу света и мрака с ежегодною борьбою тепла и холода и повели к постоянному смешению мифов, относящихся к этим разнородным физическим явлениям. Лето отличается ясностью, блеском солнечного света, как белый день; зима же потемняется снежными облаками и туманами и уподобляется ночи. День и весна пробуждают спящую, безмолвную природу и радуют весь мир, а ночь и зима погружают ее в сон — подобие смерти и придают ей печальный характер. В нашем областном языке *слетье* употребляется в значении не только летнего времени и урожая, но и вообще удачи, успеха; напротив, слова *неслетье* и *безлетье* означают, во-первых, неурожайное лето и, во-вторых, неудачу, несчастье; поэтому говорят: «Пришло на него безлетье!» — что равносильно выражению: «Пришла на него невзгода!» Прилагательное *веселый* некоторыми лингвистами сближается со словом *весна*; «Настали для кого светлые, ясные дни» — дни радости, веселья; *черный день* — день печали, несчастья; *смотреть*

сентябрем, отуманиться — быть унылым, печальным. Закликая в марте и апреле месяцах весну, поселяне обращаются к ней, как к существу живому, благодатному, творческому:

а) Весна, Весна красная!

Приди, Весна, с радостью,

С великою милостью:

Со льном высоким,

С корнем глубоким,

С хлебами обильными.

б) Весна красна!

На чем пришла,

На чем приехала?

На сошечке,

На бороночке.

О Зиме и Осени рассказывают, что они *приезжают на пегих кобылах*; с половины ноября Зима, по народному поверью, *встает на ноги, кует морозы, стелет по рекам мосты* и выпускает на белый свет подвластных ей нечистых духов; с 12 декабря она *ходит в медвежьей шубе, стучится по крышам избушек, будит баб и заставляет топить печи*; идет ли она по полю — за ней следуют вереницами Метели и Вьюги и настойчиво просят дела, идет ли по лесу — сыплет из рукава иней, идет ли по реке — на три аршина кует под своими ногами воду. Более наглядные олицетворения времен года встречаем у белорусов. Весну они называют *Ляля*, лето — *Цеця*, осень — *Жыцень*, зиму — *Зюзя*.

Ляля представляется юною, красивою и стройною девою; существует поговорка: «Пригожая, як Ляля!» В честь ее празднуют накануне Юрьева дня, и праздник этот известен под именем *Ляльника*. На чистом лугу собираются крестьянские де-

вицы; избравши из своей среды самую красивую подругу, они наряжают ее в белые покровы, перевязывают ей руки, шею и стан свежую зеленью, а на голову надевают венок из весенних цветов: это и есть Ляля. Она садится на дерн; возле нее ставят разные припасы (хлеб, молоко, масло, творог, сметану, яйца) и кладут зеленые венки; девицы, схватившись за руки, водят вокруг Ляли хоровод, поют обрядовые песни и обращаются к ней с просьбою об урожае... Ляля раздает им венки и угощает всех приготовленными яствами. Эти венки и зелень, в которую наряжалась Ляля, сберегают до следующей весны.

Цеця — дородная, красивая женщина; в летнюю пору она показывается на полях — убранная зрелыми колосьями — и держит в руках сочные плоды.

Жыцень представляется существом малорослым, худощавым, пожилых лет, с суровым выражением лица, *с тремя глазами и всклокоченными, косматыми волосами*. Он появляется на нивах и огородах, после снятия хлеба и овощей, и осматривает: все ли убрано как следует в добром хозяйстве. Заприметив много колосьев, не срезанных или оброненных жнецами, он собирает их, связывает в сноп и переносит на участок того хозяина, где хлеб убран начисто, с бережливостью; вследствие этого на будущий год там, где *Жыцень* подобрал колосья, оказывается неурожай, а там, куда перенес он связанный сноп, бывает обильная жатва. Когда *Жыцень* странствует в виде нищего и при встрече с людьми грозит им пальцем, это служит предвестием всеобщего неурожая и голода в следующем году. Во время осенних посевов он незримо присутствует на полях и утаптывает

в землю разбросанные зерна, чтобы ни одно не пропало даром. Судя по этим данным, Жыцень принадлежит собственно к породе эльфических духов, блуждающих по нивам и помогающих росту и зрению хлебных злаков; белорусы сочетали с ним представление осени, так как к этому времени года относится окончательная уборка и умолот снопов и посевов озимого хлеба. Имя *Жыцень* есть производное от слова *жито* (рожь), что подкрепляется и народными поговорками: «Жыцень хлеба дав», «Барджей на Жытня, кали в засеке хлеба не прытне»*.

Зюзя — старик небольшого роста, с белыми что снег волосами и длинною седою бородою, ходит босой, с непокрытою головою, в теплой белой одежде, и носит в руках железную булаву. Большую часть зимы проводит он в лесу, но иногда заходит и в деревню, предвещая своим появлением жестокую стужу. Чтобы умиловить Зюзю, белорусы накануне Нового года откладывают несколько ложек кутьи в особую миску и оставляют ее на ночь на столе, чтобы Зюзя пришел *кутьи паесьци* и не вредил бы морозами нивам и домашним животным. Подобно тому, в других местностях России существует у крестьян обычай приглашать Мороз на кутью и на кисель. Когда Зюзя гневается на людей, он ударяет своею булавою в какой-нибудь пень, и тотчас же трескаются стены домов и самая земля; «трескучие» морозы приписываются его ударам.

Происхождение имен *Ляля*, *Цеця* и *Зюзя* остается необъясненным; каждое из них образовалось

---

* Тотчас на Жытня (сваливают беду), если не окажется в амбаре хлеба.

через удвоение коренного слога и все уцелели в детском языке: *ляля* и *цаца* употребляются как ласкательные названия ребенка (в смысле: милый, пригожий, умница), а также для обозначения игрушки; *зюзя* употребляется в замену слова «холодно»: «Не ходи на двор, там зюзя!» Белорусское *зюзець* — мерзнуть, цепенеть от холода. Вместо олицетворенных времен года в славянских сказках нередко выводятся действующими лицами *Месяцы*, как двенадцать братьев, восседающих на стеклянной горе, т. е. на небе, вокруг пылающего костра — солнца. Костер этот горит то сильнее (в летнюю пору), то слабее (зимою), смотря по тому, какой из Месяцев берет в свои руки правительственный жезл. Весенние Месяцы изображаются цветущими юношами, летние — достигшими полного развития сил мужами, осенние — пожилыми, стареющими братьями, а зимние — седовласыми старцами. Подобное же олицетворение месяцев встречаем и в итальянской сказке, но обстановка ее уже значительно подновлена: с горы — неба сцена переносится в гостиницу...

Главная мысль, лежащая в основе простонародных праздничных обрядов, может быть выражена в этих немногих словах: *смерть природы зимою и обновление или воскресение ее весною*. С первыми признаками весны поселяне уже начинают зазывать (*закликать*) ее. Такими признаками служат: пробуждение животных, подверженных зимней спячке, прилет птиц, появление насекомых и цветение подснежников. 1 марта, по русской примете, *бабак*² просыпается, выходит из норы и начинает свистать; 4-го прилетают *грачи*, 9-го — *жаворонки*; к 17 числу лед на реках становится настолько непрочным, что, по народному выражению,

щука его хвостом пробивает; 25 марта *ласточка* вылетает из вирия и, поспешая в здешний мир, несет с собою тепло; 5 апреля пробуждаются *сверчки*, а 12-го *медведь* выходит из берлоги, в которой проспал целую зиму; в мае месяце земля уже «принимается за свой род». Приведенные приметы не везде и не всегда оказываются верными: во-первых, разные местности пользуются и разными климатическими условиями, и во-вторых — независимо от этих условий, год на год не приходится: зимние холода заканчиваются иногда ранее, иногда позднее. Поэтому начало весны (ее приход) издревле определялось не наступлением известного в году дня, а действительным появлением ее знамений. У германцев тот, кто усматривал *первую фиалку*, спешил объявить о том мирской общине; целая деревня сбегалась на указанное место, найденный цветок подымали на шест, танцевали вокруг него, резвились и пели веселые песни. Это называлось: *находить лето*. Подобно тому, в южной России радуются появлению *голубого ряста*, одного из первых весенних цветов Украины; собираясь на полях, поселяне начинают скакать, приплясывать и причитывать: «Топчу, топчу ряст! Дай, боже, потоптати и того року дождати!» С тою же непритворною радостью встречают немцы и первого *майского жука*, а первый прилетевший *аист* и первая *ласточка* приветствуются ими как правдивые вестники возвратившейся весны. Обе эти птицы признаются священными; причинять им вред и разорять их гнезда считается величайшим грехом. На дом, в котором они гнездятся, никогда не упадет молния. В Швеции крестьяне зазывают ласточку троекратным окликом. Возвращение ласточки праздновали

и греко-италийские племена. На Родосе дети носили весною ласточку, пели обрядовые песни и получали за то в дар разные припасы. И донныне существует в Греции обычай, следуя которому юноши ходят 1 марта по улицам с песнями и носят вырезанную из дерева ласточку. Равным образом принято было у греков за правило давать тому награду, кто первый возвещал о прилете аиста. На Руси ласточку называют *святою, божьею птицею*, у чехов — *птицею Девы Марии*. Где она поселится, тому дому приносит благословение, счастье и предохраняет его от грозы и пожара; поэтому крестьяне нарочно прибивают под кровлями планки и маленькие дощечки, чтобы ласточкам удобнее было прилаживать свои гнезда. Ранний прилет ласточки предвещает счастливый, урожайный год. В Малороссии дети ходят в начале марта по домам, славят *ярь и зеленачку* и носят с собою деревянную ласточку или испеченных из хлеба жаворонков; тот же обычай носить деревянную ласточку соблюдается и болгарами. Не менее важная роль принадлежит в народных преданиях и поверьях *кукушке*. У древних индусов она была посвящена Индре, у германцев — Тору; у греков в образе этой птицы являлся Зевс; у славян, по свидетельству старинной польской хроники, чествование кукушки связывалось с культом богини *Живы*: «Божеству Живе было устроено капище на горе, названной по ее имени Живец, где в первые дни мая благоговейно сходилась многочисленный народ испрашивать от той, которую почитал источником жизни, долговременного и благополучного здоровья. Особенно же приносились ей жертвы теми, которые слышали первое пение кукушки, предвозвестившее им столько лет жизни,

сколько раз повторился ее голос. Думали, то высочайший владыка вселенной превращался в кукушку и сам предвещал продолжение жизни; поэтому убиение кукушки вменялось в преступление и преследовалось от правителей уголовным наказанием». *Жива* — богиня весны, названная так потому, что приходом своим *животворит* — *воскрешает умирающую на зиму природу*, дает земле плодородие, растит нивы и пажити... *Жива* есть сокращенная форма имени *Живана* или *Живена* и значит «дающая жизнь». О весеннем половодье, разлитии рек поселяне доныне выражаются: «Вода заживает». Все, что служит условием жизни: пища (*жито, житница, житник* и *житор* — ячмень, *живность* — съестные припасы); домашний кров (*жилье, жилой покой*, т. е. теплый, с печкою); материальное довольство (*жира, жирова, житуха* — хорошее, привольное житье, *жировать* — жить в изобилии, есть вдоволь, *жировой* — счастливый, богатый — *зажиточный, житии люди* — лучшие, достаточные, *жировик* — домовый, как блюститель домашнего счастья и хозяйства; в старинных памятниках существительное *жир* употребляется в смысле «пажити», «пастбища», а глагол *жить* в смысле «пастися»), здоровье (*заживлять* раны, *зажило*, подобно тому, как от слова *быть* образовалось *бытеть* — здороветь, толстеть), — славянин обозначает речениями, происходящими от того же плодovitого корня. Названия: «жизнь моя!», «жизненок!» — употребляются в народе как самая нежная, душевная ласка. Наоборот, слова, производные от глагола *жить*, с отрицанием *не*, получили значение недоброе: *нежительный* — неприятный, *нежит* или *нежить* — олицетворение

мучительной болезни, *дух* смерти. Посвященная богине Живе, кукушка признавалась *вещью*, небесною посланницею; она поведает наступление лета («Зозуля ковала — летечко казала»), начало гроз и дождей, определяет долготу человеческой жизни и сроки брачных союзов. По ее голосу земледелец заключает о будущем урожае: если она закукует *при восходе солнца* и на *зеленом* дереве (т. е. в то время, когда леса оденутся листьями), то год будет урожайный, а если закукует *на ночь* и на *голом* дереве — будет голод и мор. Кто впервые услышит кукушку *на тощий (пустой) желудок*, тому настоящий год сулит несчастья; такому человеку не следует закармливать скотину: не то голодать ей всю зиму! По чешскому поверью, если зозуля не кукует до Иванова дня, то надо ожидать неурожая; своим криком она прогоняет град, бури, бесплодие и дороговизну. Чехи обращаются к ней с вопросом: «Почем будет продаваться жито, ячмень, овес?» — и смотря по тому, сколько раз она прокукует, судят о будущих ценах на хлеб. Весною, слышав в первый раз кукушку, простолюдины спешат побрянчать деньгами — для того, чтобы они не переводились до следующего года. Если же на ту пору не будет в кармане денег — это принимается за верный знак, что их не будет и в продолжение целого года. Те же самые приметы существуют у сербов, румынов и немцев. И вообще все птицы, прилетающие к нам с юга, встречаются как вестницы благодатной весны. По народному поверью, они являются из райских стран (вирия), отпирают замкнутые зимнею стужей облака, проливают на землю живительный дождь и даруют ей силу плодородия. В пении овсянки малороссам слышатся слова: «Покинь сани, возьми воз!»

Призыв весны начинается с 1 марта; дети и девицы влезают на кровли амбаров, всходят на ближайшие холмы и пригорки и оттуда причитывают: «Весна, Весна красная! Приди, Весна, с радостью, с великою милостью». На 9 марта, когда (по народной примете) прилетают жаворонки, поселянки пекут из теста изображения этих птичек, *обмазывают их медом, золотят им крылья и головы сусальским золотом* и с такими самодельными жаворонками ходят закликать Весну. В некоторых местностях обрядовые причитания прямо обращаются к Ладе, богине летнего плодородия, любви и брачных связей:

Благослови, мати,
Ой, мати Лада, мати,
Весну закликати!

Или:

Благослови, боже,
Благослови, мати,
Весну закликати,
Зиму провожати!
Зимочка — в возочку,
Летечко — в човночку.

То есть Зима отъезжает по сухому пути — на возу, а Лето приплывает на челноке, пользуясь весенним разливом вод. В старину закликанье Весны должно было сопровождаться жертвенными приношениями. И доньше 1 марта, на утреннем рассвете, болгары выходят встречать Весну с нарочно приготовленным *круглым хлебом*; наши поселянки расстилают на поле *новый холст*, кладут на него *пирог* и, *обращаясь на восток*, говорят: «Вот тебе, матушка Весна!» Затем, остав-

ляя свои дары под открытым небом, они возвращаются домой, с надеждою, что матушка Весна оденется в новину и за принесенную ей хлеб-соль уродит в изобилии лен и конопля.

При встрече Весны поются обрядовые песни (*веснянки*: содержанием их служит любовь, возжигаемая Ладом в сердцах девиц и юношей) и совершаются праздничные игрища, идущие из глубокой древности. В естественной смене времен года — зимы и лета — древний человек видел борьбу двух противоположных, взаимно враждебных сил, и свое воззрение запечатлел в символических обрядах, до сих пор совершаемых при начале весны. В Германии в этих обрядах принимают участие юноши и девицы, разделяясь на две половины: одна половина признается свитою Лета, другая — Зимы. Того, кто представляет Лето, наряжают в зеленый плющ и барвинок, а представляющего Зимы — в мох и солому; они выступают друг против друга и долго сражаются между собою, пока наконец не победит Лето и с поверженной наземь Зимы не будут сорваны ее уборы. После того торжественно носят по деревне зеленую ветвь или венок, возглашая песню... По свидетельству песен, Лето, пробуждаясь от сна, побеждает Зимы, захватывает ее в плен, выкалывает ей очи и повергает свою соперницу в грязь, производимую весенним таяньем снегов. В некоторых областях поселянин, избранный представлять Лето, является в одной сорочке, держа в руках *разукрашенное плодами и лентами дерево*; а тот, кто представляет Зимы, выходит в теплой одежде или в мохнатой шкуре. Оба они похваляются своими доблестями, перебрасываются взаимною бранью и бьют друг друга по плечам палками.

Состоящие в свите Зимы вооружаются снежными глыбами, а сторонники Лета — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледельческими орудиями. Обрядовые песни имя *Зимы* нередко заменяют именем *Смерти*, ибо в воззрениях первобытных племен понятия эти точно так же отождествлялись между собою, как понятия *Весны* и *Жизни*... У славян существует старинный обычай: встречая весну в марте месяце, совершать *изгнание Смерти* или *Зимы*. Они выносят из деревни соломённое чучело, изображающее *Смерть*, топят его в реке или предают сожжению, а пепел бросают в воду; ибо Зима гибнет под жгучими лучами весеннего солнца в быстрых потоках растопленных ими снегов. В Богемии, при совершении означенного обряда, поют: «Уже несем *Смерть* из села (веси), а новое Лето в село; здравствуй, любезное Лето, зеленый посев!» Или: «*Смерть* плывет по воде, едет к нам новое Лето». В Краледворской рукописи встречаем выражение: «И единую подругу иметь нам на пути от Весны до Мораны», т. е. от юности до смерти. Юность представляется здесь в поэтическом образе весны, согласно с обычным и почти у всех народов распространенным эпическим приемом изображать Весну прекрасным юношею или девою, а Зиму беловласым и дряхлым старцем. В одной южнорусской сказке царь спрашивает престарелого крестьянина: «Давно ли, старик, легли на горах снега? и давно ли пошла из-под гор вода?» — и вопросы эти означают: давно ли голова поседела и давно ли текут из глаз слезы? В словацкой сказке юная морская дева говорит старому королю: «Мое лицо розами цветет, твоя голова снегом покрыта». Термины, обозначающие в языках

индоевропейских народов понятие смерти, произошли от корня, выражающего впечатление мрака, холода, пустыни, увядания. Очевидно, что Морана, противопоставляемая Весне — юности, означает не только смерть, но и Зиму — старость. В Верхних Лужицах чучело Смерти готовится из соломы и тряпок; куклу эту втыкают на высокий шест и начинают бросать в нее палками и камнями: кто сшибет ее с шеста, тот наверно остается жив в продолжении целого года. В заключение обряда куклу *топят в воде* или *тащат на пограничную межу* и бросают на чужую землю; затем, возвращаясь в деревню, приносят с собой зеленую ветвь или нарочно срубленное в лесу дерево — эмблему весенней жизни, воцаряющейся на место прогнанной Смерти. Иногда куклу наряжают в белую сорочку (саван), дают ей в одну руку *веник* (знамение зимних вьюг), а в другую *серп*, с которым обыкновенно и представлялась нашими предками Морана, как богиня, *пожинающая* все живое в сем мире; женщины в *траурных покрывалах* запевают песню и в сопровождении мальчишек, кидающих в куклу камнями, несут ее на границу собственных полей и там *разрывают на части*. Жители соседней деревни, как скоро заметят на своей земле подобную куклу, тотчас же перебрасывают ее назад, по ту сторону межи, так как Смерть — никому не радость. В Польше, Богемии, Силезии и Лужицах изгнание Смерти совершается в воскресенье четвертой недели великого поста, которое большею частью приходится в марте месяце. В Италии и Испании в середине великого поста делают чучело *старухи* и *перепиливают его пополам* — обычай, следы которого Я. Гримм указывает и у

племен немецких и славянских: «Резати старую бабу» означает то же, что сжигать и топить Смерть — Зиму, представляемую славянами злою, демоническою старухою. У словенцев в среду на третьей неделе великого поста принято *сожигать бабу*; это происходит так: приготавливают куклу, кладут ее на древно, колотят дубинами, перепиливают надвое и затем уже предают огню.

В Малороссии при встрече Весны носят по улицам и полям чучело *Мары (Марены)*, одетое в женское платье, и поют весенние песни; потом ставят это чучело на возвышенном месте и зажигают его — пока оно горит, поселяне пляшут и закликают обычными причитаниями Весну. В великорусских губерниях торжество Живы и гибель Мораны чествуются возжением праздничных огней на масленицу. Так как неделя эта сходится с началом весны и так как следующий за нею пост должен был вызывать особенно строгие церковные запрещения, направленные против языческого культа, то не удивительно, что во всей Европе масленица (карнавал) получила значение самого разгульного праздника, посвященного проводам Зимы и встрече Лета. Вспоминая древнее предание о пезде богини лета (Изибы, Фрей, Гольды, т. е. Лады), рассыпающей по земле щедрые дары плодородия, у нас возили во время масленицы *дерево, украшенное бубенчиками и разноцветными лоскутьями*, или деревянную куклу. В некоторых деревнях и доньне возят *пьяного мужика, обязанного представлять масленицу*; для этого запрягают в сани или повозку лошадей десять и более гуськом и на каждую лошадь сажают по вершнику, с *кнутом* или *метлою* в руках; везде, где только можно, привешивают

маленькие *колокольчики* и *погремушки*; сани или повозку убирают *вениками*, мужику-масленице дают в руки *штоф* с *водкою* и *чарку* и сверх того ставят подле него *бочонок* с *пивом* и *короб* с *съестными припасами*. В Сибири устраивают на нескольких санях *корабль*, на котором сажают ряженых, *медведя* и *масленицу* и возят по улицам в сопровождении песенников. Дерево, корабль и медведь — все это эмблемы весенней природы и ее творческих плодоносных сил; звуки колокольчиков и бубенчиков — знамения грозовой музыки; метла, веник и кнут — вихрей и молний; пиво и вино — всеоживляющего дождя. В таком обрядовом поезде празднуется пришествие (возврат) благодатной Весны. Наряду с этим совершаются и другие обряды, указывающие на борьбу Весны с Зимой и поражение последней. В разных губерниях в субботу сырной недели строят на реках, прудах и в полях *снежный город* с башнями и воротами — царство Зимы (демона Вриты), долженствующее пасть под ударами Перуна; участвующие в игре вооружаются *палками* и *метлами* и разделяются на две стороны: одна защищает город, а другая нападает на него и после упорной, более или менее продолжительной схватки врывается в ворота и разрушает укрепления; воеводу взятого с боя и разрушенного города в старину *купали в проруби*. Вечером в воскресенье (последний день масленицы, называемый ее *проводами*) крестьяне выносят из своих дворов по снопу соломы и, сложивши их на окраине деревни, сжигают при радостных кликах и песнях собравшегося народа, — каковой обряд называется *сожжением масленицы*. Иногда пучки соломы навязывают на шесты, расставляют по дороге и палят после

солнечного заката, а иногда заменяют их дегтярными бочками. Существует еще обычай *сжигать ледяную гору*, для чего собирают по дворам хворост, щепки, худые кадки, складывают все это на ледяной горе и затем разводят костер, служащий символическим знаменем весеннего солнца, яркие лучи которого растапливают снежные покровы зимы. Таким образом, олицетворяя самое празднество и ставя это олицетворение на место древних богинь, заправлявших сменой годовых времен, народ русский встречу Весны назвал встречей масленицы, а изгнание Зимы — сожжением масленицы или ее проводами. Одновременно с пробуждением природы от зимнего сна (омертвения) пробуждаются к жизни и души усопших, осужденные пребывать в воздушных и заоблачных сферах; поэтому праздник весны был вместе и праздником в честь усопших предков, обыною порою сношений с ними, посещения кладбищ и поминок. До сих пор на масленицу бегают по улицам *ряженые*, что знаменует появление освободившихся из загробного царства стихийных духов — *оборотней*, и во всех домах приготавливаются *блины*, исстари составлявшие необходимую принадлежность всякого поминального пиршества.

Те же обряды приурочиваются и к последней неделе великого поста, и к празднику пасхи, и к Фоминой неделе, так как мысль о *воскресающей Весне* — *Живе* сочеталась в народных представлениях с мыслью о *пресветлом воскресении праведного солнца* — *Христа*. Прилетая в сей мир, богиня Весна разводит пламя небесных гроз, разит и гонит злобных демонов, выводит из-за холодных зимних туманов и туч светозарное солнце или, выражаясь поэтически, снова воспламеняет его

светильник и, пожигая снежное, ледяное царство Зимы, топит ее в разливе стремительных вод. Символическим обозначением этой творческой деятельности богини издревле служили возжигаемые на земле огни. Ранним утром в *четверг* страстной недели, как в день, посвященный громовнику, предки наши, по свидетельству Стоглава, *палили солому и кликали мертвых*. День этот называется на Руси *чистым* — светлым; крестьяне ходят в чистый четверг *на проруби* и закликают Весну, а после «всенощного стоянья» приносят из церкви *горящие восковые свечи и выжигают* ими на дверях и потолках своих домов *кресты* — для отогнания злых духов. Эта «страстная» свеча, будучи зажжена во время грозы, предохраняет дом *от громового удара*; поставленная в пчельнике, она дарует изобилие меда (намек на медовый напиток дождя, низводимый молниями); с нею же соединяют целебную, облегчающую страдания силу и потому, затепливая эту свечу, дают ее в руки труднобольным, во время болезненных припадков, и родильницам — при муках разрешения...

Как скоро богиня Весны победит демонов зимы, она тотчас же одевает поля, сады и рощи свежую зеленью и цветами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала июня издревле признавались посвященными этой богине и чествовались общенародными игрищами. В христианскую эпоху такие игрища, совершаемые в честь Весны, были приурочены к вознесению и троице, так как праздники эти большею частью приходятся в мае месяце. *Четверг*, в который празднуется вознесение, и *четверг*, предшествующий троице (так называемый *семик*, потому что бывает на седьмой неделе после пасхи), получили в глазах народа особенно

важное значение по связи четверга с культом громовника. В некоторых местностях к завиванию венков приступают уже в день вознесения; обыкновенно же обряд этот совершается на семик или троицу. Перед наступлением означенных праздников поселяне отправляются толпами в поля и рощи, собирают разные травы, преимущественно благовонные: чабер, мяту, зорю и калуфер, и рубят молодые березы и другие лиственные деревья; и по городам и по селам стены внутри домов убираются древесными ветвями, полы устилаются скошеною травою, а окна пахучими зельями и цветами; на дворах и по улицам устанавливаются в землю целые ряды березок, липок и кленов, так что каждый город и каждая деревня превращаются на несколько дней в зеленые сады... В великорусских губерниях собираются на семик в леса и рощи, поют песни, завивают венки, срубают *молодое березовое дерево* и *наряжают его в женское платье* или обвешивают разноцветными лентами и лоскутьями. Затем следует общий пир, изготовляемый в *складчину* или *ссыпчину*, т. е. из мирского сбора муки, молока, крашеных яиц и других припасов; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончании пиршества поднимают наряженную березку, с радостными песнями и плясками несут ее в деревню и ставят в избранном с общего согласия доме, где она и остается *гостейкою* до троицына дня. В пятницу и субботу приходят навещать «гостейку», а в воскресенье выносят ее к реке и *бросают в воду*. Тогда же пускаются по воде и семицкие венки. В Пинском уезде на духов день крестьянские девушки избирают из своей среды самую красивую подругу, обвязывают ее березовыми

и кленовыми ветвями и под именем *куста* водят по улицам и дворам, что живо напоминает нам сербскую додолу, с головы до ног убранныю в цветы и зелень. В Полтавской губ. на духов день водят *тополю*, которую представляет девушка, в разноцветной плахте, с яркими лентами в косах и монистами на груди. В старые годы, около Воронежа, строили на троицу посреди дубовой рощи небольшой шалаш, убирали его венками, цветами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышении *соломенную* или *деревянную куклу*, одетую в праздничное мужское или женское платье; к этому месту стекались со всех сторон окрестные жители, приносили с собой различные напитки и яства, водили вокруг шалаша хороводы и предавались беззаботному веселью и играм. В семицкой березке, «тополе», «кусте», и в троицкой кукле народ чествовал лесную деву, оживающую в зелени дубрав, или самую богиню Весну, одевающую деревья листьями и цветами. На троицын день молодежь отправляется в леса и рощи завивать венки... Приготовив венки, девицы и парни обмениваются ими друг с дружкой; девицы надевают их на головы, парни украшают ими свои шляпы и затем приступают к хороводным играм. Вечером, как только сядет солнце, или на следующий день ходят они на реку и кидают венки в воду. Местом завивания венков преимущественно выбирают ту рощу, которая прилегает к засеянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнее. В литовских и белорусских губерниях даже коровам на троицын день надевают на рога и шеи венки, сплетенные из зелени и полевых цветов. Венок издревле служил эмблемою любви и супружеской связи. Так как

в весеннюю пору Земля вступает в брачный союз с Небом и так как богиня весны (Жива) была не только представительницею земных урожаев, но и вообще покровительницею брака и любовных наслаждений, то и посвященный ей праздник необходимо должен был считаться лучшим в году временем для заявлений любви и для гаданий о будущем семейном счастье. Бросая венки в воду, юноши и девицы допрашивают эту пророческую стихию о своей грядущей судьбе: если брошенный венок уплывет, не коснувшись берега, — это предвещает исполнение желаний, счастливый брак и долгую жизнь; если венок закружится на одном месте — это знак неудачи (свадьба расстроится, любовь останется без ответа), а если потонет — знак смерти, вдовства или бессемейной жизни (молодцу не быть женатому, девице оставаться незамужнею). Замечают еще: уцелел ли свежим или завял венок, сбереженный от семика до троицына дня? В первом случае рассчитывают на долголетнее и счастливое супружество, а в последнем — ожидают скорой смерти. Не так давно в Калужской губ. существовало обыкновение, по которому парень, задумавший жениться, обязан был вытащить из воды венок полюбившейся ему девицы. Таким образом зелень и цветы играют главную роль на веселом празднике Весны; ее благотворное влияние именно в том и выражается, что мать — сыра земля, словно юная и прекрасная невеста, рядится в роскошные уборы растительного царства; апрель и май месяцы получили поэтому названия *травня* и *кветня*, а три последние дня этой недели и следующие за ними праздники троицы и св. духа называют *зелеными святками*. Те же обряды совершаются на троицу и в Литве,

и в Польше. В Англии в XVI и XVII столетиях на первый день мая ранним утром юноши и девицы, в сопровождении музыкантов, отправлялись в ближайший лес, сламывали древесные ветви, убирали их цветами и, воротившись домой, ставили эти майские знамения на дверях и окнах своих жилищ. Тогда же общими усилиями срубали они большое дерево и привозили его в город или деревню на нескольких парах быков; каждому быку прикрепляли между рогами букет цветов; дерево это ставили посреди площади и предавались вокруг него играм и пляскам. Чехи на майский праздник избирают *князя* и *князьку*, и неделя, в которую происходит это народное гульбище, известна под именем *князьки*. Князь и князька являются на праздник увенчанные коронами и украшенные цветами. Словенцы, празднуя возврат весны, назначают одного из юношей представлять *Зеленого Егора* (Юрия) и обвязывают его березовыми ветками. Срубленные деревья, которыми украшают в это время дома, называют *майями*. В Литве 1 мая уставляли на лугу зеленое дерево, обвешанное разноцветными лентами; сельская молодежь, избрав из своей среды самую красивую девушку, надевала ей на голову венок, обвивала ее стан березовыми ветвями и веселою толпою сопровождала ее на место гульбища. Там, возле майского дерева, начинались танцы и песни, с постоянно повторяемым возгласом: «О майя, о майя!»

Но лето гостит на земле короткое время. Солнце, достигнув полнейшего проявления своих творческих сил, поворачивает на зиму и с каждым днем более и более утрачивает свой живоносный свет; дни начинают умаляться, а ночи удлиняются. Этот *поворот Солнца* — выезд его в далекий

зимний путь — сопровождается народным празднеством (24 июня). Пламя костров, разводимых в навечерии этого дня, служит символическим знаменем знойного июньского солнца. «Ивановы огни» зажигаются под открытым небом на площадях, полях и горных возвышениях. Возжжение огней при летнем повороте солнца — обычай, равно встречаемый как у народов индоевропейских, так и семитических; в старые годы в совершении его принимали участие не одни простолюдины, но и владетельные князья. В Западной Европе относящиеся к этому вопросу свидетельства памятников начинаются уже с XII века. В XV, XVI и XVII столетиях в больших городах костер складывали перед ратушей, убирали его цветами и зеленью, а почетную обязанность зажигать его предоставляли мэру. В Пиренеях 1 мая отыскивали самое высокое дерево — ель, сосну или тополь, обрубали на нем все ветви, вбивали в ствол несколько кольев и оставляли на корню до 23 июня; накануне же Иванова дня, после данного священником благословения, сваливали это дерево наземь и предавали сожжению. У священного огня толпился народ; молодежь украшала себя венками, пела и танцевала; все же вообще — и старые, и молодые — прыгали через пламя, переносили через него детей и бросали в костер разные травы — с целью запастись здоровьем и отстранить от себя губительных демонов. Бросая в огонь травы, причитывали: «Да сгорят с этим зельем все мои беды!» Или дотрагивались до огня *ветками орешника* и потом втыкали их у дверей коровьих хлевов. Каждый считал обязанностью захватить с собой головешку или несколько угольев и пеплу от ивановского костра; подобно «громовой стрелке»,

уголья эти и пепел предохраняют дом от удара молнии и служат целебным средством против волшебного очарования и болезней. В середине лета природа во всех своих стихийных проявлениях обнаруживает особенно живительную силу. Как пламенные лучи солнца прогоняют демонов мрака, холода и бесплодия, так и эмблема их — земной огонь в воззрениях язычников получил то же благодетельное свойство прогонять болезни и мор; надо только пройти сквозь его *очистительное* пламя, проникнуться его священным веянием. Вместе с огнем и вода, как стихия, знаменующая амриту (плодоносный дождь), получает на Иванов день чудесное свойство смывать с больного тела все недуги и наделять его крепостью и здоровьем; поэтому в числе совершаемых тогда обрядов не последнее место занимает и купание в реках и источниках. Наконец, и самые травы и цветы, сорванные в период солнечного поворота, считаются по преимуществу целебными, так как с ними соединяется мысль о плодородящей силе земли, возбужденной ясным солнцем и летними дождями.

У славян и литовцев встречаем ту же обстановку Иванова праздника. На Руси Иванов праздник известен под именем *Купалы*. По указанию профессора Буслаева, корень *куп* совмещает в себе те же понятия, что и корни *яр* и *буй*. Во-первых, говорит он, *куп* имеет значение белого, ярого, а также буйного в смысле роскошно растущего, откуда в нашем языке употребительны: *купавый* — белый, *купава* — белый цветок, *купавка* — цветочная почка и особенно белых цветов. Во-вторых, «ярый» и «буйный» заключают в себе понятия кипучего, неукротимого, бешеного, раздраженного. Допустив эти лингвистические сообра-

жения, надо будет признать, что имена *Куп-ало* и *Яр-ило* обозначали одно и то же оплодотворяющее божество лета; такой вывод, во-первых, подтверждается старинным свидетельством о «бесстудном» характере купальских игрищ, а во-вторых, тем обстоятельством, что в Ярославской, Тверской и Рязанской губ. празднество Купалы еще недавно называлось *Ярилою*. По древнепоэтическому представлению, бог-громовник *кипятит* в грозовом пламени дождевую воду, *купает* в ее ливнях небо и землю и тем самым дарует последней силу плодородия; в христианскую эпоху дождящий громовник уступил свое место Иоанну-крестителю, к имени которого стали прилагать народное прозвание «Купалы»: *Иван-Купало*...

Наравне с прочими родственными племенами славяне при летнем повороте солнца возжигают костры, совершают омовения в реках и источниках и собирают целебные травы. Костры раскладываются на открытых полях, по берегам рек и преимущественно на холмах и горных возвышенностях; в ночь на 24 июня, как скоро загорятся ивановские огни, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляют истинно великолепное зрелище. На Руси для возжжения купальского костра употребляется *живой огонь*; почетные старики добывают его трением из дерева, и пока продолжается эта работа — собравшийся вокруг народ стоит в благоговейном молчании, но как только огонь вспыхнет — тотчас же вся толпа оживляется и запекает радостные песни. Девы в праздничных нарядах, опоясанные чернобыльником и душистыми травами, с цветочными венками на головах, и холостые юноши схватываются *попарно* за руки и прыгают через разведенное пламя; судя по удачному или

неловкому прыжку, им предсказывают счастье или беды, раннее или позднее *супружество*; сверх того, на Украине девушки пускают свои венки в воду, прилепив к ним зажженные восковые свечи, и по этим плывучим венкам гадают о своей будущей судьбе. Прыганье через огонь избавляет от недугов, злого очарования и бесплодия, матери нарочно сжигают на купальском костре снятые с хворых детей сорочки — для того, чтобы вместе с этим бельем сгорели и самые болезни. Чтобы скотина не болела и чтобы коровы давали больше молока, в Литве, на Руси и в Чехии принято перегонять стада через ивановские костры. В Сербии, накануне Иванова дня, пастухи зажигают свернутые из бересты факелы; с этими факелами они обходят овечьи закуты и коровьи загоны, а затем складывают их на ближайшем холме и оставляют догорать в одной общей куче. Словенцы разбрасывают по полям и огородам пепел, уголья и головешки, взятые от ивановского костра, для того чтобы черви и другие насекомые не портили посевов и капустной рассады. То же самое делают и чехи — для предохранения своих нив, садов и огородов от непогоды и града; сверх того, у чехов существует обычай зажигать накануне Иванова дня *обмакнутые в деготь метлы* и бегать, размахивая ими по воздуху.

В белорусских деревнях в ночь на Ивана Купала вбивают в землю большой кол, обкладывают его соломой и кострикой и зажигают; когда пламя разгорится, крестьянки бросают в него березовые ветки и приговаривают: «Кабы мой лен был так же велик, как эта березка!» Обычай творить омоложение на рассвете Иванова дня засвидетельствован «Стоглавом»: «Егда ночь мимо ходит (читаем в

этом памятнике), тогда отходят к реке (к роще) с великим кричанием, аки беснии, (и) омываются водою (росою)». Поселяне наши не только сами купаются на этот праздник — ради здоровья тела, но с тою же целью купают и больных лошадей. Роса, выпадающая в купальскую ночь, в высшей степени обладает живительными и целебными свойствами и сообщает их полевым цветам и травам. Русины умываются этой росой, дабы отогнать от себя злые немощи и недуги; в Литве канун 24 июня даже называется *праздником росы*. По народному поверью, лекарственные травы только тогда и оказывают действительную помощь, когда будут сорваны на Иванову ночь или на утренней заре Иванова дня — прежде, чем обсохнет на них роса. Исстари и доныне ночь на Ивана Купала почитается лучшим в году временем для сбора целебных трав, цветов и корней...

В половине июня полуденное солнце достигает высочайшей точки на небе, дни становятся наиболее продолжительными, и наступает пора томительного зноя; на этой вершине оно остается в течение нескольких дней, называемых днями летнего *солнцестояния*, а затем, поворачивая на зимний путь, начинает все ниже и ниже спускаться по *небесной горе*. У наших поселян июнь месяц слывет *макушкою лета*. Болгары уверяют, что на Иванов праздник солнце *пляшет, кружится и вертит саблями*, т. е. разбрасывает яркие, пламенные лучи; по выражению русского народа, оно *играет* тогда, *пляшет* и *мечется* во все стороны. В Силезии девушки пекут к этому дню пирожки и, выходя на утренней заре в поле, раскладывают их на белом убрусе. В сербской песне *играющее* солнце противопоставляется *пасмурному*, похмолу. Летнее

солнцестояние сербы и словенцы объясняют тем невольным страхом, какой должно чувствовать это светило — прежде чем двинется в далекое зимнее странствование. Когда наступали томительные жары и грозили полям и нивам засухой, а стадам и людям зловредными испарениями (заразою), — индусы ведийской эпохи обращались с мольбою к Индре, призывая этого всемогущего бога *сорвать с небесной вершины солнечное колесо и погасить его палящие лучи в дождевых потоках*. Таким образом, поворот солнца на зиму был признан за один из благотворных подвигов бога-громовника и на ивановском празднестве стал обозначаться *скатыванием с горы в воду* обмазанного смолою и *зажженного колеса* — обряд и доныне совершаемый славянами и немцами.

По болгарскому поверью, солнце на Иванов день *не знает* предстоящей ему *дороги*, а потому является *дева* и *ведет его по небу*. Эта дева — богиня Заря, которая каждое утро умывает солнце росой и открывает путь его светозарной колеснице и которая (как мы знаем) постоянно отождествлялась с богиней летних гроз. То деятельное участие, какое приписывали богу-громовнику в повороте солнца, ярко отразилось во всех поверьях и обрядах, относящихся к этому времени. Иванова ночь исполнена чудесного и таинственного значения: в эту ночь источники и реки мгновенно превращаются в чистое серебро и золото, папоротник расцветает огненным цветом, подземные сокровища выходят наружу и загораются пламенем, деревья движутся и ведут между собой шумную беседу, ведьмы и нечистые духи собираются на Лысой горе и предаются там неистовому гульбищу. Все эти поверья возникли из древнепоэтических выра-

жений, какими народная фантазия живописала летние грозы. Призванный повернуть солнцевое колесо и освежить удушливый воздух, Перун совершает этот подвиг *во мраке ночи*, т. е. облагает небо тучами и превращает ясный день в непроглядную ночь; поэтому и самое празднование поворота солнца происходит в ночное время. На потемненном небе загораются молнии, или, выражаясь метафорически: расцветают огненные цветы; облака и тучи, эти дожденосные источники и реки, озаряются блеском грозового пламени; бурные вихри потрясают дубравы, в шуме и треске которых слышатся человеку неведомые голоса; удары грома разбивают облачные горы и открывают затаенное в их подземельях золото солнечных лучей; стихийные духи затягивают дикие песни и увлекаются в быструю, бешеную *пляску*. Костры, разводимые на Иванову ночь, могли служить эмблемами не только знойного июньского солнца, но и возжигаемого Перуном грозового пламени; это доказывается, во-первых, тем, что угольям и головням, взятым от купальского костра, приписывается сила и свойства громовой стрелки и, во-вторых, тем, что в некоторых местах Малороссии купальский костер заменяется кучею *крапивы*, каковая замена стоит в несомненной связи с представлением молнии *жгучею травю*. Словенцы во время засухи втыкают в забор Ивановскую головешку, с уверенностью, что она вызовет дождь. Рядом со скатыванием огненного колеса в реку топили в ней и самого Купала. В Малороссии уцелел следующий обряд: накануне Иванова дня делают из соломы *идола Купала* — иногда величиной с ребенка, а иногда — в настоящий рост человека, надевают на него *женскую*

сорочку, плахту, монисты и венок из цветов. Тогда же срубают дерево (преимущественно: черноклен, вербу или тополь), обвешивают его лентами и венками и устанавливают на избранном для игрища месте. Дерево это называют *Мареною*; под ним ставят наряженную куклу, а подле нее стол с разными закусками и горилкою. Затем зажигают костер и начинают прыгать через него попарно (молодец с девицею), держа в руках купальскую куклу; игры и песни продолжаются до рассвета. На другой день куклу и Марену приносят к реке, срывают с них украшения и бросают ту и другую в воду... Чехи ставят на возвышенном месте вырубленную в лесу смолистую елку или сосну, убрannую венками, цветами и красными лентами; вокруг нее накладывают и зажигают вечером кучу хвороста и других горючих материалов, и как только вспыхнет пламя — парни бросаются к Иванову дереву и лезут на него доставать венки и ленты. Перун-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня зари (просветленного солнца) и летних гроз, принимали равное участие в жизни природы и чествовались нашими предками как нераздельная божественная чета. Возле Купала, слившегося в христианскую эпоху с Иоанном-крестителем, в наших преданиях выступает *Купальница*, имя которой сделалось эпитетом св. Аграфены, так как память этой последней празднуется на 23 июня. Собственно же Лада сменилась в воззрениях народа пречистой Девой Мариею, которую сербы называют *огня-на Мария*. В Переславле-Залесском есть храм пресв. Богородицы, именуемой местными жителями *Купальницею*. Народные причитания и колядки приписывают богородице ниспослание дождя и возделывание пашен. 24 июня, *при восходе солнца*,

белорусы собираются у пылающих костров и смоляных бочек и поют следующую песню:

Иван да Марья
На горе купались:
Гдзе Иван 'купався —
Берег колыхався,
Гдзе Марья купалась —
Трава расцилалась.

То есть Перун и Лада купались в дождевых потоках, на небесной горе, причем первый потрясал землю громовыми раскатами, а последняя растила на полях травы. День Аграфены-купальницы посвящается собиранию лекарственных трав; из числа этих зелий особенным уважением в народе пользуется *купаленка* или *купальница* и цветок *Иван-да-Марья*: крестьяне парятся на них в банях, дабы смыть с себя худобу и болезни. Случайное созвучие имени *Мария* со словом *Марена* (Зима, Смерть) повело к смешению связанных с ними представлений; такая ошибка произошла тем легче, что, по требованию стародавнего культа, в начале весны топили чучело Марены, а при летнем повороте солнца та же судьба постигала Ладу. Вот почему зеленое дерево, служившее эмблемою Лады, на Ивановом празднике бросается в воду и вместе с тем получает название Марены. Хотя народ и продолжает по преданию совершать купальские обряды, но давным-давно утратил живое их понимание и постоянно смешивает Купалу с Купальницею. Мы видели, что куклу, называемую Купалою, наряжают в женские уборы; в Харьковской губ. кукла эта известна под именем Марены. У белорусов, с рассветом Иванова дня, крестьянки выбирают из сво-

ей среды самую красивую девушку, обнажают ее и опутывают с ног до головы гирляндами из цветов; затем отправляются в лес, где *Дзевко-Купало* (так называют избранную девушку) обязана раздавать своим подругам заранее приготовленные венки. К этой раздаче она приступает с завязанными глазами — в то время, как вокруг нее движется веселый девичий хоровод. Смотря по тому, какой венок кому достанется, заключают о своей будущей судьбе; свежий венок сулит богатую и счастливую жизнь замужем, а венок сухой, увядший — бедность и несчастливый брак. Наоборот, срубленное дерево принимается в некоторых местностях за самого Купалу: на Волыни и Подоле девицы приносят убранный цветами вербу, устанавливают ее в землю и вокруг этого дерева, называемого *Купайлом*, водят хоровод и поют *жалобные* песни; между тем собираются парни и, выждав время, вступают в притворную борьбу с хороводом, овладевают вербою и *рвут ее на части*. В этом обряде кроется мысль о начинающемся, после летнего поворота солнца, замирании плодотворящих сил природы; богиня Солнце, пускаясь в зимнюю дорогу, с каждым днем более и более теряет свою царственную власть над миром: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вместе с тем и вся природа близится к старости и увяданию.

В летнюю жару народ *призывал* громовника погасить пламя солнечных лучей в разливе дождевых потоков, но самое это погашение должно было напоминать древнему человеку аналогичские представления *Ночи*, с приходом которой дневное светило тонет в волнах всемирного океана, *Зимы*, которая погружает его в море облаков и туманов и, наконец, *Смерти*, которая гасит огонь жизни.

Прибавим к этому, что на пути в загробный мир усопшие, по мнению наших предков, должны были переплывать глубокие воды. Мысль о замирающих силах природы особенно наглядно выражается в тех знаменательных обрядах, которые еще недавно совершались на Всесвятской неделе или в первое воскресенье после Петрова дня, празднуемого 29 июня, и были известны в нашем народе под названием *похорон Костромы, Лады и Ярила*. По всему вероятно, обряды эти принадлежали в старину к купальским игрищам; но так как по своему вакханальному характеру они должны были вызывать постоянные протесты со стороны духовенства, находящего подобное «бесстудие» не соответствующим святости поста и церковного праздника, то и были перемещены на другие дни. Сверх того, с именем апостола Петра суеверный народ связывал свои старинные представления о божегромовнике, а потому и купальские игрища легко могли приурочиваться ко времени около Петрова дня. В некоторых местностях вечером накануне 29 июня крестьяне зажигают костры, а наутро следующего дня наблюдают игру восходящего солнца. Похороны Костромы в Пензенской и Симбирской губ. совершались таким образом: прежде всего девицы избирали из среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затем подходили к ней с поклонами, клали ее на доску и с песнями несли *к реке*; там начинали ее *купать*, причем старшая из участвующих в обряде сгибала из лубка лукошко и *била в него, как в барабан*; напоследок возвращались в деревню и заканчивали день в хороводах и играх. В Муромском уезде соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую делали из соло-

мы, наряжали в женское платье и цветы, клали в корыто и с песнями относили на берег реки или озера; собравшаяся на берегу толпа разделялась на две половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладеть ею. Борьба оканчивалась торжеством нападающих, которые схватывали куклу, *срывали с нее платья и перевязи, а солому топтали ногами и бросали в воду*, между тем как побежденные защитники предавались неутешному горю, *закрывая лица свои руками и как бы оплакивая смерть Костромы*. Должно думать, что кукла эта приготавливалась не только из соломы, но также из сорных трав и прутьев и что именно поэтому она получила название Костромы. В областных говорах слово *кострома* означает: прут, розгу и растущие во ржи сорные травы; *костра*, *кострец*, *костёр*, *костера* — трава метлица, *костерь*, *костеря* — жесткая кора растений, годных для пряжи, *кострыка* — крапива, *кострубый* (*кострубатый*) — шероховатый, в переносном смысле: придиричивый, задорный. Напомним, что прут, крапива, колючие травы принимались за символы Перуновых молний. В Малороссии соломенная кукла, которую хоронили в первый понедельник петровки, называлась *Кострубом*, и обряд ее похорон сопровождался печальной песнею:

Помер, помер Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!..

Подобный же обряд в Саратовской губ. называется *проводами Весны*: 30 июня делают соломенную куклу, наряжают ее в *кумачный сарафан*, *ожерелье* и *кокошник*, носят по деревне с песнями, а потом раздевают и *бросают в воду*. Ярилово

празднество отличалось теми же характеристическими чертами. В Воронеже толпы народа с раннего утра сходились на городской площади и с общего согласия определяли: кому из присутствующих быть представителем Ярила; по решению этого важного вопроса избранного облакали в пестрое, разноцветное платье, убирали цветами и лентами, навешивали на него *колокольчики* и *бубенчики*, на голову надевали ему раскрашенный бумажный колпак с петушьими перьями, а в руки давали *колотушку*, которая исстари принималась за эмблему громовой налицы. Шествие Ярила возвещалось *барабанным боем*: обходя площадь, он пел, плясал и кривлялся, а следом за ним двигалась шумная толпа. Народ предавался полному разгулу и после разных игр, сопровождаемых песнями, музыкой и плясками, разделялся на две стороны и начинал кулачный бой — стена на стену. В Костроме горожане сходились на площадь, избирали *старика*, *одевали его в рубище* и вручали ему небольшой *гроб с куклою*, которая изображала Ярила и нарочито делалась с *огромным детородным удом*. Затем отправлялись за город; старик нес гроб, а вокруг него шли женщины, *причитывали нараспев похоронные жалобницы* и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. *В поле вырывали могилу, хоронили в ней куклу с плачем и воем* и тотчас же начинали игры и пляски, напоминавшие языческую тризну. В Малороссии соломенное чучело Ярила приготавливалось *со всеми естественными принадлежностями мужского пола*; куклу эту клали в гроб и по захождении солнца выносили на улицу. Бабы подходили к гробу, плакали и печально повторяли: «Помер он, помер!» Муж-

чины подымали и трясли куклу, как бы стараясь разбудить усопшего Ярила... Когда Ярило был уже достаточно убажен и оплакан, куклу его зарывали в могилу. Некоторые из наших ученых видят в именах Купала, Ярила, Костромы только названия летних праздников, и ничего более. Но если принять в соображение, что фантазия младенческих народов любила свои представления облекать в живые пластические образы, что это было существенное свойство их мышления и мирозерцания, что самые времена года казались уму древнего человека не отвлеченными понятиями, а действительными божествами, посещающими в известную пору дольний мир и творящими в нем те перемены, какие замечаются в жизни, цветении и замирании природы, — то несостоятельность вышеуказанного мнения обнаружится сама собою. Из приведенного нами описания праздничных обрядов очевидно, что народ еще недавно представлял Купала и Ярила как существа живые, человекоподобные, и в этом нельзя не признать отголоска глубочайшей древности, когда поэтическое чувство господствовало над мыслью человека.

После Иванова дня поселянин начинает следить за теми знаменами, которые пророчат ему о грядущей смене лета зимою. К концу июня замолкают кукушка, соловей и другие певчие птицы; так как это случается около того времени, когда в полях колосится хлеб, то о замолкшей кукушке крестьяне выражаются, что она *подавилась житным колосом*; малоруссы говорят: «Соловейко вдавився ячминним колоском». С сентября начинается отлет птиц в теплые страны, или вирий; о ласточках рассказывают, что в первый

день этого месяца они *прячутся в колодцы*, т. е. улетают в рай (царство вечного лета), лежащий по ту сторону облачных источников. В тот же день крестьянки *хоронят мух и тараканов* в гробах, сделанных из свекловицы, репы или моркови, чем символически обозначается оцепенение этих насекомых на все время зимы. 14 сентября змеи уползают в вирий или же собираются в ямах, свертываются в клубки и засыпают зимним сном. Мало-помалу увеличиваются холода, трава увядает, с деревьев опадают листья, и наконец является суровая Зима, налагает на весь мир свои оковы, стелет по водам ледяные мосты, землю одевает в белоснежный саван и выпускает из адских подземелий вереницы вьюг, метелей и морозов.

Если с поворотом солнца на зиму соединялась мысль о замирании творческих, плодотворяющих сил природы, то с поворотом этого светила на лето необходимо должна была соединяться мысль о их возрождении, на что и указывают обряды, донныне совершаемые во время рождественских святок — на так называемом празднике Коляды. *Коля(е)да* — собственно: первое в каждом месяце число, по которому велся счет и предшествующим ему дням с половины или точнее — после ид³ предыдущего месяца; впоследствии слово это стало по преимуществу употребляться для обозначения январских календ (с 14 декабря по 1 января включительно), как исходного пункта, с которого начинается год, и затем уже в средние века перешло в название святочных игрищ. К нам оно проникло из Византии, вместе с отреченными книгами, и согласно со звуковыми законами славянского языка изменилось в *коляду*.

Никифор Омологета, живший в XI веке, в опровержении своем ложных писаний говорит, что не должно держать у себя *громовников* и *колядников*...

Когда наступали самые короткие дни и самые длинные ночи в году, древний человек думал, что Зима победила Солнце, что оно *одрыхлело*, утратило свою лучезарность и готовится *умереть*, т. е. *погаснуть*. Но торжество злых сил продолжается не далее 12 декабря — день, в который солнце поворачивает на лето и который поэтому слывет в народе *поворотом*, *поворотником* и *солоноворотом*. Как на Ивана Купала Солнце, по русскому поверью, выезжает в колеснице на серебряном, золотом и алмазном конях, так и теперь наряженное в праздничный *сарафан* и *кокошник* — оно садится в телегу и направляет своих коней на летнюю дорогу. Народ сочетал с этой древней богинею имя Коляды и, прославляя в обрядовой песне выезд Солнца на лето, употребляет следующее выражение: «Ехала Коляда в малеваном возочку, на вороненьком конечку». В прежние годы существовал даже обычай *возить* Коляду, которую представляла нарочно избранная *девушка*, одетая в *белую* сорочку. Отсюда становится понятным, почему составители старинных хроник причисляли Коляду к сонму языческих богов и в обрядах колядского праздника усматривали следы идолослужения. После зимнего поворота солнце мало-помалу начинает брать верх над демонами мрака: по народному выражению, день к Новому году прибавляется на куриный шаг или на гусиную лапку, а в начале февраля лучи солнечные уже «нагревают у коровы один бок», почему крестьяне и называют

февраль месяц *бокогреем*. В этом переходе от постепенной утраты к постепенному возрастанию светоносной силы солнца предки наши видели его *возрождение* или *воскресение* (*возжение* солнцева светильника) и в честь столь радостного события, совершавшегося на небе, зажигали по городам и селам костры. Так как около того же времени христианские правила установили праздновать рождество спасителя, называемого в церковных песнях «праведным солнцем, пришедшим с востока», то древнеязыческий праздник рождающемуся солнцу и был приурочен к рождественским святкам; по мнению народа, выказанному в его обрядовой песне, «Коляда нарождается накануне рождества». К этому необходимо добавить, что, вместе с перенесением новолетия на 1 января, мысль о *нарождающемся Новом годе* весьма удачно совпала со старинным мифом о рождении Солнца, движениями и поворотах которого определяется обычная смена времен. В некоторых местностях России удержалось обыкновение раскладывать по берегам рек костры в ночь на 12 декабря. На Украине, начиная с 25 декабря, крестьяне целую неделю не выкидывают из избы сора, а тщательно собирают его в одну кучу; на Новый же год, перед самым восходом солнца, выносят сор в сад и зажигают — с твердой уверенностью, что оживленные действием этого огня деревья принесут на будущее лето обильные и вкусные плоды...

По древнеарийскому представлению, всякий раз, когда облачные демоны *погасят* (омрачат) дневное светило, тотчас же выступает бог-громовник, буравит своею палицей дерево — тучу, до-

бывает из него живое пламя грозы и снова зажигает солнцезов колесо. То же представление прилагалось и к зимнему повороту солнца: если с этого времени оно начинает возрождаться — приобретать все большую и большую светоносную силу, то именно потому, что благотворный Перун возжег его новым, чистейшим пламенем. Так думали наши предки, и под влиянием означенной мысли декабрь, как месяц поворота и возжжения солнцеза колеса, был назван именем *коложега*. Этот творческий подвиг, совершаемый Перуном на радость всем людям на небе, чувствуется на земле в символическом обряде возжжения бадняка. Суровое время года, в которое происходит поворот солнца на лето, помешало колядскому празднику развиться до общинного, публичного значения и удержало за ним чисто семейный характер. Морозы, вьюги и метели гонят человека под домашний кров, заключают его в тесных пределах избы и вместе с этим необходимо ограничивают круг его интересов и обязанностей. Вот почему возжжение бадняка совершается не всенародно, не под открытым небом, а в стенах избы — на родовом очаге, который исстари признавался святынею — жертвенником и обиталищем дружелюбного Агни. Бадняк готовится из дубового дерева: как известно, дуб был посвящен Перуну и до сих пор «живой огонь» по преимуществу добывается из этого дерева. Тому же богу посвящены и орехи, а потому разбрасывание их по избе указывает на культ громовника. Масло и вино, которыми поливают бадняк, и хлебные зерна, которыми его осыпают, служат знаменами дождя, приносимого грозовой тучей, осеменяющего землю и дарующего ей плодород-

дие. Очевидно, что *старый* бадняк и *младой* Божич, прославляемые в сербских песнях, скрывают под своими именами Деда-Перуна, возжигателя небесного пламени, и просветленное этим пламенем Солнце. У русских и чехов уцелела старинная святочная игра, основную мысль которой составляет: *искание золотого кольца — солнца, сокрытого змеем Вритрою во мраке зимних облаков и туманов*. Все участвующие в игре садятся в кружок и, передавая тайком из рук в руки *золотое кольцо*, запевают хором:

И я золото хороню-хороню,
Чисто серебро хороню-хороню.
Гадай, гадай, девица,
Отгадывай, красная,
В коей руке былица —
Змеиная крылица?
Наше золото пропало,
Оно порохом запало,
Призаиндевелю, призаплесневелю...

Пока продолжается песня, одна из девиц ходит в середине круга и старается угадать: у кого находится кольцо; если угадает, то присоединяется к подругам, а на смену ей искательницей золота выступает другая девица, и законченная игра начинается сызнова...

В нашем народе колядские обряды с большею свежестью удержались на Украине и в белорусских губерниях. В старые годы украинцы уже 12 декабря варили пиво и с того же числа каждый день откладывали по одному полену — так, что к кануну рождества всех поленьев набиралось двенадцать; этими поленьями и *затапливалась печь на святой вечер*. В день, предшествую-

ий рождественским святкам, поселяне не вкушают пищи *до восхода вечерней звезды*, которая появлением своим свидетельствует о рождении божественного младенца и тем самым знаменует начало праздника. Как только загорится на небе вечерняя звезда, тотчас же приносят в хату связку соломы или сена, расстилают ее в переднем углу — на прилавке, покрывают сверху чистой скатертью и на приготовленном месте ставят под образами необмолоченный *сноп* жита или пшеницы, *кутью* и *узвар*; сноп этот остается здесь до 31 декабря. *Кутьей* называется каша из зерновой пшеницы, ячменя или риса, разведенная *медовой сытою*; *узвар* (*вз-вар*) готовится из сушеных плодов (яблок, груш, слив, вишен, изюма и проч.), сваренных на воде. Оба горшка с кутьей и узваром накрываются *кнышами* (пшеничными хлебами). Перед *вечерею* (т. е. ужином) хозяин дома зажигает у образов лампадку и восковые свечи, читает вслух молитвы и кадит ладаном; вся семья благоговейно молится богу и потом усаживается за стол, усыпанный сеном и застланный чистой скатертью; глава семейства занимает почетное место на *покуте* (в переднем углу); рядом с ним, по правую руку, садится его жена, а далее следуют их родичи и дети. Кутья и взвар подаются обыкновенно после всех других кушаний, и если не будут съедены в тот же вечер, то доканчиваются в продолжении святок; часть кутьи отделяют курам, чтобы давали больше яиц. Сидя за «вечерею», гадают о будущем урожае: вытягивают из-под скатерти несколько былинки сена и по их длине заключают о том, каков уродится лен; или выдергивают из снопа соломинку, и если она окажется с полным ко-

лосом, то наступающий год будет изобильный, и наоборот — пустой колос сулит неурожай. По остающимся на столе травяным семенам делают такое заключение: если семян будет больше черных, то следует ожидать урожая на гречиху, а если желтых, то надо рассчитывать на овсы, просо и пшеницу. Подобная же обрядовая трапеза, с кутьею и узваром, бывает и на крещенский сочельник. Накануне Нового года обмолачивают стоящий в переднем углу сноп и полученные зерна отдают мальчикам-*посыпальщикам*, а соломой прикармливают домашний скот или употребляют ее на обвязку плодовых деревьев. Вечер 31 декабря известен в народе под именем *щедрого* и *богатого*. Хозяйка prepares к щедрому вечеру как можно более пирогов и кнышей, складывает их в одну общую кучу на стол и просит мужа *исполнить закон*. Этот затепливает перед иконами восковую свечу, курит по избе ладаном и садится на покуте; входят домоладцы, молятся богу и, притворяясь, будто не видят отца за накладенными на столе пирогами, спрашивают: «Де ж наш батько?» — «Хиба ж вы мене не бачите?» — спрашивает отец. «Не бачимо, тату!» — отвечают дети. «Дай же, боже, щоб и на той рок не побачылы», — т. е. чтобы и в будущем году было такое же изобилие в яствах, как в настоящую минуту. Затем жена и дети садятся за стол, и отец разделяет между ними пироги. Эти обряды идут из отдаленной старины. По свидетельству Саксона Грамматика, к Святовитову празднику, какой ежегодно совершался в Арконе по окончании жатвы, готовили огромный медовый пирог — величиною почти в рост человека. Жрец становился за этим пиро-

гом и спрашивал у народа: видят ли его? — и когда ему отвечали утвердительно, он тотчас же высказывал желание, чтобы будущий год был еще плодороднее, а праздничный пирог еще больше. На первый день Нового года по всему русскому царству совершается обряд *засевания*. Рано поутру ходят по домам мальчики,нося в мешке или рукавице хлебные зерна; при входе в избу они *посыпают* по ней этими зернами со следующими эпическими причитаниями: «На счастье, на здоровье — на новое лето роди, боже, жито-пшеницу и всякую пашницу!» или: «Уж дай ему бог, зароди ему бог, чтобы рожь родилась, сама в гумно свалилась, из колоса, осьмина, из полузерна пирог — с топориче долины, с рукавицу ширины!» Посыпальщику дают что-нибудь в подарок, а разбросанные им зерна тщательно собирают, хранят до весны и при посеве яровых смешивают с прочими семенами. Когда посыпальные зерна будут собраны, по роду и количеству их заключают о том, какие именно хлеба дадут на будущее лето больший или меньший урожай. Иногда кормят этими зернами кур и по их клеву гадают о будущем плодородии нив. Обряд «посыпания», совершаемый у нас на первый день Нового года, а у сербов на рождество, знаменует весеннее осеменение матери Земли, вступающей в брачный союз с просветленным Небом, причем хлебные зерна служат эмблемою *Оплодотворяющего семени дождя и солнечных лучей*. Заметим, что на старинных свадьбах новобрачную чету осыпали овсом, ячменем и пшеницею и укладывали спать на ржаных (необмолоченных) снопах и что доньне крестьянки наши гадают о своих су-

женных по хлебным семенам и колосьям. Для того чтобы земля принесла добрый урожай, поселянин, отправляясь засеять поле, надевает на себя *подвенечную* сорочку; встретить, при выезде на посев, вдовца, вдову, холостого парня или девушку считается дурною приметой, и наоборот — встреча с женатым человеком или замужнею женщиною принимается за счастливый знак.

В великорусских преданиях уцелело темное воспоминание о мифическом лице *Овсеня*; обрядовая песня славит его приезд, совпадающий по времени с наступлением Нового года:

Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздями убивали,
Ой Овсень, ой Овсень!

Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню

Да Новому году.
Ой Овсей, ой Овсень!

Овсень должен означать бога, возжигающего солнечное колесо и дарующего свет миру (т. е. приводящего с собой утро дня или утро года — весну). Весеннее просветление неба постоянно отождествляется и в языке и в народных поверьях с утренним рассветом... Одна из обрядовых песен заставляет доброго молодца *Овсеня* выезжать на *свинье*:

На чем ему ехать?
На сивинькой свинке.
Чем погонять?
Живым поросенком.

Черта — в высшей степени знаменательная, ибо она указывает на тождество нашего *Овсеня* со

светоносным богом германцев — Фреером, который в период зимнего солнцеповорота выезжал на небо на златошетином борове и которому в это время совершались обильные жертвоприношения. Являясь в сей мир, Овсень открывает путь новому лету (новому году), несет из райских стран щедрые дары плодородия, и как определено божественным судом — так и распределяет их между смертными: одним дает много, с избытком, а других лишает и самого необходимого. Белорусы выражают эту мысль в следующем символическом обряде: накануне Нового года они водят по домам двух юношей, из которых один, называемый *богатою Коледою*, бывает одет в новое, праздничное платье и имеет на голове венок из ржаных колосьев; на другого же (*бедную Коледу*) надевают разорванную свитку и венок из обмолоченной соломы. При входе в избу обоих юношей завешивают длинными покрывалами и заставляют хозяина выбирать из них любого; если он выберет «богатую Коледу», то хор поет ему песню, предвещающую урожай и богатство; наоборот, если выбор падет на «бедную Коледу» — это служит предзнаменованием неурожая и бедности.

На тесную связь праздника Коляды с культом громовника указывают и многие другие святочные обряды и обыкновения, а именно: а) Обычай *наряжаться в мохнатые шкуры и принимать на себя звериные подоби́я*, в каковых воображение древнего человека олицетворяло дожденосные тучи. б) Обычай водить по деревне *волка* или носить *змею*. в) *Стрельба* из ружей и пистолетов накануне рождества и в день крещения служит знаменiem громовых ударов, поражаю-

щих темных демонов. г) С поворотом солнца на лето тотчас же возникала мысль о грядущем освобождении земных и небесных источников от зимнего оцепенения, о превращении мертвых вод (окованных льдами рек и озер и снеговых туч) в живые потоки, несущие земле обновление и силу плодородия, или, выражаясь метафорически: о превращении их в вино — нектар. Поэтому на праздник Коляды принято было совершать религиозные омовения, каковой обряд в христианскую эпоху приурочен ко дню церковного водосвятия (крещения). д) Как праздник, посвященный возрождению творческих сил природы, Коляда всею своею обстановкою указывает на те щедрые дары, которые несет шествующее из дальних стран Лето. Неомолоченный сноп, поставляемый в переднем углу и величаемый именем Деда, солома и сено, постилаемые на столе и покуте, хождение по домам с плугом, посыпание зерновым хлебом, разнообразные гадания о будущем урожае, семейная трапеза, за которую вкушают праздничный хлеб, кутью, мед и садовые плоды, — все говорит о посеве, жатвах и изобилии плодов земных. Зерно — символ зачатия, рождения к новой жизни: брошенное в землю, оно вырастает зеленою былинкою и дает колос; медовая сыта знаменует амриту. Узвар и каша доньше считаются необходимыми на родинах, а мед и кутья — на похоронах и поминках, ибо смерть человека, по народному воззрению, есть вторичное его рождение для иной, загробной жизни. Вместе с поворотом солнца на лето вся природа призывается к пробуждению от зимнего сна. У чехов накануне рождества, перед самым рассветом, семья отправляется в сад; отец и мать трясут

плодовые деревья, приговаривая: «Вставай, деревцо, давай нам плодов; нынче ведь щедрый день» — и бросают на них яблоки и груши, а дети подбирают падающие плоды. Тот же обряд выполняется моравами, лужичанами и немцами. *Сербы и малороссы замахиваются на дерево топором* (символ молнии), с угрозой срубить его, если оно не родит летом. Во всей Европе известен обычай готовить к рождественским святкам елку; это вечнозеленое дерево, украшенное зажженными свечами и обвешанное яблоками, грушами, золотыми орехами и другими лакомствами, напоминает собою то райское древо жизни, на котором растут золотые яблоки и орехи. На Руси обычай этот появился в недавнее время и заимствован от немцев; нельзя не заметить, однако, что подобное же дерево, украшенное искусственными цветами, зеленью и плодами, возили у нас в старину в крестном ходе на цветоносное или вербное воскресенье.

Все указанные нами представления, какие связывались с праздником Коляды, засвидетельствованы в святочных песнях: *колядках* и *щедривах*. Начиная с вечера 24 декабря и до крещения ходят по дворам коледовщики, славят праздник, т. е. поют обрядовые песни, и собирают от хозяев дары разными припасами и деньгами. Колядки и щедривки сохранили для нас черты народных воззрений, идущие из глубочайшей древности; несмотря на целый ряд веков, на протяжении которых песни эти должны были подвергаться постоянной переделке, в них и доньше довольно явственно выступают предания и обряды, принадлежащие язычеству...

Все, что растит земля, есть дар небесных бо-

гов (Святовита, Дажьбога, Перуна, Волоса, Лады), согревающих ее солнечными лучами и поящих леса, поля и нивы живительною влагою дождя. На Руси *хлеб-соль* принимается за эмблему плодородия, богатства и счастья, служит необходимою принадлежностью всякого семейного и общественного торжества, предохраняет от колдовства и нечистой силы; первая песнь при святочных гаданиях возглашается хлебу: «Мы хлебу песнь поем, хлебу честь воздаем!» Не следует ни сорить хлебом, ни катать из него шариков — не то бог накажет неурожаем и голодом. Кто, вкушая хлеб, роняет крошки наземь, за тем подбирают нечистые духи, и если собранные ими крошки будут весить больше самого человека, то душа его, по смерти, достанется дьяволу. Напротив, кто не брезгает хлебом, ест его черствый и цвель (с плесенью), тот не будет бояться грома, не потонет в воде, доживет до преклонной старости и не изведает нищеты. Крестьяне тщательно собирают хлебные крошки и кормят ими домашнюю птицу, а черствые корки бросают в *затомленную печь*. Все земледельческие работы (посев, жатва, молотьба и проч.) уже в глубочайшей древности получили священное значение; они обставлялись различными религиозными церемониями, жертвоприношениями и призыванием богов...

Во Владимирской губ. уцелел любопытный обряд *водить колосок*. Около троицына дня, когда озимая рожь начинает колоситься, бывает обрядовое шествие на засеянные ею поля. Молодые женщины, девушки и юноши, собираясь на окраине селения, схватываются попарно руками и устанавливаются в два ряда, обращенные друг к другу лицами; по их соединенным рукам, словно

по мосту, идет маленькая девочка, убранная разноцветными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спешит забежать вперед и стать в конце ряда; таким образом процессия подвигается до самой нивы. Здесь девочку спускают наземь; она срывает несколько колосьев, бежит с ними в село и бросает их возле церкви. Во время шествия поют следующую песню:

Пошел колос на ниву,
На белую пшеницу.
Уродися на лето,
Рожь с овсом,
Со дикушей*, со пшеницею.

Или:

Ходит колос по яри,
По белой пшенице;
Где царица шла —
Там рожь густа:
Из колосу осьмина,
Из зерна коврига,
Из полужерна пирог.
Родися, родися,
Рожь с овсом;
Живите богато
Сын с отцом!

Когда рожь, ячмень и пшеница поспевают, хозяйка с хлебом-солью отправляется *зажинать* ниву. Первый нажатый ею сноп называется *именинником*; хозяйка приносит его в избу и ставит в переднем углу у божницы. Впоследствии сноп этот обмолачивают отдельно; собранные от него зерна носят для освящения в церковь и частью мешают с семенами, оставляемыми для засева

---

* Гречихою.

полей, частью же берегут как целебное снадобье — на случай различных недугов. Соломою от этого снопа кормят больную скотину. В старину — для того чтобы умолот был изобильнее и лучше, первый (зажиночный) сноп относили в овин или на гумно и оставляли там до молотбы. По окончании жатвы жницы обходят ниву, собирают случайно не срезанные серпом колосья и вяжут из них золотистый венок, переплетая его васильками и другими полевыми цветами; венок этот надевают на самую красивую девушку и затем отправляются на хозяйский двор с песнями. Впереди идет мальчик и несет украшенный цветами сноп. Хозяин выходит на крыльцо, встречает жниц с хлебом-солью и угощает их обедом и горилкою. Венок, свитый из последних колосьев, и сноп, принесенный мальчиком, передаются хозяину со словами: «Дай боже, щоб и на той год уродывся хлиб!» Чтобы узнать, какой посев будет урожайнее: ранний, средний или поздний, — отрывают от венка три колоса и закапывают их в землю; один колос знаменует ранний посев, другой — средний, третий — поздний, и смотря по тому, какой из трех колосьев скорее и лучше пустит ростки, заключают о сроке, наиболее выгодном для осеменения полей. В Пензенской и Симбирской губ. последний (*дожиночный*) сноп называют *именинником* и наряжают его в сарафан и кокошник; в Смоленской губ. приделывают к нему руки и одевают его в *белую накидку* и *кичку*... Праздник окончания жатвы известен под названиями *обжинок*, *дожинок* и *талаки*...

С сентября месяца принимаются молотить хлеб. Во многих великорусских деревнях в тот

день, с которого начинается эта работа (*замолотки*), овин слывет у крестьян *именинником*. Вечером, накануне этого дня, хозяин протапливает овин, а на утро созывает туда молотильщиков и угощает их кашею; после завтрака, приступая к работе, *затыкают во все углы гумна или риги по нескольку колосьев* — для того чтобы умолот был хороший, изобильный. Молотить обыкновенно начинают с так называемого «именинного» снопа. В некоторых же деревнях именины овина справляются в день окончания молотьбы, и приготовляемая тогда каша называется *домолотною*. Овин, как место, где просушивается зерновой хлеб, издревле пользовался тем же самым религиозным почетом, что и домашний очаг.

Земные урожаи зависят от деятельности стихийных духов. Носясь по воздушным пространствам в буйном полете грозовых туч и ветров, духи эти нисходят на землю оплодотворяющим семенем дождя, преобразуются в ее материнских недрах в бесчисленные зародыши и затем нарождаются разнообразными и роскошными злаками. Вообще все растительное царство представлялось древнему человеку воплощением стихийных духов, которые, соединяя свое бытие с деревьями, кустарниками и травами (облекаясь в их зеленые одежды), чрез то самое получали характер *лесных, полевых* или *житных* гениев. По немецким, славянским и литовским преданиям, житные духи в летнюю половину года обитают на нивах. Когда хлеб поспеет и поселяне начинают жать или косить его, *полевик* бежит от взмахов серпа и косы и прячется в тех колосьях, которые еще остаются на корню; вместе с последними сре-

занными колосьями он попадает в руки жнеца и в их последнем — дожиночном — снопу приносится на гумно или в дом земледельца. Вот почему дожиночный сноп наряжают куклою и ставят его на почетном месте, под образами... Растя хлебные злаки и творя урожаи, житные духи приготавливают запасы для своего собственного пропитания, подобно тому, как пчелы запасают для себя пищу в медовых сотах. Человек питается плодами их творческой деятельности, но не должен забирать всего; часть хлеба он обязан оставлять для житных духов, дабы они могли прозимовать без нужды и заботы. Следуя стародавнему обычаю, крестьяне оставляют на полях несколько несрезанных колосьев, в саду несколько несорванных яблок, а на току несколько пригоршней обмолоченного зерна и за все это ожидают на будущий год богатого урожая. Кто не исполняет этой обязанности, у того житные духи похищают хлеб из закромов. Западные славяне рассказывают, что *дедко* всю зиму сидит заключенный в житнице и поедает сделанные запасы. Как существа стихийные, являющиеся в бурных грозах и дождевых ливнях, житные духи смешиваются с духами дикой охоты и неистового воинства...

Иногда кукла, приготовляемая из последнего снопа, представляется *ребенком*. В зрелом колосистом хлебе древний человек видел прекрасное дитя, порожденное плодovитою Землею, дитя, которое в жатвенную пору отделяется от ее материнского лона. Это воззрение очевидно из польского обыкновения кричать тому, кто срезает последние колосья: «Ты отрезал пуповину!» По народной примете, та жница, которая связывала

последний сноп, должна непременно родить в продолжение года.

После представленных нами исследований мы вправе сказать, что духовная сторона человека, мир его убеждений и верований в глубокой древности не были вполне свободным делом, а неизбежно подчинялись материальным условиям, лежавшим столько же в природе окружающих его предметов и явлений, сколько и в звуках родного языка. Слово человеческое, по мнению наших предков, наделено было властительною, чародейною и творческою силою; и предки были правы, признавая за ним такое могущество, хотя и не понимали, в чем именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не может заставить светить солнце или падать дождь, как верили язычники; но если не внешнею природою, зато оно овладело внутренним миром человека и там заявило свое чарующее влияние, создавая небывалые отношения и образы и заставляя младенческие племена на них основывать свои нравственные и религиозные убеждения. Часто из одного метафорического выражения, как из зерна, возникает целый ряд примет, верований и обрядов, опутывающих жизнь человеческую тяжелыми цепями, и много-много нужно было усилий, смелости, энергии, чтобы разорвать эту невидимую сеть предрассудков и взглянуть на божий мир светлыми очами!

КОММЕНТАРИИ

При подготовке текста к печати были опущены многочисленные библиографические примечания, сокращен и иноязычный текстовой материал, в основном иллюстрирующий этимологические разыскания Афанасьева и представляющий интерес для специалистов. Сокращения везде обозначены отточиями. Однако составителем сохранены те авторские подстрочные сноски, которые дополняют или уточняют повествование.

Встречающиеся в тексте даты приводятся по старому стилю, а географические названия соответствуют тому административному делению, которое существовало ко времени создания труда Афанасьева.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам языка, индивидуальные же особенности стиля ученого, как правило, сохраняются.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА, МЕТОД И СРЕДСТВА ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

¹ *Аргус* — в греческой мифологии многоглазый великан-сторож. Часть глаз его бодрствовала даже во время сна.

² *Перунова колесница* — в славянской мифологии Перун — главный бог, божество дождя, грома и молнии. Согласно древним мифологическим представлениям, Перун разъезжал по небу на огненной колеснице (в христианской религии место его занял Илья-пророк).

³ *Феб* (букв. — лучезарный) — в греческой мифологии второе имя бога Аполлона (см. ниже).

⁴ *Гелиос* — в греческой мифологии бог солнца. Изображался едущим на колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней.

⁵ *Бэкон* Фрэнсис (1561—1626) — английский философ-материалист и естествоиспытатель. Лорд-канцлер при короле Якове I. Автор «Новой Атлантиды», «Нового Органона» и других сочинений, направленных против господствовавшей в то время схоластики и богословия.

⁶ О мифологических теориях до Гриммов см.: Нетушил И. Мифологические теории//Мирный труд.— 1902.— Кн. II.— С. 155—178.

⁷ *О́дин* — в скандинавской мифологии верховный бог, глава небесного пантеона богов. В древнейшие времена — бог ветра и бури, создатель Вселенной, богов и людей, позднее — бог войны, мореплавания и торговли.

⁸ *Норны* — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении.

⁹ *Музы* — в греческой мифологии богини поэзии, искусств и наук, дочери Зевса и Мнемозины. Их имена: Каллиопа, Клио, Мельпомена, Евтерпа, Эрато, Терпсихора, Талия, Полигимния, Урания. Местом пребывания муз считались горы Парнас и Геликон. Предводителем их был Аполлон.

¹⁰ *Мюллер* Макс (1823—1900) — английский филолог-востоковед, специалист по общему языкознанию, индологии и мифологии. Автор так называемой солярной теории происхождения мифов, согласно которой в основе древних мифологических представлений лежало обожествление солнца. Оказал известное влияние на развитие мифологической теории в России.

¹¹ *Пикте* Адольф (1799—1875) — швейцарский ученый, основоположник лингвистической палеонтологии. В своих работах на основании истории языков пытался

воссоздать древний быт и культуру индоевропейцев.

¹² *Санскрит* — древнейший письменный язык Индии. На нем написаны художественные, религиозные и философские произведения, оказавшие большое влияние на развитие мировой культуры.

¹³ *Веды* (букв. — знания) — древнейшие памятники индийской литературы, относящиеся к концу II тысячелетия — 1-й половине I тысячелетия до н. э. В четырех книгах «Вед», содержащих гимны, молитвы, заклинания и жертвенные формулы, были изложены основы древнейшей религии Индии — ведизма.

¹⁴ *Шива, Вишну* — в индуистской мифологии сначала второстепенные боги, позднее — верховные божества ведического пантеона. *Магадева* Махадева (букв. «великий бог») — одна из восьми ипостасей Шивы.

¹⁵ *Пураны* — памятники древнеиндийской литературы, священные книги индуизма. По содержанию и форме близки древнеиндийскому эпосу.

¹⁶ *Теогония* — совокупность древнейших представлений о происхождении богов и Вселенной.

¹⁷ *Гезиод* (Гесиод) — древнегреческий поэт, живший в VIII—VII вв. до н. э.

¹⁸ Впервые на значение областных слов для исторического изучения народной поэзии обратил внимание Ф. И. Буслаев. См. его рец.: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. Спб., 1852//Отечественные записки. — 1852. — Т. LXXXV. — Ноябрь. — Отд. V. — С. 1—54. Под заглавием «Областные видоизменения русской народности (По поводу «Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением имп. Академии наук. Спб., 1852»)» опубликована в кн.: Б у с л а е в Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Т. I. Русская народная поэзия. — Спб., 1861. — С. 151—208.

¹⁹ *Вилы* — в славянской мифологии женские духи. Представляются прекрасными женщинами, живущими в воде, на горах и в облаках. Подобно русалкам, привлекают путников и губят их.

²⁰ *Друиды* — жрецы у древних кельтов. Ведали жертвоприношениями, были врачами, учителями, прорицателями.

²¹ *Коляда* — цикл народных рождественских праздников (с вечера 24 декабря по 6 января), обрядов и песен (колядок), а в образе ряженого — участник этих праздников и обрядов.

²² *Стих о Голубиной книге* — памятник устного народного творчества, в котором содержатся сведения о происхождении мира, природы, человека, различных вещей и т. п. Сведения эти излагаются в форме вопросов царя Волота Волотовича (Волотомона Волотомановича) и ответов на них царя Давида. О популярности стиха (о его названии до сих пор нет единого мнения) свидетельствует тот факт, что он дошел до нас более чем в 20 вариантах.

²³ Речь идет о статье Ф. И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки (Дополнения к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи». М., 1848)» в книге «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым». (Кн. I, половина 2.— М., 1854.— Отд. IV.— С. 1—176. Под заглавием «Русский быт и пословицы» опубликована в кн.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства.— Т. I. Русская народная поэзия.— Спб., 1861.— С. 78—136.

²⁴ *Кирилл Туровский* (ок. 1130-х гг.— не позднее 1182) — церковный деятель и писатель Древней Руси, епископ г. Турова.

²⁵ *Григорий Назианский* (или Богослов) (ок. 329—

ок. 389) — видный церковный деятель, константинопольский патриарх. Активно выступал против еретических движений, способствовал укреплению догматики христианской церкви.

²⁶ *Иоанн Предтеча* — один из последних пророков, предшественник Иисуса Христа. Согласно библейской легенде, казнен за обличение незаконной связи галилейского царя Ирода и танцовщицы Иродиады. День его памяти отмечается 29 августа.

²⁷ *Святая неделя* — первая неделя после пасхи. Пасха — главный христианский праздник. Связан с мифом о страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа. В православном календаре не имеет постоянной даты и отмечается в первое воскресенье после весеннего равноденствия (примерно с 22 марта по 25 апреля).

²⁸ *Вайсгант* (точнее — Вайжгонтас) — в литовской мифологии божество льна.

²⁹ Имеется в виду статья Я. Гримма «О финском эпосе» // Журнал Министерства народного просвещения. — 1846. — Ч. XLIX. — Янв. — Отд. 2. — С. 142—190.

³⁰ *Индра* — в древнеиндийской мифологии бог грома и молнии, глава богов. Самый популярный мифологический персонаж «Вед».

³¹ *Тор* — в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, защитник богов и людей от великанов и чудовищ. Изображался с молотом в руках.

³² *Вафтруднир* — в скандинавской мифологии великан, один из персонажей «Старшей Эдды».

³³ Подробнее об этом см. в статье Ф. И. Буслаева «Волот Волотович» // Б у с л а е в Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Т. I. Русская народная поэзия. — Спб., 1861. — С. 455—463.

¹ *Геркулес* (греч. Геракл) — герой греческой мифологии, сын Зевса и смертной женщины Алкмены. Совершил двенадцать подвигов. Здесь имеется в виду миф, согласно которому ревнивая Гера, жена Зевса, послала в колыбель Геракла двух страшных змей. Геракл задушил их.

² *Брама* (Брахма) — один из высших богов в индуизме, творец Вселенной и всех живых существ. Обычно изображается с четырьмя ликами, обращенными на четыре стороны, четырехруким, восседающим на лебеде.

³ *Нестор* (год рожд. неизв. — ум. после 1113) — древнерусский историк и писатель, монах Киево-Печерского монастыря. Был одним из составителей «Повести временных лет» — выдающегося памятника древнерусской литературы.

⁴ Афанасьев цитирует «Слово в новую неделю на Пасце» Кирилла Туровского. См.: Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. — М., 1821. — С. 19.

⁵ *Гримм Якоб* (1785—1863) и его брат Вильгельм (1786—1859) — немецкие филологи, основатели т. н. мифологической школы в фольклористике. Известны как издатели произведений средневековой немецкой литературы и сборника «Детские и семейные сказки» (т. 1—2, 1812—1814), переведенного на многие языки мира, в том числе и на русский.

⁶ *Никон* (светское имя — Никита Минов; 1605—1681) — церковно-политический деятель, патриарх русской церкви. С его именем связано проведение церковной реформы (исправление богослужебных книг по греческим образцам), которая привела к расколу в

церкви. Пытался противопоставить власть патриарха церковной власти, но потерпел поражение и церковным собором 1666—1667 гг. был лишен сана и приговорен к ссылке.

⁷ *Гумбольдт* Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859) — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник. Среди его многочисленных научных работ особое место занимает многотомный труд «Космос», в котором предпринята попытка представить полный свод знаний о Вселенной и Земле. Это исследование получило широкое распространение далеко за пределами Германии.

⁸ *Аполлон* — в греческой мифологии один из важнейших олимпийских богов, сын Зевса и богини Лето. Его почитали как охранителя дорог, путников и мореходов. Аполлон был также божеством солнечного света и искусства. Изображался с луком в руках или играющим на кифаре.

⁹ *Артемиды* — в греческой мифологии богиня охоты, покровительница животных, позднее — богиня Луны и покровительница женского целомудрия.

¹⁰ *Каринтия* — историческая область в Европе, в бассейне реки Драва, с конца VI в. заселенная словенцами. С начала XI в. герцогство, с 1335 г. владение Габсбургов. В настоящее время отдельные части Каринтии входят в состав Австрии, Югославии и Италии.

¹¹ *Дафна* — в греческой мифологии нимфа, дочь речного бога Пеней. Согласно мифу, спасаясь от преследований Аполлона, Дафна обратилась к богам за помощью, и те превратили ее в вечнозеленое лавровое дерево.

¹² *Студенец* — колодец, родник.

¹³ *Мономах* Владимир Всеволодович (1053—1125) — великий киевский князь, государственный деятель и

писатель. Прозвание получил по своей матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Выступал за прекращение княжеских междоусобиц. Совершил ряд победоносных походов против половцев. Ему принадлежит «Поучение», обращенное к детям — наследникам государственной власти. Это выдающееся произведение древнерусской литературы дошло до нас в составе Лаврентьевской летописи.

¹⁴ *Краледворская рукопись* — под таким названием известен сборник стихотворных произведений о героическом прошлом чешского народа. Опубликована в 1819 г. чешским ученым В. Ганкой и выдана за оригинальный памятник древнечешской поэзии. В течение полувека Краледворская рукопись являлась важным источником при изучении славянских древностей. Подложность ее окончательно была доказана в 80-е гг. XIX в.

¹⁵ *Гельмольд* (ок. 1125— после 1177) — средневековый немецкий историк, автор «Хроники славян» (впервые издана в 1556 г.), в которой содержатся важные историко-этнографические сведения о полабских славянах.

¹⁶ *Ригведа* — наиболее древняя книга «Вед», содержащая религиозные гимны. Является ценным источником для изучения древнеиндийской литературы, истории и мифологии.

¹⁷ *Наливайко* Северин (?— 1597) — предводитель народного восстания на Украине и в Белоруссии 1594—1596 гг. против польско-шляхетского гнета. Восстание явилось важным этапом в борьбе за воссоединение Украины с Россией. К образу Наливайко обращались в своем творчестве Т. Г. Шевченко и К. Ф. Рылеев. Он стал и героем украинских народных дум.

СТИХИЯ СВЕТА
В ЕЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

¹ *Ормузд* — в древнеиранской мифологии верховное божество, творец Вселенной.

² *Демииург* — творец Вселенной, создатель богов, мировой души и бессмертной части человеческой души. Впервые как бог — творец мира Демииург выступает в сочинениях Платона.

³ *Персей* — один из героев греческой мифологии, сын Зевса и аргосской царевны Данаи. Совершил ряд подвигов (отрубил голову Медузе, освободил Андромеду от морского чудовища и др.), считался основателем Микен.

⁴ *Гермес* — в греческой мифологии вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших в Аид. В римской мифологии почитался под именем Меркурия — покровителя торговли.

⁵ *Тифон* — в греческой мифологии чудовищный сын Геи и Тартара, наделенный сотней змеиных голов; олицетворение подземных сил земли и вулканического огня.

⁶ *Иванов день* — по церковному календарю день Иоанна Крестителя, праздновался 24 июня. В языческие времена в ночь с 23 на 24 июня отмечался праздник Купалы, культ которого впоследствии слился с культом Иоанна Крестителя.

⁷ «*Старшая Эдда*» — памятник древнеисландской эпической поэзии, сложившийся в IX—XII вв. и содержащий мифологические песни о подвигах и приключениях богов и героев.

⁸ *Олимп* — в греческой мифологии священная гора в Фессалии, на которой обитали боги, символ верховной власти богов.

⁹ *Медуза* — в греческой мифологии одна из Горгон, среди которых была смертной. Согласно одному из

мифов, Персей отрубил ей голову, и из ее крови родился Пегас — крылатый конь, образ которого стал символом поэтического вдохновения.

¹⁰ *Горгоны* — в греческой мифологии женщины-чудовища, превращающие своим взором все живое в камень. Имели золотые крылья и железные когти, на головах у них вместо волос извивались змеи.

¹¹ *Афина Паллада* — в греческой мифологии богиня войны и победы, а также богиня мудрости, искусств и ремесел, дочь Зевса. В Афинах ей был посвящен храм Парфенон.

¹² *Геспериды* — в греческой мифологии нимфы, хранительницы яблони с золотыми плодами, которую Гера получила в подарок от Геи в день своей свадьбы с Зевсом.

¹³ *Васильев день* (у авт. Васильев вечер) по христианскому календарю отмечался 1 января. В народе говорили: «Году начало, зимы середина».

¹⁴ *Вергилий* Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт. Автор эпикурейских стихов и поэмы «Энеида», которая, по его замыслу, должна была стать римской параллелью к «Илиаде» и «Одиссее».

¹⁵ *Укко* — в прибалтийско-финской мифологии верховный бог, громовержец.

¹⁶ *Иосиф Волоцкий* (до пострижения в монахи — Санин Иван; 1439—1515) — русский церковный деятель и писатель-публицист, основатель Иосифо-Волоколамского монастыря (1479). Выступал поборником союза церкви и сильной великокняжеской власти. Автор книги «Просветитель», направленной против еретиков.

¹⁷ *Архиепископ* — духовный сан, одна из высших ступеней в христианской церковной иерархии (выше епископа).

¹⁸ *Паисиевский сборник* — под таким названием известен рукописный сборник XIV в. Кирилло-Бело-

зерского монастыря, сохранивший ряд произведений древнерусской книжности, в частности «Слово» св. Григория о культах языческих божеств на Руси.

¹⁹ *Законы XII таблиц* — древнейший памятник римского права (середина V в. до н. э.). Назван так потому, что законы были вырезаны на двенадцати досках («таблицах»).

²⁰ *Пролог* — древнерусский сборник, содержащий произведения церковно-учительного характера, преимущественно жития святых. Переведен с греческого не позднее XII в. и затем дополнялся рассказами и житиями русских святых.

²¹ *Ипатьевская летопись* — один из древнейших памятников южнорусского летописания. Начинается с «Повести временных лет» и доводит описания событий до 1292 г. Название получила по местонахождению одного из ее списков в Ипатьевском монастыре (Кострома).

²² *Шафарик* Павел Иосеф (1795—1861) — словацкий и чешский ученый, впервые применивший сравнительно-исторический метод к изучению культуры славянских народов. Его исследования «Славянские древности», «Славянская этнография» и др. оказали влияние на развитие славяноведения в России.

²³ Афанасьев имеет в виду работу Ф. И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию» (М., 1848).

²⁴ *Малала* Иоанн (ок. 491—578) — византийский историк, автор знаменитой хроники, излагающей события от легендарной истории египтян до 563 г. К хронике Малалы как к источнику по всемирной истории неоднократно обращались древнерусские летописцы.

²⁵ *Светлое воскресенье* — пасха.

СОЛНЦЕ И БОГИНЯ
ВЕСЕННИХ ГРОЗ

¹ *Швабия* — герцогство в средневековой Германии, затем область в юго-западной Германии.

² *День св. Вита* отмечался 15 июня. Вит — один из проповедников и чудотворцев, пострадавших во время гонения на христиан при римском императоре Диоклетиане (240—316).

³ *Фут* — единица длины русской системы мер, равная 0,3048 м.

⁴ *Мозель* — река, протекающая во Франции, Люксембурге и ФРГ, левый приток Рейна. Такое же название имеет и один из департаментов Франции.

⁵ *Хоругане* — старинное название словенцев, проживающих в Югославии.

⁶ *Сарторий* — по-видимому, речь идет о немецком историке и богослове Сарториусе Эрнсте-Вильгельме-Христиане (1797—1859).

⁷ *Кокошник* — старинный русский головной убор замужних женщин.

⁸ *Повет* — административный округ старинной Польши. В западных губерниях России до 1831 г. поветами назывались уезды.

⁹ *Троицын день* — христианский праздник, по православному календарю отмечается на 50-й день после пасхи.

¹⁰ *Прометей* — в греческой мифологии один из титанов, богоборец. Согласно мифу, похитил с Олимпа огонь и передал его людям, за что был прикован к скале на Кавказе. Прилетавший орел ежедневно склевывал его печень, которая за ночь отрастала вновь. Освободил Прометея Геракл.

¹¹ Здесь имеется в виду византийский император Лев VI Мудрый, наследовавший престол в 886 г. В его царствование киевский князь Олег осаждал Константи-

нополь, после чего был заключен мирный договор (907 г.). Факт установления праздника Покрова Львом VI до сих пор не получил подтверждения.

¹² *Царьград* — древнерусское название Константинополя (Стамбула).

¹³ *Сарацины* — так древние греки называли жителей западной и южной Аравии. В средние века это название было распространено на всех арабов, а во время крестовых походов — на все народы, исповедующие ислам.

¹⁴ *Илья-пророк*, согласно легенде, жил в царствование израильского царя Ахава (876—854), был ревностным поборником иудейской религии и обличителем идолопоклонства. Совершил ряд чудес и был взят живым на небо. В христианской религии на него перенесены черты бога-громовника. Православная церковь чтит его память 20 июля.

¹⁵ *Синописис* («Киевский синописис») — очерк истории России с древнейших времен до последней четверти XVII в. Написан в Киево-Печерской лавре и впервые издан в 1674 г. До начала XIX в. использовался в качестве официального учебника.

¹⁶ *Густинская* (Густынская) летопись представляет собой компиляцию, основанную на Ипатьевской летописи и доведенную до XVI в.

¹⁷ *Тор* — один из главных богов скандинавской мифологии.

¹⁸ По православному календарю отмечают: благовещение — 25 марта, усение богородицы — 15 августа, Ильин день — 20 июля, усекновение главы Иоанна Предтечи — 29 августа, воздвижение — 14 сентября, покров — 1 октября, введение во храм пресв. богородицы — 21 ноября, рождество — 25 декабря, крещение — 6 января. Воскресение Христово не имеет постоянного числа и отмечается в разные даты.

¹⁹ *Вага* — место, где находилось управление Важской областью, ныне г. Шенкурск Архангельской области.

²⁰ Великий пост начинался в понедельник после масленицы и продолжался до пасхи в течение семи недель.

²¹ *Алтын* — старинная русская монета, с середины XV в. равнялась 6 московским деньгам, с XVI в. — 3 копейкам (отсюда пятиалтынный — 15 коп.).

²² *Деньга* — русская серебряная монета XIV—XVIII вв. Первоначально соответствовала одной сотой московского рубля, впоследствии содержание серебра в ней неоднократно снижалось.

²³ *Патриарх* — высший духовный титул в православной церкви.

²⁴ *Епископ* — высший духовный сан в православной, католической и англиканской церквях.

²⁵ *Стоглав* — сборник постановлений церковного собора 1551 г. Разделялся на 100 глав, отсюда и получил свое название.

²⁶ *Минеи Четьи* — средневековые сборники, содержащие жития святых и предназначавшиеся для чтения на каждый день. Произведения в этих сборниках располагались по месяцам в соответствии с днями чествования каждого святого.

²⁷ *Волос* (Велес) — в славянской мифологии покровитель домашних животных и бог богатства.

²⁸ *Кичка* — старинный праздничный головной убор замужних женщин.

²⁹ *Веста* — в римской мифологии богиня домашнего очага и огня. 9 июня в ее честь устраивались празднества — весталии.

³⁰ Имеется в виду сборник «Великорусские сказки» (вып. 1—3, 1860—1862), изданный Иваном Александровичем Худяковым (1842—1876) — русским фольклористом, этнографом и революционером.

¹ *Вулкан* — в римской мифологии бог огня, покровитель кузнечного дела.

² *Юпитер* — в римской мифологии бог неба, дождя, грома и молнии. Позднее — покровитель Римского государства.

³ *Донар* — в германской мифологии бог-громовник.

⁴ *«Кормчая»* («Кормчая книга») — сборник церковных законов. «Кормчие», появившиеся на Руси с принятием христианства, восходят к византийским образцам — так называемым Номоканонам, составленным в VI в. Впервые были изданы в России в 1650 г.

⁵ *«Домострой»* — памятник древнерусской литературы, содержащий свод правил религиозного, общественного и семейно-бытового поведения. Составлен в 1-й половине XVI в. неизвестным автором. Одна из редакций «Домостроя» была обработана Сильвестром Медведевым (1641—1691) — писателем, общественным и церковным деятелем.

⁶ *...сразиться на аер...* — на воздухе (лат.).

⁷ *Глоссы* — у греков и римлян слова, нуждающиеся в объяснении. В средние века глоссами стали называть комментарии к редким или иноязычным словам, а их собрания — глоссариями.

⁸ *«Беседа трех святителей»* — древнерусское апокрифическое сочинение, восходящее к греческому или болгарскому оригиналу. По форме и содержанию представляет собой беседу известных в то время церковных деятелей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста на темы священного писания, устройства мира и т. п. Апокрифы, или «отреченные книги» — произведения религиозного характера, не признанные церковью и изъятые из церковного употребления.

⁹ *Хорс* — в славянской мифологии бог солнца, один из главных языческих богов.

¹⁰ *Погодинское древлехранилище* — собрание рукописей и предметов материальной культуры, принадлежавшее Михаилу Петровичу Погодину (1800—1875) — русскому историку, писателю и журналисту, академику Петербургской Академии наук. Еще при жизни владельца было приобретено имп. Публичной библиотекой (ныне Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

¹¹ *Стрийковский* (Стрыйковский) Мацей (1547—после 1582) — польский историк. Автор обширной хроники, в которой излагается история польского, литовского и русского народов с древнейших времен до 1581 г. Опубликована на польском языке в 1582 г. в Кенигсберге.

¹² *Песня о Любушином суде* известна как Зеленогорская рукопись, якобы найденная В. Ганкой около местечка Непомуке на Зеленой горе и выданная им за оригинальный памятник древнечешской поэзии. Подложность ее была доказана в 80-е гг. XIX в. Любуша (Либуша) — легендарная правительница чешского народа.

¹³ *Аланы* — ираноязычные племена, выделившиеся в последнем веке до н. э. из сарматского населения Прикаспия, Дона и Предкавказья. После татаро-монгольского нашествия ушли в Закавказье, где ассимилировались с местным населением.

¹⁴ *Марцеллин* Аммиан (330—400) — римский историк. Автор сочинения «История римского государства в 96—352 гг.» в 31 книге, из которых первые тринадцать до нас не дошли. Содержащиеся в этом произведении исторические сведения о разных странах и народах имеют большую научную ценность.

¹⁵ *Марс* — в римской мифологии бог войны. Вна-

чале почитался как божество весны, урожая. Его именем назван первый день римского календаря — март.

¹⁶ *Паллада* — см. выше Афина Паллада.

¹⁷ «Слово о великом князе Димитрии Ивановиче» («Задонщина») — памятник древнерусской литературы, посвященный Куликовской битве (1380). Написано в 80—90 гг. XIV в. и дошло до нас в шести списках.

¹⁸ *Срезневский* Измаил Иванович (1812—1880) — русский ученый-славист, академик Петербургской Академии наук. Автор многочисленных трудов по истории русского языка, палеографии, мифологии и народной поэзии. Большое научное значение имеют его «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1—3. М., 1958). Статья «Об обожании солнца у древних славян» была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1846.— Ч. LI.— Июль.— Отд. II.— С. 36—60).

¹⁹ *Язон* (Ясон) — в греческой мифологии один из героев, предводитель аргонавтов, плававших в Колхиду за золотым руном.

²⁰ *Гефест* — в греческой мифологии бог огня и кузнечного дела.

²¹ *Мимир* — в скандинавской мифологии таинственный хозяин источника мудрости, находившегося у корней мирового дерева.

²² *Лезо* — лезвие.

²³ «Сказание о Мамаевом побоище» — памятник древнерусской литературы, дающий подробное описание Куликовской битвы 1380 г. Созданное в 1-й четверти XV в., «Сказание» дошло до нас в многочисленных списках. Принадлежит к лучшим образцам воинских повестей Древней Руси.

²⁴ *Варуна* — в древнеиндийской мифологии бог, связанный с космическими водами, охранитель истины

и справедливости, один из величайших богов ведийского пантеона.

²⁵ *Мирошники* — мельники.

²⁶ *Заутреня* — богослужение (литургия) в православной церкви, совершаемое утром.

²⁷ *Иоакимовская летопись* — названа так по имени предполагаемого составителя летописи Иоакима, епископа новгородского (ум. в 1030 г.). Впервые обнаружена и описана Василием Никитичем Татищевым (1686—1750) — русским историком и государственным деятелем.

²⁸ «*Записки о Южной Руси*» — произведение украинского писателя, ученого и переводчика Пантелеймона Александровича Кулиша (1819—1897), вышедшее в двух частях в 1856—1857 гг. и содержащее весьма ценные фольклорно-этнографические материалы.

²⁹ *Великий день* — т. е. пасха.

³⁰ *Вритра* — в древнеиндийской мифологии демон, противник Индры.

³¹ *Орфей* — в греческой мифологии певец и музыкант.

³² *Нимфы* — в греческой мифологии женские божества природы, ее живительных и плодоносных сил.

³³ *Овидий* Паблий Овидий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт, автор элегических стихотворений и поэмы «Метаморфозы», содержащей большое количество мифологических сказаний о превращениях людей в животных, растения и т. п.

³⁴ *Наяда* — в греческой мифологии нимфа, жившая в материковых водах — ручьях и родниках.

³⁵ *Пан* — в греческой мифологии первоначально божество стад, лесов и полей, покровитель пастухов и охотников, позднее — покровитель всей природы. Изображался получеловеком, полукозлом.

³⁶ *Сатиры* — в греческой мифологии лесные бо-

жества, демоны плодородия. Вместе с нимфами составляли свиту Диониса. Изображались в виде полулюдей.

³⁷ *Борей* — в греческой мифологии бог северного ветра.

³⁸ *Орейтия* — в греческой мифологии супруга Борея.

³⁹ *Оберпфальц* — округ в Баварии.

⁴⁰ *Ирод I Великий* (ок. 73—4 до н. э.) — правитель Галилеи, потом был провозглашен римским сенатом царем Иудеи. Жестоко подавлял народные движения. В христианской мифологии ему приписывается приказание уничтожить всех младенцев при известии о рождении Христа («избиение младенцев»).

⁴¹ *Мазовецкое поверье*, т. е. поверье, бытовавшее в Мозовецкой губернии Царства Польского. Мозовецкая губерния, образованная в 1815 г., была упразднена в 1844 г. и вошла в состав Варшавской и Ломжинской губерний.

⁴² *Крейцер* — немецкая монета, названная так по изображенному на одной из ее сторон кресту. Чеканка прекратилась в 1893 г.

⁴³ *Письмо Мономаха к Олегу* (черниговский князь Олег Святославич). В нем Владимир Мономах просит вернуть жену своего сына Изяслава, убитого Олегом. Письмо входит в состав его знаменитого «Поучения» детям.

⁴⁴ *Скопцы* — члены религиозной секты, возникшей в России в конце XVIII в. По их представлениям, единственным условием «спасения» души является «борьба с плотью» путем оскотления (кастрации). *Хлысты* — члены другой религиозной секты, возникшей в XVII в. Отвергая церковные книги и обряды, они признают возможность прямого общения человека с богом. Молитвенные собрания скопцов и хлыстов происходят в форме

радений, во время которых молитвы сопровождаются исступленными плясками.

⁴⁵ *Квакеры* — члены религиозной христианской общины, основанной в XVII в. в Англии. Основу их вероучения составляет идея непосредственного общения человека с богом.

⁴⁶ *Дервиши* (букв. — бедняки, нищие) — мусульманские мистики, разделяющие идею личного общения человека с богом. Их моления нередко сопровождаются ритуальными танцами.

⁴⁷ *Шаманы* — служители особого религиозного культа, способные приводить себя в состояние экстаза и якобы общаться с духами.

⁴⁸ *Феофилакт Симокатта* — византийский историк 1-й половины VII в. Известен своей «Историей», содержащей ценные сведения о славяно-аварских войнах с Византией в конце VI в.

⁴⁹ *Тиун* — в Древней Руси княжеские и боярские слуги, управлявшие феодальным хозяйством.

⁵⁰ *Олеарий Эльшлегер Адам* (1603—1671) — немецкий ученый и путешественник. Служил придворным математиком и библиотекарем у герцога Гольштейнского. Дважды посетил Россию и в 1647 г. опубликовал на немецком языке «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», в котором привел обширный материал по истории, географии и этнографии России. Русский перевод был осуществлен в 1869—1870 гг.

⁵¹ *Братчина* — древний обычай отмечать в складчину особо чтимые праздники.

⁵² *Святославов Изборник 1073 года* — один из ранних памятников древнерусской литературы. Составлен в IX в. для болгарского царя Симеона и в 1073 г. переписан для князя Святослава Ярославича. Содержит церковные сочинения, статьи по логике и поэтике, притчи и загадки.

⁵³ *Ириса* — в греческой мифологии посланница богов; олицетворяла собой радугу.

⁵⁴ *Девкалионов потоп*. Девкалион — в греческой мифологии прародитель людей. Когда разгневанный на людей Зевс решил уничтожить их и наслал на землю потоп, Девкалион и его жена Пирра спаслись в большом ящике (ковчеге).

⁵⁵ *Стикс* — в греческой мифологии одна из рек в царстве мертвых и ее божество. Вода Стикса считалась ядовитой.

⁵⁶ *Берында* Памво (до пострижения в монахи — Павел; 50—70-е гг. XVI в. — 1632) — украинский печатник, лексикограф и поэт. Автор словаря «Лексикон славяноросский и имен толкование» (Киев, 1627), стихов панегирического и духовного содержания.

⁵⁷ *Зизаний* (Тустановский) Лаврентий (ум. после 1633 г.) — украинский и белорусский просветитель. Автор «Грамматики словенской...» (1596) и приложенного к ней словаря «Лексис сиречь речения вкратце собранные и из славянского языка на простой русский диалект истолкованы».

⁵⁸ *Лавровский* Петр Алексеевич (1827—1886) — русский лингвист, член-корреспондент Академии наук. Афанасьев цитирует его статью «Исследование о мифических верованиях у славян в «облако» и «дождь» в связи с другими подобными же верованиями у древних родственных народов»//Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук.— Кн. VII.— Вып. 2.— Спб., 1863.— С. 1—42.

⁵⁹ *Киприда* — в греческой мифологии одно из культовых прозвищ Афродиты.

ЖИВАЯ ВОДА И ВЕЩЕЕ СЛОВО

¹ *Хмельницкий* Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657) — украинский государственный дея-

тель, гетман Украины. Возглавил освободительную борьбу украинского народа 1648—1654 гг., а после решения русского правительства о воссоединении Украины с Россией возглавил Переяславскую раду (1654), подтвердившую этот исторический акт.

² *Ганимед* — в греческой мифологии сын дарданского царя Троя. Из-за своей необыкновенной красоты был похищен богами и на Олимпе стал виночерпием Зевса.

³ *Персефена* — в греческой мифологии богиня царства мертвых.

⁴ *Семела* — в греческой мифологии фиванская царица, мать Диониса.

⁵ *Ледвея* — чресло, утроба, поясница.

⁶ *Главк* — в греческой мифологии сын критского царя Миноса и Пасифии. Ребенком, гоняясь за мышью, попал в бочку с медом и утонул. Оживлен прорицателем Полиидом с помощью целебной травы.

⁷ Приведенный здесь материал подробно рассмотрен в капитальном труде Я. Гримма «Немецкая мифология» (1835). Афанасьев интерпретирует его в духе своей мифологической теории.

⁸ *Нептун* — в римской мифологии бог морей.

⁹ *Киево-Печерский патерик* — сборник рассказов о монахах Киево-Печерского монастыря, созданный в 20-е гг. XIII в. Некоторые сюжеты и образы его восходят к византийским источникам. Впервые опубликован в 1661 г.

¹⁰ *Скальды* — норвежские и исландские певцы и поэты IX—XIII вв. Их произведения, сохранившиеся в «Младшей Эдде» и сагах, являются важным историческим источником.

¹¹ *Мантра* — молитвенная формула или заклинание у индусов. Древнейшие мантры встречаются в «Ведах».

¹² *Требник* — богослужебная книга, содержащая

в себе требы — священнодействия и молитвословия.

¹³ *«Младшая Эдда»* — произведение исландского писателя Снорри Стурлусона, написанное в 1222—1225 гг. и содержащее обзор древнейших мифов. Она включает в себя также поэтические обозначения (фигуры), проиллюстрированные стихами скальдов, и поэму Снорри Стурлусона с прозаическими комментариями.

ВОДА

¹ *Даниил Заточник* — древнерусский писатель, предполагаемый автор «Моления Даниила Заточника» — памятника древнерусской литературы XIII в.

² *Начальный летописец* — т. е. Нестор, один из составителей «Повести временных лет».

³ *«Правило» митрополита Кирилла*. Кирилл — холмский епископ, утвержденный в 1250 г. киево-владимирским митрополитом. Под его именем известны 12 правил о церковных делах и исправлении духовенства, принятых на Владимирском соборе в 1274 г. Одно из них было обнаружено в древней «Кормчей книге» Николаем Михайловичем Карамзиным (1766—1826) — русским писателем и историком.

⁴ *Хронограф* — памятник древнерусской литературы, содержащий изложение основных этапов всемирной истории. Включал в себя также сведения литературного и географического характера. Впервые хронографы появились на Руси в начале XVI в. и дошли до нас во множестве списков и редакций.

⁵ *Гальета* — небольшое судно.

⁶ ...с библейским сказанием о фараоновом воинстве... — Имеется в виду мифическая история «исхода» евреев из Египта по дну Красного (Черного) моря, описанная в Библии. В честь этого события отмечается иудейская пасха.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

¹ *...установив церковную пасхалию на восьмое тысячелетие...*— Пасхалия — сборник правил, определяющих день празднования пасхи в каждом году. Летосчисление в Древней Руси велось от сотворения мира, происшедшего якобы за 5508 лет до н. э.

² *Бабак* — сурок.

³ *Иды* — в древнеримском календаре названия 15-го дня в марте, мае, июле, октябре и 13-го дня в остальных месяцах. Они были посвящены Юпитеру, которому в тот день приносили жертвы.

СОДЕРЖАНИЕ

Научный подвиг А. Н. Афанасьева. <i>А. И. Баландин</i>	5
Происхождение мифа, метод и средства его изучения	39
Свет и тьма	93
Стихия света в ее поэтических представлениях . .	140
Солнце и богиня весенних гроз	188
Гроза, ветры и радуга	220
Живая вода и вещее слово	314
Вода	355
Народные праздники	421
Комментарии	486

Афанасьев А. Н.

Ж66 Живая вода и вещее слово/Сост.,
вступит. ст., коммент. А. И. Баланди-
на.— М.: Сов. Россия, 1988.— 512 с.—
(Худож. и публицист. б-ка атеиста).

Книга содержит избранные статьи по фольклору и ми-
фологии А. Н. Афанасьева — одного из крупнейших историков
и фольклористов XIX века.

Работы ученого, прослеживающие возникновение и исто-
рическое развитие древнейших мифов и языческих верований,
их отражение в языке и народном творчестве, представляют
значительный интерес для самого широкого круга читателей.

Ж 4702010100—104 КБ—51—60—1987
М-105(03)88

2

ISBN 5—268—00848—x

Александр Николаевич Афанасьев
ЖИВАЯ ВОДА И ВЕЩЕЕ СЛОВО

Редактор **М. И. Лаптева**
Художественный редактор **И. И. Рыбченко**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры **Л. В. Конкина, Е. С. Куштаева,**
М. Е. Анарцева, А. З. Лазуткина

ИБ № 5528

Сдано в набор 24.11.87. Подп. в печать 26.07.88. Формат 70×90/32.
Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 18,72. Усл. кр.-отт. 19,01. Уч.-изд. л. 19,91. Тираж
100 000 экз. Заказ № 414. Цена 1 р. 70 к. Изд. инд. НА-55.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного коми-
тета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

1р. 20 к.

А.Н. АФАНАСЬЕВ

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ